Ф. Г. САФРОНОВ

РУССКИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ В XVII-СЕРЕДИНЕ XIX В.

Ф. Г. САФРОНОВ

РУССКИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ

В XVII — СЕРЕДИНЕ XIX В.

УПРАВЛЕНИЕ, СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ, КРЕСТЬЯНЕ, ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1978

В монографии показана деятельность русского населения по освоению Якутии, Охотского побережья, Камчатки, Чукотки, Курильских, Командорских и Алеутских островов в феодальный период истории России. Показаны история возникновения и становления системы государственного управления северо-востока Азии в составе феодального Российского государства, степень и значение деятельности той или иной прослойки русского населения за два с половиной столетия. На основе широкого круга источников рассмотрена деятельность служилых людей, распространение русскими крестьянами земледелия, роль городов в развитии экономики и культуры края.

Ответственный редактор

Н. П. ЕГУНОВ

С $\frac{10603-145}{042(02)-78}$ БЗ—17—27—1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Г. Ф. Сафронова о русских на северо-востоке Азии посвящена истории освоения русскими Крайнего Севера Азии. Она основана на многолетнем исследовательском поиске в архивах и обширном литературном наследстве поколений исследователей. В ней идет речь о событиях, протекавших на протяжении трех веков, начиная с XVII столетия и кончая серединой XIX в.

О событиях, протекавших на столь же широком территориальном пространстве: Якутии, Охотском побережье, Камчатке и Чукотке.

Такой широкомасштабный обзор позволил вскрыть и обстоятельно показать читателю основные черты исторического процесса, протекавшего здесь, увидеть главную закономерность — неразрывную связь даже самых отдаленных областей Севера с центром, с метрополией, с Русью. Эта главная закономерность, как справедливо пишет автор книги, нашла выражение прежде всего в том историческом повороте в судьбах Сибири, который произошел «в связи с общением местного аборигенного населения с русским и другими народами нашей страны».

Он прав и тогда, когда говорит, что в центре событий, происходивших на северо-востоке Азии в указанных хронологических пределах, оказались простые труженики, русские крестьяне, промышленники, охотники. История жизни, быта и деятельности русских на севере Азии рассматривается в книге с последовательно марксистских, ленинских методологических позиций. Под классовым углом зрения. И, конечно же, оче-

видно, ясно и неопровержимо главное: прогрессивный в целом в результате присоединения Северной Азии процесс освоения северных пространств, распространения более высокой, европейской культуры, ход приобщения к ней многочисленных, широко рассеянных и изолированных тысячелетиями народностей и племен. Тем самым мы имеем возможность заполнить исторически сложившиеся определенные пробелы в историографии Севера.

Внимание исследователей, естественно, больше всего привлекали исторические судьбы, языки и культуры северных аборигенных народов. Примером тому, помимо множества интересных и ценных частных исследований в этой области, могут служить и такие капитальные труды, как работы академиков Радлова и Бетлингка по якутскому языку, труды историка Токарева и других по якутам, монографии этнографов Серошевского по якутам, Иохельсона по юкагирам, Богораза по чукчам, Шренка и Штернберга по народам Амура.

Но русские на северо-востоке Азии впервые показываются в книге Сафронова так обстоятельно, в таком широком историческом плане. Замечательно также и то, что как эта книга, так и другие труды того же автора по русской Сибири, русскому ее населению, принадлежат перу представителя одной из тех народностей, которые вот уже три века живут рядом с русскими, бок о бок с ними на земле Якутии.

Академик А. П. Окладников

ВВЕДЕНИЕ

В этой работе рассматривается деятельность русского населения на территории Якутии, Охотского побережья, Чукотки и Камчатки со времени их присоединения к России до установления здесь капиталистической общественной формации. Целесообразность изучения столь обширной территории как единого целого не вызывает сомнения. Дело не только в том, что она представляет собой единое целое как северо-восточная часть Азиатского материка. Важнее другое. Население этого региона — тунгусы (эвенки), ламуты (эвены), юкагиры, чукчи, коряки и ительмены — к моменту прихода русских имело много общего. Оно находилось примерно на одинаковом уровне политического, социально-экономического и культурного развития, все еще жило в условиях первобытнообщинного строя. Его занятия составляли рыболовство, охота, оленеводство и собаководство. Якуты-скотоводы представляли собой некоторое исключение, поскольку у них уже образовалось классовое общество, однако сохранилось множество пережитков первобытнообщинного строя. Судьба всех этих народов довольно долго оставалась общей и после их присоединения к России.

До 1731 г. все Охотское побережье и Камчатка входили в состав Якутской административной единицы и, таким образом. народы этих районов вместе с народами Якутии подчинялись общей администрации, находившейся в Якутске, бывшем в то время административным центром всего северо-востока Азии. Отсюда и общая политика, одинаково распространявшаяся на народы этих окраин, политика, сохранявшаяся в таком виде и после отделения Тихоокеанского побережья от Якутии. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение. Политика русского правительства на чрезвычайно медленно развивавшейся далекой окраине, с тех пор как эта окраина вошла в состав Российского государства, определяла в какой-то мере многие стороны ее дальнейшего социально-экономического и культурного развития. Она сыграла не последнюю роль в том историческом повороте, который произошел в связи с общением местного аборигенного населения с русским и другими народами нашей страны.

Однако наша работа посвящена истории не аборигенного населения, сравнительно хорошо разработанной. Ее предметом, как мы уже сказали, является исследование деятельности русского населения, оказавшегося с XVII в. в центре событий, происходивших на северо-востоке Азии. Хотя служилая часть этого населения волей-неволей выступала в качестве проводника политики царского правительства, выражавшего интересы феодалов-крепостников, русское население объективно внесло, несмотря на своекорыстную политику царизма, большой вклад в развитие производительных сил, экономики и культуры огромного края. Степень и значение этого вклада зависели от того, к какому классу принадлежала та или иная прослойка этого населения.

Эти объективные процессы и предопределили структуру монографии. Она посвящена изучению более чем двухвековой деятельности служилых людей, государственных крестьян и городского населения, изучению процесса распространения на северо-восток Азии политического и социально-экономического правопорядка метрополии в его многочисленных аспектах, процесса возникновения и развития городской жизни, ремесла, торговли, земледелия и внутренних транспортных связей, в совокупности приведших к постепенному превращению северо-востока Азии в органическую часть России.

Постановка такой многоплановой проблемы в исторической литературе предпринимается впервые. Наши предшественники историю северо-востока Азии изучали по этногеографическим районам. Исключением является работа И. С. Гурвича, посвященная этнической истории северо-востока Сибири [1]. В монографическом плане особенно интенсивно изучалась история народов Якутии. Вышли капитальные работы по истории Чукотки, Камчатки и Охотского побережья. Пишутся труды по истории коряков. Все это естественно, поскольку монографическое изучение истории стран и народов по исторически сложившимся этнографическим зонам является закономерностью развития самой исторической науки. До сих пор эта общеисторическая методика проникновения в сущность общественных явлений хорошо себя оправдывает. Пример тому — опыт работы историков северо-востока Азии. Они изучили историю народов данного района по зонам с древнейших времен до наших дней. Это помогло им выяснить роль населяющих его коренных народов в первичном освоении сурового края, значение охоты и рыболовства, оленеводства и скотоводства в этом освоении, выявить вклад этих народов в мировое культурное творчество человечества, их роль в мировом историческом процессе вообще.

Вместе с тем история русского населения изучалась слабо. И непреднамеренно. Причина тому — логика научного мышления, следующая, как правило, за объективным ходом исторического

---

[1] *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.

процесса. По этой причине работ по истории русского населения северо-востока Азии все еще мало. Сводных работ, которые бы показали во всем объеме роль русского народа в этом регионе, вовсе нет. Нет даже по такой крупной этногеографической зоне, как Якутия, не говоря уже о Чукотке, Охотском побережье и Камчатке. В то же время уже издан ряд работ сводного характера, в совокупности хорошо раскрывающих роль русского населения в истории Западной Сибири в XVII—XVIII вв.[2]

Наш труд, состоящий из четырех глав, посвящен раскрытию роли русского населения в истории северо-востока Азии.

В первой главе изучена система местного управления в Якутии, на Чукотке, Камчатке и Охотском побережье с XVII до середины XIX в. Возникновение и функционирование уездного управления, переход к системе областного и губернского управлений, распространение административных реформ Сперанского и дальнейшие изменения в местном управлении до начала второй половины XIX в. прослеживаются в прямой связи с изменениями в центральном и сибирском управлении. Одновременно внимательно изучено часто менявшееся административное деление. Эти вопросы, имеющие важное, а в некоторых случаях даже определяющее значение для понимания многих социальных процессов, все еще не привлекли серьезного внимания специалистов. Мы можем указать лишь на несколько работ, в которых в какой-то мере затрагиваются отдельные вопросы этой проблемы. С. В. Бахрушин в книге «Якутия в XVII веке» исследовал деятельность местных органов власти Якутии в XVII в., уделив особое внимание воеводскому управлению [3]. В. Н. Иванову принадлежит статья, посвященная образованию Якутского уезда в первой половине XVII в.[4] Отдельные вопросы управления в северо-восточной Азии в XVIII в. рассматриваются в работах Л. С. Рафиенко [5].

То же можно сказать и о служилых людях. Этой большой прослойке русского населения, сыгравшего значительную роль в освоении северо-востока Азии, посвящена вторая глава книги. Вопрос этот специально не изучался. В работах дореволюционных авторов и советских исследователей при описании событий, связанных с присоединением края к России, попутно сообщалось о походах казачьих отрядов и деятельности служилых людей по

---

[2] *Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964; *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965.

[3] *Бахрушин С. В.* Воеводское управление Якутии.— В кн.: Якутия в XVII веке. Очерки. Якутск, 1953.

[4] *Иванов В. Н.* Образование Якутского уезда.— В кн.: Якутский архив, вып. 2. Якутск, 1964.

[5] *Рафиенко Л. С.* Управление Сибирью в 20—80-е годы XVIII в. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; *Она же.* Посадские сходы в Сибири XVIII в.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974.

сбору ясака. Но последние часто рассматривались лишь как проводники политики царского правительства, а поэтому много писалось об их злоупотреблениях и насилиях. Как на специальную работу можно было бы сослаться на статью М. Матюнина, однако в ней содержатся сведения преимущественно по организационному устройству казаков и состоянию Якутского казачьего полка во второй половине XIX в.[6] Службе Якутского гарнизона в XVII в. посвящен раздел в книге «Якутия в XVII веке», написанный С. В. Бахрушиным[7]. Деятельность служилого населения рассматривалась также в главах второго тома «Истории Якутской АССР» и некоторых статьях[8]. Однако все это фрагментарно, в пределах, допустимых в работах обобщающего характера. Что же касается деятельности служилых людей на Чукотке, Камчатке и Охотском побережье, то мы не можем назвать ни одной работы, специально посвященной этому сюжету. В силу этих обстоятельств вторую главу своей книги мы склонны рассматривать как первое в исторической литературе специальное исследование. В ней подробно освещаются все аспекты проблемы, а именно: численность служилых людей на всей территории северо-востока Азии с XVII по середину XIX в., их состав, устройство, жалованье и положение. Много внимания уделено деятельности служилых людей, значению ее в освоении края.

Гораздо лучше обстоит дело с историографией крестьянства, внесшего наибольший вклад в развитие производительных сил края. Ему посвящена третья глава. Появление крестьян на северо-востоке Азии, возникновение и развитие здесь земледелия стали предметом изучения еще в дореволюционный период. Разные авторы опубликовали ряд статей о развитии хлебопашества и огородничества в Якутии до середины XIX в.[9] В монографии ссыльного народника И. И. Майнова дана историческая справка о за-

---

[6] *Матюнин М.* О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего полка.— Памятная книжка Якутской области на 1871 год. СПб., 1871.

[7] *Бахрушин С. В.* Якутский гарнизон.— В кн.: Якутия в XVII веке.

[8] *Сафронов Ф. Г.* Русское население Якутии в XVII в.; Русское население Якутии в XVIII и первой половине XIX в.— В кн.: История Якутской АССР, т. II. М., 1957, главы III и XIV; *Гурвич И. С.* Русские на северо-востоке Сибири в XVII в.— В кн.: Сибирский этнографический сборник, V. М., 1963.

[9] *Давыдов Д. А.* О начале и развитии хлебопашества в Якутской области.— Записки Сибирского отдела ИРГО (СПб.), 1858, кн. 5; *И-ский.* Возможно ли в Якутской области земледелие как постоянный промысел? — Сибирь, 1881, 9 авг., 13 и 27 сент.; *Иохельсон В.* К вопросу о развитии земледелия в Якутской области.— Памятная книжка Якутской области на 1896 г. (Якутск), 1896, вып. 1; *Бычков А.* Очерки Якутской области. К вопросу о земледелии в Якутской области.— ИВСОРГО (Иркутск), 1902, т. XXXIII, № 1; *Ефремов В.* Культуртрегеры в Сибири.— Восточное обозрение, 1902, 27 окт., 12 и 27 ноября, 18 дек.; 1903, 11 янв., 11 февр.; *Он же.* Вилюйские крестьяне. Странички из истории колонизации Сибири.— В кн.: Сибирский вестник. Иркутск, 1904.

селении Якутии русскими крестьянами [10]. Однако много больше сделано за советский период, когда исследование проблемы было проведено с принципиально новой точки зрения и когда был опубликован ряд ценных монографий. Важный вклад внесен В. И. Шунковым, написавшим содержательный очерк о ленской пашне в XVII в.[11] Историей освоения Якутии крестьянами занимались и мы. В итоге опубликован ряд книг и статей [12]. Изучались и попытки сельскохозяйственного освоения Охотско-Камчатского края. Я. Забела и Г. Голенищев уже в первой половине XIX в. опубликовали заметки об опытах земледелия на Камчатке [13]. В середине XIX в. вышла ценная статья И. Булычева об опытах хлебопашества и огородничества на Камчатке в XVIII — первой половине XIX в.[14] Эти же вопросы затрагивались и в некоторых общих работах, посвященных истории Охотско-Камчатского края [15]. В советское время некоторые данные об опытах хлебопашества во времена пребывания Беринга и Крашенинникова на Камчатке привел в своей работе Л. С. Берг [16]. Написаны специальные работы и нами [17]. Так что третья глава, написанная в

---

[10] *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.

[11] *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956.

[12] *Сафронов Ф. Г.* Крестьянская пашня.— В кн.: Якутия в XVII веке; *Он же.* Ерофей Хабаров — зачинатель земледелия на Лене.— Ученые зап. Якутского гос. пед. ин-та, 1955, вып. 4; *Он же.* Попытки земледельческого освоения Алдано-Майского района в XIX в.— Ученые зап. Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР (Якутск), 1955, вып. 2; *Он же.* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск, 1956; *Он же.* Техника земледелия ленско-илимских и ангарских крестьян в XVII в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3. М., 1959; *Он же.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961; *Он же.* Землепользование ленских и илимских крестьян в XVII—XVIII вв.— В кн.: Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма, вып. 1. Новосибирск, 1962.

[13] *Забела Я.* Замечания о земледелии в Камчатке.— Московский телеграф, 1832, № 19; *Голенищев Г.* Меры к распространению земледелия на Камчатке.— ЖМВД, 1832, ч. 6, № 1.

[14] *Булычев И.* Об опытах земледелия на Камчатке.— Вестник ИРГО, 1853, кн. 4, ч. 8.

[15] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949; *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952; *Щукин Н.* Удское селение.— ЖМВД, 1848, ч. 22; *Свербеев Н.* Сибирские письма.— Вестник ИРГО, 1853, кн. 4, ч. 8; *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1. СПб., 1856; *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири, ч. I. СПб., 1860; *Головнин В. М.* Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 г. СПб., 1869. *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели. Хабаровск, 1899; *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902; *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг.— Избранные соч., т. VI. М.— Л., 1950.

[16] *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742). М.— Л., 1946.

[17] *Сафронов Ф. Г.* Попытки продвижения границы сибирского земледелия

основном по данным архивных документов, опирается также и на солидную литературоведческую базу. В этой главе подробно освещается большой круг вопросов, а именно: процесс крестьянского заселения бассейна средней Лены, берегов Вилюя и Маи, Охотского побережья и Камчатки; формирование крестьянства; наделение крестьян земельными участками; землепользование; посевы и урожаи; система и техника земледелия, хлебоснабжение края.

Предмет четвертой главы — городское население и его роль в экономическом и культурном развитии северо-востока Азии. В главе исследуются возникновение городов, их рост до середины XIX в. Особое внимание уделено истории Якутска, Охотска и Петропавловска, как областных центров. Специально рассмотрена история окружных центров: Олекминска, Вилюйска, Верхоянска, Среднеколымска и Гижигинска. Показаны занятия и условия жизни горожан, развитие ремесла и торговли в городах, распространение в них просвещения и грамотности, пребывание здесь политических ссыльных и их деятельность. Эти вопросы изучались слабо. В дореволюционной литературе имеется всего лишь три статьи по истории г. Якутска [18] и две — о начале построения Гижигинска [19]. Можно отметить также книгу Н. В. Султанова, в которой описываются остатки старинного Якутского острога [20].

В советский период этим вопросам уделено больше внимания. В 1950 г. опубликована брошюра О. В. Ионовой на якутском языке, посвященная некоторым вопросам истории Якутска [21]. Более обстоятельно история этого города изучена в нашей книге [22]. История Охотска дана в работе А. И. Алексеева [23]. Сведения о численности и социальном составе населения Якутска и Охотска в XVIII в. приведены в работах О. Н. Вилкова [24], В. М. Кабузана и С. М. Троицкого [25]. Опубликовано две брошюры по обороне

до берегов Тихого океана в XVIII в.— Известия ВГО (Л.), 1954, т. 86; *Он же.* Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958.

[18] *Полонский А.* Охотск.— Отечественные записки. 1860, т. LXX, отд. VIII; Охотск (по запискам Г. Савина 1846 г.).— Записки гидрографического департамента Морского ведомства (СПб.), 1850, ч. IX; *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 11, 12.

[19] *Шаховский А.* О начале построения Гижигинской крепости.— Вестник Европы, 1818, ч. CLII, № 21; *Он же.* Известия о Гижигинской крепости.— Северный архив (СПб.), 1822, № 22.

[20] *Султанов Н. В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. СПб., 1907.

[21] *Ионова О. В.* Якутский куорат. Якутск, 1950.

[22] *Сафронов Ф. Г.* Город Якутск в XVII— начале XIX в. Якутск, 1957.

[23] *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.

[24] *Вилков О. Н.* К истории Якутска и Охотска в XVIII в.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974.

Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав городского населения Сибири в 40—80-х годах XVIII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма, вып. 3. Новосибирск, 1968.

Петропавловска в годы Крымской войны [26]. В очерках о культуре русского населения Сибири XVII — XVIII вв. А. Н. Копылова имеются материалы о школьном образовании в Якутске, Охотске и на Камчатке [27]. По истории же окружных городов работ нет.

Вопросы, затронутые в нашей монографии, интересовали и отдельных зарубежных ученых. Отметим некоторые из их работ.

Канадский историк Джеймс Гибсон написал книгу о снабжении Охотско-Камчатского края в XVII — середине XIX в.[28] Он использовал все доступные ему дореволюционные русские издания и около ста советских работ. Им привлечены также материалы ЦГАДА, ЦГИА СССР, Архива Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Автор правомерно считает, что проблема снабжения продовольствием наложила глубокий отпечаток на освоение Дальнего Востока. В связи с этим он подробно рассматривает проблемы не только транспорта, но и попытку сельскохозяйственного освоения Охотско-Камчатского края.

Американский историк Марк Раев опубликовал работу, посвященную реформам Сперанского в Сибири в 1822 г.[29] С рядом положений, выдвигаемых этим автором, можно не согласиться. Однако в отличие от многих буржуазных ученых он отметил, что присоединение Сибири, в частности северо-востока Азии, к России не было таким драматичным, как события, последовавшие после испанских и португальских морских открытий. С другой стороны, этот автор пытается обосновать мысль, что обширная Сибирь в результате многолетнего пребывания в составе России стала ее органической частью и была избавлена от угрозы иноземной агрессии. Следует отметить и его тезис о том, что, хотя взаимоотношения русских и местных жителей не везде были дружественны, все же «существовали значительные пространства, где преобладали взаимопонимание и взаимодействие» [30].

Все эти положения резко порывают с высказываниями реакционных буржуазных историков, отрицавших положительные последствия присоединения Сибири к России [31].

Широкое использование отечественной литературы и опубликованных источников — задача, которую мы преследовали с самого начала. Однако все же в основе нашей работы лежат первич-

---

[26] *Сергеев И. А.* Оборона Петропавловска-на-Камчатке. М., 1954; *Степанов А.* Петропавловская оборона (1853—1856 годы). Хабаровск, 1940.

[27] *Копылов А. Н.* Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968.

[28] *Gibson J. R.* Feeding the Russian fur trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka Peninsula. 1639—1856. Madison, Milwaukee and London, 1969.

[29] *Raeff M.* Siberia and the Reforms of 1822. Seattle. University of Washington Press, 1956.

[30] Там же, p. 14, 15, 17, 133.

[31] См.: *Golder F. A.* Russian Expansion on the Pacific. 1641—1850. Gloucester, 1960, p. 266; *Hölzle E.* Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der russischen Freiheitsidee.— Saeculum (München), 1954, Bd 4, Heft 4, S. 421—430.

ные документы, хранящиеся в архивах страны. Важнейшее значение имели документы Центрального государственного архива Якутской АССР — одного из крупнейших архивов страны. Из него мы использовали документы 29 фондов, распадающихся на три большие группы: 1) фонды областных учреждений (Якутской воеводской и провинциальной канцелярий, Якутского коменданта, Якутского областного правления); 2) фонды окружных учреждений (окружных частных комиссаров, окружных управлений, окружных земских судов, уездных судов); 3) фонды учреждений низового административного звена (крестьянских обществ, сельских управлений, старост крестьян трактов, Якутского Спасского монастыря). Они в совокупности дают огромный материал по различным аспектам истории Якутии, главным образом второй половины XVIII — первой половины XIX в. Есть в них данные и по истории освоения Охотско-Камчатского края. Интересный рукописный материал по некоторым вопросам имеется и в архиве Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР.

Исследователи истории северо-востока Азии не могут обойтись без использования документов из некоторых других сибирских архивов, в первую очередь Центрального государственного архива РСФСР по Дальнему Востоку в г. Тобольске. Здесь хранятся дела Камчатского и Охотского приморского управлений, канцелярий Охотского порта, Охотского коменданта, Охотского нижнего земского суда и прочих учреждений областного масштаба, дела гижигинских городничих и исправников, Охотского мещанского общества и т. д. Нами использованы документы 12 фондов, главным образом первой половины XIX в. Известное значение в нашей работе имели документы пяти фондов Государственного архива Иркутской области: Илимской воеводской канцелярии, Киренской воеводской канцелярии, Киренского уездного и земского судов, Киренского уездного полицейского управления. В них хранятся дела Витимской волости XVIII — XIX вв. и документы по устройству и эксплуатации Иркутско-Якутского тракта.

Из центральных хранилищ наиболее важными для нашей работы оказались Центральный государственный архив древних актов в Москве и архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук. В первом архиве имеется огромный материал по XVII в. в фондах Сибирского приказа и Якутской приказной избы. XVIII в. представлен в фондах Миллера, Сибирского приказа, Сибирского приказа и Управления Сибирью, Якутской воеводской канцелярии и др. Во втором архиве хранится огромное количество дел Якутской воеводской избы XVII в. Отдельные материалы по XVIII в. можно найти в фондах Архива Академии наук СССР в Ленинграде, в фонде Эрмитажного собрания отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. По XIX в. ценный материал почерпнут из фондов Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде (фонды Первого и Второго Сибирского комитетов, Де-

партамента земледелия), Архива Академии наук СССР (фонды Музея антропологии и этнографии, И. Редовского, Л. Левенталя, И. Майнова), из рукописного собрания библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

Многочисленность фондов, часть которых содержит многие тысячи единиц хранения, разнохарактерность дел, относящихся почти к двухсотпятидесятилетней истории большого края, не дают возможности более детального их источниковедческого анализа. Это заняло бы много места.

При подготовке рукописи к печати автор воспользовался советами научных сотрудников Института истории СССР АН СССР Ш. Ф. Мухамедьярова, Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР Б. П. Полевого, Института истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР О. Н. Вилкова и А. Н. Копылова. Вместе с тем на всех этапах сбора материала и написания работы большая помощь автору была оказана его супругой, преподавателем Якутского университета Т. А. Белозеровой.

Глава первая

СЕВЕРО-ВОСТОК АЗИИ В СОСТАВЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ И ПОРЯДКИ УПРАВЛЕНИЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УЕЗДНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Включение северо-востока Азии в состав России повлекло за собой распространение на этой территории государственного правопорядка, прежде всего в области административного управления. Как известно, до 1708 г. Россия подразделялась на уезды. Поэтому по мере распространения русской власти уезды образовывались на территории Сибири.

Соответственно постепенно уездное управление возникло и к востоку от Енисея. Вначале обширный Ленский край входил в состав Енисейского уезда. Ленским острогом управляли приказные, поочередно направлявшиеся воеводами этого уезда. Однако вскоре выявились недостатки такого порядка управления. Енисейские приказные не имели должной власти и авторитета. Отряды казаков, присылавшиеся из Тобольска, Томска, Енисейска и Мангазеи, часто не признавали их власти, действовали по своему разумению, иногда допускали невероятный произвол, вступали между собой в вооруженные столкновения. Ввиду несогласованности их действий местное население вынуждено было зачастую платить двойной и тройной ясак, что порождало в его среде «смуту великую». Словом, создавалась обстановка анархии и произвола.

Между тем предстояло закрепить присоединенные земли и обеспечить дальнейшее проникновение русского влияния на север и восток вплоть до Ледовитого и Тихого океанов, приступить к планомерной эксплуатации их несметных пушно-меховых богатств. Поэтому соответствующие ведомства московского правительства в 1633—1638 гг. довольно обстоятельно изучали вопрос о наведении надлежащего порядка в управлении этими окраинами. Они собирали сведения от тобольских, енисейских и мангазейских воевод, расспрашивали и рядовых служилых людей, побывавших на Лене. В итоге в 1638 г. было принято решение об образовании самостоятельного Якутского уезда, подчиненного непосредственно Москве — Сибирскому приказу. 6 августа того же года была составлена наказная память первым воеводам — П. П. Головину и М. Б. Глебову. Однако уездная администрация

начала свою деятельность лишь с 18 июля 1641 г.— со дня прибытия в Ленский острог.[1]

Границы уезда были установлены приблизительно. В наказе Сибирского приказа, данном Головину и Глебову в 1638 г., писалось: «быти всем рекам, кои впали в Лену, под Ленским новым острожком»[2]. Такая неопределенность явилась следствием незнания конкретных данных о территории Ленского края. Однако с приездом воевод вопрос прояснился. В пределы уезда попадал весь бассейн одной из величайших рек мира, охватывая, кроме того, и всю систему р. Илим, впадающей в Верхнюю Тунгуску. Затем граница проходила по водоразделу рек Енисея и Лены, включая и верховья Вилюя. Постепенно установилась и граница на севере, востоке и юге. В связи с дальнейшим распространением русской власти уже к концу 1640-х годов она проходила по естественным рубежам — побережью Северного Ледовитого и Тихого океанов и Становому хребту. В конце XVII и начале XVIII в. в состав уезда вошел и весь Камчатский полуостров. В результате границы уезда вышли далеко за пределы Ленского края и собственно Якутии, объединив громадную территорию всего северо-востока Азии. В огромном Московском царстве не было ни одного уезда, который по своей обширности хотя бы отдаленно приближался к территории Якутского уезда. Последующие изменения границ мало изменили положение.

В 1648 г. верховья Лены, Ленский волок и бассейн р. Илим были выделены в самостоятельный Илимский уезд. На целесообразность такого выделения указывали еще в 1642 г. П. П. Головин и М. Б. Глебов. Они писали, что по р. Илим, на Ленском волоке и в верховьях Лены «во многих местах пашенные угожие места есть многие и только для всякого строю надобно на Ленском волоку воевода, потому что Ленский волок от Якутского и от Енисейского острогов удалел». Но Сибирский приказ не торопился с решением этого вопроса. Поэтому прибывшие в Москву в 1648 г. якутские служилые люди во главе с письменным головой Еналеем Бахтеяровым снова подняли вопрос и подтвердили, что «на Ленском волоку для всякого строю надобно воевода, потому что выше и ниже Ленского волоку строятца в пашню ссыльные черкасы и русские люди, а строить их некому, что Ленский волок от Якутского удален». Они же говорили и о затруднениях при отправке в Москву ясачной пушнины: меха, собранные на Ленском волоке и в верховьях Лены, отправляют в Якутск, там они лежат всю зиму и на другое лето вместе со всей ленской соболиной казной снова возвращаются на Ленский волок и только потом их посылают в Москву. «И в том государево соболиной мяхкой рухледи збору Ленского волоку в отпуске к государю к

---

[1] *Иванов В. Н.* Образование Якутского уезда.— В кн.: Якутский архив, вып. 2. Якутск, 1964, с. 69—82.
[2] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, л. 37.

Москве бывает большое мотчанье». И только после этого в том же году Московское правительство направило в Илимский острог первого воеводу — Тимофея Шушерина [3].

Начиная с этого времени юго-западная граница Якутского уезда проходила по Чечуйскому волоку (ниже Киренского острога на Лене). Однако со временем преемники П. П. Головина и М. Б. Глебова вследствие систематической недосылки хлебных запасов из Енисейского и Илимского уездов стали ходатайствовать об обратной передаче хлебородных волостей верховьев Лены в ведение Якутского уезда. В 1652—1653 гг. воевода М. С. Лодыженский и дьяк Ф. Тонков просили передать Якутску район р. Киренги, мотивируя это тем, что «Якуцкого острогу воеводы и дьяки по вся годы ездят мимо тех заимок (т. е. киренских) и на тех заимках бывают и дозирать будет им тех заимок мочно, а илимским воеводам за дальним расстоянием будет не мочно» [4]. Но ходатайства подобного рода долго не принимались во внимание. И только в 1680 г. в результате острой нужды в хлебе для обеспечения служилого населения, согласно царскому указу, семь верхнеленских волостей — Бирюльская, Тутурская, Илгинская, Орленская, Усть-Кутская, Криволукская и Верхнекиренская — с 1681 г. были переданы в ведение якутских воевод [5]. Однако в 1698 г. все они были обратно отписаны к Илимскому уезду. Потом почти тут же произошло новое изменение. Часть Усть-Кутской, Криволукская, Верхнекиренская и Нижнекиренская волости в 1699 г. опять отошли к Якутскому уезду и, таким образом, его юго-западная граница стала проходить по р. Куте в верховьях Лены. Так продолжалось до 27 февраля 1704 г., когда эти волости снова были возвращены Илимску [6].

Одновременно с установлением границ уезда происходило внутреннее его районирование, разумеется, по образцу внутриуездного подразделения, сложившегося в самой России и в Сибири, но с учетом удобства сбора ясака и потому менее последовательно. Центральная Якутия, в которой проживала основная часть якутов, была разбита на районы, названные волостями. Они соответствовали местам проживания якутских родов и племен. Волости сложились постепенно, по мере выявления неясачных людей и мест их обитания. Начали они возникать уже в 1632 г., и к началу 1640-х годов их стало 36. Эти волости без изменения существовали до начала второго десятилетия XVIII в. Зимовий и острожков в них не было, поэтому население их было обязано привозить ясак в Якутский острог [7]. На всей остальной

[3] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 306, л. 104—107.
[4] Там же, стб. 344, л. 205.
[5] Там же, стб. 1545, л. 8; стб. 1589, л. 250; Як. прик. изба, ф. 1177/2, стб. 11, л. 124—125; ДАИ, т. VIII, с. 231—232.
[6] ЦГАДА, Сиб. прик., кн. 1344, л. 239—240; *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, с. 32.
[7] История Якутской АССР, т. II. М., 1957, с. 60—61; *Романов Н. С.* Ясак в Якутии в XVIII веке. Якутск, 1956, с. 29.

огромной территории рассматриваемого региона волости созданы не были. Население, проживавшее здесь, по мере включения в состав России приписывалось к соответствующим укрепленным пунктам — ясачным зимовьям, острожкам и острогам,— куда посылались казаки во главе с приказными. Годы основания таких пунктов точно установить иногда очень трудно, порой вовсе невозможно. Трудно установить и первоначальное их местонахождение, поскольку оно нередко менялось. Менялись и названия их. Были также зимовья, существовавшие короткое время. Служилые люди старались ставить укрепленные пункты не где попало, а там, куда «прилегли места угожие», т. е. в центре проживания населения, имевшем рыбные ловли и звериные угодья. Поэтому казакам приходилось иногда переходить с места на место и переносить зимовья и острожки и заодно менять и их названия.

Жители бассейна Вилюя были приписаны к трем зимовьям: Нижневилюйскому, Средневилюйскому и Верхневилюйскому. Первое было основано примерно в 1636 г. на расстоянии двухдневного перехода от устья Вилюя. Затем его перенесли к самому устью этой реки. В начале XVIII в. оно располагалось на левом берегу р. Лунгхи, близ ее устья. Это зимовье часто называлось Усть-Вилюйским. Второе зимовье находилось в устье р. Танары, в 35 км ниже современного с. Средневилюйска (Хампа). Поэтому оно нередко называлось и Танарейским. Ему предшествовало зимовье у Красного Яра, освованное в 1635 г. Воином Шаховым и возобновленное после сожжения его тунгусами в 1636 г. под названием Вакутского зимовья. Оно находилось в урочище «Кысыл Сыыр», примерно в 20 км от современного сел. Хампа. Третье зимовье восходит к зимовью в устье р. Туканки (современная Тюкян), на левом берегу Вилюя, основанному в 1634 г. Затем оно было перенесено на то место, где сейчас стоит Верхневилюйск, на 45 км ниже по Вилюю от устья Тюкяна [8].

В бассейне р. Олекмы были основаны Олекминский острожек, Чаринское и Патомское зимовья. Б. О. Долгих установил, что первое ясачное зимовье было поставлено еще в 1633 г. енисейским сыном боярским Иваном Козьминым на Лене, близ устья Олекмы. Потом в 1635 г. П. Бекетов вместо простого зимовья поставил укрепленный пункт — Олекминский острожек. Чаринское зимовье поставлено в 1648 г. на р. Чаре, в устье Кемы, а Патомское — около 1677 г. Кроме того, в 1650—1654 гг. существовало Тунгирское зимовье в верховьях Олекмы, в устье Дыралды. Оно было упразднено в связи с тем, что немногочисленные тунгусы, с которых собирался ясак, разбрелись [9]. Значи-

---

[8] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 456, 462, 470; Река Тюкян — левый проток р. Вилюя, а не правый, как пишет Б. О. Долгих.

[9] Там же, с. 480—482; Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864, с. 116.

тельно выше Олекминска по Лене находился Чечуйский острог — пункт сбора ясака с прилегающего тунгусского населения верховьев Лены.

На Алдане в 1634 г. было основано Усть-Камнунское зимовье. Б. О. Долгих пишет, что оно находилось в устье р. Хандуги (Хандыга, Хандума), которая, согласно старым географическим картам, впадала в Алдан справа между устьями Амги и Тукулана. По его мнению, эта река в XVII в. называлась Камнуной. Однако эти утверждения неверны. Усть-Камнунское зимовье в действительности находилось много выше, в устье речки Хампы, впадающей в р. Алдан справа, немного выше устья р. Маи. В XVII в. эту речку русские казаки называли «рекой Камнуной». Бутальский острог был основан томским атаманом Д. Копыловым в 1638 г. примерно в 100 верстах выше впадения Маи в Алдан на земле, заселенной эвенкийским родом буталов (бутан, бута). К концу XVII в. этот острог превратился в обычное зимовье. Третье зимовье на Алдане — Тонторское — было основано в 1662 г. в устье р. Тонторы, которая ныне называется Тимптон. К концу XVII в. оно именовалось Учурским зимовьем.

На Мае вначале было два зимовья: Среднемайское и Верхнемайское. Первое было основано в 1644 г. и находилось где-то выше устья Аима. Второе было основано в том же году «под Ламским волоком», т. е. там, откуда начинался волок для перехода в систему р. Ульи, по которой попадали в Охотское море,— вероятно, у устья речки Нудыми при впадении ее в Маю. В 1670 или 1671 г. оба эти зимовья были объединены в одно Майское[10].

В низовьях Лены имелось два зимовья — Жиганское и Столбовское. Жиганское зимовье было поставлено в 1632 г. казаками Алексеем Архиповым и Лукой Яковлевым из отряда П. Бекетова. Вначале оно находилось ниже современного Жиганска — «на Красном песку». Жиганск свое название получил от тунгусов-ижиганов (эдигэнов), кочевавших в этом районе. Столбовское зимовье существовало в 1638—1668 гг. Вначале оно стояло на Лене выше устья Муны, позже — у самого устья этого притока Лены.

Тунгусско-якутское население к западу от низовьев Лены было приписано к Оленекскому зимовью, возникшему в 1633 г. Вначале оно находилось на р. Оленьке у устья р. Пирикты (современная Биректа). С 1650 г. его местонахождением стал район устья р. Койконы (Куойки).

На левом берегу р. Яны, против современного Верхоянска, на лугу Боронук в 1638 г. возникло Верхоянское зимовье. В 1639—1641 гг. в устье р. Чендон, впадающей в Ледовитый океан недалеко к востоку от Яны, существовало Чендонское зимовье. В 1642 г. вместо него было основано Нижнеянское зимовье, до

---

[10] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 456, 462, 470; *Полевой Б. П.* Амур — слово московское. В кн.: Амур — река подвигов. Хабаровск, 1971, с. 178; Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 18, стб. 17, л. 1, 7.

1651 г. иногда называвшееся Юкагирским. В 1657—1666 гг. вместо этого зимовья функционировали Омолоевское и Хромовское зимовья в устьях одноименных рек, впадающих в Ледовитый океан. После их ликвидации (по причине неулова рыбы для прокормления служилых людей) Нижнеянское зимовье было восстановлено.

На Индигирке постоянно существовали три зимовья: Нижнеиндигирское (Уяндинское), Среднеиндигирское (Подшиверское) и Верхнеиндигирское (Зашиверское). Кроме них, в 1641—1649 гг. в низовьях Индигирки, на правом берегу, функционировало и временное Олюбенское, иногда называвшееся Бурулгинским по имени юкагирского князца. Нижнеиндигирское зимовье возникло около 1642 г. близ устья р. Уяндины, впадающей слева в Индигирку, но выше Олюбенска. Среднеиндигирское зимовье основано в 1639 г. на среднем течении Индигирки, около впадения в нее р. Сэлэннээх. Верхнеиндигирское зимовье, как показывает и само его название, находилось в верховьях Индигирки. Приблизительная дата его основания 1653 г. К этим зимовьям по местоположению примыкало Алазейское, основанное в 1642 г. на берегу р. Алазеи, вероятно выше среднего ее течения.

Административными центрами Колымского края были Нижнеколымское, Среднеколымское и Верхнеколымское зимовья. Они были поставлены в 1640-х годах. Кроме того, в бассейне Колымы существовало временное ясачное зимовье на среднем течении р. Омолон, где-то в районе устьев обоих Олоев. Оно функционировало в 1684—1692 гг.[11]

Острожки и ясачные зимовья на реках Оленьке, Лене, Яне, Индигирке, Алазее и Колыме, впадающих в море Лаптевых и в Восточно-Сибирское море, являлись опорными пунктами служилых людей для сбора ясака с якутов, тунгусов, ламутов и юкагиров обширной заполярной тундры и лесотундры и политического закрепления территории за русским государством. С той же целью остроги, острожки и ясачные зимовья были поставлены на берегах Берингова и Охотского морей.

На юго-западном берегу Охотского моря, в низовьях р. Тугур, недалеко от устья Амура, существовало в 1652—1657 и 1683—1684 гг. Тугурское зимовье. К северу от него, в нижнем течении р. Уды, находился Удский острог. Время его возникновения точно не установлено: одни исследователи называют 1653 г., другие — 1679. В устье р. Охоты в 1647 г. появился Охотский острог — будущие ворота страны в Тихий океан. В 1648 г. казаки этого острога в Тауйской губе в устье речки Мотыхлей поставили Тауй-

[11] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 282—283, 394—398, 405—410, 424, 443, 450, 453; Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 116; *Полевой Б. П.* Находка челобитья первооткрывателей Колымы.— В кн.: Сибирь периода феодализма, вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 285—291.

ское зимовье. В 1653 г. М. Стадухин заменил это зимовье острогом, просуществовавшим как пункт сбора ясака до 1667 г. В среднем течении р. Пенжины в 1670—1681 гг. функционировало Чендонское зимовье. На левом берегу р. Анадырь, в 10—15 км от современного с. Марково, в 1649 г. Семен Дежнев основал Анадырское зимовье, впоследствии превратившееся в острог. Оно являлось центром сбора ясака от юкагирских племен: анаулов, чуванцев и ходынцев [12].

На Камчатке функционировали четыре острога: Тигильский, Большерецкий, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский. Тигильский острог возник в начале XVIII в. у устья р. Тигиль, на правом ее берегу, в 30 верстах от моря. Большерецк был поставлен в 1705—1706 гг. при приказчике Камчатки пятидесятнике Колесове на Большой реке. Нижнекамчатский острог вырос из маленького зимовья, поставленного в 1700—1701 гг. первым приказчиком полуострова Т. Кобелевым. Впоследствии он неоднократно перестраивался и менял свое местонахождение. Уже в 1704 г. преемник Кобелева М. Зиновьев перенес зимовье на Ключи и обнес его деревянным укреплением. В 1705—1706 гг. Колесов около зимовья «поставил другой острог, мерою кругом 30 сажень, в вышину полтретья сажени». В верховьях Камчатки маленькое зимовье было поставлено, по-видимому, еще В. Атласовым. Т. Кобелев перенес его на берег речки Кали-Кык, за полверсты от его прежнего местонахождения. Колесов в 1705—1706 гг. поставил около этого зимовья острог «козельчатой, мерою вокруг 70 сажень, а вышиною полтретья сажени печатных» [13].

Таким образом, к началу XVIII в. образовалось 36 волостей, 29 постоянно функционировавших периферийных острогов, острожков и ясачных зимовий и 11 временно действовавших, т. е. всего 76 низовых административных единиц. Многие из них занимали огромные площади.

Якутский уезд в силу своей громадной территории, равной чуть ли не половине всей Сибири, занимал особое положение среди других уездов царской России, которых в конце XVII в. было более 140. Кроме того, этот уезд находился в пограничной области. Поэтому он приравнивался к «разряду» и в документах не-

---

[12] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 11, с. 2, 4; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 409, 413, 512—520; *Полевой Б. П.* О происхождении названия «Камчатка».— В кн.: *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967, с. 98—112; Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 116.

[13] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы. СПб., 1869, ч. I, с. 7, 13; *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949, с. 476—477; *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900, с. 18; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов. Л., 1953, с. 33—34.

редко назывался «Ленским разрядом». Дело в том, что в XVII в. в некоторых пограничных районах России, подвергавшихся угрозе со стороны внешних врагов, создавались более крупные военно-административные области (разряды) из нескольких уездов, например Смоленский, Белгородский, Севский разряды. Такие разряды создавались и в Сибири. В 1629 г., например, все 15 уездов Западной Сибири были расписаны в два разряда: Тобольский и Томский. Тобольску подчинялись Тобольский, Верхотурский, Пелымский, Туринский, Тюменский, Тарский, Сургутский, Березовский и Мангазейский уезды, Томску — Томский, Нарымский, Кетский, Енисейский, Красноярский и Кузнецкий уезды. Во второй половине XVII в. образовался Енисейский разряд. Якутский уезд официально не являлся разрядом, так как Якутску, как мы видели, подчинялись не города с воеводами, т. е. уезды, а только острожки и ясачные зимовья, управлявшиеся приказными людьми [14]. Однако в некоторых документах (особенно в ясачных, таможенных, сметных книгах и т. д.) мы часто встречаем выражения, подобные такому: «Якуцкого города Ленского разряду...» Вероятно, здесь учитывалась многочисленность крепостей, острожков и зимовий, расположенных на огромной территории уезда, куда приказные люди посылались по назначению якутских воевод, и последние поэтому как бы приравнивались к разрядным воеводам.

Во главе Якутского уезда, как и повсюду в стране, стояли воеводы. Вначале два раза, ввиду многочисленности их обязанностей и в целях ограничения возможности злоупотреблений с их стороны (в расчете, что они будут наблюдать друг за другом и доносить друг на друга), посылались по два воеводы. Затем эту практику прекратили, так как она приводила к конфликтам, нарушавшим нормальный ход административной жизни, и в Якутск стало приезжать по одному воеводе, если не считать случая, когда в 1694 г. А. М. Арсеньев был официально назначен вторым воеводой вместе с отцом М. А. Арсеньевым [15].

Всего с 1641 по 1701 г. побывало в Якутске около 20 воевод. Большинство из них занимало эту должность три-четыре года, некоторые — по два года, но были и такие, которые находились здесь по шесть-семь лет. Вообще определенного срока службы сибирских воевод до конца XVII в. установлено не было, однако считалось, что они без перемены должны служить «по четыре и по пяти и по шести лет и больше, смотря по человеку». Дольше должен был пребывать на этой должности тот, кто «учнет великих государей дела делать и доходы собирать радетельно сполна». Этот порядок сохранился и в 1695 г., когда 24 апреля этого

---

[14] *Приклонский В. Л.* Летопись Якутского края. Красноярск, 1896, с. 1; Якутия в XVII веке. Очерки. Якутск, 1953, с. 220.
[15] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 1422, л. 313; АИ, т. V, с. 229—242.

года был издан именной указ о порядке службы сибирских воевод[16].

При каждом воеводе состоял дьяк — первый его помощник, назначавшийся в Москве в Сибирском приказе одновременно с воеводой. Он заведовал делопроизводством в приказной избе. При некоторых воеводах, кроме того, бывали и письменные головы, т. е. чиновники по особым поручениям (по одному-два человека), также назначавшиеся в Сибирском приказе. Вначале их использовали в делах, требовавших «письма», например для переписи населения, описания земель, проведения розысков самого различного характера и т. д. Впоследствии они стали исполнять самые различные воеводские поручения. Делопроизводство велось в приказной, или съезжей, избе — канцелярии, которая делилась на столы (отделы): денежный, ясачный, хлебный и разрядный. Последний стол ведал вопросами кадров. В столах работали подьячие (писари), по нескольку человек в каждом. Они назначались и смещались воеводами. В приказной избе имелись один-два толмача (переводчика) для сношения с местным населением, палач и бирич, т. е. глашатай, объявлявший народу распоряжения воевод и дьяков, царские грамоты, памяти из Сибирского приказа и т. д. В распоряжении воевод были тюрьмы. Их службе помогала и церковь.

Функции воевод определялись в наказах, дававшихся в Сибирском приказе каждому вновь назначенному воеводе. Основные обязанности воевод состояли в обороне города и уезда от внешних и внутренних врагов, в сборе ясака «с прибылью», в содействии торгам и промыслам русских людей и контроле в этой области, в развитии местной пашни для снабжения хлебом служилых людей, в борьбе с корчемничеством, курением табака и азартными играми (картами и зернью), в производстве суда и расправы среди русского и местного населения. Словом, воеводы сосредоточивали в своих руках власть военную, гражданскую, судебную и полицейскую. В их ведении было и финансовое управление. Они были полновластными вершителями судеб вверенного им края. Но вся мощь их власти была направлена к достижению одной-единственной цели: «искать государевы прибыли», «искати великим государем во всем прибыли». Воеводские наказы нередко принимали форму очень больших документов. В них говорилось о многих вещах, но вовсе не писалось о развитии производительных сил местного края и культуры коренного населения. Вопросы этого круга не входили в планы правительства. Кажется, в то время правители даже не подозревали о том, что такие вопросы могут быть поставлены. Местное «иноземческое» население, как тогда его называли, рассматривалось только как объект эксплуатации.

---

[16] ППСЗ, т. III, с. 203—204.

Воеводы принадлежали к видным представителям господствующего класса, приезжали в Якутск в чинах стольников, а иногда даже окольничих, стремились здесь своим «радением» в службе заслужить царское пожалование и получить повышение в чине. В то же время среди служилых они являлись первыми взяточниками, вымогателями и казнокрадами. «Новая сибирская земля на великой реке Лене», или, как ее еще называли, «дальняя заочная государева вотчина», была слишком далеко от Москвы и «государевых очей». Из Москвы туда можно было попасть на второй, а то и на третий год. При таких условиях организация действенного контроля за деятельностью воевод была исключена. Проверка же многочисленных жалоб на произвол воевод поручалась их преемникам, тоже приехавшим в расчете на наживу. Поэтому назидания «жить по государеву указу», «расправу чинить в правду и береженье держать», «воров от воровства унимать», содержавшиеся в воеводских наказах, оставались пустыми словами, а перспектива «быть в опале» мало пугала. Некоторые воеводы держали себя словно государи независимого удела и «заводили опришнину». П. П. Головин говорил: «Правда моя в Сибири, что солнце на небесах сияет». Дьяки, как и воеводы, «великого государя казною корыстовались»: присваивали ясачных соболей, вели недозволенный торг с иноземцами, участвовали в разных аферах, занимались корчемством, взяточничеством во всевозможных формах. От всего этого страдало местное население, которому воеводы «чинили налоги и обиды и тесноты великие, имали насильством у них соболи и скот и кони добрые и дочерей их девок» [17]. Распространено было насильственное похолопление из их среды. От насилий воевод много страдало и рядовое русское население: торговые и промышленные люди, казаки. Из источников известно, что служилые люди терпели от воевод «напрасно кнут и огонь и всякий позор и наготу» и справедливо говорили, что «у нас на наших спинах кожи дубленые».

Злоупотребления вели к личному обогащению воевод и дьяков. Награбленное воеводой Д. Францбековым имущество было оценено в 12 742 р. 21 алтын 4 деньги, в том числе меха — в 2123 р.[18] На воеводе И. Голенищеве-Кутузове висел громадный начет в сумме 10 498 р. 21 алтына; на Д. Волконском — 12 413 р. 3 алтына 3 деньги, кроме того, мехов 104 соболя, 174 собольих пупка, 19 красных лисиц, 1 лоскут и 1 соболий хвост [19]. От них мало отставали и другие воеводы.

Воеводский произвол, злоупотребления властью и вымогательства вызывали нередко волнения, «бунты». Про воевод ходили сочинения сатирического содержания. При воеводе Францбекове, например, служилые люди сочинили каламбур: «Был де Головин,

---

[17] *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940, с. 72.
[18] Там же.
[19] Якутия в XVII веке, с. 236.

и то де головнею покатил, а приехал де с товарыщи Василей Пушкин, так де стало пуще, а как Дмитрий Францбеков приехал, так весь мир разбегал».

Воеводы стояли во главе уездной администрации. Им подчинялись, кроме дьяков, подьячих, толмачей, также дети боярские, сотники, атаманы, пятидесятники и десятники, воглавлявшие гарнизоны многочисленных острогов, острожков и ясачных зимовий. Под их началом служили сотни казаков. Эта низовая администрация была обязана беспрекословно подчиняться воеводе, служить честно и оберегать интересы казны. В противном случае, как писалось им в наказах, их ждало «жестокое наказанье». Последнее не было пустой фразой: воеводы обладали огромной властью (вплоть до приговора к смертной казни). Отдаленность острогов и зимовий от Якутска и неимоверно трудная связь из-за бездорожья создавали благоприятные условия для бесконтрольного хозяйничанья в захолустных уголках. Поэтому большинство служилых людей на местах тоже злоупотребляло своим положением.

Нельзя думать, что все это было явлением, распространенным только на северо-востоке Азии. В условиях XVII — начала XVIII в. это было одним из проявлений системы феодальной эксплуатации, только в наиболее уродливой ее форме.

ПЕРЕХОД К СИСТЕМЕ ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В 1708 г. северо-восток Азии стал частью вновь образованной Сибирской губернии. Это явилось следствием реформы областного управления, предпринятой Петром I. 28 декабря 1708 г. был издан именной указ об учреждении губерний и о расписании в ней городов, согласно которому Московское государство впервые перешло от системы уездного управления к системе губернского. Вся страна была разбита на восемь губерний [20]. В 1719 г. в губерниях возникли провинции, а в провинциях — дистрикты. В 1728 г., при преемниках Петра, термин «дистрикт» был заменен словом «уезд». Так вместо одностепенного (уезд) возникло трехстепенное областное деление: губерния — провинция — уезд.

Огромная Сибирь стала одной губернией — Сибирской — со столицей в Тобольске. В 1719—1724 гг. она была разделена на три провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую — «для дальности в той губернии городов» и «для способства в делах» [21]. Во главе провинций стояли провинциальные воеводы с провинциальной земской канцелярией. Им подчинялись разного рода камергеры, рентмейстеры, провиантмейстеры, вальдмейстеры и т. д. Дист-

---

[20] ППСЗ, т. IV, с. 436—438.

[21] Там же, т. V, с. 700—701; т. VII, с. 380.

рикты возглавляли земские комиссары с соответствующим штатом подчиненных, а с 1728 г.— городовые воеводы с уездными канцеляриями.

В результате этих изменений Якутск как столица северо-востока Азии вышел из непосредственного подчинения центральной власти в Москве и Петербурге. С 1708 по 1719 г. он подчинялся сибирскому губернатору в Тобольске, затем с образованием Иркутской провинции — провинциальным воеводам. Так была урезана власть якутских воевод, а вверенный им край оказался в самой нижней сетке областного административного деления страны. Такой порядок административного подчинения — Якутск — Иркутск — Тобольск — Петербург — существовал до 1764 г., когда была образована самостоятельная Иркутская губерния.

Территориальные изменения в административном делении произошли раньше всего на юго-западной границе Якутии. В 1708 г. район Чечуйского острожка в верховьях Лены, где было относительно многочисленное русское крестьянское население, был отрезан от нее и передан Илимскому уезду [22]. Но наибольшие изменения произошли на востоке. В. Беринг по возвращении из Первой Камчатской экспедиции в 1730 г. подал императрице «Записку» с рядом практических предложений по устройству Охотско-Камчатского края. В числе их было предложение об образовании самостоятельного Охотского правления, независимого от Якутска, но с подчинением Иркутской провинциальной канцелярии [23]. Это предложение было встречено с пониманием, так как отдаленность приморья от Якутска, сложность управления и трудность контроля за действиями лиц, посылаемых туда «за сборами ясака», были известны правительству и раньше. Поэтому 29 апреля 1731 г. вышел указ Правительствующего Сената об образовании самостоятельного Охотского правления, с подчинением ему всего Камчатского полуострова [24].

С этого времени северо-восток Азии в административном отношении окончательно распадается на отдельные низовые звенья, и каждое из них следует рассмотреть самостоятельно.

Начнем с Якутского уезда. Этот уезд и после 1708 г. по старой традиции местные чиновники иногда продолжали называть разрядом [25]. В 1718 г. по распоряжению сибирского губернатора М. П. Гагарина Илимский и Киренский остроги с подведомственными им территориями были переданы в ведение якутских воевод, но не надолго. Выявилось крайнее неудобство такого положения, поскольку указы из Москвы шли через Илимск, потом возвращались из Якутска вновь в Илимск, проделав лишних

---

[22] *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien. Zweiter Theil. Göttingen, 1752, S. 2961; *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. I, с. 32.
[23] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 15—16.
[24] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 1—2, 5, 12.
[25] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 1564, л. 1.

3000 верст. Это задерживало исполнение предписаний правительства. Поэтому в 1722 г. «по указу его царского величества»[26] Илимск с уездом обрел самостоятельность.

Якутский уезд продолжал занимать огромную территорию и после отхода района Чечуйского острога, Охотско-Берингова побережья и Камчатки. Но в его внутреннем подразделении произошли некоторые изменения.

В 1720-х годах волости центральной Якутии (до начала 1710-х годов их было 36, затем стало 32) были объединены в пять крупных улусов: Батурусский, Борогонский, Кангаласский, Мегинский и Намский. Кроме того, существовала укрупненная Баягантайская волость. Такое укрупнение было сделано в целях удобства сбора ясака и в неизменном виде сохранялось до первой половины XIX в.[27] Здесь уместно устранить неточность, допущенную в монографии Г. П. Башарина в отношении времени возникновения первых якутских улусов. Г. П. Башарин, ссылаясь на И. К. Кириллова, пользовавшегося устарелыми данными, пишет, что на средней Лене в первой четверти XVIII в. сначала возникли пять крупных волостей, которые улусами были названы только потом, в 1730-х годах. В действительности же укрупненные подразделения улусами были названы сразу же в 20-х годах[28].

В остальных районах Якутского уезда — в бассейнах Вилюя, Олекмы, Алдана, низовьев Лены, Оленька, Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы — продолжали существовать ясачные зимовья, острожки и остроги (к ним приписывались соответствующие территории проживания плательщиков ясака). Их было около 20. В отдельные периоды некоторые из них ликвидировались, затем опять восстанавливались. В основном же, как и в XVII в., на Вилюе было 3 зимовья, в бассейне Олекмы — 3 острожка и зимовья, на Алдане и Мае — 3 (исчезло только Усть-Камнунское зимовье), в низовьях Лены — 1, на Оленьке — 1, на Яне — 2, на Алазее — 1 и на Колыме — 3. Только на Индигирке, судя по документам, сохранился один Зашиверский острог.

В ведомство так называемого Охотского правления входили побережья Охотского и Берингова морей, Анадырский край и Камчатский полуостров. Административным их центром являлся Охотский острог. Руководство из него осуществлялось через систему крепостей и острогов, куда посылались приказчики. Из-за малой населенности края крепости и остроги стояли друг от друга часто на огромном расстоянии. В 1739 г. к Охотскому правле-

---

[26] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. I, с. 33.

[27] *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области с 1650 до 1800 года. Якутск, 1916, с. 43—51; *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М., 1956, с. 43—46; *Романов Н. С.* Ясак в Якутии в XVIII веке, с. 52—54.

[28] *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 50—51; *Кириллов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 2. М., 1831, с. 92—93.

нию был приписан Удский острог со всем своим большим округом, ранее подчинявшийся Якутску. В это же время снова функционировал как пункт сбора ясака Тауйский острог[29]. В 379 верстах к северу от него в устье р. Ямы, впадающей в Охотское море, в 1739 г. был поставлен Ямской острог. Еще севернее Игнатьев, Белобородов и Брюхов в 1751 г., в ходе усмирения возмутившихся коряков, основали на р. Туман Туманскую крепость, а в 1752 г.— на р. Вилиге Вилигинскую и на р. Таватоме — Таватомскую. Но последние три крепости вскоре были уничтожены. Зато перспективной оказалась Гижигинская крепость, поставленная тем же Игнатьевым на р. Гижиге в 1753 г. Она была основана с целью обезопасить сухопутное сообщение между Охотском и Камчаткой от частых нападений немирных коряков и сбора с них ясака. Кратковременным было существование Окланского острога на р. Оклан (приток р. Пенжины), уничтоженного коряками и возобновленного в 1742—1743 гг. Но и этот возобновленный острог в 1748 г. был снова выжжен коряками и более уже не восстанавливался. К северу от Камчатки, на берегу Берингова моря, в устье р. Олюторы был Олюторский острог. Там в 1712 г. приказчиком Камчатки казачьим десятником Щепоткой было поставлено зимовье с земляным валом. В 1714 г. управитель Анадырского острога дворянин А. Ф. Петров на этом месте начал строить острог для упрочения пути на Камчатку. Он был достроен в 1715 г. при управителе Камчатки пятидесятнике Петриловском. К северо-западу от Олюторска находился Анадырский острог — последний и самый крайний укрепленный пункт русских на северо-востоке Азии[30]

На Камчатском полуострове, как и в XVII в., существовали Тигильская крепость, Большерецкий, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский остроги. Кроме того, в 1740 г. здесь была основана Петропавловская крепость[31].

Во главе Якутского уезда, как и раньше, стояли воеводы. С 1708 по 1764 г. их сменилось 22. Первые четыре, служившие до 1720 г., иногда назывались комендантами[32]. В среднем на каждого воеводу приходится по 2,5 года пребывания в Якутске. На деле более половины из них не пробыло здесь этого срока. Правительство занималось вопросом упорядочения срока службы

---

[29] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 30, 53.

[30] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., с. 141; *Шаховский А.* О начале построения Гижигинской крепости.— Вестник Европы (СПб.), 1818, ч. CLII, № 21, с. 281—282; *Он же.* Известия о Гижигинской крепости.— Северный архив (СПб.), 1822, № 22, с. 284—287; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. I, с. 19, 23, 34, 69; ч. II, с. 13—14, 17—18; *Он же.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 30.

[31] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. I, с. 76; *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902, с. 187.

[32] ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 491, л. 34.

сибирских воевод. В 1695 г. было «велено в Сибири воеводам быть по четыре, по пяти и шести лет». Однако указ 1730 г. этот порядок отменил и было установлено «во всех городах воеводам быть по два года», как и в прочих городах. Но Сибирский приказ в 1737 и 1738 гг. обращался с ходатайствами в Сенат, в которых писал, что если сибирским воеводам «быть против прочих российских городов по два года, то оные не столько будут у дел, как в проезде», и просил «для дальняго разстояния пути» срок службы этих воевод установить в 3 года. Эта просьба была удовлетворена и Сенат 14 июня 1744 г. издал указ «О бытии в тех городах воеводом по три года у дел» [33]. В 1770 г. 26 октября вышел новый указ Сената «о бытии воеводам на службе по пяти лет» и «об оставлении прослуживших тот срок безпорочно по желаниям помещиков и граждан и на другия пять лет» [34]. Основным мотивом принятия таких узаконений всегда являлось стремление пресечь злоупотребления воевод («злым пощады, а невинным напрасной беды не принесть»), которые и в XVIII в., как и в XVII в, «забыв страх божий и свою присяжную должность, чинили богомерзкие и проклятые корысти». Известно, например, дело о воеводе Ф. И. Жадовском (1730—1733) — страшнейшем взяточнике и притеснителе. По свидетельству Иркутской провинциальной канцелярии, он и его предшественники «привели всех ясашных иноземцев в сущее разорение» [35]. Подобные случаи служили причиной, по которой многих воевод досрочно отрешали от должности.

Воеводы в «присудственные остроги и зимовья» посылали служилых людей во главе с приказчиками, которые примерно с начала 1720-х годов стали называться подчиненными комиссарами. Эти комиссары назначались из дворян, детей боярских, сотников, атаманов, пятидесятников и десятников. Все они периодически сменялись. В Якутске у них имелись семьи, дома и хозяйство. Здесь же было и их «центральное присудствие» — приказная палата или просто воеводская канцелярия, в которой до середины 1720-х годов сидели дьяки и подьячие, а потом на их месте появились канцелярист с приписью, канцеляристы и копиисты. Подобных «канцелярских служителей» в 1773 г. было 13. Кроме того, на службе состояли камергер, рентмейстер, провиантмейстер, городовой толмач. Сохранился площадной подьячий, который стал называться «площадным пищиком». Отделы воеводской канцелярии продолжали называться столами. Были столы: денежный, хлебный, разрядный, розыскной, которые, впрочем, часто назывались повытьями (денежное повытье, хлебное повытье и т. д.) [36].

---

[33] ППСЗ, т. XII, с. 144.
[34] Там же, т. XV, с. 549.
[35] *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области, с. 179—181.
[36] ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 491; ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 73, 78—79, 99, 161—162, 265; ф. 607, оп. 2, д. 47, л. 89 об.; *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области, с. 34—36, 40—50, 58—78, 82—83, 99—122.

С легкой руки чиновников Сената приморская административная единица была названа не уездом, как было принято в стране, а правлением, а начальники ее — не воеводами, а главными командирами. Первый охотский главный командир был назначен Сенатом в 1731 г. Им оказался Г. Скорняков-Писарев, отбывавший в то время ссылку в Жиганском зимовье Якутского уезда [37]. Прибыл он к месту назначения только в 1735 г. С тех пор до 1764 г. там сменилось четыре главных командира. В их распоряжении были товарищ главного командира, секретарь, канцеляристы, копиисты. Имея такой несложный штат, они управляли огромным краем через посредство служилых людей, посылаемых ими в остроги и крепости. Пользуясь отдаленностью своей резиденции и бесконтрольностью, они часто допускали произвол и насилие. Особенно худую славу снискал себе Скорняков-Писарев, правивший до 1740 г. Он бесчеловечно обращался с подчиненными, засекал собственноручно до смерти за ничтожные проступки, брал ясак в свою пользу, присваивал жалованье и провиант нижних чинов, пьянствовал и развратничал, для чего содержал огромную женскую дворню, и т. д.[38]

В пределах Приморского правления особое место занимала Камчатка. До 1731 г., когда она подчинялась Якутску, туда обычно посылали одного человека, которого называли приказчиком или комиссаром. Иногда ему в качестве помощника давали писца. В назначении их определенного порядка не было. Их посылали то из Якутска, то из Сибирского приказа, то из Тобольска от сибирских губернаторов, что не способствовало успеху дела. Приказчики в остроги полуострова посылали казаков во главе с управителями, которые иногда назывались заказчиками. Временами приказчикам подчинялся и далекий Анадырский острог. После 1731 г., когда образовалось Охотское правление, начальники Камчатки стали называться командирами. Они также назначались то Сенатом, то иркутским провинциальным воеводой, то охотским главным командиром. Их резиденция часто менялась в зависимости от желания начальников. Одни избирали Большерецк, другие — Верхнекамчатск, третьи — Нижнекамчатск. Только с 1740 г. устанавливается постояное «присудственное» место — Большерецк.

Большинство камчатских командиров злоупотребляло своим положением на отдаленной окраине, что нередко вело к беспорядкам. Поэтому сибирское начальство в 1753 г. перевело главное управление Камчаткой поближе — из Охотска в Анадырск. (В связи с этим начальники последнего стали называться главными командирами.) Но это не исправило положения. Охотские командиры, правомерно считая себя главными начальниками все-

---

[37] *Сафронов Ф. Г.* Из истории якутской ссылки первой половины XVIII в.— Учен. зап. Якутского гос. ун-та, 1963, вып. 14, с. 102—104.
[38] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 29—30.

го края, в том числе и Анадырского и Камчатского, вмешивались в дела этих окраин. А начальники Анадырска, ссылаясь на новые указы, действовали самостоятельно. Такая неопределенность в правовых статутах, установленных сверху, вела к параллелизму, создавала обстановку неразберихи, способствовала появлению противоречивых распоряжений, распрей, интриг и ссор между различными начальниками [39].

Начиная с 1760-х годов произошли новые изменения в административном делении Сибири, которые не могли не отразиться на положении северо-востока Азии. «В разсуждении великой обширности сибирского царства» решено было Сибирскую губернию разделить на две губернии: Тобольскую и Иркутскую. Именной указ об этом появился 19 октября 1764 г. К последней губернии были отнесены города: Иркутск, Нерчинск, Селенгинск, Илимск «с принадлежавшими к ним дистриктами, слободами и острогами» и весь северо-восток, включая и Камчатку [40]. Учреждение Иркутской губернии состоялось в марте 1765 г. Затем в 1783 г. Сибирь была разделена на три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское. Последние два наместничества имели общего генерал-губернатора. Иркутское наместничество в прежних территориальных рамках было учреждено в феврале 1784 г.[41] Но 12 декабря 1796 г. вышел новый именной указ о разделении государства на губернии. Общее число губерний было сокращено, а наместничества переименованы в губернии. В связи с этим наместничества в Сибири были упразднены и вместо них в марте 1797 г. были образованы, как и раньше, две губернии — Тобольская и Иркутская — с присоединением к каждой из них соответствующих частей ликвидированного Колыванского наместничества [42]. В марте 1803 г. Тобольская и Иркутская губернии вошли в состав Сибирского генерал-губернаторства. Таким образом, административное деление Сибири, как справедливо отмечали исследователи, представляло собой пеструю и постоянно изменяющуюся картину. Множество независимых друг от друга центральных ведомств, решавших сибирские дела, породили разрозненность и путаницу в управлении. Отсюда — беспрестанная административная перепланировка [43].

Это относилось в полной мере и к северо-востоку Сибири. По указу Иркутской губернской канцелярии от 14 марта 1773 г. Удский район был возвращен в ведение якутской воеводской канцелярии. При этом были приняты во внимание чрезвычайная его

---

[39] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. I, с. 31—32; ч. II, с. 1—7.
[40] ППСЗ, т. XVI, с. 944; см. также: John Ledyard's journey through Russia and Siberia. 1787—1788.— In: The journal and selected letters. 1966. Madison — Milwaukee — London, p. 161.
[41] ППСЗ, т. XXI, с. 923; т. XXII, с. 18.
[42] Там же, т. XXIV, с. 229, 508.
[43] *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. СПб., 1882, с. 299—300.

отдаленность от Охотска и неудобства пути (от Охотска до Удского острога через Алдан 1628 верст, а от Якутска — 1200 верст, ясак из Удского острога отвозили в Охотск, минуя Якутск)[44]. Почти одновременно начались частые изменения границы на юго-западе края. При создании нового Киренского уезда в 1775 г. в ведение усть-киренских воевод были переданы Витимская и Пеледуйская слободы. Однако в связи с пересмотром состава Киренского уезда в 1784 г. они снова были возвращены Якутску[45]. Однако, как видно из ведомостей о посеве и урожае хлебов в Олекминском комиссарстве, с 1805 г. Витимская и Пеледуйская слободы уже окончательно отошли от Якутска[46] После этого до конца 1850-х годов территория Якутии не подвергалась изменениям.

Но зато изменения в ее административном устройстве происходили так часто, что иногда трудно поддаются изучению.

В связи с преобразованием Иркутской провинции в губернию Якутский уезд и Охотское правление механически превратились в части этой губернии. Затем 31 января 1775 г. вышло законоположение «О новом разделении Иркутской губернии на провинции, воеводства и комиссарства». В «разсуждении обширности» этой губернии образовались две провинции (Удинская и Якутская), три уезда с воеводскими правлениями (Киренский, Балаганский и Алданский) и 12 комиссарств. Таким образом, внутри одной губернии образовалось своеобразное четырехстепенное управление (губерния — провинция — уезд — комиссарство). Особенно сложным оказалось административное устройство Якутской провинции. Начальство это объясняло тем, что Якутск «со всеми острогами, слободами, улусами и зимовьями состоит на весьма великой обширности», расстояние дальнее, проезд трудный, поэтому в решении многих вопросов «немалая остановка и лишние затруднения происходят». Из этих затруднений думали выйти путем организации провинциальной власти.

Во главе Якутской провинции был поставлен провинциальный воевода с провинциальной канцелярией в Якутске. На территории провинции образовалось обширное Алданское воеводство. В него входили Батурусский, Борогонский, Мегинский улусы и Баягантайская волость якутов, Майское, Бутальское и Тонторское зимовья, район Оймякона и Удский острог. Кроме того, было создано пять комиссарств: Верхневилюйское, Олекминское, Жиганское, Верхоянское и Среднеколымское. В состав первого комиссарства входили районы Верхневилюйского и Средневилюйского зимовий, второго — Олекминского острожка и Чаринского

---

[44] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 1—2, 5, 12.

[45] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. II. Иркутск, 1957, с. 7—8.

[46] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 37, л. 24—25; д. 58, л. 40—46; ф. 191, оп. 4, д. 4, л. 14, 33—34, 41—54; *Сафронов Ф. Г.* Материалы по земледелию олекминских якутов в начале XIX в.— В кн.: Материалы по истории СССР, V. М., 1957, с. 467—501.

зимовья, третьего — Жиганского, Нежневилюйского, Сиктяхского и Оленекского зимовий, четвертого — Верхнеянского, Усть-Янского зимовий и Зашиверского острожка и пятого — трех Колымских и Алазейского зимовий. Таким образом, начиная с 1775 г. якутские улусы, зимовья, острожки и остроги были расписаны по комиссарствам и вышли из непосредственного подчинения Якутску. Во главе каждого комиссарства стоял комиссар из обер-офицерских чинов. Его помощниками являлись канцелярист, подканцелярист и копиист. Некоторые комиссары, например жиганский, имели только копииста. Все комиссары подчинялись провинциальному воеводе. Два якутских улуса — Кангаласский и Намский — находились в непосредственном ведении провинциальных воевод. До 1783 г. Якутской провинциальной канцелярии подчинялась вновь образовавшаяся Киренская воеводская канцелярия с Илимским комиссарством[47].

Все вновь созданные комиссарства имели центры в издавна существовавших острогах и зимовьях. Однако Алданская воеводская канцелярия временно помещалась в Амгинской крестьянской слободе, пока не было закончено строительство центра воеводства — г. Алдана. А строительство это началось еще в 1771 г., когда местная администрация поставила вопрос о создании Алданского воеводства. Место было выбрано на берегу р. Алдан в урочище Оху Бясе (вероятно Оһуу Бэһэ, т. е. высокий мыс с сосновым бором). Город начал строить прапорщик Пирожков по плану, присланному из Иркутска. Строителями были специально присланные посельщики. Но работы шли очень медленно. Посельщики часто голодали, не хватало продовольствия. К 1773 г. были построены только офицерский покой, при нем амбар, казарма, четыре магазина и баня. В Якутской воеводской канцелярии обсуждали вопрос, как ускорить строительство; и решили: так как дополнительно людей на Алдан послать невозможно, предложить Пирожкову принудить посельщиков строить дома для себя. Однако успеха в деле не было. Воеводская канцелярия, как видно из документов, и в 1778 г. находилась в Амгинской слободе. А потом в Якутске решили вовсе забросить дело и донесли иркутскому губернатору, что «по безлюдию городу быть на Алдане неудобно»[48].

---

[47] ППСЗ, т. XX, с. 21—23, 33—42; ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 89, л. 1, 26, 251; ф. 5, оп. 5, д. 18, л. 1—2; Д. Павлинов плохо разобрался в сложном тексте обширного законоположения 1775 г. и сделал неверные заключения, что будто Среднеколымское комиссарство подчинялось Алданской воеводской канцелярии, что якобы была создана Олекминская воеводская канцелярия и что Батурусская, Мегинская и Баягантайская волости, Майское, Тонторское и Бутальское зимовья якобы находились в ведении какой-то особой канцелярии (см.: *Павлинов Д. М.* Об имущественном праве якутов.— В кн.: Труды Комиссии по изучению Якутской АССР, т. IV, Л., 1929, с. 3).

[48] ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 77, л. 1—2; ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 23, 24; д. 69, л. 1; ф. 5, оп. 5, д. 15, л. 1—2; д. 17, л. 1—8.

Административное устройство Якутии, сложившееся на основе законоположения 1775 г., просуществовало недолго — до марта 1783 г., когда вышел именной указ «О составлении Иркутской губернии из четырех областей». Этот указ имел целью сообразовать управление Иркутской губернии с положениями «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г., вместо прежних трех степеней областного деления (губерния, провинция, уезд) оставившего только две — губернию и уезд. Согласно этому указу Иркутскую губернию разделили на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую. Каждая область состояла из уездов. В соответствии с этим в Якутской области вместо комиссарств было образовано пять уездов: Якутский, Олекминский, Оленский (Вилюйский), Жиганский и Зашиверский. Разумеется, Якутский уезд был образован вместо бывшего Алданского воеводства. Центры уездов были названы городами[49].

Одновременно была окончательно упразднена система воеводского управления, как и по всей стране. Во главе Якутской области стали назначаться коменданты. Воеводская канцелярия была преобразована в Нижний земский суд. Поскольку «Учреждение для управления губерний» 1775 г. ввело разделение административной, финансовой и судебной власти, в Якутске появились специальные органы: судебные — уездный суд, Нижняя и Верхняя расправы и финансовый — казначейство. Полицейский надзор в Якутске стал осуществлять городничий. Во главе уездов стояли земские исправники с небольшим штатом сотрудников[50].

В 1796 г. комендантство в Якутии было упразднено и край снова оказался на положении уезда. Начальники всей Якутии стали называться городничими, уездные земские исправники — земскими комиссарами. В Якутске был Нижний земский суд, в уездах — уездные суды. В уездном суде, кроме земских комиссаров, состояли чиновники и приказные служители: городничий, уездный судья, заседатели, казначей, секретари, регистраторы и подканцеляристы[51].

В 1803 г. произошло очередное изменение: 11 августа был издан именной указ об уменьшении числа уездов в Иркутской и Тобольской губерниях. В указе отмечалось наличие «великого числа уездов, мало населенных и обитаемых по большей части людьми, как нравы и образ жизни более имеют нужды в простом

---

[49] ППСЗ, т. XXI, с. 873.

[50] *Левенталь Л. Г* Подати, повинности и земля у якутов.— В кн.: Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929, с. 256, 261, 264; Памятная книжка Якутской области за 1869 год. СПб., 1869, с. 118; *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области, с. 306.

[51] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 37, л. 6, 24, 25; д. 39, л. 12—13; ф. 184, оп. 1, д. 1, л. 11—13, 63—64, 96; ф. 185, оп. 1, д. 57, л. 1—2, 4, 6; д. 132, л. 4; ф. 187, оп. 1, д. 5, л. 1—2; Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 87, 89, 113, 118; Памятная книжка Якутской области на 1891 год. Якутск, 1891, с. 74—75; *Левенталь Л. Г.* Подати, повинности и земля у якутов, с. 256, 264; *Приклонский В. Л.* Летопись Якутского края, с. 84, 86.

полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях». Сибирскому генерал-губернатору было поручено уменьшить, сколь можно, число уездов и разделить их на комиссарства во главе с земскими частными комиссарами, наделив последних и судебными функциями «в разборе маловажных тяжб и споров»[52]. В Якутском уезде было учреждено семь комиссарств: Амгинское, Верхневилюйское, Олекминское, Удское, Жиганское, Зашиверское и Среднеколымское. В Якутске по-прежнему действовал Нижний земский суд. Поскольку частные земские комиссары выполняли и судебные функции, постольку прежние уездные судьи с заседателями были упразднены[53].

В 1805 г. было сделано наиболее значительное изменение административного деления Якутии, удержавшееся до 1822 г. 22 апреля был издан именной указ с целью «удобнейшего разделения и управления Иркутской губернии». В одном из его пунктов говорилось: «По великому пространству, разделяющему Якутский край от главного губернского начальства, так и в других отношениях их к начальству, учредить в городе Якутске особенное гражданское правление под именем Якутского Областного Правления». Областное правление соединяло в себе полицейскую, финансовую и судебную власть. В полицейском и финансовом отношениях оно подчинялось Иркутскому губернскому правлению, а в судебном — Сенату. Областное правление состояло из председателя, советника и двух асессоров, утверждаемых Сенатом по представлению генерал-губернаторов Сибири. Председатель подчинялся непосредственно генерал-губернатору. Кроме того, в состав областного правления входили заседатель от купечества и прокурор. Во главе канцелярии, где работали протоколист, переводчик, регистратор и архивариус, стоял секретарь. Было казначейство в составе казначея, четырех присяжных из унтер-офицеров и канцелярских служителей; имелись также землемер, писарь с двумя учениками и повивальная бабка. Действовал Нижний земский суд в составе земского исправника, двух заседателей от поселян и секретаря с канцелярскими служителями. Непосредственное ведение судебных процессов осуществляли суд, представленный судьей с двумя заседателями от чиновников и двумя от поселян, секретарем, тоже с канцелярскими служителями[54].

Так была образована Якутская область с областным правлением, т. е. с «особенным гражданским правлением» и с другими областными учреждениями. Отныне во главе Якутского края стояли не городничие, а областные начальники (председатели областного правления). Сохранились комиссарства Вилюйское, Олекминское и Среднеколымское; Зашиверское и Жиганское были упразд-

---

[52] ППСЗ, т. XXVII, с. 825—826.
[53] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 37, 47, 49, 58 и 99; *Приклонский В. Л.* Летопись Якутского края, с. 89; *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 402.
[54] ППСЗ, т. XXVIII, с. 1002—1003; т. XLIV, ч. II, с. 448—450.

нены и вместо них возникло Верхоянское. Зашиверск и Жиганск стали заштатными городами. Во главе комиссарств стояли по-прежнему частные комиссары. Якутск был центром округа, состоявшего из обширной территории бывшего Амгинского и Удского комиссарств. Кроме того, он, как областной центр, получил свою особую администрацию во главе с городничим. Был создан и городовой магистрат из двух бургомистров и четырех ратманов [55].

Теперь несколько слов об административном делении якутов. Мы выше уже отмечали, что в 1720-х годах в центральной части Якутии возникли первые пять улусов. Каждый улус состоял из волостей. Эти волости начиная с 1770-х годов стали называться наслегами (от слова «ночлег»). Но слово «наслег» вытесняло термин «волость» постепенно и как название административного деления утверждалось в течение довольно долгого времени. Окончательно оно вытеснило название «волость» к 1830-м годам. Таким образом, уже с 1770-х годов было положено начало тому административному делению (улусы — наслеги), которое просуществовало до первых десятилетий XX в.

В Охотском приморском управлении до 1783 г. все оставалось по-прежнему. Однако, как выше отмечено, начиная с 1753 г. Камчатка находилась в независимом от Охотска положении и подчинялась главному командиру, сначала анадырскому, а после ликвидации Анадырского острога в 1769 г.— большерецкому. Главные командиры Камчатки, резиденция которых находилась в Большерецке, заведовали, кроме Камчатки, районом Гижигинского острога, Курильскими и Алеутскими островами. Они подчинялись непосредственно иркутскому губернатору и Иркутской губернской канцелярии. 2 марта 1783 г. появился именной указ «О составлении Иркутской губернии из четырех областей». Согласно этому указу, Охотское приморское управление стало одной из этих четырех областей под названием Охотской области. Она была разделена на четыре уезда: Охотский, Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский (Камчатка снова была подчинена Охотску). Центральные селения этих уездов были названы городами. Безуездными оставались Петропавловский и Большерецкий порты [56]. Во главе всего края был поставлен вместо главного командира комендант. Он имел секретаря, канцелярских служителей и стоял во главе Нижнего земского суда. Кроме того, в Охотске были созданы совестный суд, верхняя и нижняя расправы, областной и городовой магистры и областное казначейство [57].

---

[55] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 61, 85, 99, 130; ф. 7, оп. 1, д. 45, 172, 190, 200, 246; ф. 10, оп. 1, д. 15; ф. 11, оп. 1, д. 10; ф. 180, оп. 1, д. 44, 65, 72, 73, 105, 121, 125, 152, 268.

[56] ППСЗ, т. XXI, с. 873; см. также: John Ledyard's journey through Russia and Siberia. 1787—1788.— In: The journal and selected Letters, p. 161.

[57] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 60—61; *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области, с. 266.

Среди уездов Охотской области не значился район Анадырского острога. Главный анадырский командир Ф. Плениснер в 1763 г. донес сибирскому губернатору Соймонову о бесполезности этого острога и сообщил ему следующие интересные данные: с 1713 по 1763 г. израсходовано на содержание острога 478 148 р. 2 к., на провиант войскам — 539 246 р. 71 к., на доставку провианта и проезд служащих — 841 760 р. 78 к., всего 1 859 155 р. 51 к.; в то же время с 1710 по 1763 г. собрано ясака только на 29 152 р. 9 к.; якуты, доставлявшие провиант для войск, разорены; гарнизон острога терпит нужду и лишения, многие умирают с голоду; покорить чукчей трудно, так как они разбросаны на огромном пространстве, да и нет смысла. Во избежание таких «великих и безполезных на содержание войск расходов» Ф. Плениснер внес предложение об уничтожении Анадырского острога. Это предложение попало к императрице, которая 28 сентября 1766 г. утвердила указ Сената о ликвидации Анадырского острога от 5 марта 1764 г. После этого в 1768—1769 гг. основная часть гарнизона Анадырска, артиллерия и другое казенное имущество, канцелярия и чиновники были переведены в Гижигинск. Часть гарнизона перевели в Нижнеколымск и Тигильск. В 1771 г. острог со всеми строениями был сожжен [58].

Охотским, Гижигинским и Акланским уездами управляли исправники. Во главе Камчатского полуострова, т. е. Нижнекамчатского уезда, были поставлены городничие, действовавшие по инструкциям охотских комендантов. Их резиденция из Большерецка была переведена в Нижнекамчатск. Присутственное место Акланского уезда вначале находилось в Тигильской крепости, так как Акланск в 1748 г. выжгли коряки и он еще не был восстановлен. Поскольку коряки препятствовали устройству города в центре заселенной ими территории, для него искали новое место. И только в 1786 г. удалось вновь построить город на р. Аклане и открыть присутственное место уезда [59].

В феврале 1797 г. вышел именной указ о переименовании всех комендантов, не имеющих гарнизонов и получающих жалованье из губернских сумм, в городничих. На этом основании в марте 1800 г. коменданты Охотского края тоже были переименованы в городничих.

Преобразования управления делались в целях не только усиления власти над населением, но и устранения злоупотреблений местного начальства. Однако последнее не было достигнуто. На-

---

[58] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. III, с. 4—6; *Шаховский А.* О начале построения Гижигинской крепости.— Вестник Европы, 1818, ч. CLII, № 21, с. 282—283; *Он же.* Известия о Гижигинской крепости.— Северный архив (СПб.), 1822, № 22, с. 287—288; *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.— Л., 1965, с. 132—134.

[59] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. III, с. 27—30, 40, 44.

пример, первый охотский комендант полковник Козлов-Угренин (1784—1789), оказавшийся настоящим деспотом, жестоко обращался с нижними чинами, без суда заковывал их в кандалы, по году держал в тюрьме на хлебе и воде, бил и сек розгами. В Охотске он жил в роскоши. Из Иркутска получал вино и продовольствие целыми обозами. Чтобы покрыть свои расходы, «блюститель порядка» беспощадно грабил население. В 1786—1788 гг. он совершил путешествие по берегу Охотского моря и по Камчатке. Его сопровождала свита из нескольких десятков казаков и 10 человек прислуги. Он ездил в большом экипаже с печкой, в который впрягалось 60 собак. Для конвоя и прислуги он брал 250 собак, не платя за них прогонов. Летом по р. Камчатке плавал на большом плоту с двумя каютами и кухней, его секретарь и прислуга имели два таких же плота, сзади них шло 50 ботов с конвоем и грузами. Эту флотилию тянули бичевой вверх по реке до Верхнекамчатского острога камчадалы, согнанные со всего полуострова. В каждом селении Козлов-Угренин брал взятки — с души по лисице или соболю. Когда он выехал из Большерецка в Охотск, его багаж везли 300 собак. Возвратился он в Охотск обеспеченным на всю жизнь. Путешествие это разорило камчадалов. Они потеряли удобное время для промыслов, отдали Козлову-Угренину последние запасы пушнины и кормов, лишились всех собак. Камчадалы путешествие этого грабителя и вымогателя назвали «собачьей оспой». В его отсутствие в Охотске хозяйничал его друг, такой же, как и он,— коллежский асессор Кох, о котором современники сложили поговорку: «На небе бог, а в Охотске — Кох» [60].

Далекая окраина, где жило беззащитное население, многим казалась самым подходящим местом для обогащения. Отсюда и Угренины, Кохи и их преемники — казнокрады, притеснители и обиратели населения. Правительство знало повадки своих посланцев и пыталось их унять, но безуспешно. В 1803 г. император образовал комитет из министров коммерции, военного, морского и сибирского генерал-губернатора и повелел им разработать новые меры к устранению злоупотреблений охотских и камчатских начальников. Комитет провел несколько совещаний, выработал конкретные предложения, но только в отношении порядка управления. В итоге 11 августа 1803 г. появился именной указ «Об устройстве областного правления на Камчатке и предварительного управления в Охотске». По этому указу Камчатка впервые выделилась в самостоятельную область во главе с комендантом, который одновременно назывался и правителем области Камчатской. Было учреждено областное правление под председательством коменданта из областного судьи, областного земского исправника, двух заседателей, гижигинского комиссара и секретаря с канцеля-

---

[60] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 61—62; *Он же.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. I, с. 33—38.

ристами. Оно подчинилось иркутскому губернатору. Коменданту было положено иметь секретаря и двух писцов, кроме канцелярских служителей областного правления. Комендант и областное правление находились в Верхнекамчатске. Здесь же были суд в составе судьи, четырех заседателей (по два от чиновников и поселян), секретаря с канцелярскими служителями; стряпчий; землемер; лекарь с двумя учениками и повивальной бабкой; казначейство, в котором состояли казначей, четыре присяжных и канцелярские служители. Городничий Охотского края был назван комендантом. Он же являлся и начальником порта. В помощь ему были определены комиссар и секретарь с канцелярскими служителями. Комиссар состоял на правах земского исправника и являлся помощником по судебной части и по объезду округа. В остальном штат полностью совпадал с камчатским [61].

Однако правительство вскоре обнаружило, что областное правление для Качатки — нечто большее, чем нужно, и потому решило его упразднить, сделать управление как можно более простым и единообразным. В результате 9 апреля 1812 г. было подписано положение, вновь преобразовавшее управление Камчатки. Областное правление было ликвидировано. Остался начальник, подчиненный иркутскому губернскому правительству. По новому штату были предусмотрены помощник начальника, объездной комиссар (для поездки по селениям для исполнения поручений начальника), секретарь, три писаря, два лекаря и три лекарских ученика. В случаях особенной важности учреждалось особое присутствие из начальника, его помощника, комиссара и аудитора. Район Гижигинского острога «по отдаленности его местопребывания» от нового центра был причислен к Охотской области. Административным центром Камчатки стала Петропавловская гавань. Вместо Охотского областного правления было учреждено Приморское управление под председательством начальника. В Гижигинске, как и раньше, имелся комиссар с помощником, двумя писарями и лекарем с двумя учениками [62].

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ СПЕРАНСКОГО

Общеизвестные административные реформы Сперанского в Сибири создали более устойчивую систему управления и поэтому оказали некоторое влияние на дальнейшее развитие этой части страны.

В основе реформ лежала попытка в какой-то мере ослабить тот произвол, который в Сибири господствовал издавна. Никакие жалобы на притеснения сибирской администрации не приводили

---

[61] ППСЗ, т. XXVII, с. 823—825; т. XXVIII, с. 1003; т. XLIV, ч. II, с. 248—250.

[62] ППСЗ, т. XXXII, с. 282—292; т. XLIII, ч. II, с. 412—413; т. XLIV, ч. II, с. 271; *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 12, с. 13.

к какому-либо результату. Поэтому правительство, заинтересованное в сборе доходов, назначило ревизию ее действий. Ревизия была возложена на Сперанского, в 1819 г. назначенного генерал-губернатором Сибири. Она раскрыла множество преступлений сибирского начальства и убедила правительство в необходимости несколько изменить систему управления Сибирью. Эта задача была возложена на Сперанского, под руководством которого и был разработан ряд крупных законодательных актов.

В числе их находится именной указ от 26 января 1822 г., разделивший Сибирь впервые на Западную и Восточную. Центром первой был назначен Тобольск, второй — Иркутск. В этих городах должны были пребывать генерал-губернаторы, управлявшие группой губерний и областей, входивших в состав каждого генерал-губернаторства [63]. 22 июня того же года было утверждено «Учреждение для управления сибирских губерний». К этому документу прилагалась «Табель разделения Сибири», согласно которой в Восточную Сибирь входили губернии Иркутская, Енисейская с центром в Красноярске (учреждена вновь), Якутская область, приморские управления Охотское и Камчатское. Последние три административные единицы были «особенными образованиями»: они не были названы губерниями «по малому их населению и по роду обывателей», не были названы и округами «по обширности их и удалении», поэтому избрали нечто среднее между ними — область и управление. Губернии, области и приморские управления подразделялись на округа трех разрядов: крупные (многолюдные), средние и малолюдные. Округам первого разряда полагалось иметь общее и частное управление, второго разряда — одно частное, третьего — только исправника. В Якутской области были созданы округа: второго разряда — Якутский, третьего разряда — Олекминский, Вилюйский, Верхоянский и Среднеколымский (вместо прежних комиссарств); в Охотском приморском управлении: второго разряда — Охотский и третьего — Гижигинский. В Якутском и Охотском округах полагалось иметь частное окружное управление, а во всех остальных — одних исправников [64]. Основные установления этих законоположений без существенных изменений продержались до Великой Октябрьской социалистической революции.

Якутская область продолжала быть зависимой от Иркутской губернии. Однако ее управленческий аппарат несколько увеличился. Во главе области, как и раньше, стояли областные начальники. Они возглавляли областное правление, в которое входили старший советник и два советника. Областное правление имело канцелярию в составе секретаря, четырех столоначальников с четырьмя помощниками, журналиста и двух переводчиков. При

[63] ППСЗ, т. XXXVIII, с. 37.
[64] ППСЗ, т. XXXVIII, с. 392—394; см. также: *Raeff M.* Siberia and the Reforms of 1822. University of Washington Press, 1956.

правлении был архив с архивариусом и писцом. Кроме того, имелись областной стряпчий, областной землемер с младшим землемером, областной медицинский инспектор и лекарь с двумя учениками.

В Якутском округе было создано частное управление, действовал земский суд, состоявший из земского исправника и трех заседателей. В канцелярии земского суда были секретарь, два столоначальника, журналист, переводчик и архивариус. В штате окружного казначейства числились казначей, бухгалтер, шесть присяжных. Землемерная часть состояла из окружного землемера и двух чертежников. Имелся окружной суд в составе судьи и двух его заместителей, а при нем была канцелярия с секретарем, двумя столоначальниками, журналистом и архивариусом. Предусматривались окружной лекарь с двумя учениками и повивальная бабка. В остальных округах были одни исправники с секретарем и лекарем с учеником. Однако со временем и в них образовались окружные управления.

Довольно сложный аппарат управления был создан и в областном городе Якутске, отнесенном к городам среднего разряда. Полицейское управление здесь составляли частная управа из городничего, трех квартальных надзирателей и секретаря, и городовой лекарь с учеником. Хозяйственными и судебными делами ведало присутствие ратуши, состоявшее из бургомистра (городового судьи), двух ратманов (заместителей) и секретаря с канцелярией. Все остальные окружные города, как малолюдные, имели городничего и городовых старост [65].

Каждый округ занимал огромное пространство. В подчинении у окружных управлений и исправников находилось местное население. Управление им сообразовывалось с другим крупным законодательным актом —«Уставом об управлении инородцев Сибири» от 1822 г. «Инородцы» по этому закону были разбиты на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Кочевые и бродячие племена должны были управляться собственными родоначальниками и почетными людьми по «степным законам и обычаям, каждому племени свойственным», иметь одинаковую административную систему. Среди кочевников вводились родовые управления и инородные управы во главе со старостами и головами. Якуты, тунгусы, ламуты, юкагиры были отнесены к разряду кочевников, чукчи и другие — бродячих [66].

Применение «Устава» в Якутии требовало дополнительной работы. Следовало собрать с мест сведения об административном устройстве и порядках управления, образе жизни, обычаях мест-

---

[65] ППСЗ, т. XLIV, ч. II, с. 47—52; ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 130, л. 37; ф. 11, оп. 1, д. 204, л. 1; д. 264, л. 2; ф. 19, оп. 1, д. 18, л. 1; д. 523, л. 1, 443; д. 751, л. 1; ф. 136, оп. 1, д. 105, л. 1; ф. 180, оп. 1, д. 360, л. 5; д. 372, л. 1; д. 1177, л. 4; д. 2324, л. 7; д. 2407, л. 3; оп. 2, д. 307, л. 1.

[66] ППСЗ, т. XXXVIII, с. 394—417.

ных жителей, изучить эти материалы, выяснить районы расселения кочевых и бродячих племен, а потом уже выработать местные правила управления коренным населением в духе «Устава». Эта работа оказалась сложной и затянулась до 1829 г.

Основными единицами административного деления стали ранее существовавшие улусы и наслеги. Улусы занимали большие территории и состояли из многих наслегов. Во главе каждого улуса стояла инородная или улусная управа, состоявшая из улусного головы, двух выборных и писаря, а во главе наслега — родовое управление, возглавлявшееся наслежным старостой. Каждый наслег в свою очередь разбивался на роды во главе со старшинами, которые входили в состав родового управления. Термин «староста» появился вместо старого слова «князец». Понятие «род» не имело решительно никакой аналогии с первобытным родом, оно в данном случае обозначало низовое административное деление якутов — часть наслега. Должность улусного головы, узаконенная в 1822 г., существовала с XVIII в.

Среди кочевого и бродячего населения были оставлены прежние родовые деления. Каждый род возглавлял староста.

Должности замещались выборным путем. Но выборы часто проводились формально, так как существовал обычай наследственной передачи власти.

До реформы 1822 г. улусы и наслеги было только в центральной части Якутии. Улусов было пять: Батурусский, Борогонский, Кангаласский, Мегинский, Намский. Теперь же улусы возникли по всей области и по ним были расписаны все якуты. Деление на зимовья, острожки и остроги исчезло окончательно. Якутский округ был разделен на семь улусов (Кангаласский, Батурусский, Мегинский, Намский, Борогонский, Баягантайский и Дюпсинский), Вилюйский — на четыре (Сунтарский, Мархинский, Верхневилюйский и Средневилюйский), Верхоянский — на четыре (Жиганский, Усть-Янский, Верхоянский и Эльгетский), Олекминский и Колымский округа состояли каждый из одного одноименного улуса. Семь улусов Якутского округа состояли из 109 наслегов, кроме того, был образован 21 тунгусский род; в Вилюйском округе наслегов было 35, тунгусских родов 7; в Олекминском округе — соответственно 5 и 4; в Верхоянском округе якутских наслегов было 34, тунгусских, ламутских и юкагирских родов — 11; в Колымском округе якутских наслегов — 11, ламутских, юкагирских, тунгусских и чуванских родов — 19. Всего по Якутии было образовано 194 якутских наслега и 62 рода бродячих [67].

Кроме аборигенного населения, в Якутии проживали русские крестьяне. Они пользовались правом самоуправления по двухступенной системе административного устройства: деревня, волость. Во главе деревни стоял десятник, или десятский, в неко-

---

[67] *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, 160—165.

торых местах называвшийся старостой или старшиной. Его избирали из своей среды сами крестьяне на различные сроки. Во главе волости, состоявшей из группы деревень, стояли волостные старосты, избиравшиеся крестьянами волости также на различные сроки. Они имели помощников и подчинялись окружным исправникам. В первой половине XIX в. были следующие крестьянские волости: Олекминская, Общество крестьян станций Иркутского тракта, Амгинское, Нюрбинское, Усть-Оленекское, Усть-Янское и Нижнеколымское крестьянские общества. Каждая из этих волостей объединяла крестьянские деревни обширного района. Например, в Олекминскую волость входили деревни и станки всего Олекминского округа, в Общество крестьян станций Иркутского тракта — ленские станки всего Якутского округа, в Нюрбинское крестьянское общество — крестьяне всего бассейна Вилюя и т. д.[68]

Как уже говорилось, в 1822 г. были образованы Охотское и Камчатское приморские управления.

Приморское управление в Охотске существовало и раньше — с 1812 г. Теперь же по новому штату Сибирского управления, утвержденному в 1822 г., штат управления был значительно расширен. Во главе его стоял начальник из флотских чиновников, подчинявшийся иркутскому губернскому правителю. При нем был создан Совет Охотского приморского управления из старшего чиновника флотского ведомства в порту, окружного судьи и земского исправника. При Совете имелась канцелярия во главе с секретарем, являвшимся одновременно стряпчим, и архив. Был и лекарь с учеником.

В Охотском округе было создано частное управление. Во главе его земской части стоял земский исправник с письмоводителем, казенной части — окружной казначей с четырьмя присяжными счетчиками, судебной — окружной судья с двумя заседателями. Управление Гижигинского округа состояло из исправника, его помощника, двух письмоводителей и лекаря с учеником. Городовое управление по малолюдству не было создано. Мещане Охотска избирали только одного или двух старост, подчиненных приморскому Совету.

На Камчатке приморское управление было создано вновь. Но оно осталось «на прежних штатах» и состояло из начальника из морских офицеров, его помощника, объездного комиссара, секретаря, трех писарей, двух лекарей и трех лекарских учеников [69].

Эти установления 1822 г. оставались без изменения до середины XIX в.

---

[68] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961, с. 385—410.

[69] ППСЗ, т. XXXVIII, с. 375—377; т. XLIV, ч. II, с. 53, 271.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ ЯКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

16 августа 1851 г. был опубликован указ, в котором, признавая полезным дать «некоторым частям Восточной Сибири новое устройство», было повелено, «оставив Якутскую область в настоящих ее пределах, отделить оную от зависимости иркутскому губернскому начальству» и управление ею вверить гражданскому губернатору, подчиненному непосредственно генерал-губернатору и Главному управлению Восточной Сибири. 11 июля того же года было обнародовано «Положение о управлении Якутской областию», согласно которому образовалась самостоятельная Якутская область на правах губернии и тем самым была удовлетворена давно ощущавшаяся потребность в независимости ее административного устройства. Область начала существовать с 1 января 1852 г. Вначале ею управлял старший советник областного правления надворный советник Б. В. Струве. Затем в апреле этого года в Якутск прибыл первый губернатор — действительный статский советник К. Н. Григорьев. Согласно новому штату управления, был несколько изменен только штат областного правления, установленный в 1822 г. Во главе областного правления, впервые разделенного на отделения, стоял губернатор. В первом отделении числились советник, два столоначальника с тремя помощниками и журналист, во втором — советник, два столоначальника с двумя помощниками и журналист, в третьем — советник, два столоначальника с двумя помощниками, бухгалтер с помощником, контролер с помощником и журналист. Присутствие областного правления составляли старший советник, два советника и асессор. При областном правлении состояли асессор, общий регистратор, экзекутор (он же казначей), чиновники по особым поручениям, областной прокурор, областной землемер с младшим землемером, два чертежника, архивариус и писцы. В остальном все оставлено по-старому, включая медицинскую службу, окружные и городские управления [70]

Область, как и раньше, делилась на пять округов: центральный — Якутский, южный — Олекминский, западный — Вилюйский и два северных — Верхоянский и Колымский. В Якутском округе, кроме прочих организаций, был земский суд во главе с земским исправником, в других округах — окружные управления, также во главе с исправниками. С 1860-х годов все унифицируется и окружные управления повсюду преобразуются в окружные полицейские управления. Исправники остаются. Состав округов и управление ими в таком виде сохраняются до Великой Октябрьской социалистической революции [71].

---

[70] ВПСЗ, т. XXVI, отд. I, с. 476, 480—483; отд. II, с. 159—160, 480; *Приклонский В. Л.* Летопись Якутского края, с. 168.

[71] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 1005, л. 2, 8, 11, 12, 47; д. 1191, л. 17; л. 1327, л. 1; д. 2926, л. 7; д. 2289, л. 1; д. 2318, л. 22; д. 2323, л. 1, 6, 14; д. 4872, л. 2;

Округа по-прежнему делились на улусы, а улусы на наслеги Число улусов в округах осталось на уровне 1822 г. В Олекминском, Вилюйском, Верхоянском и Колымском округах до начала XX в. сохранялись те же улусы, что и в 1822 г. Только в Якутском округе в конце 50-х годов Кангаласский улус был разделен на два улуса (Восточно-Кангаласский и Западно-Кангаласский) и таким образом здесь стало восемь улусов вместо семи в 1822 г. Число наслегов по сравнению с 1822 г. постепенно увеличивалось, местами значительно. Так, в улусах Якутского округа в 1852 г. было 118 наслегов вместо 109 в 1822 г., в улусах Вилюйского округа в 1854 г.— 52 вместо 35, Верхоянского округа в 1863 г.—37 вместо 34[72]. В улусах имелись инородные управы во главе с улусными головами, в наслегах — родовые управления со старостами. Сохранялись и роды со старшинами. Все это в неизменном виде дошло до 1917 г.

Крупные изменения произошли и на востоке. Формально все началось с путешествия генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Начальники Охотского порта не раз писали ему о необходимости перенесения порта в Аян, где был удобный залив и дорога от которого до Якутска признавалась более удобной, чем старый Охотский тракт. О важности и удобствах Аянского порта Российско-Американской компании, а также Аянского тракта Муравьеву писали и начальники этого порта. Генерал-губернатор решил все это проверить лично и весной 1849 г. выехал из Иркутска в Охотск через Якутск. Закончив свое путешествие, он из Якутска послал докладную записку правительству о своих впечатлениях о поездке с конкретными предложениями. Он убедился в необходимости закрытия Охотского порта и перенесения его в другое место, Петропавловскую гавань нашел одной из лучших в мире, предложил сосредоточить в ней все морские силы и средства Охотского моря и таким путем сделать Петропавловск главным опорным пунктом приморских владений в Тихом океане. В связи с этим он предложил упразднить Охотское приморское управление, присоединив Охотский край к Якутской области в качестве округа, Гижигинский округ причислить снова к Камчатке и изменить управление этим полуостровом, назначив туда военного губернатора из морских офицеров, подчиненного прямо генерал-губернатору; для связи же Охотского моря с Якутском он рекомендовал пользоваться Аянским портом, возведя этот порт в степень правительственного. При этом генерал-губернатор ссылался на обнаружившиеся англо-французские посягательства на Камчатку и Амур и свои предложения рассматривал как часть

д. 10078, л. 12; д. 13195, л. 11; оп. 2, 8701, л. 2; д. 9903, л. 1; д. 10128, л. 3; ф. 20, оп. 1, д. 90, л. 4; д. 1930, л. 6.

[72] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, л. 2038, 5211, 22603; ф. 19, оп. 1, д. 1386; ф. 22, оп. 1, д. 846; ф. 180, оп. 1, д. 2341, 4280; Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864, с. 69—72; *Соколов М. П.* Якутия по переписи 1917 года. Иркутск, 1925, с. XXV.

оборонительных мероприятий на Дальнем Востоке. Он писал, что Авачинская губа, где находится Петропавловск, «при малейшей перемене отношений наших с морскими державами может быть безвозвратно у нас отнята — одним шлюпом и шкуною». Может быть, именно последнее соображение послужило дополнительным поводом к тому, что представление было одобрено быстро и 2 декабря 1849 г. вышел императорский указ об изменении порядков управления Охотско-Камчатским краем.

На Камчатке была образована самостоятельная область во главе с военным губернатором из чинов Морского ведомства, и, таким образом, она фактически стала губернией. Десятого января 1851 г. вышло положение об управлении Камчатской областью. При военном губернаторе состояли помощник, правитель канцелярии, два чиновника особых поручений, инспектор по медицинской части с помощником, землемер, горный чиновник и адъютант. Область была образована из двух округов: Петропавловского и Гижигинского. В первом округе имелись исправник с помощником, окружной суд, казначейство, окружной стряпчий; во втором — земский исправник с помощником, заседатель с помощником, три окружных врача, шесть лекарских учеников и повивальная бабка. В русских селениях была введена должность волостных и сельских старшин.

Приморское управление в Охотске было «по неудобности» ликвидировано, порт закрыт, портовое имущество перевезено в Петропавловск. Весь Охотский край стал округом Якутской области. Во главе его стоял исправник, помощник которого одновременно являлся и секретарем окружного управления [73].

Аборигенное население Охотско-Камчатского края управлялось, как и раньше, родовыми старшинами. Другого общественного управления, как у якутов, введено не было.

Еще более значительные изменения произошли на северо-востоке Азии в связи с освоением бассейна Амура и основанием в его устье в 1850 г. города Новониколаевска, а в дальнейшем — и других городов по Амуру. Это давало возможность оставить труднопроходимые Охотский и Аянский тракты и все сношения с российскими владениями на Тихом океане осуществлять через Амур. В результате уже летом 1855 г. по предписанию генерал-губернатора Муравьева из Петропавловска в Новониколаевск были переведены гражданские и военные учреждения и вся морская команда. А 31 октября 1856 г. вышел указ об образовании Приморской области во главе с военным губернатором и с цент-

---

[73] ВПСЗ, т. XXIV, с. 287; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. V, с. 54—56; *Он же.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник, 1896, т. CV, № 11, с. 49—55; *Струве Б. Г.* Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского.— Русский вестник (М.), 1888, т. 99, с. 413—415; *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край, с. 85.

ром в Николаевске. Охотский округ, отделенный от Якутской области в том же году, стал округом этой области. Камчатка под названием Петропавловского округа также вошла в состав Приморской области. В первой половине 1857 г. в состав Приморской области был включен и Удский район, отделенный от Якутской области и преобразованный в округ. Затем в декабре 1858 г. Приморская область была разделена на две области: Амурскую и Приморскую. В состав первой вошли земли левобережья Амура до устья Уссури. Областным ее центром стал Благовещенск. В состав Приморской области вошли земли низовьев Амура с центром в г. Николаевске и весь огромный Охотско-Камчатский край. Эта область была разделена на шесть округов: Николаевский и Софийский на Амуре, Петропавловский, Гижигинский, Охотский и Удский [74].

Таким образом, в итоге открытия амурского речного пути побережье Охотского моря потеряло первенствующее значение в освоении прибрежных районов Тихого океана. Камчатка, Гижига, Охотск и Удский край превратились в захолустные районы Приморской области.

---

[74] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 3399, л. 2—3; ВПСЗ, т. XXXI, с. 959; т. XXXIII, с. 452; Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 122.

Глава вторая

СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОСВОЕНИЮ КРАЯ

Служилые люди являлись проводниками политики царизма и его опорой во вновь приобретенном обширном крае.

Термин «служилые люди» официально употреблялся до середины XVIII в. В Сибири под этим термином подразумевали в широком смысле слова всю совокупность представителей духовной, административной и военной власти: ружников (духовных лиц), оброчников (подьячих съезжих и таможенных изб, толмачей, пушкарей, кузнецов, разных сторожей и т. д.) и военный гарнизон (детей боярских, сотников, атаманов, пятидесятников, десятников и казаков). В узком смысле слова под служилыми людьми понимали лишь последних. С середины XVIII в. вместо исчезнувшего термина появляются и становятся общеупотребительными понятия «казаки», «казачья команда», «казачий полк».

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В 1638 г. с первыми якутскими воеводами П. П. Головиным и М. Б. Глебовым был послан отряд из 400 чел., в том числе детей боярских 5. Эту силу правительство считало достаточной для «отправления всяких государевых дел»[1].

Однако обширность территории и многочисленность обязанностей служилых людей требовали более значительных сил. Уже воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев, прибывшие в Якутск в июне 1646 г., писали, что из-за малолюдства в острожки и зимовья посылается немного людей и поэтому туземцы дают мало ясака: сколько захотят. В Якутском же остроге остается только 50 чел. «И с теми служилыми людьми, нам, холопем твоим, в Якутцком остроге зимовать будет по самой большой нуже, потому что, государь, около Якутцкого острогу Якутцкая земля многолюдная, зимою в ясачный збор в Якутцкий острог с ясаком

[1] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 274, л. 420—421; стб. 1589, л. 280; РИБ, т. II, с. 970—971.

якуты приезжают к платежу по 50 и больши и за безлюдством быти престрашно»,— докладывали они в Москву сразу же после приезда. «А в твоей государеве дальней земле на великой реке Лене без прибавочных твоих государевых служилых людей отнюдь быть не уметь», — писали они там же, прося увеличить штат служилых людей [2].

Но московское правительство, не желая лишних расходов в жалованье, упорно стояло на своем и разъяснило, что в Якутске служилых людей, включая ружников и оброчников, должно быть не более 400 [3]. Такая установка противоречила постоянным его напоминаниям о приискании новых земель и приведении их под царскую высокую руку. Служилые же и промышленные люди, следуя этим напоминаниям, постоянно расширяли территорию царского владычества, продвигаясь на север к Ледовитому океану и на восток в сторону Тихоокеанского побережья. По мере такого продвижения возникали новые острожки и ясачные зимовья, куда следовало послать новые отряды, и все за счет штата 1638 г. Ввиду такого положения воеводы вынуждены были нарушать московские указы и постепенно увеличивать число служилых людей.

Воеводы Пушкин и Супонев при этом поступали осторожно. Когда пятидесятник Ларька Харитонов сын Едомский привел из Тобольска 50 казаков «прежним тобольским служилым людем на перемену», воеводам следовало столько же человек отправить в Тобольск обратно из тех, кто уже прослужил. Однако они задержали их «ввиду малолюдства и для государева ясачного збору» и написали в Москву, что они «вышлютца вперед за государевою соболиною казною в провожатых». Поэтому в 1648 г., когда составляли очередную окладную книгу, в Якутске фактически на службе числилось не 400, а 450 чел. Из них за вычетом «выбылых» службу несли 445 чел., в том числе ружников 6, подьячих 3, детей боярских 5, пятидесятников 8, толмачей 2, кузнецов 2 и рядовых казаков 408 [4].

Воевода Д. А. Францбеков, сменивший Пушкина и Супонева, действовал уже открыто. Ссылаясь на то, что снарядил экспедицию Ерофея Хабарова в Даурию, он «сверх государева указного числа» приверстал на службу несколько десятков человек и ввел их самовольно в штат, доведя таким путем число служилых людей до 453. Однако и этого не хватало для отправления всех местных служб. Поэтому воевода И. П. Акинфов, сменивший Францбекова, в конце 1651 г. послал в Москву новое ходатайство о значительном увеличении числа служилых людей. Он писал: «В Якутцком, государь, остроге надобе служилых людей на дальние и годовые службы по смете 600 чел., опричь новой даур-

---

[2] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 274, л. 420—424.
[3] ДАИ, т. III, с. 224.
[4] ЦГАДА, Сиб. прик., кн. 223.

ской земли; потому что, государь, иноземцы, где служилых людей мало, и они твоего государева ясаку не платят, а которые платят, и те по своей воле вполы и меньши»[5]

Правительство, получив это ходатайство, решило проверить положение дел на месте. Поэтому М. С. Лодыженскому, выехавшему в Якутск сменить Акинфова, было поручено «разсмотреть гораздо накрепко, кольким человеком мочно быть вперед на Лене в Якутцком остроге для якутцких служб служилым людем, без которых быть нельзя, опричь даурской земли. И сколько ныне в Якутцком тобольских и березовских и енисейских служилых и сколько ссыльных людей в службу поверстано и сколько не поверстано. И только будет в Якутцком остроге служилых людей для якутцких служеб 600 человек, и откуды на них присылать будет деньги и хлебные запасы. И ленских якутцких всяких денежных доходов и хлебных запасов ленские пахоты со вся ленские расходы Якутцкого острогу будет ли, и без присыльных денег и хлебных запасов из Енисейского острогу вперед на Лене пронятьца мочно ли?»

М. С. Лодыженский с дьяком Ф. Тонковым прибыл в Якутск в мае 1653 г. Положение дел они изучили обстоятельно и ответы на заданные вопросы оформили в виде отписки только в конце августа. Произведя подробный расчет, в какие острожки и зимовья сколько человек следует отправлять и сколько человек ежегодно потребуется на другие надобности, они приняли во внимание и то, что «год от году новые места прибывают и в те новые места государевы службы прибывают». На этом основании ими было решено, что «служилых людей надобно в якутцком тысяча человек, а по самой конечной нуже быть осьми стам человекам, а меньши того никоими мерами быть не мочно». На оплату жалованья тысяче человек ежегодно, по их мнению, требовалось 4472 руб. денег, 5645 четвертей ржи (25 896 пудов), 2712 четвертей овса (10 848 пудов), 1840 пудов соли. Деньги следовало присылать «по прежнему государеву указу» с Руси и из сибирских городов, а хлеб — из Тобольска, Енисейска и Илимска «до тех мест, покаместа в Илимском уезде по Лене реке по старым зимовьям и по новым местам будут новоприбылые пашенные присыльные крестьяне, потому что в Якутцком уезде пашенных крестьян старых и новых только 30 человек». Все это, считали они, потребует много сил и энергии, но зато и доходов будет немало, ибо «от тех служилых людей перед прошлыми годами будет прибыль большая; как в старые и новые места посылки будут многолюдные и учнут служилые люди переменяться по вся годы, и те служилые люди государевою грозою иноземцев старых и новых устрашат и в государеве земле будет расширение большое... и сбор государеве казне будет большой, потому что иноземцы от государевых служилых людей будут опасны».

---

[5] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 991, л. 1—4; ДАИ, т. III, с. 330—332.

Вместе с тем, не ожидая ответа на свою отписку, Лодыженский и Тонков «по своему высмотру» объявили призыв на службу нескольких сот человек, но вначале «прибрали» только 70, а несколько позже еще несколько десятков человек [6]. В результате в 1654 г. в Якутском уезде числилось 600 ружников, оброчников и служилых людей, в том числе 400 по утвержденному штату, 53 включенных в штат самовольно и 147 еще не включенных в штат [7].

Еще большее число служилых людей указано в окладной книге 1656 г. — 645 чел. Правда, в этом году на фактической службе состояло 594 чел. (51 место еще не было заполнено), в том числе ружников 6, подьячих 7, детей боярских 8, сотников 3, толмачей 2, пятидесятников 11, десятников 18, пушкарей и воротников 1, палачей 1, сторожей 1 и казаков 538 [8].

Однако такое постепенное недозволенное увеличение числа состоявших на службе не могло продолжаться бесконечно, и правительство рано или поздно должно было сказать свое слово. И оно сказало. В 1659 г. в Якутск была послана грамота с повелением «прибрать на Лене в Якуцком к прежним тобольским и березовским и енисейским служилым людем в прибавку для прибылых служеб 200 человек и учинить в Якуцком служилых людей с прежними 600 человек» [9]. Таким образом, штат был увеличен лишь на 200 чел., а не на 600, как просили местные власти.

Поэтому претензии якутских воевод не прекращались. Воевода И. Голенищев-Кутузов в 1662 г. послал в Москву новое ходатайство с просьбой довести штат до 1000 чел., «по самой меньшей статье», одновременно отметив, что в «Якутцком остроге служилых людей по окладным и имянным книгам только 610 человек» [10]. Но это ходатайство в Москве не было поддержано.

Сетовал на малочисленность служилых людей и воевода И. П. Борятинский [11].

Воевода Я. П. Волконский, сменивший Борятинского, в первой половине 1670-х годов повторил представление последнего. Он жаловался, что в «Якуцком служилых людей мало, потому что которые служилые на службах и в посылках побиты и померли, и в их место поверстать некого, казачьих детей нет, и для ясачного сбору посылать против прежнего некого, и будучи в Якуцком и в уездах и в ясачных зимовьях за малолюдством служилых людей жить от иноземцев опасно и ясачному и десятинному сбору чинитца недобор» [12].

---

[6] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 344, л. 171—186; ДАИ, т. III, с. 397—403.
[7] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 344, л. 625.
[8] Там же, кн. 375.
[9] Там же, стб. 1589, л. 280.
[10] ДАИ, т. IV, с. 278—279.
[11] ДАИ, т. VI, с. 153—154.
[12] Там же, т. VIII, с. 157.

Но тревоги якутской администрации мало беспокоили Сибирский приказ, и штат, установленный в 1659 г. (600 чел.), не пересматривался. Правительство ограничивалось лишь указаниями относительно порядка заполнения «выбылых мест».

Местные же условия, многочисленность острожков и ясачных зимовий, их рассредоточенность по огромной территории и т. д. неизбежно требовали большего числа казаков, и поэтому практика «прибора» людей сверх штата продолжала иметь место. Так, в 1675 г. по окладным книгам всех служилых людей числилось 670 чел., в том числе ружников 9, подьячих 13, детей боярских 25, сотников 5, атаманов 3, толмачей 1, пятидесятников 16, десятников 40, кузнецов 1, пушкарей 2, палачей 2 и рядовых казаков 553. Но фактически на службе состояло только 557 чел. Незаполненных мест было 113, в том числе детей боярских 4, сотников 2, атаманов 3, пятидесятников 6, десятников 18 и казаков 80 [13].

Воевода А. А. Барнешлев, сменивший Волконского, в 1675 г. произвел подробный расчет числа служилых людей, потребного для нормальной организации службы. Он описал все дальние и ближние острожки и зимовья, их расстояние от Якутска и установил, что во все эти острожки и зимовья, где находится 214 аманатов, посылается «за малолюдством» только 300 чел. Кроме того, в 35 центральных якутских волостей направляется 32 чел. Между тем в дальние и ближние острожки и зимовья, за исключением 35 якутских волостей, следует послать 600 чел. На этом основании он снова просил довести число служилых людей до 1000 чел., добавив при этом, что «в ясачных зимовьях живет служилых людей за малолюдством человека по 3 и по 4, а от иноземцев жить за малолюдством страшно» [14].

Но и эта просьба не была принята во внимание.

Даже события 1677—1678 гг. не заставили правительство согласиться на увеличение штата. В те годы тунгусы побили казаков, шедших из Якутска в Охотск, и захватили государевы товары, хлеб, вооружение и пр. Затем более тысячи тунгусов обложили Охотский острог. Преемник Барнешлева Ф. И. Бибиков, узнав об этом, послал на выручку осажденным 60 чел. и одновременно обратился в Москву с жалобой на малочисленность гарнизона, в котором даже не было штатного числа (600 чел.), поскольку 76 чел. умерли или убиты. Тем не менее правительство согласилось только на пополнение ранее утвержденного штата и в 1679 г. послало в Якутск указ о наборе в Енисейске 40 и в Илимске 20 пятидесятников, десятников и казаков из «казаков и их детей и братьи и племянников, которые похотят [ехать] своею волею с женами и с детьми на житье». А если желающих будет больше, набрать еще 16 чел., тоже с женами и детьми, чтобы заполнить все 76 «выбылых мест» и тем число служилых до-

[13] ДАИ, т. VI, с. 408.
[14] Там же.

вести до полного штата. Однако и этот указ был выполнен только частично: в Якутск прибыли 54 енисейских и илимских казака [15].

Воевода И. В. Приклонский, прибывший в Якутск в 1680 г. (после Бибикова), имел наказ «в Якутцком остроге жить с великим береженьем и держать по острогу караулы от неприятельских воинских людей и на дальные и ближние службы посылать служилых людей перед прежним с прибавкою». Но, ознакомившись на месте с положением дел, он выяснил, что здесь «великое малолюдство» и поэтому в зимовья и острожки посылать «перед прежним с прибавкою» некого, имеющиеся же в Якутске служилые люди «стары и увечны, а иные казачьи дети, которые поверстаны вновь в службу, в молодых летах и за молодостью [их] послать в дальние службы нельзя». Кроме того, в Москву он сообщил, что в прошлых годах в зимовья и острожки посылалось мало людей; в дальних зимовьях и острожках служит по 10—60 казаков, а аманатов там по стольку же, ввиду чего «служилым людем в тех острожках и зимовьях за малолюдством чинитца от иноземцев утеснение великое и жить страшно и аманатов оберегать неким». Поэтому Приклонский уже в 1681 г. в счет «выбылых мест» приверстал несколько десятков человек и таким образом число служилых людей довел до 642 чел. При этом он не преминул отметить, что «надобно в прибавку в Якутцке служилых людей в полной наряд 358 человек», т. е. предлагал довести число служилых людей до 1000, как издавна требовали местные власти. В 1682 г., основываясь на этом, он «прибрал» сверх «выбылых мест» еще несколько десятков человек. Таким путем в течение 1681—1682 гг. он довел общее число служилых людей до 717 чел.[16]

Преемник Приклонского М. О. Кровков в своих отписках в Сибирский приказ, прося об увеличении числа служилых людей, ссылался на отписки воевод разных городов, в том числе воеводы Албазинского острога Алексея Толбузина [17]. Он отмечал, что «иноземцы» продолжают нападать на зимовья и острожки. Поэтому, по его расчету, «надобно в Якуцком в полной наряд во всякие посылки перед прежним с прибавкою и для иноземской шатости и в Якуцком зимовать служилых людей 1051 чел.»

Может быть, именно эти отписки и серьезность изложенных в них фактов поколебали позицию правительства. Оно наконец-то пошло на уступки и на этот раз не только санкционировало прежние «приборы» сверх штата, но даже разрешило дополнительный набор. Поэтому М. О. Кровков в 1686 г. «в розных месяцах и числах по указу великих государей и по грамоте» приверстал в казачью службу сверх «выбылых мест» 48 чел.[18]

---

[15] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 950, л. 199—200, 209—211; ДАИ, т. VIII, с. 157—160, 365.
[16] ДАИ, т. VIII, с. 182—185, 364—365.
[17] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 1589, л. 283—284; ДАИ, т. X, с. 316.
[18] ЦГАДА, Сиб. прик., кн. 871, л. 45—48.

В результате в 1686 г. в Якутском уезде на службе должно было состоять 790 чел. Из них на действительной службе числилось 774 чел., в том числе ружников 10, подьячих 13, толмачей 1, детей боярских 22, сотников 5, атаманов 1, пятидесятников 20, десятников 29, пушкарей 2, палачей и биричей 2, сторожей приказной избы 2 и казаков 667 [19].

В дальнейшем численность служилых людей продолжала возрастать. Так, в 1691 г. на службе должно было состоять 908 чел. Но в результате эпидемии оспы и по другим причинам многие умерли. Поэтому на службе состояло 760 чел., в том числе ружников 9, подьячих 12, детей боярских 20, сотников 3, атаманов 3, пятидесятников 18, десятников 17, городничих 1, судовых плотников 1, кузнецов 3, пушкарей и воротников 3, сторожей приказной избы 2, палачей и биричей 2 и казаков 666 [20].

Наличие большого числа незаполненных мест (в 1691 г.— 148) послужило причиной проведения набора добровольцев вне пределов Якутского уезда. В итоге в 1693 и 1694 гг. из Тобольска, Тюмени и Енисейска прибыло в Якутск 54 сына боярских и 45 казаков [21]. Поэтому в 1696 г. в окладовую книгу внесено 995 фамилий служилых, в том числе «выбылых» 158. Фактически же служило 837 чел., в том числе ружников 9, подьячих 14, детей боярских 66, сотников 1, атаманов 3, толмачей 1, пятидесятников 19, десятников 12, городничих 1, судовых плотников 2, кузнецов 3, пушкарей и воротников 6, сторожей 2, палачей и биричей 1 и казаков 697 [22].

В итоге деятельности местной администрации по заполнению пустующих мест к началу XVIII в. были достигнуты известные успехи. В окладной книге 1701 г. «выбылых мест» показано только 22, а состоящих на службе служилых людей — 936. Среди них ружников было 8, подьячих 8, детей боярских 62, сотников 3, атаманов 3, толмачей 1, пятидесятников 17, десятников 20, городничих 1, судовых плотников 2, кузнецов 3, пушкарей и воротников 6, сторожей 2, палачей и биричей 1, казаков 799 [23].

В дальнейшем, когда к Якутску была приписана обширная территория Камчатки, вошедшая в состав России в конце XVII — начале XVIII в., началось интенсивное направление казачьих отрядов в этот район. В 1701 г. туда из Якутска были направлены «по выбору якутцких всяких чинов служилых людей»: приказчик, пятидесятник, 4 десятника и 50 казаков; в 1708 г.— 50 служилых людей, из которых 35 были присланы из Тобольска и Енисейска; в 1709 г.— приказчик и 67 служилых, набранных в Якутске из промышленных и гулящих людей; в 1710 г.— приказчик, 33 якутских казака и новоприборных из промышленных

[19] Там же, кн. 871.
[20] Там же, кн. 994.
[21] Там же, кн. 1106, 1222, 1344; стб. 855, л. 1—51.
[22] Там же, кн. 1106.
[23] Там же, кн. 1344.

и гулящих людей; в 1711 г.— приказчик, 58 служилых Якутска, московских рекрутов и илимских солдат и новокрещенных. Ежегодная посылка подобных отрядов в остроги и зимовья Камчатки, разумеется, потребовала нового увеличения штата служилых людей. Поэтому Верховный тайный совет указом от 31 марта 1727 г. велел «в Якуцк к прежним прибавить и быть 1500 человекам» [24]. Ввиду этого в ведомости, составленной в 1728 г., значится 1126 чел., в том числе казачьих голов 4, дворян 17, детей боярских 95 и рядовых служилых 1010 [25].

Когда правительство 29 апреля 1731 г. издало указ об образовании самостоятельного Охотского правления, с подчинением ему всего Камчатского полуострова [26], новому правлению было определено иметь 300 служилых людей, но за счет 1500 чел., установленных для Якутска [27].

В 1737 г. Сибирский приказ установил новый штат служилого сословия для всей Сибири. При этом Якутску было определено иметь 1 казацкого голову, детей боярских первой статьи 20, второй статьи 30 и рядовых казаков 1375 [28]. Это «Росписание» без изменения действовало долго и на него ссылались до конца 70-х годов XVIII в.[29]

Первоначально имелось в виду, что за счет этого штата будут комплектоваться и «убылые места» в острогах и зимовьях Охотско-Камчатского края [30]. Но этот штат никогда не заполнялся. По якутской административной единице состояло на действительной службе: в 1737 г.— 646 рядовых казаков, в 1759 г.— 664; в 1761 г.— детей боярских 44, казаков 622; в 1766 г.— дворян 10, детей боярских 34, казаков 513; в 1772 г.— сотников 20, пятидесятников 20, казаков 500; в 1779 г.— столько же [31]. Таким образом, число казаков во всех случаях не достигало и половины положенного штата. Причина была одна — не хватало людей. В 1761 г., например, не доставало 753 казаков. В то же время в Якутске насчитывалось только 62 разночинца, которых можно было поверстать в казаки. Поэтому местная администрация обращалась в Сибирский приказ и в Иркутскую губернскую канцеля-

---

ППСЗ, т. IX, с. 95; Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 1. СПб., 1882, с. 465—468.

25 ЦГАДА, ф. 199, порт. 7, д. 481, л. 140.

26 *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край, Якутск, 1958, с. 9—10.

27 ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 1, д. 1, л. 2—3.

28 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 2725, л. 10 об., 45, 55; *Прутченко С. П.* Сибирские окраины. Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления Русского государства. Приложения. СПб., 1899, с. 190.

29 ЦГАДА, ф. 607, оп. 1, д. 36, л. 4, 7; оп. 2, д. 47, л. 90; ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 61, л. 1.

30 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 2725, л. 47.

31 Там же, л. 10, 45, 46, 55; ф. 607, оп. 1, д. 36, л. 4, 7; оп. 2, д. 47, л. 90; ЛПБ, Эрм. собр., ф. Эрм. 238, 6-f, л. 39—40.

рию с просьбой «снабдить особливым предложением»[32], но последовавшие предложения не выправляли положения.

Обстоятельства значительно изменились с 70-х годов XVIII в. С одной стороны, охотско-камчатские земли окончательно вышли из якутского подчинения, еще до этого получив самостоятельный штат, с другой — ясачными реформами второй половины 60-х годов сбор ясака был передан самим якутским князцам и таким образом казаки освободились от несения своей основной обязанности. Поэтому в 1779 г. Иркутская губернская канцелярия установила новый штат служилых для Якутской провинции: 500 казаков, в том числе 300 конных и 200 пеших, оставив без изменения число командного состава (50 детей боярских)[33]. Этот штат был пересмотрен только в 1822 г. в связи с проведением административных реформ М. М. Сперанского, когда для Якутской области и Охотского края был предусмотрен один городовой казачий полк в составе команд Якутской, Охотской и Гижигинской. В полку должны были состоять полковой атаман, 5 сотников, 5 хорунжих, 18 пятидесятников, 28 младших урядников, 7 писарей, 7 мастеровых и 500 казаков, всего 571 чел.[34] В пределах этого штата по Якутской области казаков состояло: в 1823 г.— 453, в 1835 г.— 480, в 1854 г.— 385[35]. Число казаков, несших службу, на уровне последнего года удержалось и в дальнейшем. Например, в 1871 г. их было 384[36].

Что касается Охотско-Камчатского края, то для него до 1777 г. не устанавливалось определенного штата. В XVII — начале XVIII в. этот край входил в состав Якутского уезда. Поэтому там попеременно служили якутские казаки, по 40—50 и более человек ежегодно на Охотском побережье и по 50—70 чел. на Камчатке. Положение не изменилось и после образования в 1731 г. самостоятельного Охотского правления. «Убылые места» в острогах и зимовьях Охотско-Камчатского края должны были пополняться, как отмечено выше, за счет штата, установленного в 1737 г. Сибирским приказом для Якутского уезда. Только в 1777 г. было определено, что в Охотске (без Камчатки) должны служить 100 казаков[37].

Поэтому до 1777 г. в Охотск и на Камчатку казаки, как и прочие военные чины, посылались по мере требований и наличия средств. В 1772 г. там служило более 400 казаков, в том числе в Охотске — 101, Гижигинске — 137, Тауйске — 19, Ямске — 37 (вместе с солдатами), в Тигильской крепости — 53, Нижнекам-

---

[32] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 2725, л. 10—11.
[33] ЛПБ, Эрм. собр., ф. Эрм. 238, 6-f, л. 39—40; ППСЗ, т. XXXVIII, № 29131 с. 532.
[34] ППСЗ, т. XLIII, с. 199.
[35] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1 (54), д. 128, л. 20; д. 146, л. 245; оп. 4, д. 112, л. 85.
[36] Памятная книжка Якутской области на 1871 год. СПб., 1871, табл. 1.
[37] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 11, с. 54.

чатске — 63, в Верхнекамчатске и Большерецке — 86. Сверх того там находились на службе 144 солдата и офицера, главным образом в Охотске (109 чел.) [38]. В 1776 г. в Охотске было 208 казаков различных чинов, в Тауйске — 44 [39]. Однако число казаков не всегда было столь внушительным. В 1743 г., например, если верить сведениям А. Шаховского, на Камчатке служило всего 49 казаков, в том числе в Большерецке — 19, Верхнекамчатске — 13, в Нижнекамчатске — 17; в мелких острожках по Охотскому побережью — 28 (в Ямском — 6, Тауйском — 8, Акланском — 9, Удском — 5) [40]. В 1762 г. в Гижигинске было 77 казаков [41].

После 1777 г. положение несколько стабилизуется. В 1798 г. в Охотской городовой команде состояло (помимо 130 солдат и офицеров) 8 сотников, 3 пятидесятника и 85 казаков; в 1801 г.— 2 сотника, 2 урядника, 2 пятидесятника, 2 дворянина, 2 детей боярских, 87 казаков; в Тауйске в 1801 г. было 10 казаков, на Юдомском Кресте — 6, на плотбище Урак — 5. В 1806 г. в Гижигинске служили сотник, 3 пятидесятника и 74 казака [42].

«Положением о преобразовании на Камчатке воинской и гражданской части» от 9 апреля 1812 г. был установлен штат, действовавший без изменения до самого перенесения Петропавловского порта в Новониколаевск в 1856 г. На Камчатке должны были служить сотник, 5 урядников и 50 казаков; в Гижигинске — 2 сотника, 3 урядника и 100 казаков. Такое большое число казаков в Гижигинске объяснялось тем, что ежегодно в марте 60 из них сопровождали купеческие караваны на чукотскую ярмарку [43].

В соответствии со штатом состояло на службе: на Камчатке в 1827 г. 50 казаков (кроме того, сотник и 5 урядников) (в Петропавловске 29, Нижнекамчатске 7, Большерецке 4, Тигильской крепости 15), в 1835 г.— 53, в 1848 г.— 36; в Гижигинске в 1827 г.— 107, в 1840—1847 гг.— 87 [44]. В Охотской казачьей сотне состояли в 1834 г. 4 пятидесятника, 6 урядников и 59 казаков, в 1850 г.— пятидесятник, 5 урядников и 72 казака [45].

Из кого состояли служилые люди?

В тот период, когда край входил в состав Енисейского уезда, служилые люди приезжали сюда главным образом из этого уезда

---

[38] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы. СПб., 1869, ч. III, с. 23—26.

[39] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 53.

[40] *Шаховский А.* Известия о Гижигинской крепости.— Северный архив, 1822, № 22, с. 300, 311.

[41] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 16, л. 2—4.

[42] ЦГАДА, ф. 1096, д. 51, л. 178—179; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1506, оп. 1, д. 80, л. 27; ф. 1059, оп. 2, д. 14, л. 49—51.

[43] ППСЗ, т. XLIII, ч. II, с. 412—413.

[44] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 71, л. 13; д. 336, л. 36; ф. 1076, оп. 5, д. 177, л. 33; оп. 6, д. 415, л. 27; *Прутченко С. П.* Сибирские окраины, с. 348.

[45] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1063, оп. 3, д. 225, л. 5—7; ф. 1073, оп. 1, д. 37, л. 50.

и отправляли службу, руководствуясь наказами воевод Енисейского острога.

Затем, когда в 1638 г. был образован самостоятельный Якутский уезд, служилых людей стали присылать из трех сибирских уездов: Тобольского, Березовского и Енисейского.

Первую партию служилых людей в количестве 400 чел. в Якутский острог привезли первые воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов, выехавшие из Москвы в 1638 г. Детей боярских (5) они забрали в Казани, остальных служилых — в Тобольске (тобольских 245, березовских 50) и в Енисейске (100) [46].

Их посылали временно. Определенного срока службы установлено не было. Общим являлось правило, согласно которому они должны были служить «до тех мест, покаместа на их место присланы будут иные тобольские, березовские и енисейские служилые люди» [47]. Так как служба таких людей считалась временной, рассчитанной на несколько лет, их называли «годовальщиками» [48]. Однако большинство приезжих служили гораздо дольше.

Новые партии тобольских и березовских казаков и стрельцов прибыли только в 1646—1649 гг., в четыре приема, по 50 чел. в партии, в том числе вместе с воеводой В. Н. Пушкиным в 1646 г., с пятидесятниками Борисом Оноховским в 1647 г. и Ларионом Харитоновым Едомским в 1648 г. Они заменили 200 служилых, прибывших с Головиным и Глебовым [49].

Больше из Тобольска служилых людей на смену прежним не посылали. Поэтому остальные 200 чел., половину которых составляли енисейские казаки, вынуждены были остаться в Якутске на постоянную службу.

Прекращение отправки служилых людей в Якутск объяснялось трудностью организации этого дела: сибирские казаки не всегда охотно шли на это, тяжелы были и дорожные условия. О нежелании сибирских казаков ехать в Якутск свидетельствует распространенность найма (в Сибири до Петра I служилые люди имели право нанимать на свое место заместителей — «наемщиков»). Приведем один пример. В числе привезенных в 1648 г. в Якутск Л. Едомским 50 казаков «наемщиков» было 25. Большую часть из них наняли в городах Западной Сибири те казаки, которые были определены на якутскую службу и не захотели туда ехать. Некоторых наняли казаки, заболевшие в дороге. Например, казак Лука Иванов Бородулин, который в Енисейске «занемог», нанял на свое место казачьего брата Семена Алексеева. В свою очередь 7 «наемщиков», заболевших в дороге, также были вынуждены нанять заместителей в Енисейском остроге [50].

---

[46] ДАИ, т. II, с. 265.
[47] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 298, л. 8.
[48] Там же, стб. 274, л. 120.
[49] Там же, стб. 298, л. 8, 43; стб. 344, л. 188—191; кн. 228, л. 1—38; ДАИ, т. III, с. 224.
[50] ЦГАДА, Сиб. прик., кн. 228, л. 33—38.

«Наемщики» получали плату от тех, кого они заменяли, и давали им обязательство в виде «ручательной записи» исправно служить до перемены. Приведем текст одной такой записи, относящейся к 1639 г.: «Се яз Федор Козьмин сын Важенин, гулящий человек, дал есьми настоящую запись Енисейскою острогу служилому человеку Онтипе Иванову: я нанялся у него в его место на службу и служити мне за него всякая служба зимою и летом, и нартою и на лыжах, с ыными енисейскими служилыми людьми, куда пошлет атаман Осип Галкин. Служити мне за атаманом Галкиным и служилыми людьми до перемены, как в Якуцкой острожек перемена будет атаману и служилым людем. Найма взял 21 пуд муки ржаной, топор, 4 безмена сала говяжья, 4 безмена толокна, 4 безмена круп». Ф. Важенин дал обязательство со службы не бежать, а если почему-либо не дослужит — «отдати наем вдвое». Получил он от нанимателя и пищаль, но с условием возвратить после службы или же заплатить два рубля в случае порчи или потери [51].

Тяжелые дорожные условия и нежелание части казаков ехать на службу в далекий Якутск не были единственными причинами прекращения отправки людей из сибирских уездов. На Лену ежегодно прибывали невольные колонисты — ссыльные. Значительная часть их подлежала поверстанию в службу. Еще больше наезжало промышленников, заполнявших богатые промысловые районы. Возникали также пашенные волости и кое-где посады. Словом, постепенно слагалось местное русское население, за счет которого можно было пополнять состав служилого люда. Кроме того, некоторая часть местного нерусского населения переходила в христианскую веру и таким путем получала право записаться в ряды служилых.

Но практика набора для Якутска служилых людей в сибирских уездах прекратилась не сразу. Вначале перестали набирать казаков для пополнения «убылых мест». Уже в 1646 г. в Тобольске, Березове и Енисейске были получены царские грамоты, в которых писалось: «Вперед бы есте в Тобольску и на Березове и в Енисейске на выбылые места тобольских, березовских и енисейских служилых людей, которые выбудут на Лене, не верстали» [52]. Затем с 1650 г. прекращается и вся практика посылки служилых людей из уездов этих же городов.

Начиная с этого времени пополнение штата гарнизона легло целиком на обязанности якутских воевод. В дальнейшем, с начала 1650-х годов, имели место лишь отдельные случаи присылки людей, вызванные обстоятельствами экстраординарного характера. В 1679 г. правительство послало указы в Енисейский и Илимский остроги с предписанием послать в Якутск на «выбылые места» 76 казаков путем добровольного прибора, с женами и детьми.

---

[51] ЦГАДА, Як прик. изба, ф. 1177, оп. 1, стб. 1, л. 18.
[52] Там же, Сиб. прик., стб. 274, л. 119, 135.

Однако указ был выполнен частично. Среди казаков Илимского острога охотников нашлось 16, 2 казачьих сына были определены на службу по выбору служилых людей. Они прибыли в Якутск летом 1680 г. В Енисейске нашелся 31 охотник, да по выбору казаков к отправке были определены 9 чел. Выехали они из Енисейска летом 1680 г., но из них в Якутск прибыло в 1681 г. лишь 36 чел. Таким образом, в течение 1680—1681 гг. поступили вместо 76 чел. только 54 [53].

Тревожное положение в Якутске создалось и в начале 90-х годов XVII в. В 1692 г. воевода И. М. Гагарин сообщал в Москву о губительном оспенном поветрии: с 23 мая по 9 августа 1691 г. в Якутске от оспы умерло детей боярских, подьячих и казаков 115, казачьих детей, жен, новокрещенных якутов 715 и «в Якуцком многие домы запустели, а иные многие служилые люди и казачьи дети и женска полу и младенцы лежат воспою при смерти»; верстать на службу некого, гулящих людей нет. Это было, конечно, чрезвычайное происшествие. Поэтому в июне 1692 г. из Москвы в Енисейск была послана грамота с повелением послать в Якутск 200 пеших казаков, стрельцов и их детей, братьев и племянников с тем, чтобы они там служили «до великих государей указу». Но воевода Степан Коробьин ответил, что служилые люди из Иркутска и Удинска прошли мимо Енисейска в Тобольск и другие города и поэтому послать некого. Ввиду этого правительство в феврале 1693 г. предписало воеводам послать в Якутск из Тобольска 50 детей боярских «из меньших окладов», из Тюменска — 20 детей боярских, из Енисейска — 10 детей боярских и 50 казаков, из Илимска — 70 казаков и их детей и братьев. Во исполнение этого предписания летом 1693 г. было послано в Якутск из Тобольска детей боярских 24, из Тюмени — 20, из Енисейска 10 детей боярских и 45 казаков. Все они прибыли в Якутск в 1693—1694 гг. Из Илимска же казаки не были присланы [54].

Правительство, отказавшись от посылки людей из сибирских городов, не замедлило дать указание якутским воеводам относительно того, из каких источников пополнять «убылые места». Уже в 1646 г. оно предписало для этой цели «прибрать» ссыльных, посланных на службу [55]. В 1649 г. оно повторило это предписание и сообщило воеводе Д. Францбекову, что «на убылые места гулящих людей в службу верстать не велено, а велено в службу верстать ссыльных людей, которых по нашему указу велено верстать в службу» [56]. Однако ввиду многочисленности сигналов воевод о наличии незаполненных мест правительство

---

[53] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 930, л. 199—200, 209—211; ДАИ, т. VIII, с. 157—160, 172, 184, 365.
[54] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 855, л. 1—51; кн. 1106, 1222, 1344.
[55] Там же, стб. 274, л. 121.
[56] ДАИ, т. III, с. 224.

со временем разрешило верстать, кроме ссыльных, и «казачьих детей, и братью, и племянников», запретив по-прежнему принимать на службу крестьян, посадских и гулящих людей [57].

В 1672 г. в Якутск была прислана грамота с такими же указаниями [58].

В грамотах причины этих установок не указывались. Поэтому ходатайства о разрешении принять на службу промышленных и гулящих людей не прекращались. В 1675 г. били челом все служилые люди Якутского острога. Они просили разрешить приверстать промышленных и гулящих людей, «чтоб твоих великого государя всяких непослушных иноземцев на реках и в зимовьях было кем смирить и вновь тебе великому государю иных землиц приискать и чтоб за малолюдством твои великого государя службы и сборы не стали» [59]. Мы не знаем, какой ответ был дан на эту челобитную.

Однако такая политика правительства мало влияла на местную практику. Москва предписывает, дает указания, исходя из интересов социальной политики сословной изоляции. Якутск делает вид, что внимает этим предписаниям, и в то же время шлет в Москву ходатайства, действует формально в рамках законности, однако мало считается с предписаниями, шаг за шагом нарушая их и пополняя штат по своему разумению, как подскажет местная действительность.

Еще П. П. Головин, если верить его недоброжелателям, незаконно взял «вновь на службу из промышленных и гулящих людей» 96 чел. [60] Воевода же В. Н. Пушкин писал в Москву о выгодности брать на службу промышленников, так как, мол, они на Лене живут лет по 5—10 и более, службу знают хорошо и с казаками не раз были в походах. Более того, он велел брать на службу именно гулящих людей [61]. Другой воевода, И. П. Акинфов, в наказной памяти от 30 июня 1652 г. пятидесятнику Ивану Реброву, отправленному в Колымский острог приказчиком, дает уже прямое указание о верстании на «выбылые места» промышленников. «А где будет доведетца, к тем служилым людем в прибавку имать из промышленных людей, которые тут на Колыме реке для своего промысла будут» [62]. В 1676 г. А. А. Барнешлев в Москву сообщил о том, что его предшественник Я. П. Волконский «мимо указу великого государя» верстал многих гулящих и посадских людей и крестьян. Одновременно он писал, что отставить их не может, чтобы «за малолюдством великого государя дальние и ближние службы не стали» [63]. В другой отписке

---

[57] ДАИ, т. VII, с. 327.
[58] ДАИ, т. VI, с. 401.
[59] Там же, с. 402.
[60] Якутия в XVII веке. Очерки. Якутск, 1953, с. 314.
[61] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 274, л. 424.
[62] ДАИ, т. III, с. 351.
[63] ДАИ, т. VII, с. 327.

он же докладывал, что им в 1675—1676 гг. приверстано на «выбылые места» гулящих людей 22 чел., казачьих детей, братьев и племянников 118, новокрещенных якутов 3, ссыльных 2 чел. При этом он оправдывался: «А будет, государь, из гулящих людей в выбылые оклады в службу не верстать и на твои, великого государя, службы посылать будет некого, потому что, государь, в Якуцком казачьих детей и братей и племянников, которые годятца в твою, великого государя, службы нет... а которые и есть, и те малы, лет по 5 и по 6 по 10» [64]. По тому же пути пошли и его преемники. Например, воевода И. В. Приклонский в начале 1680-х годов распорядился, чтобы приказчики крестьянских волостей «прибрали» на службу из гулящих 50 чел. [65]

Это примеры, отобранные из ряда многих других, показывают, что с самого начала, когда пополнение штата служилых людей стало обязанностью якутских воевод, последние, несмотря на московские указы верстать на «выбылые места» одних ссыльных и родственников казаков, вынужденно стали на путь пополнения штата по своему усмотрению. В результате сложились следующие источники набора служилых людей: родственники казаков, новокрещенные иноземцы, ссыльные и гулящие люди преимущественно из числа промышленников. В дальнейшем такая практика была правительством как бы молчаливо узаконена [66].

Так продолжалось до 1707 г., когда казачье звание стало наследственным. Царский указ устанавливал отныне обязательное зачисление в казачью службу казачьих детей и родственников. И только при их недостатке разрешалось «брать также из посада, а что не достает, то пополнить из доимочных рекрут и гулящих людей» [67]. Начиная с этого времени казаки должны были служить всю свою жизнь, отставка давалась только больным и старикам. Их потомство также должно было нести исключительно военную службу [68].

Данная установка действовала почти целый век, пока не был обнародован Доклад Сената, утвержденный 28 сентября 1796 г. Согласно этому Докладу из казаков Восточной Сибири учреждалось иррегулярное войско. Оно должно было состоять из людей всех податных сословий, т. е. крестьян, посадских, купцов и т. д., причем наследственность казачьей службы сохранялась по-прежнему [69]. Таким образом, снимались все прежние ограничения, связанные с комплектованием казачьего войска.

---

64 ДАИ, т. VI, с. 402.
65 Якутия в XVII веке, с. 315.
66 Там же, с. 314.
67 Краткий исторический очерк Якутской области.— Памятная книжка Якутской области на 1891 год. Якутск, 1891, с. 68.
68 *Матюнин М.* О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка.— Памятная книжка Якутской области на 1871 год, с. 174.
69 Там же.

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. сохранил этот порядок. Дети казаков, не имеющие права выхода из своего сословия, по достижении 16-летнего возраста записывались в казаки соответствующего полка. И только в случае их недостатка следовало набирать людей из свободных состояний [70]

Теперь разберем вопрос о количественном соотношении, т. е. о роли каждой из указанных категорий населения в пополнении состава служилого населения.

В якутской окладной книге 1648 г. показано 19 «убылых мест». Вместо выбывших было принято 17 чел., в том числе отставных казаков 3, ссыльных 8, промышленников 6 [71].

В 1640—1653 гг. на «убылые места» было принято 296 чел., в том числе казачьих детей, братьев и племянников 47, ссыльных 111, служилых людей из Тобольска, Березова, Томска, Енисейска, Красноярска и Мангазеи 28, отставных казаков 14, «заменных» служилых людей 7, из «наемщиков» 6, «новоприборных» (кто они — неизвестно) 5, новокрещенных 2 и промышленных и гулящих людей 76 [72].

В окладной книге 1656 г. числится 72 вакантных места. На них поверстано только 27 чел., в том числе ссыльных было 8, отставных казаков и родственников казаков — 5, промышленников — 14 [73].

В 1650—1672 гг. «мимо указу великого государя» было поверстано в дети боярские, причетники церкви, воротники, палачи и казаки 32 ссыльных «Мимо указу» потому, что из них сосланных на службу было только двое, а остальных следовало поверстать на посад и пашню [74]. Такое нарушение указа допускалось, потому что желающих верстаться на службу было много меньше, чем требовалось.

В 1675 г. воевода А. А. Барнешлев приверстал на «выбылые места» 2 ссыльных, 5 казачьих детей, братьев и племянников, 2 новокрещенных якутов и 22 гулящих людей. Он же в 1676 г. «прибрал» 6 казачьих детей и одного новокрещенного. «А в остатке за тою приверсткою осталось выбылых мест пятидесятников 6 чел., десятников 18 чел., рядовых казаков 80 чел., всего 104 человека» [75].

Воевода И. В. Приклонский в 1681 г. приверстал на выбылые места 2 ссыльных, посланных на посад, и 84 казачьих детей и братьев, в 1682 г. — 25 казачьих детей, братьев и племянников и новокрещенных якутов. Кроме того, «велел в Чичюйской, и в Устькутцкой, и в Верхнекиренской, и в Орленской, и в Тутур-

---

70 ППСЗ, т. XXXVIII, № 29131, с. 537.
71 ЦГАДА, Сиб. прик., кн. 228.
72 Там же, стб. 344, л. 188—191.
73 Там же, ф. 214, кн. 375.
74 Там же, кн. 578.
75 ДАИ, т. VI, с. 402.

ской, и в Илгинской, и в Бирюльской волостях прикащиком прибрать вновь из гулящих людей в казачью службу 50 чел.»[76]

В окладной книге 1684 г. выбылых мест показано 40. Воеводская канцелярия сумела набрать 22 чел., в том числе 5 ссыльных, 10 казачьих сыновей и братьев, 3 новокрещенных якутов и 4 промышленника[77].

В 1686 г. «выбылых мест» было 54. В счет выбывших набрано 38 чел., в том числе 2 бывших казака, отставной заплечный мастер, отставной пушкарь, казак Албазинского острога и 33 казачьих брата, сына и племянника[78].

В 1691 г. выбывших насчитали 185 чел. Такой громадный отсев получился от «оспенного поветрия», имевшего место в 1691 г. Общее число умерших доходило до 140 чел., в том числе от оспы — более 100 человек. Ввиду эпидемии оспы местная администрация при всем старании смогла набрать вместо 185 чел. только 38, среди них были 2 ссыльных, новокрещенный якут и 35 родственников служилых[79].

Громадным был отсев и в последующие годы. В окладной книге 1696 г. «выбылых мест» показано 163. Умерших было 130 чел., в том числе многие умерли в 1691—1693 гг. от оспы. Однако воеводы сумели набрать только 5 чел., двое из которых принадлежали к категории казачьих сыновей и братьев и «гулящих людей»[80].

В конце XVII в., по данным окладной книги 1701 г., выбыл 81 чел. Вместо них набрано 59 чел., в том числе из казаков 2, из посадских 1, из ссыльных 1 и из родственников служилых 55 чел.[81]

Таковы данные о количественном соотношении тех категорий населения, из среды которых набирались служилые люди. Они показывают, что до начала 1670-х годов основными источниками пополнения состава служилых людей являлись ссыльные и промышленники. Затем шли родственники казаков, которых было мало, так как многие казаки были одиноки. Еще меньше пополнения давало местное население, которое крестилось редко. С начала же 1670-х годов картина меняется: отныне служилые набираются в основном из детей и родственников казаков, ибо в это время подавляющая часть последних имела семьи. Сссылка утратила прежнее значение и в пополнении состава служилого населения перестала играть существенную рель. Ту же картину наблюдаем и в отношении промышленников, что объяснялось сокращением их наплыва в связи с истреблением ценного зверя.

---

[76] ДАИ, т. VIII, с. 184.
[77] ЦГАДА, ф. 214, кн. 970.
[78] Там же, кн. 871.
[79] Там же, кн. 994.
[80] Там же, кн. 1106.
[81] Там же, кн. 1344.

Местное население, как и раньше, редко версталось на службу, поскольку оно продолжало придерживаться шаманизма, относясь поэтому к «иноверческой категории».

Положение еще более меняется в XVIII — первой половине XIX в. В этот период на территории всего северо-востока Азии ссылка ввиду резкого сокращения числа ссыльных окончательно утрачивает свое значение в качестве источника пополнения служилого населения. То же относится к промышленным людям. Теперь основной костяк служилых людей рекрутируется из потомков и родственников самих казаков, а также из представителей крестьян, посадских, цеховых, купцов и т. д. Однако из-за малочисленности последних местная администрация, особенно обширной Якутии, испытывала множество трудностей при комплектовании казачьего войска. Это более всего наблюдалось в XVIII в. К решению этого вопроса пробовали подходить с разных точек зрения. Сенат в 1744 г. предлагал в Восточной Сибири казачье войско «умножать сколько когда возможность допустит из дворянских и сына боярских детей и из других чинов, не положенных в подушный оклад». Но оказалось, что в Якутске, «кроме малого числа годных ко определению в службу из малолетних казачьих детей подростков, более других не положенных в подушный оклад никого не имеется». Думали штат пополнить казачьими детьми городов, подчиненных Иркутску, но этому помешал указ Сената от 1759 г., согласно которому не положенные в подушный оклад жители этих городов «все без остатку имеют быть отправлены на нерчинские заводы на поселение». Выдвигалось и предложение «по укомплектованию в Якуцке штата в казаки набрать подобно как рекрутские наборы бывают, со всех положенных в подушный оклад». Но оно в Сенате не получило положительного решения [82]. В итоге, как мы видели выше, Якутия всегда испытывала недостаток в служилых людях. Много трудностей в этом вопросе встречала и администрация Охотско-Камчатского края, особенно в XVIII в. Местного русского населения здесь не хватало. Поэтому «убылые места» пополнялись, как правило, присылкой людей из Якутска [83]. Пополнение нередко присылалось также из Иркутска, Илимска, Киренска и других мест верховьев Лены. Иногда оно было значительным. Доставка людей в Охотско-Камчатский край совершалась с большим трудом, причем многие из них бежали. С середины XVIII в. в целях воспрепятствования их побегам у них брили головы, «дабы оные по заобыклому их к побегу злому намерению паки с пути утечки не учинили». Брили волосы «с уха на ухо, до половины головы» [84].

[82] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1344, оп. 5, д. 2725, л. 23—25, 45—46.
[83] Там же, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 2725, л. 47—48.
[84] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. II. Иркутск, 1957, с. 582—585.

УСТРОЙСТВО, ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ И ВООРУЖЕНИЕ

Со времени присоединения северо-востока Сибири к России появились официальные термины «якутский казак», «якутское казачество». Ими обозначались все служилые, приписанные к Якутску, независимо от места временного их нахождения для отправления различных служб. Со времени отделения Охотского побережья соответственно возникают казаки «охотские» и «камчатские».

Казаки в пору первоначального освоения края часто использовались как вооруженная сила. Впоследствии они несли главным образом гражданскую службу в селениях русских жителей и в улусах нерусского населения. Поэтому они не представляли собой воинской силы в прямом значении этого слова. Но они являлись проводниками политики царизма.

Якутские казаки, несмотря на свою многочисленность, долгое время не имели своей организации, собственного начальника, не разбивались на отряды и не имели устава. Полновластным их хозяином был воевода, сосредоточивший в своих руках власть и административную, и судебную, и финансовую, и военную. Все назначения, смещения и перемещения по службе зависели от него.

Положение начало несколько меняться с 1701 г., когда по указу Петра I якутские казаки впервые были объединены в полк во главе с казачьим головой. В него вошли казаки Якутии, Охотского побережья, Камчатки и Анадыря. Но голова подчинялся тому же воеводе.

В 1767 г. Иркутская губернская канцелярия переименовала полк в команду. Так возникла «якутская казачья команда», во главе которой стоял голова. Последний впервые вышел из-под власти якутских воевод и стал подчиняться иркутскому обер-коменданту. К этому времени существовали уже казачьи команды в Охотске, на Камчатке, в Гижигинске и Анадырске. В 1805 г. в связи с образованием Якутской области якутская казачья команда снова была подчинена местной администрации — начальнику области. Затем в 1822 г. в ходе осуществления реформ Сперанского произошло последнее изменение: якутская команда была преобразована в Якутский пеший казачий полк во главе с полковым атаманом, подчинявшимся якутскому областному начальнику. В состав полка входили команды якутская, охотская и гижигинская.

Отдельная камчатская казачья команда продолжала существовать, анадырская же команда была ликвидирована в 1760-х годах в связи с упразднением самого Анадырского острога [85].

---

[85] ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 2, д. 7, л. 18; ф. 1095, д. 4, л. 2; ф. 1096, д. 51, л. 178—179; ППСЗ, т. XXXII, № 25081, с. 284; т. XXXVIII, № 29131, с. 532; т. XLIII, ч. II, с. 412—413; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших

Служилые люди в XVII в. и после образования полков и команд делились на разряды. Рядовые, на которых падала вся тяжесть службы, назывались казаками. Это звание за ними сохранилось до самой Октябрьской социалистической революции. Командный состав состоял из десятников, пятидесятников, атаманов, сотников и детей боярских. Эти чины прочно удерживались до XVIII в. Затем в связи со специализацией управления, вызванной постепенным усложнением хозяйственной и административной жизни, некоторые из них исчезли и вместо них появились новые. С начала XVIII в. исчез чин атамана, с середины века — десятника, а с конца века — сына боярского. Все эти и дальнейшие изменения чинов можно хорошо проследить по документам.

В середине XVIII в. казачья команда Анадырской крепости состояла из казаков, пятидесятников, есаулов и сотников [86]. Казачья команда Гижигинской крепости в 1773—1806 гг. состояла из казаков, пятидесятников и сотников [87]. В 1809 г. казаками Зашиверского комиссарства командовал урядник [88]. Положение о Камчатке 1812 г. предусматривало для камчатской и гижигинской казачьих команд в качестве командиров урядников и сотников [89]. Это Положение действовало до 1856 г. В 1820 г. в Нижнеколымске казаками командовали два капрала и сотник [90]. Известное единообразие в казачьи чины ввел «Устав о сибирских городовых казаках» 1822 г. В штате Якутского пешего казачьего полка, утвержденного в связи с принятием этого Устава, кроме полкового атамана, числились казаки, урядники, пятидесятники, хорунжие и сотники [91]. Сообразно с этим в 1864 г. в составе Якутского пешего казачьего полка, кроме казаков, числились: полковой атаман, 5 сотников, 4 хорунжих, 3 зауряд-хорунжих. За ними следовали пятидесятники и урядники [92].

Теперь о порядке присвоения казачьих чинов.

Чин сына боярского в XVII — начале XVIII в. присваивался в Сибирском приказе по представлениям воевод и дьяков. Однако звания эти присваивались и по прошениям самих заинтересованных лиц. В таком случае претендент подавал челобитную с изложеним своих заслуг за время многолетней службы. Ее посылали в Сибирский приказ. В случае положительного решения здесь писалась грамота в Якутск о присвоении челобитчику чина

событий на Камчатке..., ч. IV, с. 75, 79, 92—93; *Прутченко С. П.* Сибирские окраины, с. 348.

[86] ЦГАДА, ф. 1095, л. 2.

[87] Там же, ф. 199, № 528, порт. 2, д. 7, л. 18; ф. 1096, д. 51, л. 178—179.

[88] ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 42, л. 17.

[89] ППСЗ, т. XLIII, ч. II, с. 412.

[90] ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 2.

[91] ППСЗ, т. XLIII, с. 199.

[92] Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864, с. 19—20; *Матюнин М.* О покорении казаками Якутской области..., с. 182.

сына боярского. Начиная с 1710 г., когда был упразднен Сибирский приказ, казаки, десятники, пятидесятники, сотники, посадские люди и разночинцы производились за их заслуги в дети боярские решением сибирских губернаторов, а также иркутских провинциальных воевод. После 1730 г., когда был восстановлен Сибирский приказ, чины стало присваивать и это учреждение. В 1746 г. этот порядок был изменен и указом Сената производство в чин сына боярского стало компетенцией самого Сената [93].

Таким же образом присваивались чины атаманов и сотников Что же касается чинов десятника и пятидесятника, то они присваивались не только Сибирским приказом и губернаторами, но и местными воеводами. При этом, разумеется, принимались во внимание опыт и знание служилого человека. «По его челобитию за службы приверстан»,— часто писали воеводы о казаках, переводимых в чины десятников и пятидесятников. «Микитка Тютин в нынешнем 1684 г. августа в 11 день по помете на выписке воеводы Кровкова приверстан вновь в пятидесятники за многие ево службы и раденья и за промысел»,— читаем в окладной книге 1684 г.[94] Некоторых выдвигали за заслуги отцов. Так, в 1699 г. якутский казак Ивашка Калмак был переведен в пятидесятники «за службы и за кровь и за раны отца ево», подьячего Федота Калмака [95].

В дальнейшем такой порядок в основном сохранился. Местные власти могли производить только в самые низшие чины, а присвоение более старших чинов оставалось компетенцией Сената. Правда, в условиях Сибири этот порядок не всегда четко соблюдался. Несмотря на сенатский указ от 1746 г., Сибирский приказ до своего окончательного упразднения в 1763 г. продолжал присваивать казакам звания сына боярского и другие старшие чины. Часто эти чины присваивала и Иркутская провинциальная канцелярия. Последняя занималась даже лишением этих чинов [96]. «Устав о сибирских городовых казаках» 1822 г. ввел известный порядок в это дело. Местные гражданские губернаторы и областные начальники могли производить только в чины урядников, а производство в остальные вышестоящие чины оставалось за Сенатом (по представлениям губернаторов) [97].

В течение всего XVII в. служилые люди всех рангов набирались, перемещались с должности на должность и увольнялись воеводами. Так в основном оставалось и в XVIII в. Правда, с установлением наследственности казачьего звания издавались отдельные указы, ограничивавшие права местного начальства. Например, в 1743 г. Сибирский приказ издал указ, согласно кото-

---

[93] ППСЗ, т. XXII, № 9256, с. 512.
[94] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 970, л. 34 об.
[95] Там же, кн. 465, л. 438 об.
[96] ЦГА ЯАССР, ф. 5, оп. 5, д. 15, л. 26—30; *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. II, с. 589.
[97] ППСЗ, т. XXXVIII, № 29131, с. 537.

рому воеводы Восточной Сибири не могли увольнять от службы даже и явно негодных казаков. Решать такой вопрос должна была Иркутская провинциальная канцелярия. Но это не всегда соблюдалось. Иркутский губернатор Бриль в 1771 г. разрешил местным воеводским канцеляриям самим увольнять и заменять негодных казаков. Зато в 1774 г. были изданы указы, запрещавшие местным воеводам увольнять и сменять детей боярских [98]. «Устав о сибирских городовых казаках» 1822 г. ввел в это дело определенный порядок. Отныне казаки определялись в должности и перемещались по назначению гражданского губернатора и областного начальника, но приказом полкового атамана. Увольнение неспособных к службе производилось «по медицинскому свидетельству и личному осмотру гражданским губернатором или областным начальником во время их разъездов для общей ревизии порядка» [99].

Казаки никогда не проходили военного обучения и не знали строевой службы. Но они обязаны были иметь оружие и боеприпасы [100]. В первое время ими снабжала казна, однако она часто с этим не справлялась. В 1646 г., например, служилые люди жаловались: «Да нам же, государь, твоего государева жалованья пороху и свинцу не дано, на 151 и на 152 годы и на нынешней на 153 год порох и свинец покупали дорогою ценою у гулящих и промышленных людей» [101]. А воевода П. П. Головин «свинцу и пороху» не давал «во всех годах» [102].

По этой и другим причинам снаряжение казаков было скудным. Они обычно имели пищали (гладкие и винтовые) и мушкеты. Более состоятельные держали коней. Несколько лучшим было снаряжение детей боярских. Они имели коней, пищали, а некоторые даже карабины. Часть их имела сверх того сабли и луки со стрелами. Встречались и такие, у которых были куяки (панцири) [103].

Впоследствии, когда северо-восток Азии прочно вошел в состав России и не стало надобности в подавлении мятежей и бунтов местного населения, оружие и боеприпасы казаки стали приобретать за свой счет. Это привело к еще большей пестроте их вооружения. Подавляющее большинство детей боярских обходилось одними пищалями [104].

В XVIII в. многие казаки, особенно в Якутской области, вовсе не имели оружия. Приведем характерный пример. В 1752 г. в Якутск прибыл новый воевода — коллежский асессор У. Ероп-

---

[98] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. II, с. 584, 587, 590.
[99] ППСЗ, т. XXXVIII, № 29131, с. 533, 538.
[100] ДАИ, т. II, с. 164.
[101] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 217, л. 61.
[102] КПМГЯ, с. 25.
[103] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 1222; Якутия в XVII веке. Очерки. Якутск, 1953, с. 317.
[104] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 1222, л. 370.

кин. Он решил ознакомиться с состоянием казачьей команды и организовал смотр. И «при том смотре также и при обучении их военной экзерциции и пальбою холостыми патронами многие казаки при выстрелении из ружья знатно по необыкновенности их от одного только порохового толку не могли на прикладе в руках своих удержать, но уронили на землю, а некоторые тем и ружья свои повредили, другие же и на прикладе ружья каким образом держать и в какую препорцию прикладыватьца стрелять совершенно не знают, что все более последовало то того, что многие от роду своего из ружья не стреливали»[105]. Оружия не имело даже большинство командного состава. Сохранился, например, список якутских детей боярских от 1764 г., в котором обозначено, кто какое имеет оружие. В списке значится 31 чел. Из них 10 не имели никакого оружия, 20 имели винтовку с натруской и 1 чел.— шпагу[106].

Однако на казенных складах был известный запас оружия, но он постепенно истощался или приходил в негодность. В 1712 г., например, в Якутске было 8 медных пушек с 271 железным и 20 каменными ядрами, кроме того, 1500 железных и 600 каменных малых ядер, 6 пищалей, 61 мушкет, 5 шишаков, 6 панцирей, 3 сабли. В 1759 г. пушек разных калибров было 6, ядер чугунных и каменных 1184, бомб чугунных 38, пушечных дробей 1100, ружей 57, свинца 459 пудов, пороху 153 пуда, кольчуг и панцирей 3. К 1771 г. осталось 20 ружей, частью сломанных, 13 тесаков, 53 фузеи негодных, 30 пик, 1 бердыш, а в 1822 г. имелось только 10 пик[107].

Однако по традиции считалось, что у казаков должно быть соответствующее оружие. В «Положении о Камчатке» 1712 г. «предусматривалось, что каждый казак должен иметь собственное оружие»[108]. То же подчеркивалось в «Уставе о сибирских городовых казаках», где писалось, что казаки должны быть вооружены саблями, пистолетами и пиками[109]. Тем не менее из казаков оружие имели только те, кто сопровождал почту, арестантов и различные транспорты.

---

[105] Там же, оп. 5, д. 2725, л. 44 об.
[106] ЦГА ЯАССР, ф. 5, оп. 5, д. 15, л. 26—30.
[107] ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 491, л. 7—9; Сибирские города. Материалы для истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886, с. 134—135; *Матюнин М.* О покорении казаками Якутской области..., с. 180.
[108] ППСЗ, т. XXXII, № 25081, с. 284.
[109] Там же, т. XXXVIII, № 29131, с. 539.

ЖАЛОВАНЬЕ

Служилые люди получали «государево жалованье» деньгами, хлебом и солью. Его годовой размер, зависевший от служебного положения каждого, вначале был установлен при посылке служилых людей с воеводами П. П. Головиным и М. Б. Глебовым (табл. 1) [110].

ТАБЛИЦА 1

Служилые люди	«Государево жалованье»		
	деньгами	хлебом	солью
Тобольские			
пятидесятники	4 руб. 25 алтын	5 четвертей * с осьминой муки ржаной, 1 четверть крупы и толокна	неизвестно
десятники	4 руб. с полтиной		
казаки	4 руб. с полуполтиной		
Березовские			
пятидесятники десятники казаки	4 руб. с полуполтиной	7 четвертей муки ржаной, 2 четверти круп и толокна	»
Енисейские			
пятидесятники	5 руб. с полтиной	5 четвертей с осьминой муки ржаной, 2 четверти круп и толокна	»
десятники	То же		
казаки	5 руб.		

* Четверть — основная мера сыпучих тел, которая в то время в разных частях страны вмещала разное количество хлеба. В данной таблице имеется в виду тобольская казенная четь, вмещавшая 4 п. 23 ф. ржи или 2 п. 11 $1/2$ ф. овса. Четверть подразделялась на осьмину ($1/2$ четверти), полуосмину ($1/4$ четверти), четверик ($1/8$ четверти), полчетверик ($1/16$ четверти), полполчетверик ($1/32$ четверти) и т. д. Поэтому получается, что за год березовские служилые люди получали, кроме денег и соли, около 40 пудов хлеба, круп и толокна, енисейские — 33 и тобольские — 29 пудов.

Непонятно, почему было установлено различие в размерах окладов тобольских, березовских и енисейских выходцев. И на это служилые люди обратили внимание. Они уже с начала 1640-х годов стали обращаться в Сибирский приказ с ходатайствами, во-первых, об уравнении их окладов и образовании одного «ленского оклада», поскольку «всякие службы служат одни», во-вторых, о начислении надбавок на их денежный, хлебный и соляной оклады ввиду необходимости прокормить оставшиеся на родине семьи и трудности службы в отдаленном крае [111].

Но правительство отклонило эти просьбы. Более того, оно в 1641 г. прислало в Якутск грамоту с предписанием «выворачивать на семьи [служилых людей] в тех городах, где они оста-

[110] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 100.
[111] Там же, л. 105, 108.

лись», треть хлебного и соляного оклада. На этом основании якутские воеводы стали давать семейным служилым людям две трети жалованья с расчетом, что третью часть должны получать их жены и дети по месту жительства.

Это вызвало резкое недовольство казаков. «И без выворотов нам, холопем твоим, на дальней службе на великой реке Лене прокормитьца невозможно, [поэтому] прикупаем, государь, хлебные запасы и должимся у торговых людей дорогою ценою»,— писали они в 1646 г. в Москву [112].

Одновременно в той же и в других челобитных они ссылались на то, что пуд муки «с харчем» съедают за 10 дней, а «без харчи» — за 8 дней и, таким образом, получаемого пайка не хватает на питание. В то же время за счет жалованья им приходится покупать коня, «служилый завод», одежду и обувь. А на Лене хлеб и всякие русские товары «перед сибирскими городами дороже, купят вдвое и втрое». Поэтому коней они вынуждены покупать «со всяким конским заводом» по 40 руб. и более; до П. П. Головина казаки ездили на даровых конях, отобранных у «иноземцев» «на погромах», а ныне Головин «поневолил» покупать. Сети неводные достают за 10 алтын с гривной, топоры — за рубль, ножи — за полтину, медные котлы — за 10 алтын и более, нарты — за рубль, лыжи — за 2 и 3 руб. Дорого стоит и платье: суконный зипун сермяжный — 4 руб., кафтан овчинный — 3 руб., рубашка холщовая — рубль, штаны холщовые — 20 алтын с гривной и т. д. «А на весь конский подъем с платьем и с обувью и со всяким служилым заводом» часто уходит «ста по полутора и больши». Служба же на Лене «перед иными сибирскими городами тяжелее, посылки дальние, нартные, самые нужные» [113].

Служилые люди приводили яркие примеры несоответствия размеров жалованья казаков разных сибирских уездов степени тяжести их службы. Например, Мангазейский острог «стоит на одной воде ис Тобольска и жалованье служилым людем по вся годы доходит одним летом... а служеб ис Тазовского города таких конных и нужных и тяжелых подъемов нет и служебной всякой завод в Тазовском городе Ленсково покупают дешевле». Но их оклады почему-то значительно выше окладов ленских казаков. Холостяки там получают хлеба 40 пудов, а женатые — 48 (при денежном окладе в 5 руб. с полуполтиной) [114].

Поэтому якутские служилые люди настаивали на увеличении их ставок и на выдаче им окладов без вычета на семьи. Но Сибирский приказ ограничился очень малым увеличением жалованья (табл. 2) [115].

---

[112] Там же, л. 105, 106.
[113] Там же, стб. 274, л. 98—100; стб. 298, л. 25.
[114] Там же, стб. 274, л. 107.
[115] Там же, кн. 228.

ТАБЛИЦА 2

Служилые люди	Годовые оклады, установившиеся к середине 40-х годов XVII в.		
	деньгами, руб.	хлебом	солью, пуды
Ружники			
попы	15	10 четвертей ржи и 10 четвертей овса	3 1/2
дьяконы	12	10 четвертей ржи и 8 четвертей овса	3
пономари	3 1/2	4 четверти ржи и 2 четверти овса	1 1/2
Оброчники			
подьячие	15—20	15—20 четвертей ржи и 15—20 четвертей овса	2 1/2—3
дети боярские *	5—8	5 четвертей ржи и 5 четвертей овса	2 1/4
толмачи	5	5 четвертей с осьминою ржи, 4 четверти овса	2 1/4
Служилые люди			
Тобольские			
пятидесятники	5 1/4	5 четвертей с осьминою ржи и 4 четверти овса	2 1/4
десятники	4 3/4	То же	
казаки	4 1/4	»	1 3/4
Березовские			
пятидесятники	5 1/4	6—7 четвертей ржи и 2—4 четверти овса	1 1/2
десятники	5 1/4	То же	1 1/2
казаки	5 1/4	»	1 1/2
Енисейские			
пятидесятники	5 1/2	5 четвертей с осьминою ржи и 4 четверти овса	1 3/4
десятники	5 1/2	То же	1 3/4
казаки	5	»	1 3/4
кузнецы	5	5 четвертей ржи и 4 четверти овса	2 1/4

* В окладной книге внесены в список оброчников.

Увеличение хлебных окладов тобольских, березовских и енисейских казаков, как видно, произошло за счет увеличения выдачи овса. Требование же о прекращении вычетов для прокомления семей не было выполнено.

Поэтому служилые люди продолжали борьбу. А когда эта борьба не достигла цели, они в 1647 г. не стали брать «выворотного жалованья» и отказались выехать на службу. Приходя в воеводскую канцелярию «с большим шумом», говорили «невежество» и заявили, что «из них всех половина, которые в Якутцком остроге, [пойдут] со своими головами бити челом в государю к

Москве, а другою половиною своими же головами останутца в Якутцком остроге» до получения указа.

Воевода В. Н. Пушкин, для того чтобы послать в зимовья и острожки людей, вынужден был пойти на уступку и до получения указа выдать им полные оклады на 1648 г.

Правительство, получив отписку Пушкина, одобрило его решене и в июне 1648 г. послало ему указ о выдаче в будущем полных окладов, без вычета, чтобы казаки служили «с великим раденьем и впредь в службе не отказывали». Одновременно было велено передать казакам, чтобы они и впредь заявляли о своих нуждах и что правительство примет меры. В то же время была сделана и такая приписка: «А которые служилые учнут быть непослушны, или бегать или воровать, и вы бы тем за непослушанье и за воровство и за побег чинили наказанье, кому какое наказанье учинить доведетца» [116].

Таким образом, долгая борьба служилых людей завершилась ликвидацией вычетов и незначительным повышением их окладов. Дальнейшие изменения в окладах произошли в связи с образованием особой категории конных казаков. Последнее, вероятно, явилось реакцией правительства на давние жалобы казаков о том, что они покупают коней «со всем конским подъемом», а жалованье получают пешее [117]. В результате в первой половине 1650-х годов казаки стали делиться на пеших «с пешим окладом» и конных «с конным окладом». Правительство повелело конным казакам «для государевых служеб и посылок держать лошади добрые» и назначило им повышенное жалованье. Одновременно постепенно повысились ставки и некоторых разрядов командного состава гарнизона, особенно детей боярских (табл. 3) [118].

Служилые вместо овса стали получать толокно и крупу, но в половинном размере («а вместо овса вполы круп и толокна, весом против якутцких прежних дач по 4 пуда в четверть»).

Число конных казаков с самого начала не было определено. В указе говорилось, что казаки, не желающие покупать коней, должны получать «пешие оклады». Поэтому подавляющее большинство казаков, ссылаясь на небольшие размеры надбавок к окладам конных казаков, продолжали служить по-старому, не покупая коней и используя для поездок бесплатные транспортные средства местного населения. В 1656 г. в огромном крае было только 7 конных казаков [119]. Ввиду этого в первой половине 1660-х годов категория конных казаков была упразднена и все заботы по передвижению служилых людей стали предметом их собственного усмотрения.

---

116 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 298, л. 22—32, 60.
117 Там же, стб. 274, л. 98.
118 Там же, кн. 375.
119 Там же, кн. 375, л. 137.

ТАБЛИЦА 3

Служилые люди	Годовые оклады, установившиеся к середине 50-х годов XVII в.		
	деньгами, руб.	хлебом	солью, пуды
Оброчники			
подьячие	4—25	5—25 четвертей ржи и 5—25 четвертей овса	1 1/2—4
Ружники			
попы	12—15	10 четвертей ржи и 8—10 четвертей овса	3—3 1/4
дьяконы	12	10 четвертей ржи и 8 четвертей овса	3
дьячки	6	6 четвертей ржи и 6 четвертей овса	2 1/2
просвирни	4	4 четверти ржи и 4 четверти овса	1 1/2
пономари	3 1/2	4 четверти ржи и 2 четверти овса	1 1/2
Служилые			
дети боярские	—13	5—12 четвертей ржи и 5—6 четвертей овса	3 1/2
сотники	9	7 четвертей ржи и 4 четверти овса	2 1/2
толмачи	5—8	5—8 четвертей ржи и 4 четверти овса	1 3/4
пушкари		5 четвертей ржи и 4 четверти овса	2 1/4
кузнецы	5	5 четвертей ржи и 4 четверти овса	2 1/4
палачи и биричи		5 четвертей с полуосминою ржи и столько же овса	1 3/4
сторожи	4 1/4	5 четвертей с осминой ржи и 4 четверти овса	1 3/4
конные казаки	7—9	6 четвертей с осминой ржи и 4 четверти овса	2—2 1/2
Тобольского оклада			
пятидесятники	5 1/4	5 четвертей ржи и 4 четверти овса	2 1/4
десятники	4 3/4	То же	2 1/4
казаки	4 1/4	5 четвертей с осминою ржи и 2—4 четверти овса	1 3/4—2 1/4
Березовского оклада			
пятидесятники	6 1/4	7 четвертей ржи и 2—4 четверти овса	1 1/2
десятники	6 1/4	То же	1 1/2
казаки	5 1/4	6—7 четвертей ржи 2—4 четверти овса	1 1/2
Енисейского оклада			
пятидесятники	6	5 четвертей с осминою ржи и 4 четверти овса	1 3/4
десятники	5—5 1/2	То же	1 3/4
казаки	5	»	1 3/4

Во второй половине XVII в. система оплаты труда служилых продолжала изменяться. В конце 50-х или в начале 60-х годов была ликвидирована разница в окладах тобольских, березовских и енисейских казаков и установлен единый «ленский оклад». Одновременно было дифференцировано жалованье семейным и холостым казакам. С конца 50-х или с начала 60-х годов прекратилась практика замены овса крупой и толокном и овес начали выдавать натурой или заменять ячменем, так как еще в 1653 г. воевода М. С. Лодыженский писал в Москву, что «ис Тобольска и из Енисейска круп и толокна в Якутцкой присылать не надобно для того, что в дальнем дорожном проезде крупа и толокно слеживаютца, а которые подмокнут, и те крупы и толокно сгнивают. А присылать надобно в круп и толокно место муку ржаную, потому что милостию божиею на заимках Илимского и Якутцкого уездов хлеб ячной родитца и в присылке бывает нескудно, и тот ячмень якутцкие служилые люди в круп и толокна место емлют приятнее присыльных круп и толокна»[120]. Наконец, было увеличено жалованье подьячих, детей боярских, сотников, атаманов и толмачей.

В результате в 1670-х годах служилые получали хлеба[121]:

Ружники	
попы	10 четвертей ржи и 10 четвертей овса
дьяконы	8 четвертей ржи и 8 четвертей овса
дьячки	6 четвертей ржи и 6 четвертей овса
просвирни	4 четверти ржи и 4 четверти овса
пономари	4 четверти ржи и 2 четверти овса
Оброчники *	
подьячие	6—30 четвертей ржи и 6—30 четвертей овса
дети боярские	5—14 четвертей ржи и 3—12 четвертей овса
сотники	8 четвертей ржи и 6 четвертей овса
атаманы	7 четвертей ржи и 4 четверти овса
толмачи	12 четвертей ржи и 8 четвертей овса
Служилые	
пятидесятники женатые	7 четвертей ржи и 4 четверти овса
пятидесятники холостые	6 четвертей ржи и 2 четверти овса
десятники женатые	7 четвертей ржи и 4 четверти овса
десятники холостые	6 четвертей ржи и 2 четверти овса
казаки женатые	7 четвертей ржи и 4 четверти овса
казаки холостые	6 четвертей ржи и 2 четверти овса
пушкари и воротники	7 четвертей ржи и 4 четверти овса
кузнецы	5 четвертей ржи и 4 четверти овса
палачи и биричи	5 четвертей ржи и 5 четвертей овса

* В окладных книгах в числе оброчников наряду с подьячими и толмачами значатся дети боярские, сотники, атаманы.

Эти ставки без существенных изменений сохранялись в течение всего следующего десятилетия. Об этом говорит табл. 4 окладов, составленная по данным окладных книг 1681, 1684 и 1686 гг.[122]

[120] ДАИ, т. III, с. 187.
[121] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 461, 667.
[122] Там же, кн. 725, 871, 970.

ТАБЛИЦА 4

Служилые люди	Размер окладов в 90-е годы XVII в.		
	деньгами	хлебом	солью, пуды
Оброчники			
подьячие	6—30 руб.	7—30 четвертей ржи и 7—30 четвертей овса	2 1/2—4
Ружники			
попы	15 руб.	10 четвертей ржи и 10 четвертей овса	3 1/4
дьяконы	12 руб.	8 четвертей ржи и 8 четвертей овса	
дьячки	6 руб.	6 четвертей ржи и 6 четвертей овса	2 1/2
просвирни	4 руб.	4 четверти ржи и 4 четверти овса	1 1/2
пономари	3 р. 16 алтын 4 деньги	4 четверти ржи и 2 четверти овса	1 1/2
Служилые			
толмачи	12—15 руб.	12 четвертей с осминой ржи и 8 четвертей овса	3 3/4
дети боярские	6—18 руб.	5—14 четвертей ржи и 5—12 четвертей овса	2—3
сотники	9 руб.	8 четвертей ржи и 6 четвертей овса	2 3/4
атаманы	5—9 руб.	7 четвертей ржи и 4 четверти овса	2 1/4
пятидесятники женатые	5—9 руб.	7—8 четвертей ржи и 4 четверти овса	1 1/2—2 1/2
пятидесятники холостые	5 1/4 руб.	6 четвертей ржи и 2 четверти овса	1 1/2
десятники женатые	5 1/4 руб.	7 четвертей ржи и 4 четверти овса	1 1/2—2 1/2
десятники холостые	5 1/4 руб.	6 четвертей ржи и 2 четверти овса	1 1/2
казаки женатые	5 1/4 руб.	7 четвертей ржи и 4—6 четвертей овса	2
казаки холостые	5 1/4 руб.	6 четвертей ржи и 2 четверти овса	1 1/2
пушкари	5 1/4 руб.	6—7 четвертей ржи и 2—4 четверти овса	1 1/2—2 1/4
кузнецы	5 руб.	5 четвертей ржи и 4 четверти овса	2 1/4
палачи и биричи	5 руб.	6—7 четвертей ржи и 2—4 четверти овса	1 1/2
сторожа	5 1/4 руб.	6—7 четвертей ржи и 2—4 четверти овса	1 1/2

Приведенные размеры денежного, хлебного и соляного жалованья почти в неизменном виде дошли до начала XVIII в. Причем следует отметить, что с конца 80-х годов XVII в. в употребление вошла «новая государева осьмипудная четверть», т. е. четверть, вмещавшая 8 пудов ржи или 4 пуда овса, и хлеб-

ное жалованье служилых стало исчисляться в этих четвертях. Таким образом, в дальнейшем речь пойдет о четвертях, вмещавших хлеба вдвое больше прежних.

Приведенный материал показывает, что вопрос о размерах жалованья не был рядовым и вокруг него шла острая борьба, особенно в первой половине XVII в. Жалованье постепенно увеличивалось до 60-х годов и затем почти не изменялось до начала XVIII в. Однако увеличение коснулось главным образом ружников и оброчников и очень мало основной массы служилых людей — казаков.

В первом десятилетии XVIII в. была упразднена разница в окладах женатых и холостых служилых людей, но восстановлены отдельные оклады для конных казаков и пеших. Конные казаки имели собственных лошадей и сбрую. Число их никогда не доходило до 100. До 1737 г., когда Сибирским приказом были усановлены новые размеры жалованья служилым людям, оно у казаков постепенно снижалось. В 1710 г. пятидесятники получали в год 6 руб., конные казаки — $7^1/_4$ руб., пешие — $5^1/_4$ руб.; все они получали по 4 четверти ржи, 2 четверти овса и по $1^1/_2$ пуда соли. После указа 1737 г. эти ставки мало изменились. Казаки в среднем стали получать в год по 7 руб. деньгами, по 3 четверти ржи и 2 четверти овса [123]. В дальнейшем, несмотря на издание ряда новых указов различными инстанциями, в том числе и Иркутской канцелярией, оклады служилых людей очень долго оставались почти на одном уровне. В 1761 г. казаки получали по 6 р. $16^3/_4$ к. деньгами и по 21 п. 10 ф. ржаной муки, т. е. почти столько же, сколько в 1730-х годах [124].

Постепенно уменьшалось жалованье и у лиц командного состава. В 1710 г. дворяне получали деньгами 20 руб., ржи 10 четвертей, овса 10 четвертей и соли 10 пудов, дети боярские первой статьи — 10 руб., 10 четвертей ржи, 10 четвертей овса и 10 пудов соли, второй статьи — 10 руб., 8 четвертей ржи, 8 четвертей овса и 3 пуда соли [125]. В дальнейшем эти оклады не раз изменялись, правда незначительно, то поднимаясь, то понижаясь от уровня 1710 г., и к 1737 г. денежный оклад детей боярских первой статьи составил 9 р. $52^1/_2$ к., второй статьи — 7 р. 62 к. [126] В 1737 г. Сибирский приказ в связи с организацией в Сибирской губернии драгунского полка и пехотного батальона, что потребовало новых расходов, снова убавил оклады дворян и детей боярских. Первые стали получать в год 17 руб. деньгами, 10 четвертей ржи и овса, вторые — 8 руб. и 5 четвертей ржи и овса [127]. Такое положение окладов вызывало много нареканий, и дворяне и дети боярские не раз возбуждали хода-

---

[123] ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 204, л. 1—15; ф. 607, оп. 1, д. 68, л. 4 об.
[124] Там же, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 2725, л. 55.
[125] Там же, д. 204, л. 1—15.
[126] Там же, оп. 1, д. 4566, л. 1—6.
[127] Там же, л. 6—8.

тайство о восстановлении прежних окладов, при которых они «содержали себя без нужды». Однако эти ходатайства отклонялись на том основании, что якутские служилые люди занимаются скотоводством, рыболовством и охотой. В 1753 г. Правительствующий Сенат, основываясь на этом, пошел еще дальше: специальным указом от 23 декабря хлебное жалованье дворян и детей боярских приравнял к «солдатскому окладу» (21 п. 30 ф. ржаной муки и 1 п. 20 ф. крупы) [128]. Разумеется, и эта мера вызвала резкую реакцию. Дворяне и дети боярские в новом ходатайстве сетовали на то, что в Якутии «хлеб никогда не родитца», привозной дорог («по рублю и выше» пуд), зверя около Якутска не находилось «и во время предков наших», «рыбы против других городов со скудостию, также и скота не у всякого находитца», что залезли «в неоплатные долги» и терпят «нестерпимой голод и изнурение» [129]. Тем не менее повышение окладов не последовало. Как видно из документа от 1766 г., дети боярские первой статьи продолжали получать, как и раньше, денег 8 р. $72^1/_4$ к., муки ржаной 21 п. 30 ф., крупы $1^1/_2$ пуда, дети боярские второй статьи — 6 р. 97 к. и столько же хлеба. Зато высоким был оклад казачьего головы — 49 р. 50 к. и 315 пудов ржаной муки [130].

Приведенные оклады рядовых казаков и лиц командного состава продержались без больших изменений до 1822 г. [131]

Служилые люди Охотского побережья и Камчатки, несмотря на особо тяжелые условия их работы, получали те же оклады, что и якутские казаки. В 1742 г. начальник Охотского порта написал в Иркутскую провинциальную канцелярию пространное письмо и ходатайствовал служилых людей «удовольствовать двойным денежным жалованьем» и прибавить хлебное и соляное жалованье. Край «самой нужной и пустой и безхлебной, никакого плода не родится... скоцкого выпуску травы нет»,— писал он. Жалованье служилых «весьма малое», им «не токмо пропитаться з женами и 3 детьми, но и себя одних пропитать, также одеждою и обувью довольство воизметь не могут». Пуд хлеба на рынке, если он и бывает, стоит 2—3 руб., пуд говяжьего мяса — 1 р. 50 к., пуд масла топленого — 10 руб., пуд юколы — 2 р. 50 к. Между тем охотские казаки получают то же жалованье, что и казаки прочих мест, «обретающих при хлебных городах и местах, где всегда как провиант, так и протчие харчевые припасы все покупаются дешево» и где «можно сыту быть человеку в день на две и на три копейки» [132].

---

[128] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, д. 4566, л. 1—2.
[129] Там же, л. 2—3.
[130] Там же, ф. 607, оп. 1, д. 36, л. 4, 7.
[131] *Матюнин М.* О покорении казаками Якутской области..., с. 173; ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 42, л. 17; ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 2, 11.
[132] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, д. 5123, л. 1—8; см. также: *Gibson J. R.* Feeding the Russian for trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and

Тем не менее вопрос решался долго, и только 2 октября 1747 г. был издан указ Сената, согласно которому охотские, камчатские и анадырские служилые стали получать полуторное денежное жалованье. Продуктовый же паек был оставлен без изменения: около 20 пудов муки в год, причем половина этого пайка выдавалась деньгами из расчета по 1 руб. за пуд. Этот порядок был подтвержден указами Сената от 29 марта 1760 г., 23 августа 1761 и 9 октября 1762 г., а также инструкцией иркутского губернатора Бриля камчатскому начальнику Бему от 1772 г.

Это было скудное жалованье при страшной дороговизне. Поэтому по издавна заведенному правилу казаков летом распускали для заготовления себе на зиму продовольствия. В случае неулова рыбы они голодали и тогда часто бегали и «делали грабежи».

Неоднократные представления начальников Охотска и Камчатки об увеличении содержания нижних чинов увенчались некоторым успехом только в 1803 г., когда всем служащим Охотско-Камчатского края было наконец-то установлено двойное денежное жалованье [133]. Затем в 1812 г. для камчатских казаков были предусмотрены повышенные ставки «по соображению способов содержания». Согласно «Положению о преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части» от 1812 г., годовой денежный оклад казаков был установлен в сумме 45 руб., урядников — 60 и сотников — 100 руб. Зато вместо полного солдатского провиантского пайка они стали получать только половину его: 36¹/₂ фунта муки на месяц [134].

«Устав о сибирских городовых казаках» 1822 г. в основном сохранил прежние оклады. Кроме денежного жалованья, говорится в нем, «казаки получают от казны обыкновенный солдатский провиант, муку и крупу вперед помесячно». По Якутской области был упразднен разряд конных казаков. По штату Якутского казачьего полка, куда входили также охотская и гижигинская команды, годовой денежный оклад казаков составлял 6 руб., урядников — 12, пятидесятников — 36 руб. Хлеба полагалось по 3 четверти (мукой) и 2¹/₄ четверика крупы в год. Кроме того, «в уважение трудности в обмундировке по Якутскому краю», следовало выдавать пособие казакам ежегодно по 10 руб. и урядникам по 12 руб. Высокие оклады были назначены командному составу: хорунжим по 240 руб., сотникам по 270 и атаманам по 400 руб. [135]

В дальнейшем на долгие годы оклады казаков оставались почти без изменения. Так, в 1871 г., помимо продовольственного пайка,

---

the Kamchatka Peninsula. 1639—1856. Madison, Milwaukee and London, 1969, p. 219, 222.

[133] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 2725, л. 55; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 16, л. 2—4; *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год, с. 55, 92; *Он же.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. III, с. 2; ч. IV, с. 5, 15—16.

[134] ППСЗ, т. XXXII, с. 285; т. XLIII, ч. 2, с. 412—413.

[135] ППСЗ, т. XXXVIII, с. 539; т. XLIII, с. 199, 200.

казаки получали денежного жалованья в год 1 р. 80 к., урядники — 3 р. 45 к., пятидесятники — 10 р. 20 к., зауряд-хорунжие — 33 р. 45 к. Кроме того, всем им полагалось по 12 руб. прибавочных и по 7 р. 15 к. амуничных (рядовым казакам амуничных по 6 р. 58 к.). Меньше стали оклады лиц командного состава. Атаманы в год получали 113 р. 25 к., сотники — 79 р. 80 к. и хорунжие — 79 р. 80 к. Зато атаман получал двойной продовольственный паек [136].

Этими данными мы заканчиваем рассмотрение вопроса о размерах жалованья служилых людей в XVII — первой половине XIX в. Оно было весьма стабильным. Однако жизнь текла, условия за столь продолжительное время менялись, изменялись и масштабы цен.

Тем не менее к началу XVIII в. сумма ежегодного жалованья, выплачиваемая всем служилым людям Якутской области в целом, достигла деньгами 5 тыс. руб. и более, хлебом — 37 тыс. пудов и солью — 1,6 тыс. пудов. В XVIII в. эти цифры в связи с увеличением числа служилых людей намного повышаются.

Между тем якутская администрация, обязанная ежегодно производить столь большие расходы, долгое время не имела собственных источников для их покрытия. Соль в пределах подчиненной ей территории в XVII в. не добывалась, и ее привозили с верховьев Лены (от Усть-Кутской солеварни). Только с начала XVIII в. приступили к перевозке в Якутск подрядным способом кемпендяйской соли с верховьев р. Вилюй [137]. Что касается денег, то различные местные сборы (таможенные и десятинные сборы с промышленных и торговых людей; отъезжие пошлины с проезжих грамот; оброки с мельниц, лавок, амбаров, кузниц, с земель и заимок; явчие пошлины с пива и браги; печатные пошлины; пошлины с судных дел, челобитных и с площадного письма; поступления от продажи вина на кружечном дворе и различных казенных товаров и от штрафов, так называемых пенных денег) иногда хотя и достигали значительной суммы, но часто покрывали почти одни только неокладные расходы.

Поэтому деньги для выплаты жалованья служилым людям присылались в основном из Москвы, частью из Тобольска и Енисейска. Однако из-за частой недосылки требуемых сумм нередко возникала «денежная скудость» и многие люди заслуженного жалованья не получали годами. В итоге государственная задолженность приобретала хронический характер. В 1679 г., например, Якутская воеводская канцелярия обязана была выплатить ружникам и оброчникам за 1649—1678 гг. около 5050 руб., но в счет этой суммы смогла выдать только 105 руб. [138] В 1686 г. накопилась задолженность за 1663—1685 гг. в сумме

---

[136] *Матюнин М.* О покорении казаками Якутской области..., с. 177, 182.
[137] ЦГАДА, ф. 199, порт. 7, д. 481, л. 230.
[138] Там же, ф. 214, кн. 667, л. 88—156.

4797 руб. 21 алтына и 59 денег, но в счет их служилые люди получили только 177 руб. с полтиной [139]. Подобная картина сохранялась и в дальнейшем. В 1694 г. в воеводской канцелярии высчитали, что сумма недополученных одними казаками (начиная с 1666 г.) денежных окладов составляет 8412 руб. 24 алтына и $3^1/_2$ деньги [140].

Затруднений с хлебом было еще больше. Из-за незначительности продукции местной десятинной пашни и чрезвычайной трудности привоза хлеба из уездов Тобольского разряда, Енисейского и Илимского уездов служилые люди систематически его недополучали. Казаки, особенно находившиеся на дальних службах, хлеба не получали по 5—6 лет и более. В результате оказалось, что за 1654—1689 гг. было недодано заработанного хлеба 68 736 пудов [141].

Поэтому многие служилые люди в своих челобитных писали, что они «голод и нужу всякую терпят и друг друга в кабалы подписывают»; «обнищали и оскудели и выликими долги одолжали, наги и босы»; «па государевых службах многую бедность, голод и нужу терпим и всякою нечистою ядью души свои скверним, должимся у торговых людей хлебным запасом и служебным всяким запасом в дорогую цену, и кабалы на себя даем вдвое и втрое»; «обнищали и обдолжали великими долги и разорены до основания и вконец погибли, друг друга и жен и детей своих в кабалы подписали и детей своих на хлеб торговым людем продавали» [142].

Конечно, не следует все это понимать в буквальном смысле, ибо здесь много преувеличений. Однако отдельные моменты могли быть близки к истине. В 1665 г., например, приказчик Олекминского острожка писал в Якутск, что «которые служилые люди живут в Олекминском острожке, и те топере помирают голодной смертью и ко мне приступают, прошают хлеба, [но] стало давать нечево» [143].

Положение было тяжелым и в XVIII в. Якутские служилые люди часто жаловались на несвоевременное получение жалованья. Поэтому Сибирский приказ не раз посылал указы в Якутск о даче жалованья без задержки. В одном из них, составленном в 1734 г., было велено «денежное и хлебное жалованье производить по заслужении года сполна без задержания, да и впредь давать по полгода, и то для дальних посылок» [144]. Но подобные указы последствий не имели. Особенно тяжелым было положение охотских и камчатских служилых людей из-за их чрезвычайной отдаленности и трудности переброски туда про-

---

139 Там же, кн. 871, л. 52—206.
140 Там же, кн. 1058, л. 70—196.
141 Там же, кн. 461, 465, 667, 961.
142 Там же, стб. 274, л. 60—61, 96—97, 103; стб. 298, л. 22—27; КПМГЯ, с. 164.
143 ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 153, л. 4.
144 Там же, ф. 607, оп. 1, д. 68, л. 4.

вианта. В середине XVIII в. оттуда жаловались, что служилые люди пришли «в бесконечное убожество», денежного и хлебного жалованья никогда полностью не получали, за хлеб часто им платят по 25 коп. за пуд, в то время как на рынке пуд хлеба стоит 2—3 руб. Вследствие этого многие «платья и обуви у себя не имеют», часто из-за голодовок вынуждены бродить по тундре, «збирая упалых лошадей», и питаться «тою мертвечиною» [145].

Положение несколько улучшилось со второй половины XVIII в., когда с начала 1760-х годов появились казенные запасные хлебные магазины и край стал снабжаться частными хлеботорговцами.

Положение основной массы казаков оставалось жалким и в XIX в. В 1814 г., например, олекминский частный комиссар доносил в Иркутское губернское правление о том, что казаки «пришли в крайнее неимущество и совершенно не имеют чем бы семействами пропитаться, многие уже не могут отправлять службы по неимению одежды, особенно в зимнее время» [146]. Приехавший в Якутск в 1816 г. областной начальник Миницкий нашел казачью команду в незавидном состоянии: люди на смотр явились в оборванной одежде, многие даже без обуви [147].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Важнейшей обязанностью служилых являлись «прииск новых землиц неясачных людей» и привод неясачных «под царскую высокую руку». Об этом постоянно говорилось в наказах Сибирского приказа, даваемых воеводам, пока весь северо-восток Азии не был включен в состав России, т. е. до последних десятилетий XVIII в. Воеводы в свою очередь постоянно напоминали об этом в наказных памятях казакам, отправлявшимся в те или иные места.

Присоединение северо-востока Азии к России и резкое расширение ее территории было крупнейшей заслугой казаков. Однако не следует думать, что это произошло гладко, без усилий, что казаков везде встречали дружелюбно и поэтому им приходилось заниматься формальным объявлением того или иного района владением русского государя. В общем положение было таково, что, по справедливому замечанию С. В. Бахрушина, горстка служилых людей была бы даже «не в состоянии освоить хозяйственно обширную территорию, если бы не имела постоянной поддержки в непрерывном наплыве с Руси всяких гулящих и промышленных людей [148].

---

[145] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, д. 5123, л. 3—8.
[146] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 85, л. 25.
[147] *Матюнин М.* О покорении казаками Якутской области..., с. 178.
[148] Якутия в XVII веке, с. 332.

Промышленники были везде, где водились соболи. Это были частные лица, ежегодно сотнями приезжавшие с Руси в надежде на богатую добычу. Их часто называли также «гулящими людьми». В поисках промысловых мест они нередко шли впереди служилых и первыми открывали места обитания отдельных племен и родов. Промышленники часто присоединялись к отрядам казаков и вместе с ними ходили в походы. За это казенного вознаграждения они не получали, зато участвовали в дележе добычи, которая иногда бывала значительной. Такие промышленники, временно превратившиеся в служилых, назывались вольными охочими служилыми людьми.

Промышленные люди организовывали даже самостоятельные отряды и «на своих проторех» ходили в далекие походы. Стоит в этой связи вспомнить экспедиции торговых и промышленных людей, предпринятые в 1646, 1647 и 1648 гг. на восток от устья Колымы, приведшие к открытию пролива между Азией и Америкой, знаменитую даурскую экспедицию Е. П. Хабарова в 1649—1653 гг. и др.

Вместе с тем трудно согласиться с утверждением С. В. Бахрушина, что «не служилые люди освоили Якутский край, а те толпы русских промышленников, которые еще раньше присоединения Сибири проникали на Лену и проторили дорогу следовавшим за ними служилым людям дальше на восток на заморские реки и на далекий Амур» [149]. Слов нет, промышленники действительно сыграли большую роль в присоединении северо-востока Азии к России, однако главная роль в этом деле всегда принадлежала служилым людям, действовавшим по указанию и от имени властей.

Но как эти служилые люди и промышленники продвигались по незнакомой местности, как преодолевали дикую тайгу, сплошные топкие болота, многоводные реки и речки, горные хребты, как они узнавали, где есть подножный корм для лошадей или ягель для оленей и т. д., и т. п.?

Преодолевать все эти трудности в условиях редконаселенного края помогало само местное население. Первыми информаторами были пленные ясыри и знатные аманаты. По мере постепенной нормализации обстановки круг информаторов расширялся и в него входили князцы, «лучшие улусные мужики» и просто сведущие ясачные. До нас дошло множество расспросных речей этих информаторов, из которых видно, чем интересовались русские. Информаторы прежде всего рассказывали о себе, какого они племени или рода и как зовутся, где живут, как далеко простирается их владение, кто у них главный, чем занимаются, какой образ жизни ведут, есть ли хлебопашество, с кем торгуют и чем, как строят дома, во что одеваются, какая у них вера и т. п. Далее в том же плане речь шла об их ближних и даль-

---

[149] Там же.

них соседях, причем детально расспрашивалось, как к ним проехать и в сколько «днищ», водным путем или сушей, летом или зимой.

Таким путем служилые люди, как правило, уже заранее узнавали, куда идти и с какими народами они встретятся. Правда, добытые сведения не всегда были подробными или точными, но все же ориентиром служили в основном верным. Более того, русские часто брали с собой «вожей», т. е. проводников, которыми прежде всего являлись аманаты или пленные. Бывали и добровольные проводники. С закреплением того или иного района в отряды русских вливались целые группы «иноземцев», иногда десятки людей. Тут нередко играла роль межплеменная и межродовая рознь. В этом случае они становились такими же воинами, как и сами казаки. Следовательно, неверными являются утверждения некоторых исследователей, будто русские отряды продвигались по девственным лесам и рекам наугад, вслепую.

Таким образом, помощь казакам в продвижении на восток оказали не только промышленные и гулящие люди, но и сами местные жители, объективно оказавшиеся соратниками представителей царских властей. На эту роль аборигенов впервые серьезное внимание обратил якутский ученый С. Е. Мостахов. Он многими фактами показал, «что значительная часть крупных географических открытий, сделанных русскими землепроходцами и мореходами в XVII веке на северо-востоке Азии, тесно связана с известными и неизвестными именами многих якутов, эвенков, чукчей и других коренных жителей, знатоков своего края» [150].

Как проходил сам процесс продвижения? Лошадей, оленей, собак со снаряжением казаки брали у местных жителей. Разумеется, без вознаграждения. Таким же путем доставали теплую одежду и продукты питания. В безлюдных местах ходили на лыжах и «всякие запасы волочили на нартах». Водные пространства преодолевали на плотах, в наскоро сколоченных барках, дощаниках, кочах. В поход брали «государев наряд» — порох, свинец, пищали, куяки, шишаки, наручники, иногда и пушки; «железную рухлядь» — котлы, топоры, ножи, блюда, «тарелы», «уклад», железо кричное для всяких нужд, олово; продукты питания. Брали и рыболовные снасти — сети, невода. Шли по бездорожью, зимой по нехоженому толстому слою снега и в жестокие морозы, летом по труднопроходимой тайге, окруженные тучами гнуса, часто через болота и топкие места, пересекали горы, преодолевали, иногда с невероятными приключениями, арктические льды. Терпели «великую нужу», голод и недоедание. И кровь проливали. Словом, проявляли недюжинную выносливость и отвагу.

---

[150] *Мостахов С. Е.* Сподвижники путешественников и исследователей (участие местного населения в географическом изучении северо-востока Сибири в XVII — начале XX в.). Якутск, 1966, с. 30—54.

Именно только таким путем возникла новая «государева вотчина» от Енисея до Тихого океана. Начало ее обретения сопровождалось основанием населенных пунктов. Казачьи отряды, достигнув намеченных районов, начинали с постройки жилья. Место для этого подыскивалось внимательно. Требовалось, чтобы оно находилось в центре расселения населения, в удобном месте, близко от воды и леса и чтобы можно было обороняться от нападения «немирных иноземцев». Здесь вначале ставили наскоро избу русского типа с амбаром или же якутскую юрту. Потом, если место действительно оказывалось удобным, постепенно появлялись добротные постройки, рассчитанные на долгие годы. Вырастало поселение. В одних случаях оно получало название зимовья, в других — острожка или острога. Каждое из этих понятий имело свое определенное значение. Например, никогда не говорили «якутский острожек», «олекминское зимовье», «верхневилюйский острожек». Якутск всегда назывался острогом, Олекминск — острожком, Верхневилюйск — зимовьем. Словом, зимовьем обычно называли маленькие пункты, острожком — более значительные, острогом — уже более или менее крупные центры. Но все они являлись местами пребывания русских людей, ясачных сборщиков с их начальными людьми. Это были вновь зародившиеся официальные центры, источники власти — нового социального явления, еще непонятного туземцам. Эти центры, появившиеся повсюду, внедряли начало государственности. И тут выявляется новая роль русского казачества как ускорителя общественного развития народов, находившихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений.

Что же представляли из себя зимовья, острожки и остроги? Это вначале были очень скромные населенные пункты, особенно зимовья и острожки. Ведь в большинстве из них находилось около десятка казаков во главе с приказным человеком и примерно такое же число или меньше аманатов. Поэтому достаточно было иметь две или три избы и столько же амбаров. Избы были, как правило, с «нагороднею», т. е. с надстройкой для защиты от иноземцев. Вокруг этих построек ставили острог — высокий частокол из бревен с заостренным верхом. Острог «стоячий, бревенчатой», как говорили в то время. В такой стене иногда сооружали проезжую башню. Некоторые амбары делали «о двух житьях» и «о трех житьях», т. е. в два или три этажа, тоже с нагороднями. Имелись острожки с часовнями, часто «над воротами».

В избах жили служилые. Аманатов держали в казенках (так всегда называли жилье заложников), «за крепким караулом, чтоб не ушли», всегда взаперти. «А у казенки замок висячий» — не забывали писать в «росписных списках» при сдаче зимовья очередному приказчику. В казенных амбарах держали «великого государя казну», т. е. все, что нужно было казакам: карбасы и струги, парусовые полотнища, невода и сети, «прядева» для них,

бечеву разную, ружья, порох и свинец, куяки разные, железо в прутьях, медь красную, котлы медные для варки пищи, наковальню, тесла, долота, сверла, клещи, молотки и т. д. В амбарах же хранили «аманатцкий корм» — юколу и сырую рыбу, «товары подарошные» для иноземцев, приносивших ясак,— бисер, «одекуй» [151].

Около более крупных острожков и острогов возникали посады и слободы. Некоторые из них с течением времени превращались в города, но на слабонаселенном северо-востоке Азии это было редким явлением.

Зимовья и острожки имели укрепления преимущественно в тот период, когда существовала опасность нападения со стороны местного населения. Впоследствии в связи с налаживанием с ним взаимоотношений надобность в острожных стенах отпала. Поэтому их не ремонтировали и они приходили в ветхость, их разбирали на дрова. Так было прежде всего на территории Якутии, а потом и в других местах. В XIX в. остатки крепостных стен, сохранившиеся кое-где, рассматривались лишь как исторические памятники.

Вначале казаки отдаленных зимовий и острожков не пускали внутрь крепости даже тех, кто приходил с ясаком. Все переговоры велись с ними через окно ясачной избы, устроенное в острожной стене. Так было особенно на севере и северо-востоке [152].

Разумеется, трудно судить о характере древнерусского деревянного зодчества, занесенного казаками на далекий северо-восток. Постройки XVII—XVIII вв. стали жертвами времени. Однако имеются достоверные сведения о том, что иногда создавались по-своему прекрасные сооружения. Яркое свидетельство тому — Зашиверская шатровая церковь XVII в., дошедшая до нас почти в первоначальном виде, с полным сохранением архитектуры (единственный пример на всей территории СССР). Специалисты установили полное сходство архитектуры этой церкви с архитектурой древних деревянных церквей русского европейского севера и считают ее уникальным и классическим произведением большого и высокого искусства. Более того, они считают ее эталоном, на который должны ориентироваться теория и практика реставрации произведений всего древнерусского деревянного зодчества [153]. Вероятно, Зашиверская церковь не являлась исключением. Были, конечно, и другие подобные ей памятники деревянного строительства.

Подавляющее большинство зимовий, острожков и острогов, поставленных казаками, послужили основанием современных на-

---

[151] ЦГАДА, ф. 199, д. 481, порт. 7, л. 231—232; Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 28, стб. 4, л. 18—19; карт. 30, стб. 8, л. 1—3; карт. 31, стб. 1, л. 1—3; карт. 32, стб. 14, л. 12; карт. 33, стб. 2, л. 27—28; карт. 35, стб. 8, л. 92—93, 107—108; карт. 37, стб. 5, л. 99—103.
[152] Якутия в XVII веке, с. 308.
[153] *Ополовников А. В.* На краю света.— История СССР, 1970, № 3, с. 178—187.

селенных пунктов. В каждом из них проживало в зависимости от размеров прикрепленной территории и взимаемого ясака самое различное количество казаков[154] (в 1645—1652 гг. от 4 до 53 чел., в 1675—1676 гг.— от 5 до 70 чел.).

Во главе группы казаков в зимовьях или острожках стоял приказный человек, назначенный в Якутске воеводой и ехавший на службу с наказной памятью, которой он должен был руководствоваться в своей деятельности. Основные статьи этого документа посвящались сбору ясака, который следовало собирать бездоимочно. В случае недобора приказчик по указу великого государя нередко подлежал «жестокому наказанью и опале и разоренью» и недобранный ясак следовало взыскать с него «безо всякие пощады». В ясак предписывалось брать «соболи добрые, целые, с пупки и с хвосты». Всегда предлагалось собирать меха «перед прошлыми годами с прибавкою» и записывать в книги «имянно по годам и по волостям порознь». Не забывали и поучать, чтобы «иноземцам ясашным людем держать ласку и привет и ничем их не изобижать», не брать с них «посулов и поминков... налог и обид не чинити».

Другой обязанностью приказчиков являлась своевременная посылка людей на «соболиные и звериные промыслы» и сбор десятой пошлины с торговых и промышленных людей, чему также придавалось большое значение. Было у них много и иных обязанностей. В частности, они чинили суд и расправу среди местного населения за мелкие проступки, в том числе в «небольших исковых делах, в два или в три или в 5 рублев». (С конца 1670-х годов на территории Якутии суд и расправу стали чинить совместно с «иноземскими князцы и с улусными людьми». Так продолжалось примерно до 1730-х годов, когда судебные функции перешли целиком в руки князцов.) Словом, им принадлежала вся власть на месте, как правило обширном.

Служилые летом ловили рыбу, ходили на охоту. Правда, они жаловались, что терпят «голод и нужу», однако в этих жалобах, содержащихся в челобитных, посылаемых в вышестоящие органы с просьбой о добавлении к жалованью, повышении в чине и т. д., обычно многое преувеличивалось. На деле, как правильно замечает С. В. Бахрушин, казаки «имели большие возможности с излишком покрывать свои «подъемы на службу» за счет ясачного населения, которое фактически сверх государева ясака было обложено в пользу ясачных сборщиков»[155]. Об этом свидетельствуют хотя бы откупные (взятки), которые брали якутские воеводы с ясачных сборщиков, посылаемых на периферию. В середине XVII в. при посылке служилых по зимовьям они брали с них «великие накупы»: за посылку в Жиганск — по 20 руб. с человека, в Майское зимовье и Олекминский остро-

---

[154] ДАИ, т. III, с. 171, 398; т. VI, с. 403—408.
[155] Якутия в XVII веке, с. 322.

жек — по 10, в Средневилюйское, Столбовское и Оленекское зимовья — по 5, в Верхневилюйское — по 3 руб. В конце XVII в. размер взяток сильно повысился. В 1695—1698 гг. приказчики давали, если верить их заявлениям, в год «с Ламы с Охотского острогу» 200—208 руб., с Удского острожка — 200—400, с Верхнеянского — 150, с других зимовий — 50 — 100 руб. С рядовых казаков брали по 10 руб. Что якутские воеводы брали откупные «от острожков и от зимовий и от ясачных волостей с прикащиков и с служилых людей от ясачного сбору», было установлено и ревизией Федора Качанова в 1690 г. Он составил «Роспись» ставок откупных по зимовьям и острожкам, из которой видно, что даже за посылку в Анадырск, бедный мехами, с приказчиков воеводы взимали в свою пользу по 200 руб. [156]

Служба казаков в зимовьях и острожках проходила в трудных условиях, особенно в первое время. Русские люди при первой встрече с неясачными людьми имели предписание произнести официальное «государя царя и великого князя всеа Русии самодержца жалованное слово», объяснить, откуда и почему они прибыли, требовать, чтобы «князцы со своими улусными людьми [были бы] на государскую милость надежны и были бы во веки под государскою царского величества рукою в вечном холопстве без боязни» и «жили во всем в покое и в тишине без всякого сумненья и промыслы своими промысляли и государю царю и великому князю всеа Русии служили и прямили и во всем добра хотели по своей шерти... и детей своих и братью и племянников и друзей ото всюду на государеву милость призывали... а царское величество во всем их пожалует своим царским жалованьем», чтобы они платили дань мехами — ясак и поминки «по вся годы» и приносили бы «соболи с пупки и с хвосты и лисицы с лапы и с хвосты ж».

После этого башлыкам, как в XVII в. часто называли приказчиков, следовало приступить к сбору ясака, для чего послать в поселения служилых людей, а если нужно «к тем в прибавку имать из промышленных людей». Но беда заключалась в том, что русские, имевшие довольно подробные сведения о тех племенах, с которыми они столкнулись, не могли довести до них «государево жалованное слово», поскольку не знали их языков. Местные же племена, проживавшие разрозненно, были, как правило, в полном неведении о русских. Отсюда вооруженные столкновения, кончавшиеся обычно поражением аборигенов и покорением их.

Позже в общении служилых с местным населением огромное значение имели толмачи. Однако знания казаками якутского, тунгусского, юкагирского, чукотского и других языков, а местными людьми русского приобретались постепенно. Первые толмачи по-

---

[156] КПМГЯ, с. 58; *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.— Л., 1965, с. 111.

явились, вероятно, во второй половине 30-х годов XVII в., т. е. уже через несколько лет после прихода русских. Первыми усвоили чужой язык русские и аборигены, проживавшие под одной кровлей или в одном населенном пункте. В 1640 г., например, в Ленском остроге был русский, «якольскому языку язычный». В Ленском же остроге в том же 1640 г. был казак, знающий тунгусский язык,— Федька Поздыш. Был и другой тунгусский толмач — Федор Михайлов. Русские усваивали юкагирский язык, прежде всего служившие на Крайнем Севере. В первой половине 1660-х годов как добрый «толмач юкагирский» был известен Ивашко Носко. Быстро усваивали местные языки крестьяне, имевшие общение с аборигенами. Даже в Чечуйской волости были крестьяне, говорившие в 1663 г. по-тунгусски. Одновременно по-русски говорить научивались и местные жители. В 1645 г. ясашный якут Якоулко жил с воеводой П. П. Головиным «в большой вере и в юрте у скота у ево Петра... а порусски говорить умел». В 1651 г. в Алазейском зимовье толмачом была «юкагирская женка». В начале 1660-х годов в Якутском остроге в должности толмача состоял тунгус Кондратий Елизарьев. Но в первые десятилетия толмачей не хватало. В 1640 г. казаки Ерофей Киселев и Кирил Ванюков не могли, например, попасть даже на реки Татту и Амгу, так как «без якольского язычного человека вожа не могли наспрашать». В 1652 г. пятидесятник Иван Ребров был послан на Колыму башлыком без толмача и ему было поручено найти толмача «у кого сыщетца у служилых людей или у торговых или у промышленных и всяких чинов людей». Однако со второй половины XVII в. башлыки, как правило, уже обзавелись своими переводчиками. Особенно облегчились поездки в подгородние якутские волости. Все больше становилось казаков, знавших местные языки, из среды тех, кто родился в Якутии. Владимир Атласов, например, хорошо знал якутский [157].

Так постепенно устанавливались взаимоотношения пришлых с местным населением. И служилые люди были первыми русскими, кто входил в непосредственные контакты с коренными жителями — сначала языком жестов и мимики, потом через переводчиков и, наконец, без последних, непосредственно. Но в силу обстоятельств того времени и особенностей политики царизма взаимоотношения эти развивались в неблагоприятных условиях.

Главная обязанность аборигенов заключалась в выплате натуральной дани мехами. Сбор дани мехами имел свою историю. До начала 1640-х годов в ясак и поминки шло столько пушнины, сколько удавалось взять («брати б с них государев ясак поскольку будет мочно»). Затем среди якутов было установлено индивидуальное обложение — каждый трудоспособный мужчина

---

[157] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 18, стб. 17, л. 1—34; ДАИ, т. III, с. 280, 351; КПМГЯ, с. 1, 2, 45, 94, 105, 106, 127, 128.

ежегодно должен был вносить меха по определенному окладу. Среди прочих народностей — тунгусов, ламутов, юкагиров, чукчей, коряков и т. д.— существовал неокладной ясак, взимавшийся с каждого человека в отдельности или с рода в целом. Но в том и другом случае требовалось составлять ясачные книги, а для этого вести учет населения и его имущественного положения.

Начались переписи населения в Якутии, на Камчатке и на Охотском побережье, временами потом повторявшиеся. Они имеют огромное значение для исследователей истории, для науки в целом. Благодаря этим документам и другим материалам, отложившимся в архивах, мы имеем возможность, в частности, восстановить многие моменты исторической антропонимии — личные имена народов северо-востока Азии до их соприкосновения с русскими. Правда, при записях этих имен русские встречались с определенными трудностями. «А у тех, государь, иноземцев у многих якутов есть имени по 2 и по 3 и по 4, себе и отцу, и в книгах те иноземские имяна многие не сходятца, потому что не однем имянем сказываютца сами и отцем своим имена»,— жаловались они в 1645 г. [158]

Выяснилось, что северо-восточные азиаты повсюду имели только одни имена — однословные, редко двусловные. Отчеств и фамилий у них не было. Причем имена их подчеркивали особенности во внешнем виде, в характере, в произношении слов, деятельности и т. д. или же давались по названиям животных, птиц, растений, орудий труда, даже предметов домашней утвари и одежды. Женские имена мало отличались от мужских или вовсе от них не отличались.

Конечно, казаки допускали множество ошибок в транслитерации имен людей, местностей, волостей, улусов и вообще местных выражений. К тому же они, как и всякого рода писцы и чиновники, при написании имен аборигенов вносили изменения в соответствии со своими понятиями. Это коснулось особенно якутов.

Вначале (в документах 1630-х годов) мы находим одни имена. Однако изредка можно в них встретить и записи такого рода: «Меник Тюбук Модункарин сын». Это уже начало появления фамилий. С 1640-х годов это явление становится господствующим. Отныне одни имена встречаются все реже. От всех требуют указания фамилий по имени отца. При этом фамилии обозначались двояко: Логуй Сынаков, Акий Тюбяков или Карага Бадуров сын, Ника Мамыков сын. Начиная с 1660-х годов последний вариант постепенно исчезает. Женские имена обозначались проще, тоже как у русских: «якуцкая женка Бычей», «якутская девка Бакаяка», «Толкоева сестра Санай», «жена ево именем Нельчака», «Бытыкайка», «Тавакуева дочь», «Туя Гуденина жена Чекоя», «невестка ево Сюрян». Иногда можно обнаружить и фамилии,

---

[158] КПМГЯ, с. 36.

придуманные самими русскими: Ялича Кривой, Нагича Слепой, Егиря Синезубов[159]. У тунгусов записывались в основном одни имена. Фамилии — Широта Рымакин сын, Деден Каняркиев — встречаются редко. То же мы видим у коряков и ительменов.

Таким образом, с появлением русских у североазиатских народностей начинают появляться фамилии, правда, больше в документах. Сами же аборигены по-прежнему продолжали звать друг друга только по имени. Позже, с принятием христианства, все они становились даже как бы русскими: при крещении им давали русские имена и фамилии. Но последние в народе прививались туго. И. А. Худяков о верхоянских жителях второй половины XIX в., например, писал: «У каждого якута есть русское имя и русская фамилия, но эти последние здешние якуты очень плохо помнят, а на якутское народное прозвище откликаются тотчас»[160].

Тем не менее было сделано большое дело. Люди были зарегистрированы по именам, что является одним из самых значительных достижений казаков в XVII—XVIII вв. Теперь стало можно собирать ясак со всего населения, без утайки душ. Это делалось со всей строгостью, с применением, если потребуется, мер принуждения, которых было немало: взятие заложников; приведение к шерти, т. е. к присяге, когда местный житель по своей вере клялся исправно платить ясак под страхом разного рода жутких наказаний со стороны злых и добрых духов; телесные наказания. Неисправных должников водили на правеж: перед съезжей избой били ежедневно батогами, покуда не внесут недоимки, а ночью держали в казенке[161]; их заключали в тюрьмы; конфисковывали имущество, скот. Некоторые люди или группы населения, которые не смогли своевременно внести дань или по разным причинам уклонявшиеся от нее, объявлялись «непослушниками», «изменниками». И тогда к ним посылали смирителей, которые «в походы» на этих «государевых непослушников ходили и на боях их побивали и языков и аманатов многих имали и ясак» «государю с них сбирали»[162]. Словом, принимались все меры к тому, чтобы ясачные своевременно вносили дань. Но все эти строгости применялись по отношению лишь к тем, кто, по мнению служилых, нарушал установленный порядок.

Приказчики при очередной смене, сдав дела преемникам, собранные в различных пунктах огромного края меха, мамонтовую кость, моржовые клыки и другие ценности привозили в сопровождении отряда служилых в административные центры — Якутск, Охотск. Конечно, часто ценности возили не приказчики, особенно если они служили без перемены, а казаки, число которых зависело от того, через какие места им приходилось идти или ехать (через мирные земли или опасные).

---

159 Там же, с. 70, 109.
160 *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, с. 122.
161 Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 22, стб. 9, л. 27—29; КПМГЯ, с. 119—120.
162 ДАИ, т. IV, с. 95.

Так, центральные пункты, особенно Якутск, ежегодно принимали большие запасы «государевой казны, которую в этих пунктах брали на учет и оценивали. Соболиные шкурки, как и некоторые другие виды ценной пушнины, «розбирали», т. е. сортировали, связывали кожаными ремнями по сорок штук и счет вели по этим «сорокам». Исключительно ценные экземпляры — «одинцы» — в общую связку не попадали, их клали особо. Меха, собираемые с ясачного населения, были целыми. Промышленники же и торговые люди часто из соболиных шкурок вырезали пупки, отделяли хвосты и кончики хвостов (остреди), которые продавали отдельно. Поэтому меха, поступавшие от них в казну в качестве десятинной пошлины, нередко представляли собой части шкурок. В результате «соболиную казну» составляли: «соболи с пупки и с хвосты» (целые), «соболи с хвосты» (без пупков), «пластины собольи», «лоскутки собольи», «пупки собольи», «хвосты собольи» и «остреди собольи». Счет их вели также по «сорокам». В состав казны входила и одежда из соболиных шкурок: шубы, кафтаны, шапки, малахаи, рукавицы и т. д. Сортировали и все другие виды пушнины. После сортировки меха укладывали в кожаные и холщовые сумы «за государевою Ленского Якутцкого острогу печатью» таким образом, чтобы они не портились в долгой дороге. Словом, проводилась огромная и кропотливая работа, завершавшаяся отправкой драгоценных мешков в Москву.

Вез их туда отряд служилых из 20 человек и более во главе с сыном боярским, сотником или атаманом. Начальник отряда получал от воеводы наказную память, в которой подробно описывались меры «бережения» и способы своевременной доставки к месту назначения. Отряд выходил из Якутска в июне на судах, часто вместе с возвращающимися на родину промышленниками. Шли «днем и ночью наспех». Все были вооружены, причем полагалось, чтобы ружья были заряжены и «беспрестани были наготове». С верховьев Лены поднимались по рекам Куте и Купе до устья р. Муки. Затем на подводах переходили Ленский волок. От Илимского острога на судах плыли до Енисейска. Оттуда, «не мешкав ни одного часу», попадали в Маковский острог. Далее на дощаниках плыли до Тобольска и Верхотурска. «Ис Верхотурья через Верхотурский волок русскими городами» направлялись в Москву. Провожатые имели наказ: «А едучи дорогою в городех и в слободах и в селех и в деревнех на дворех и на станех с тою государевою казною стоять с великим береженьем и караулы б у той государевы казны были беспрестанные, чтоб над тою государевою казною какие воровские люди какова дурна не учинили и сум подрезав не покрали». Ехать следовало «наскоре, безо всякого мотчанья... чтобы им поспешить [одним] летом до Тобольска и до Тюмени водяным путем». Сибирские воеводы и дьяки были обязаны соболиную казну пропускать «везде без задержанья». Начальники отрядов строго следи-

ли за казаками-провожатыми и, если они в чем-либо совершали провинность, били их «батоги нещадно»[163]. Таким же порядком отправлялась казна с Камчатки и из Охотска.

Ежегодно поступление ее с северо-востока Азии, по общему признанию, сыграло большую роль в экономическом усилении централизованного феодально-помещичьего Русского государства. Казаки являлись главной силой, добывавшей это богатство. Большинство их с радением служило царю. Однако они не забывали и собственные интересы.

Например, к Ивану Кузакову, башлыку в Среднеколымском зимовье, в 1662 г. юкагиры привезли в качестве ясака более 20 соболей высшего сорта. Он забрал их себе и вместо них велел юкагирам «промышлять соболи в ясак весною». Юрий Крыжановский, распоряжавшийся в Охотском остроге во второй половине 1760-х годов, все «соболи добрые и лисицы черные», какие имели тунгусы, забирал в свою пользу, в ясак же клал плохих соболей. Тех, кто проявлял недовольство, он сажал в тюрьму и не выпускал до тех пор, пока его требования не выполнялись. В начале 1680-х годов в Якутской воеводской канцелярии отметили, что вилюйские ясачные сборщики «в прошлых годех» занимались переменой ясачной пушнины: якутов и тунгусов, приходивших с мехами «преж государева ясачного збору пущали к себе в избу для воровства и для перемены, а с переменными худыми собольми отпущали от себя в ясачную избу». В 1688 г. в той же канцелярии писали, что «в прошлых годех при прежних воеводах ясачные зборщики в волостях воровали, великих государей ясак соболи и лисицы у ясачных якутов збирали, и с тех ясачных соболей и лисиц они ясачные зборщики соболи и лисицы себе крали... Отписей в тех краденых соболях и в лисицах им якутам многим не давали и тех краденых соболей и лисиц в книги не записывали».

Генрих Фик, вице-президент Коммерц-коллегии, отбывавший якутскую ссылку в 1730 — начале 1740-х годов, оставил описание установившегося порядка сбора ясака. Приезжает в улус из города новый комиссар и со свитой казаков ездит по урочищам «под видом ясашного збору». «Иноземцы» их возят на своих подводах и кормят (отчего им «весьма тягостно становится»). Комиссар и казаки первым делом собирают «подарки» себе (с самого начала присоединения население сверх ясака обязано было давать служилым меха «в почесть» и «в поминки»), в ясак же берут то, что останется, т. е. меха худшего качества, и с вечной недоимкой. Потом напишут куда следует, что ясак недобран по причине того, что будто «весьма был плох звериный лов, чего ради иноземцы просили, чтоб им до будущего осеннего лову отсрочено было»[164].

[163] КПМГЯ, с. 91, 102—104; ДАИ, т. III, с. 332, 398.
[164] КПМГЯ, с. 111, 119—120, 123, 133—135; ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., № 360, л. 16.

Эти примеры отражают общую картину: сибирские казаки постоянно крали государеву казну, что облегчалось отдаленностью края, бесконтрольностью, разбросанностью населения и тем, что крали казну в еще больших размерах и начальники казаков, в частности воеводы и дьяки.

Злоупотребления казаков приносили немало страданий местному населению.

Правительство, зная о лихоимстве ясачных сборщиков, посылало неоднократные указы о назначении сборщиками благонадежных и добропорядочных людей, увещевало служилых не притеснять местное население, пугало их наказанием батогами и кнутом, штрафами и конфискацией имущества, смертной казнью. В критические моменты посылало следственные комиссии. Однако все оставалось по-прежнему.

Злоупотребления служилых, связанные со сбором ясака, продолжались до конца 1760-х годов, когда указами Сената, Первой общесибирской и Якутской ясачными комиссиями был ликвидирован институт сборщиков ясака. Отныне казаки перестали ездить в улусы, волости и стойбища местного населения. Ясак собирали и привозили в Якутск и в другие сборные пункты князцы и старшины. В 1810-х годах такой порядок был распространен и на Камчатку. Это значительно облегчило положение местного населения [165].

Однако сохранился произвол других представителей власти, особенно частных комиссаров и исправников, сосредоточивавших в своих руках всю власть в комиссарствах и округах. Исправники без повода при случае брали от населения в виде «подарка» дорогие меха, скот и другое имущество. Изобретательные из них в день своих именин собирали даже улусное собрание, потчевали «инородцев» водкой, которые за это должны были «отблагодарить». Были и такие, которые свои именины таким путем отмечали в год дважды.

Тяжелым бременем на местное население ложился также объезд исправниками вверенных им округов со своими помощниками. Население обязано было возить их, угощать лучшими блюдами и давать каждому дорогие подарки. Исправники северных округов в 1830-х годах при жалованье в 600 руб. в год за один объезд набирали в округе ценностей на сумму до 19 тыс. руб. Исправники в целях наживы совершали и другие многочисленные недозволенные действия. Население обвиняло их в незаконных участиях в разных подрядах; в подмене пушнины, шедшей в казну; в распространении фальшивых ассигнаций; в подделке документов и т. д. и т. п. Множество злоупотреблений было связано с судопроизводством. Оно всегда сопровождалось разного

---

[165] *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М., 1956, с. 69, 102—103; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. V, с. 6.

рода вымогательствами[166]. Примеру исправников следовали священники, лекари, писари, переводчики и другие должностные лица.

Сбор ясака и доставка его в Москву являлись только основной обязанностью служилых людей. Они имели множество и других обязанностей. Об этом свидетельствует рапорт якутского казачьего головы Ивана Аргунова, поданный в Якутскую воеводскую канцелярию в феврале 1766 г. В нем он перечисляет все «командировки» подчиненных ему служилых. Приведем их перечень (за исключением посылок в ясачные зимовья и острожки, а также в Москву с соболиной казной): в Охотске «за разными делами» — 1 сотник, 4 рядовых; на Усть-Майской пристани «в посельщиках» — 19 рядовых; в Анадырский острог «за отвозом денежной казны и тягостей» — 1 пятидесятник, 6 рядовых; в секретную экспедицию морского флота капитана Креницына — 29 рядовых; при устюжском купце «у исправления в морском вояже ружей» — 1 рядовой; в верховья Колымы «у строения судов к перевозке в Нижнеколымск казенного провианта» — 1 сотник, 18 рядовых; по разным трактам управителями и на станциях есаулами «для присмотру казенных подводных лошадей и семейщиков» — 1 сотник, 2 пятидесятника, 5 рядовых; в Баягантайской волости «у збору ясашной казны при князцах в пищиках и верноподданных якутов у охранения» — 1 писарь; в верховьях Лены «в урочище Самыртае у содержания аманатов» — 1 рядовой; в Якутской воеводской канцелярии «у приходу и росходу денежной и товарной казны и у мелочных припасов в комиссарах и целовальниках» — 1 пятидесятник, 9 рядовых; в той же канцелярии «в ходоках и в розсыльщиках и по разным местам в сторожах» — 9 рядовых; в ясачной комиссии «для переводу с якуцкого на русский диалект також у письмяных дел в карауле и в сторожах» — 2 сотника, 10 рядовых; «у приходу и росходу казенного правианта в целовальниках» — 3 рядовых; «у городнических дел в разсыльщиках и во усмотрении в городе чистоты и порядка» — 2 рядовых; «при гошпитальном доме у записки прихода и росхода денежной казны и протчаго» — 3 рядовых; «у приему судов и всяких материалов и при карауле» — 6 рядовых; «в прядильщиках в делании разных пеньковых судовых снастей» — 3 рядовых; плотников «для казенных работ» — 20 рядовых; «при городе в толмачах и у содержания почтовых лошадей и у переводу при якутской канцелярии в разных письменных и словесных от ясашных иноверцев прозьбах» — 2 сотника, 2 рядовых; «в каменьшиках у делания на казенной печи кирпичей» — 3 рядовых; «в кузнецах и в обучении разных казенных поделок, також и в работе по разным интересным делам содержатся в городовой крепости под караулом» — 2 сотника, 1 рядовой; «употребляются в городовой крепости и за городом к

[166] *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа, с. 82—87, 118, 129.

соляным и правиантским магазейнам и при полковом дворе в карауле, także и во объезде в городе для сохранения от известных каторжных воровства и от протчаго в ношном времени непорядка» — 1 сотник, 1 пятидесятник, 72 рядовых; «за всеми расходы и кроме караулов действительно налице состоит 7 сотников, 6 пятидесятников, 2 десятника, 4 барабанщика, 105 рядовых» [167].

Как видим, служилые использовались для выполнения всех встречающихся служб. Наиболее распространенными были караульная служба в острогах, острожках, у казенных складов и житниц, учет прихода и расхода разного рода казенного имущества и товаров, поездки в разные концы края для выполнения поручений по самым разнообразным делам. Казаки обслуживали нужды различных экспедиций и оказывали существенную помощь в их работе. Из них выходили плотники, каменщики, кузнецы. Они же служили переводчиками. На их обязанности лежало обеспечение нормального функционирования трактов. Часто они перевозили грузы, особенно хлеб с верховьев Лены.

Как известно, на северо-востоке Азии земледелие возникло только в пределах центральной Якутии. Но оно развивалось очень медленно, особенно в XVII—XVIII вв. Поэтому потребность края в хлебе покрывалась преимущественно привозом из других мест. Хлеб доставляли главным образом из Илимского уезда, частью из Енисейского, иногда даже из Тобольска. В XVII — начале XVIII в. ежегодно в Якутск привозили до 10, а иногда 20 тыс. пудов хлеба и более, а в XVIII в.— по 20—30 тыс. пудов, поскольку в этот период хлеб из Якутска шел и в Охотско-Камчатский край. Хлеб, предназначенный для Якутска, хранили на складах пристаней верховьев Лены в Орленской слободе, в устьях рек Илги и Куты, в Киренском и Чечуйском острожках. Весной его перегружали в дощаники, барки, каюки и на плоты и в мае — июне по «полой воде» сплавляли в Якутск. Сплав осуществляли якутские служилые люди, для чего в верховья Лены их посылали по нескольку десятков человек. Так было до 1770-х годов [168].

С ликвидацией института сборщиков ясака служба казаков состояла «в содержании караулов при казенных местах, в разсылке по казенным надобностям, а также с почтами и эстафетами, в охранении купеческих караванов и в прочих поручениях, какие по обстоятельствам возлагаемые на них будут», сказано в «Положении о преобразовании на Камчатке воинской и граж-

---

[167] ЦГАДА, ф. 607, оп. 1, д. 36, л. 7.

[168] ЦГА ЯАССР, ф. 2, оп. 2, д. 29, л. 52, 54; ф. 7, оп. 1, д. 345, листы не пронумерованы; д. 1577, л. 314—428; д. 2310, л. 1—3; д. 2521, л. 397—401; ДАИ, т. III, с. 332; *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, с. 570—571; т. II, с. 289, 291—297, 300—301; *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956, с. 178; *Копылов А. Н.* Енисейский земледельческий район в середине XVII века.— Труды Московского историко-архивного ин-та, 1957, т. 10, с. 127—134.

данской части» от 1812 г.[169]. Обязанности казаков подробно перечислены в «Уставе о сибирских городовых казаках» от 22 июля 1822 г. На них возлагались обязанности по полицейским и хозяйственным делам. К полицейским обязанностям относились: ночные разъезды в городах, поимка беглых, конвой казенных транспортов, препровождение ссыльных на этапную дорогу, составление конной стражи на этапах, охранение соляных озер, побуждение к платежу податей и исправлению недоимок, наблюдение за благочинием на ярмарках, отправление должностей квартальных надзирателей в городах, наблюдение на казенных поселениях. В круг обязанностей по хозяйственным делам входили: развозка, хранение и продажа продовольствия, сбор податей, разные поручения по части землемерной и строительной, разные поручения при казенных заготовках[170].

Таким образом, роль казачества в освоении северо-востока Азии была значительной, особенно в XVII—XVIII вв., в самое трудное время.

Теперь мы хотим обратить внимание на другой важный вопрос — на организацию связи. До вхождения в состав России северо-восток Азии находился в состоянии полной географической изолированности. Не было регулярной связи даже между народностями самого региона, а если она и возникала, то носила случайный, эпизодический характер. Якуты имели связи с тунгусами, ламутами и юкагирами, тунгусы и юкагиры с коряками, коряки с ительменами и чукчами, юкагиры с чукчами, чукчи с ительменами, ительмены с тунгусами и ламутами. Другими словами, эпизодические связи имели место лишь между соседствующими народностями (сосед знал соседа). Поэтому, к примеру, якуты могли получать сведения об Амуре или об Охотском побережье от тунгусов, тунгусы же об юкагирах — от коряков и т. д.

Иное положение сложилось после присоединения северо-востока Азии к России. С появлением форпостов русской власти — острогов, острожков и зимовий — казаки между этими пунктами проложили водные и наземные пути. В результате впервые возникла регулярная связь между близкими и отдаленными частями региона.

Уже с XVII в. от общего административного центра (Якутска) расходилась сеть дорог. В зимовья и острожки юго-западного района попадали, поднимаясь по Лене до устьев Олекмы и Витима и по системам этих рек. Была и сухопутная дорога по берегам этих рек и некоторых их притоков. В зимовья северо-запада попадали, спускаясь по Лене до устья Вилюя и затем поднимаясь по этой реке. Возникла и сухопутная вьючная тропа в несколько сот километров, ведшая через тайгу к среднему течению Вилюя. В зимовья восточного направления плыли

[169] ППСЗ, т. XXXII, с. 284.
[170] ППСЗ, т. XXXVIII, с. 533.

летом по системе рек Алдана и Маи, зимой ездили по таежной дороге. Путь в населенные места Крайнего Севера был также водным и наземным. Водный путь шел из Якутска вниз по Лене до Ледовитого океана, затем вдоль морских берегов до устьев Оленька, Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы и далее вверх по этим рекам до зимовьев и острожков. Сухопутная дорога шла вниз по Лене до Жиганска и далее до устья реки, а также из Якутска на Алданский перевоз, а оттуда через Верхоянский хребет к Верхоянскому зимовью. С Яны дорога шла на восток вдоль ее притока Туостаха и пересекала хребет Тас-Хаяхтах. Реку Индигирку переходили у Зашиверска и спускались по ней до Уяндинского зимовья. Далее пересекали р. Алазею у одноименного зимовья и доходили до Среднеколымска, а затем до Нижнеколымского острога.

Была проложена вьючная тропа и к побережью Охотского моря. Она проходила через речку Сола, озера Тюнгюлю и Чурапча, затем сворачивала немного на юг и через речки Лэбэгэнэ и Татта шла к Амгинской переправе. Далее путь лежал через речку Ноха и выходил к Бельской переправе на р. Алдан. Оттуда через лесистые горы и по каменистым берегам многочисленных речек шла проезжая дорога к Юдомскому Кресту. С Юдомского Креста попадали на р. Урак, с низовьев которой переходили в низовья р. Охоты, вблизи которой и находился Охотский острог. Весь этот путь преодолевался с большими трудностями в один-два месяца. Существовал и более длинный водный путь. Суда от Якутска шли вниз по Лене до устья Алдана, по Алдану поднимались до устья р. Маи и по ней до р. Юдомы, по которой плыли до Юдомского Креста. Оттуда их перетаскивали волоком на р. Урак, на плотбище — примитивную верфь для постройки речных и морских судов. Далее в Охотск попадали двумя путями: либо волоком с Урака на Охоту и далее вниз по ней, либо вниз по Ураку до Охотского моря и затем по морю. Реки и речки, по которым тянули против течения груженые лодки, местами были узки, извилисты и мелководны, а иногда «вельми быстры». Встречались пороги и шиверы, т. е. опасные перекаты [171].

Установились связи и с отдаленной Камчаткой, правда, кружным путем, так как вначале не было морского сообщения между этим полуостровом и Охотским острогом. Дорога сперва шла через указанные выше приполярные реки, зимовья и остроги, затем от Нижнеколымска — на восток вдоль реки Анюй до Анадырского острога. Оттуда попадали в Пенжинскую губу или в Олюторский залив. Далее до Камчатки добирались или сухопутьем, или же на морских байдарах. Но поездки этим путем

[171] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949, с. 520—529; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.— В кн.: Научные труды. III, ч. 1. М., 1955, с. 135—136; *Полонский А.* Охотск.— Отечественные записки, 1860, т. LXX, отд. VIII, с. 145—147; *Вахтин В.* Русские труженики моря. СПб., 1890, с. 20—23.

были крайне трудны и требовали много времени. На плавание до Нижнеколымска уходило целое лето даже при самых благоприятных условиях, т. е. при отсутствии льдов на морском побережье и при попутных ветрах. Поскольку же такие идеальные условия случались редко, то в пути приходилось находиться года два, а то и три. Сухопутные поездки, обычно зимние, также были продолжительными. От Якутска до Анадырска ехали полгода и столько же времени до Камчатки. Почти весь путь проходил по безлюдным местам, и такие поездки совершались «по великой нуже». С. П. Крашенинников писал: «Скарб, амуницию и потребное к пропитанию важивали на нартах через знатное расстояние самыми дикими, пустыми и многим ужасным вьюгам подверженными местами, от которых по нескольку времени обыкновенно стоят на одном месте; в таком случае не можно не изойти съестным припасам прежде времени. Тогда сыромятным сумам, ремням, обуви, особливо же подошвам расход бывает. Поверить почти невозможно, чтоб человек дорожный мог снести голод через 10 или 11 дней, однако в тех местах никто тому не удивляется, ибо редкой бывалой в той стороне путь свой без оной нужды оканчивал»[172].

Эти обстоятельства вынудили искать новый и более короткий путь на Камчатку, каким мог быть водный путь прямо из Охотска. Первые опыты в этом отношении были сделаны еще в 1711 г., когда охотский приказчик Гуторов по указанию якутского воеводы Д. Траурнихта попытался морем добраться до Камчатки, но дошел только до р. Игиланы на Охотском побережье. А в 1713 г. последовал уже указ Петра I об отыскании морского пути на Камчатку. Выполняя этот указ, в том же году сибирский губернатор Гагарин послал в Охотск дворянина Сорокоумова с судовыми припасами, придав ему несколько матросов, плотников и военных. Но Сорокоумов был вскоре отозван обратно в Якутск. В 1714 г. в Охотск направили с мореходами, плотниками и матросами якутского служилого человека Кузьму Соколова. На небольшом построенном ими судне под командой морехода Треске они в 1716 г. переплыли по Охотскому морю и прибыли в устье р. Тигиль на западном берегу Камчатки. Затем вдоль берега дошли до р. Крутогоровой и вошли в устье р. Колпаковой, в 500 верстах южнее Тигиля. Это открытие решило проблему. Дорога через Анадырск и «заморские реки» была оставлена. Из Охотска на Камчатку стали ходить «лодьи» — небольшие морские суда[173].

---

172 *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, с. 489.

173 ЦГАДА, ф. 199, д. 481, порт. 7, л. 184; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов. Л., 1953, с. 6; Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 2. СПб., 1885, с. 37—40; *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, с. 489—490; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. I, с. 33; Охотск (по запискам Г. Савина 1846 г.).— Записки гидрогра-

Установились пути сообщения и внутри самого полуострова. Геодезисты экспедиции Беринга подали мысль об учреждении более короткого и удобного пути сообщения между Нижнекамчатском и Анадырским острогом через Тигиль и Акланск по берегу моря вместо прежнего неудобного и трудного пути, шедшего посередине полуострова. В 1743 г. на этом новом пути были построены станции, содержавшиеся камчадалами. В середине XVIII в. имелись тракты Большерецк — Нижнекамчатск, Большерецк — Верхнекамчатск, Большерецк — Петропавловск, Большерецк — Курильская Лопатка, Тигиль — Нижнекамчатск, Большерецк — Пенжинский берег и Большерецк — Гижигинск [174].

Приведенный материал показывает, что уже в первые десятилетия после присоединения огромный край покрылся сетью дорог, пусть плохих и неустроенных, но сыгравших свою роль в развитии взаимосвязей между его народностями и племенами и между его различными частями. Впоследствии некоторые из этих дорог превратились в такие большие тракты, как Вилюйский и Верхоянско-Колымский. Первый шел из Якутска через тайгу к населенным пунктам р. Вилюй. Второй начинался там же, затем через Алдан вел до Верхоянска, а оттуда до Зашиверска и далее до Колымы. Были и ответвления от этого тракта, например от Зашиверска до Ожогина, от Бысыта к Усть-Янску и далее к Булуну, от Верхоянска до Булуна, Усть-Янска и Момы, от Зашиверска до Момы [175]. В середине XIX в. приводилось в порядок и почтовое сообщение по трактам Камчатки и от Охотска до этого полуострова [176].

Огромное значение для исторических судеб всего северо-востока Азии имели два тракта: Иркутско-Якутский и Охотский, проложенные вначале также казаками. По этим трактам осуществлялись все связи этого края с Сибирью и Европейской Россией, превратившие его постепенно в органическую часть Российского государства.

Здесь особую роль сыграла р. Лена, которую сразу использовали для экономических связей.

Одновременно вдоль Лены установилось почтовое сообщение. В XVII — первой трети XVIII в. оно осуществлялось через «нарочных гонцов», надежных попутчиков, провожатых соболиной казны, а затем уже возник регулярно действующий казенный поч-

---

фического департамента Морского министерства (СПб.), 1851, ч. IX, с. 151; Опись Удского берега и Шантарских островов поручика Козьмина.— Там же, 1848, ч. IV, с. 4; *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900, с. 29—31; *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902, с. 53.

174 ЦГАДА, ф. 199, № 539, порт. 1, д. 17, л. 1—5; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. I, с. 78, ч. IV, с. 17.

175 *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа, с. 401—407.

176 *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. V, с. 35—36.

товый тракт со станциями, получивший название Иркутско-Якутского. Его устройство связано с общегосударственными мерами по организации регулярного почтового сообщения через всю Сибирь, предпринятыми в 30—40-х годах XVIII в. В то время повсюду открывались почтовые станции, составлялись расписания движения почты, определялся порядок ее «разгона». Возникли многочисленные станки. Так появился главный Сибирский почтовый тракт, протянувшийся от Петербурга через Петербургскую, Тверскую, Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Казанскую, Вятскую, Пермскую, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область. От Петербурга до Якутска (8600 верст) в 60-х годах XIX в. было 368 почтовых станций. Этот тракт одновременно играл роль великого торгового пути, соединявшего Европейскую Россию с Сибирью, а через нее с Китаем, Дальним Востоком, островами Тихого океана и Северной Америкой [177].

Тракт по берегам Лены от Витима до Якутска проложил в 1743 г. якутский служилый человек Захар Баишев. По поручению Якутской воеводской канцелярии он учредил тогда 28 станций. В дальнейшем число их увеличивалось и к середине XIX в. стало более 60 [178]. Движение по этому тракту происходило круглый год. Зимняя езда продолжалась с октября до конца апреля, а с мая открывался летний путь.

Зимняя дорога проходила как по реке, так и по берегу. И. А. Гончаров, в конце 1854 г. проезжавший от Якутска до Иркутска, писал: «Едут и рекой, где можно, лугами, островами и берегом. На одной станции случается ехать по берегу, потом спуститься на протоку Лены, потом переехать остров, выехать на самую Лену, а от нее опять на берег, в лес. Иногда же, напротив, едешь по Лене от станции до станции» [179]. Почту и людей возили в повозках «с надежными деревянными отводами». На них были кибитки для пассажиров и места для багажа. В зависимости от чина проезжающего в повозку впрягали тройку, пару или одну лошадь.

Летом пользовались в основном водным путем. Почту и людей возили на почтовых лодках — «шитиках» или на «проходных павозках». Почтовые лодки с гребцами менялись на каждой станции. Павозки шли без перемены до конечного пункта, а на станциях менялись только гребцы. Вверх по Лене ехали медленно, так как лодки тянули бечевой лошади, обычно две, сопровождаемые четырьмя ямщиками. Сухопутьем ездили лишь в том случае, когда почему-либо нельзя было плыть водой. Дорога шла преиму-

---

[177] Памятная книжка Иркутской губернии за 1863 год. Иркутск, 1863, с. 163—166; Памятная книжка Иркутской губернии за 1865 год. Иркутск, 1865, с. 1—10.

[178] ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 27, л. 1—7.

[179] *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». М., 1951, с. 643.

щественно по более удобному левому берегу. Езда была верховой. Тележная дорога протяженностью в 60 верст была только между Олекминском и Бирюкской станцией.

Много трудов требовалось для содержания в исправности этого длинного тракта. Особенно трудоемким было поддержание в проезжем состоянии сухопутной дороги. В тайге прокладывали тропы, устраивали мосты и гати, ставили зимовья, верстовые столбы. Но дорога, проведенная с таким трудом, в весеннюю распутицу часто становилась непроезжей: сносились мосты и гати, поперек дороги образовывались рвы и т. д. Лишь благодаря ежегодному ремонту она поддерживалась в сравнительно удовлетворительном состоянии. Зато зимой путь становился довольно удобным. И. А. Гончаров находил его «весьма исправным», а выше Киренска даже «чудесно проторенным» [180].

Продолжением Иркутско-Якутского тракта являлся путь, проложенный к побережью Охотского моря. Со времени экспедиций Беринга (1720—1740 гг.), когда возникла необходимость в перевозке значительных грузов, вьючная тропа XVII в. превратилась в важнейший тракт под названием Охотского.

На этом тракте протяженностью более тысячи верст почтовые станции начали возникать с 30-х годов XVIII в. Вначале они появились между Якутском и Амгинской переправой, а затем и на остальных участках к востоку от Амги и Алдана. В 30—40-х годах XIX в. всего было 24 станции. Их содержали сезонные ямщики из якутов: вначале бесплатно в порядке повинности, потом за незначительные прогоны, а с начала XIX в.— подрядным способом на 3 года с торгов [181]. До Алдана людей и почту возили на лошадях, летом верхом, зимой в повозке; далее на оленях, частью верхом, частью на санях; верст за 200—250 до Охотска — на собаках. С 30-х годов XVIII в. проводилась расчистка дороги, но нерегулярно. На некоторых участках строили мосты, устраивали гати, рыли канавы. Эту работу делали главным образом якуты, иногда в ней участвовали и служилые люди. Однако во время весенней распутицы дорога часто разрушалась и ее надо было снова чинить, сил же и средств не хватало. Поэтому тракт никогда не удавалось привести в надлежащий порядок. Он был намного хуже Иркутско-Якутского (да это и понятно, ведь дорога проходила через сплошную безлюдную тайгу).

Приведем свидетельство очевидца А. И. Маркова, чиновника Российско-Американской компании, проезжавшего летом в 40-х годах по тракту в Охотск. Он писал: «То едешь извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лес, поросший кустарником, или через болото, в котором лошадь вязнет по брюхо; то взбираешься на длинный косогор или на крутую каменистую

---

[180] *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада», с. 643, 645.
[181] ЦГА ЯАССР, ф. 136, оп. 1, д. 930, л. 1—5; д. 1156, л. 1—6; ф. 180, оп. 1, д. 121, л. 1.

гору и пролагаешь путь по снежной вершине; то опускаешься прямо в реку; то подымаешься на распавшуюся скалу, где с осторожностью пробирается по острому камешнику безподковный конь; то вдруг встречаешь лес, обгорелый от жары, которая в июле месяце доходит здесь иногда до чрезвычайности. Не дай бог быть застигнутым на дороге продолжительными дождями. В это время болота делаются непроходимыми, реки разливаются; через них уже невозможно переходить вброд, а перевозов нет. Караван поневоле должен ждать, пока перестанут дожди и опадут реки, встречающиеся на пути очень часто»[182]. Подобные отзывы находим и у Булычева, в 50-х годах XIX в. проезжавшего по тракту дважды — из Якутска в Петропавловск и обратно. В его заметках говорится, что переезд по тракту «сопряжен с неимоверными препятствиями и затруднениями всех возможных тонов; местность большею частью неровная, гористая, пересекаемая реками, на которых нет ни мостов, ни переправ. Далее должно объезжать необозримые болота и тундры... Путешественники должны искать и прокладывать себе дорогу в лесах. Зимою другие труды: в снегах приходится прокладывать дорогу; собаки, лошади или олени устают; должно останавливаться для корму их и наконец выбрать и приготовить себе ночлег; выкапывая в снегу пещеру, путники раскладывают в ней огонь; готовят теплую пищу, отогреваются, ночуют, переменяют белье и платье в самые сильные морозы, метели и вьюги; часто путешественники должны пережидать несколько суток в том месте, где их застает непогода, укрываясь под нартами»[183].

Ввиду таких трудностей, возникавших при проезде по тракту, уже во второй половине XVIII в. началась большая работа по изысканию более удобной дороги к побережью Охотского моря с одновременным переносом и самого порта из Охотска. Однако спокойная гавань была найдена только в начале 40-х годов XIX в.— много южнее Охотска, в Аянской бухте. В 1843 г. Российско-Американская компания начала строить там новый порт — Аянский. От Аянского порта компания в 1844 г. проложила новую дорогу протяженностью в 1200 верст к Якутску. Она получила название Аянского тракта. Наиболее трудный ее участок в 200 верст проходил от Аяна через Джугджурский хребет к местечку Нелькан в верховьях р. Маи. Затем 600 верст плыли по Мае, и от ее устья начиналась санно-вьючная дорога в 400 верст к Якутску. Вскоре на пустынных местах появились и станции. Их было около десяти на берегах одной Маи. Они имелись и на участке от Маи до Якутска. На станциях поселили скопцов и якутов, сосланных «за учиненные ими проступки». Однако большинство притрактового населения составили якуты,

---

182 *Марков А. И.* Русские на Восточном океане.— Москвитянин, 1849, № 8, кн. 2, с. 214—215.
183 *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1. СПб., 1856, с. 70—71.

переселившиеся добровольно. От компании они получили деньги на обзаведение, на перевозку семей, муку на пропитание и скот [184]. Ямщики были обязаны содержать почтовые станции, доставлять на лошадях компании почту и проезжающих по делам компании (за плату), а также следить за состоянием тракта [185].

Эксплуатация нового тракта Российско-Американской компанией показала его преимущества перед Охотским трактом, поэтому по ходатайству генерал-губернатора Муравьева правительство в 1851 г. превратило Аянский тракт в казенный почтовый. Охотский тракт был закрыт. Отныне вся почта, все товары из России на восток и обратно шли через Аян. Отсюда же уходили суда на Камчатку, в Америку и в Россию [186].

Через Охотский и Аянский тракты (особенно через первый) до середины 50-х годов XIX в., когда началось освоение амурского водного пути и образовалась Приморская область с центром в Николаевске, проходило все сообщение страны с северо-востоком Азии, побережьем Тихого океана, его островами и с северо-западной Америкой. Поэтому эти тракты сыграли выдающуюся роль в освоении этих труднодоступных, но важных для страны районов.

---

[184] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 1361, л. 1; д. 1484, л. 1—2; д. 1489, л. 1; д. 1526, л. 1—4; д. 1642, л. 19—23; д. 1970, л. 111; д. 2008, л. 3.

[185] Там же, д. 1489, л. 32; д. 1526, л. 80.

[186] *Струве Б. Г.* Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского.— Русский вестник (М.), 1888, т. 99.

Глава третья

КРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ КРАЯ

Появление русских крестьян в Сибири было обусловлено рядом обстоятельств.

В многочисленных острогах, острожках и зимовьях находились тысячи служилых людей, которых следовало снабжать хлебом, а его в Сибири не было.

Вначале правительство думало выйти из положения, организовав перевозку хлеба из европейской части России. Крестьян поморских уездов (Устюжского, Соль-Вычегодского, Вымь-Яренского, Вятского, Кайгородского, Чердынского, Соль-Камского и Пермского) обложили хлебным налогом — «сошными запасами» — и обязали ежегодно доставлять в Верхотурье десятки тысяч пудов хлеба. Из Верхотурья служилые люди сплавляли этот хлеб на судах в Тобольск, откуда развозили по городам Сибири. Но подобный порядок не мог разрешить проблему хлебного снабжения огромного региона. Из-за дальности расстояния, трудности пути, неурожаев, тяжести обложения хлеб с самого начала доставлялся с большими перебоями. Служилые люди часто не получали хлебного оклада и голодали. С другой стороны, роптало и население поморских уездов, недоимки за ними росли.

С дальнейшим продвижением русских на восток положение еще более осложнялось.

С присоединением к России Ленского края хлебные запасы в эти места возили из уездов далекого Тобольского разряда и из Енисейского уезда. Транспорт хлеба, доставленный из Тобольска, дополняли енисейскими запасами и водным путем подвозили к Илимскому острогу. Отсюда хлеб перевозили через Ленский волок. На Куте его перегружали на суда и сплавляли в Якутск.

Но недостаток в служилых людях, нехватка судов и снастей, трудности пути (мелководье, пороги, горы, тайга и бездорожье) создавали серьезные затруднения в своевременной доставке ленских хлебных запасов. Поэтому якутские воеводы часто жаловались на недовоз хлеба и голод.

Еще бóльшие затруднения возникали при доставке хлеба на побережье Охотского моря и на Камчатку. Поэтому этот край больше всех страдал от недостатка продовольствия. В годы не-

довоза хлеба служилым людям не отпускалось даже четвертой части оклада и вместо муки выдавались деньги. На них они покупали по дорогой цене немного хлеба, а в остальном довольствовались пойманной рыбой в свежем, соленом и сушеном видах, собранными кореньями и ягодами.

Таким образом, существовали два обстоятельства, препятствовавших осуществлению плана снабжения Сибири хлебом путем завоза из европейской части России: во-первых, практическая неосуществимость завоза хлеба в размере, обеспечивающем потребности огромного края; во-вторых, невозможность развоза этого хлеба, даже если бы он поступал в нужном количестве, во все уголки лишенного дорог края, протянувшегося от Урала до Тихого океана.

По мере продвижения русских на восток проблема снабжения служилого населения хлебом становилась все более острой. Это был вопрос первостепенной важности. И ответ на него был подсказан самой жизнью: завести местную пашню повсюду, где только возможно, и для этого заселить страну крестьянами.

В целях осуществления такой задачи правительство уже с конца XVI в. приступило к переселению крестьян двумя путями: по «указу» и по «прибору».

В первом случае крестьяне поморских уездов европейской части России переводились в Сибирь принудительно, по разверстке, даваемой волостям. Крестьяне из своей среды сами выбирали «переведенцев», подлежащих отправке в Сибирь. Во втором случае агенты сибирской администрации в тех же поморских уездах проводили вербовку добровольцев.

К первому случаю можно отнести и использование на пашне тех людей, которые были сосланы в Сибирь за те или иные проступки.

Деятельность правительства по переводу крестьян является одной стороной объективно-исторических корней появления русского крестьянства в Сибири. Имеется и другая сторона этого процесса — прилив в Сибирь переселенцев из-за Урала, прибывавших уже добровольно, помимо деятельности органов власти. Они начали переселяться сразу же после постройки первых острогов. Правительство поддержало движение этих добровольцев. Правда, оно разъяснило сибирским воеводам, что они могут принимать лишь выходцев из районов черносошного крестьянства Поморья. В то же время правительство, опасаясь уменьшения поступления податей, разрешило принимать только нетяглое население.

Однако эти установки практического значения не имели. Движение добровольцев в Сибирь приобрело, особенно во второй половине XVII в., большой по тому времени размах. При этом оно охватило главным образом тяглое население, т. е. самих дворохозяев, из черносошных крестьян и некоторую часть помещичьих и монастырских крестьян.

Поморье явилось главным районом выселения, но не единственным. Среди переселенцев встречались также выходцы из районов Верхнего и Среднего Поволжья, Прикамья и даже с Нижней Волги.

Бегство в Сибирь тяглого и зависимого населения обеспокоило правительство, и поэтому оно со второй половины XVII в. принимает меры по ограничению переселения в Сибирь: запрещает сибирским воеводам принимать людей без проезжих памятей («отпусков»), предлагает им высылать обратно беглых крестьян и посадских людей. Но это не дало желаемых результатов. Обратная высылка осуществлялась редко, а бегство людей в Сибирь продолжалось.

Прилив в Сибирь переселенцев был вызван усилением феодально-крепостнического гнета государства и помещиков-крепостников. Народ уходил в надежде найти лучшую жизнь во вновь осваиваемой «украине».

Следует отметить, что перевод крестьян по «указу» и по «прибору» не дал существенных результатов. Основными создателями сибирской пашни явились добровольные переселенцы [1]. Таким образом, не с правительственной деятельностью, а с вольнонародной колонизацией прежде всего следует связывать вопрос как о сложении сибирского крестьянства в целом, так и о его деятельности по освоению обширного пространства.

Вместе с тем положение это, безусловно верное для Сибири вообще, нуждается в конкретизации в случаях, если речь идет об отдельных районах этого огромного региона. В частности, это касается северо-востока Азии.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПАХОТНЫХ МЕСТ И ПЕРВЫЕ ОПЫТНЫЕ ПОСЕВЫ

Мысль о возможности заведения пашни на Лене содержалась в первом же описании Ленского края, автором которого был известный нам мангазейский воевода А. Палицын. В своей «Росписи... великой реке Лене», поданной в 1633 г. в Приказ Казанского дворца, он писал: «А вверх по Лене и по Ангаре и по Оке рекам мочно и пашня завесть» [2].

Это не случайно оброненные слова, хотя они и очень лаконичны. Интерес Палицына к возможности заведения пашни на востоке был вызван практически неотложными задачами: в то время повсюду искали местные источники продовольственного снабжения. И не случайно поэтому в Сибирском приказе не без интереса отнеслись к его сведениям. Когда в 1638 г. был обра-

---

[1] *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.— Л., 1946, с. 11—56.

[2] РИБ, т. II. СПб., 1875, с. 960—961.

зован Якутский уезд и из Москвы в Якутск были направлены П. П. Головин и М. Б. Глебов, уже им было приказано «высмотреть того накрепко, мочно ли на Лене реке в которых местах пашня завесть и пашенных крестьян устроить, чтоб на ленских служилых людей и на ружников и на оброчников хлеба напахать ленскими крестьяны, а ис Тобольска б на тех ленских служилых людей и на ружников и на оброчников хлеба не посылать. Да будет по их высмотру на Лене реке в каких местах пашня устроить мочно, угожие места есть, и им велено в пашню строити охочих людей, да о том отписати к государю к Москве» [3].

Воеводы с должным вниманием отнеслись к этому поручению и провели значительную работу. Они начали ее с поисков и определения размеров пригодных к пахоте земель. Еще в сентябре 1640 г. Головин и Глебов, находясь в пути к Якутску, послали для этой цели в верховья Лены пятидесятника Курбата Иванова с отрядом казаков. Возвратившись в Илимский острог в феврале 1641 г., он подал воеводам чертеж, на котором были нанесены пахотные места по берегам верховьев Лены, начиная от устья р. Куты и кончая оз. Байкал [4]. Тогда же пятидесятник Потап Баландин с казаками описал и «сметил» в десятины пахотные места от верхнего илимского порога вверх по Илиму до Ленского волока [5]. В 1641 г. Иванов же из Якутского острога отправился в Жиганское и Молодское зимовья для сбора ясака и приискa новых неясачных земель. Находясь там, он составил чертеж не только всей Лены «с вершины до устья», но и важнейших ее притоков — Витима, Киренги, Вилюя, Алдана. На чертеже были показаны и пахотные места. В июне он прибыл в Якутск и чертеж с росписью подал воеводам. Позже, в 1643 г., он же составил чертеж «с росписью» оз. Байкал с впадающими в него реками [6].

В 1646 г. воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев приказали вторично обследовать пахотные места от Куты до верховьев Лены. Эту работу выполнил тот же Курбат Иванов [7].

Подобные чертежи и росписи составлялись и при участии самих воевод. П. П. Головин с помощниками по пути в Якутск составил чертеж «рекам и порогам от Енисейского острогу вверх до Ленского волока» с описанием пахотных мест. Ими же были «смечены» пахотные места между устьем Куты и р. Олекмой [8]. Воеводы Пушкин и Супонев в 1646 г. «сметили» пахотные места по р. Илиму [9]. В 1652—1653 гг. «Роспись Илимского уезду пашенным заимкам с устья Куты вниз по Лене реке до Чичуйско-

---

[3] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 306, л. 104—105.
[4] Там же, стб. 274, л. 66—67.
[5] ДАИ, т. II, с. 248.
[6] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 66—67, 71.
[7] Там же, л. 287—289.
[8] ДАИ, т. II, с. 243—249.
[9] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 202—210, 284—286.

го волоку» составили воевода М. С. Лодыженский и дьяк Ф. В. Тонков [10]

Проводимые работы не ограничивались определением пригодности «смеченной» местности к пахоте. На ней делали опытные посевы. В одних случаях ими занимались сами колонисты. Так, известный Е. П. Хабаров свою усть-кутскую пашню начинал с опытных посевов. В документах он зовется «старым опытовщиком» [11]. В других случаях опытные посевы проводились по распоряжению администрации. Например, П. П. Головин в 1643 г. под Якутским острогом велел «сееть понемного на опыт всякого ярового хлеба», и когда этот опытный хлеб «поспел весь», он посадил на пашню первых пять человек [12].

Упомянутые чертежи и росписи пахотных мест показывают, что воеводы и их помощники проводили значительную для того времени работу по выявлению запасов земель, пригодных к пахоте. Это имело известное значение для развития местной пашни, особенно в верховьях Лены.

Подобная же работа была проведена и в Охотско-Камчатском крае. О возможности хлебопашества на Камчатке первым заговорил В. Атласов. После почти трехлетних странствований по этому полуострову он прибыл в июне 1700 г. в Якутск, где и сообщил о своих открытиях. В Сибирском приказе в феврале 1701 г. он повторил отчет, сделанный им в Якутской воеводской канцелярии. Так возникли две «сказки», широко известные в научном мире. Во второй «сказке» землепроходец утверждал: «а в камчатской и в курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают» [13].

Первыми, живо подхватившими это известие были служки Якутского Спасского монастыря, во второй половине XVII в. ставшего одним из центров феодального землевладения в бассейне средней Лены. Энергичная колонизационная деятельность этого монастыря, распространившаяся к югу до верховьев Лены, в начале XVIII в. была перенесена и на далекую Камчатку. Около устья речки Ключевки, впадающей в р. Камчатку справа немного ниже Нижнекамчатского острога, была основана пустынь, в 1731 г. разоренная восставшими ительменами. Служки этой пустыни еще до Первой Камчатской экспедиции В. Беринга пахали землю, выращивали ячмень и некоторые овощи и временами получали хороший урожай [14]. Одновременно с ними сеяли ячмень, репу и коноплю отдельные приезжие энтузиасты. Беринг, прибывший на Камчатку в 1728 г., писал об этих первых кам-

---

[10] Там же, стб. 340, л. 207—210.
[11] Там же, стб. 360, л. 259.
[12] Там же, стб. 294, л. 190.
[13] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов. Л., 1953, с. 33.
[14] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949, с. 107.

чатских земледельцах: «Прежде нас сеяли ячмень, репу и коноплю, которая и уродилась; токмо пашут людьми, а ныне в пустыне Якуцкого монастыря, которая с версту от церкви Камчатской, родится ячмень, конопля, редька ... В бытность мою,— сообщал далее Беринг,— учинена проба обо всяком огородном овощу, також и рожь при мне сеяна, репа и у многих служилых людей во всех трех острогах родится; такая великая годом живет, какой и в России мало находится; а именно: по 4 репы пуд» [15].

Заинтересовавшись этими опытами, собрав и изучив сведения о них, Беринг так же, как и Атласов, пришел к выводу о возможности земледелия в этом крае. В своих «Предложениях» относительно управления Охотско-Камчатским краем, представленных правительству в апреле 1730 г., после возвращения из Первой Камчатской экспедиции, он писал: «Мочно там и землю пахать, и всякой хлеб сеять». Но для этого, по его мнению, нужно было из Якутска «пригнать молодой скотины» и «от Охотска перевесть чрез море на Камчатку или сухим путем чрез Камчатку» [16].

Эти опыты хлебопашества, проведенные с переменным успехом, заинтересовали правительство, и оно начало принимать меры к заселению Охотско-Камчатского края.

Таким образом, в вопросе о внедрении земледелия на северовостоке Азии с самого начала особое место занимала правительственная инициатива. Конечно, при этом нельзя отрицать значение и отдельных случаев частной инициативы, которые действительно имели место. Именно в результате взаимодействия этих двух факторов началось заселение востока Сибири земледельческим населением. В XVII — первой половине XIX в. русское крестьянское население появилось в бассейне средней Лены, в Охотско-Камчатском крае и на побережье Ледовитого океана.

ЗАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ ЛЕНЫ

Во второй половине XVII в. в устьях притоков Лены Витима и Пеледуя возникли две крестьянские деревни: Витимская и Пеледуйская.

В «росписи» Якутского уезда от 1675—1676 гг. расстояние до этого района определялось так: «Ходу на судах вверх от Якутцкого до Усть-Олекмы две недели, а от Усть-Олекмы до Пеледуя 12 дней, а от Пеледуя до Витима реки два дни» [17]. Места эти считались удобными. П. П. Головин в одной из отписок в Сибирский приказ в 1641 г. сообщал, что вниз по Лене до устья Пе-

---

[15] Предложения Беринга.— Записки гидрографического департамента Морского ведомства, 1851, ч. IX, с. 429.
[16] Там же.
[17] ДАИ, т. VI, с. 403.

ледуя «многие пашенные места и сенные покосы»[18]. Однако заселение их шло медленно.

Пеледуйская деревня возникла во второй половине 60-х годов, Витимская же — в начале 80-х годов[19]. В начале 80-х годов в обеих деревнях жило 14 семей, обрабатывавших 11 1/4 десятины государевой пашни и 78 десятин собственной[20]. Население этих деревень росло медленно. В 1702 г. в них насчитывалось 17 дворов, обрабатывавших 13 1/2 десятины государевой пашни[21]. В 1738 г. здесь проживало около 200 чел. обоего пола. В июле 1736 г. эти деревни по пути в Якутск посетил И. Гмелин — участник Второй Камчатской экспедиции. В д. Витимской он насчитал около 15 домов, церковь, канцелярию и соляной магазин, а в Пеледуйской — еще меньше. Около этих деревень были заимки: выше Витима — Шалагина, ниже Пеледуя — Недострилова и Корнилова[22].

В 1754—1757 гг. в обеих деревнях числилось 132 души мужского пола (51 хозяйство), в 1764 г.— 161 (около 300 чел. обоего пола)[23].

Таким образом, более чем за полвека численность крестьян не выросла и в 2 раза. Это объясняется тем, что она увеличивалась почти исключительно за счет естественного прироста.

Столь же медленно росло население и в окрестностях Олекминского острожка, стоявшего на левом берегу Лены, в 15 верстах выше устья р. Олекмы. В 8 верстах выше этого острожка, на правом берегу устья речки Большая Черепаниха, в середине XVII в. была основана крестьянами д. Олекминская.

Первые сведения об олекминских крестьянах появляются с 1656 г., когда по челобитной из Якутска туда перевели одного казака[24]. В 1657 г. около устья Олекмы жили крестьяне «Богдашка Астрахан с товарищи». Кто были его товарищи и сколько их было, неизвестно. В том же 1657 г. крестьяне Иван Васильев Новгород и Василий Харитонов Заборцов просили дать им земли «пониже Олекминского острогу под пашню новую селидьбу и под сенные покосы и под скотинной выпуск»[25]. Одновременно сели здесь на льготную пашню еще четыре промышленника[26]. Всего, таким образом, к концу 50-х годов в деревне стало около десяти дворов.

---

[18] ДАИ, т. II, с. 249.
[19] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 580, л. 490—492, 496.
[20] Там же, кн. 970, л. 93—95; кн. 1106, л. 646—649.
[21] Там же, кн. 465, л. 234—235.
[22] *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien. Zweiter Theil. Göttingen, 1752, S. 299—338.
[23] ИГА, ф. 2, оп. 1, д. 34, л. 32—45; ф. 75, оп. 1, д. 2093, л. 105—114; д. 2300, л. 1—10; оп. 2, д. 248, л. 102—103.
[24] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 375, л. 148.
[25] ЦГАДА, Як. прик. изба, стб. 149, л. 34.
[26] КПМГЯ, с. 173.

Дальнейший рост числа крестьян происходил очень медленно. В 1696 г. все еще 10 семей обрабатывали 7 ¼ десятины казенной пашни. В 1702 г. олекминские крестьяне жили 14 дворами [27].

Третьим районом поселения русских крестьян являлось среднее течение р. Амги, левого притока Алдана, впадающего в Лену справа, в 190 верстах ниже Якутска. Здесь, в 178 верстах к востоку от Якутска, в середине XVII в. возникла Амгинская слобода.

Пахотные места по Амге были выявлены еще в начале 40-х годов XVII в. Воевода П. П. Головин писал в Москву: «От Якуцкого острогу в трех днищах промеж Алданом и Леною на Амге многие пашенные места и хлеб чает родиться учнет». Однако до начала 50-х годов эти места не заселялись. Воеводы опасались, что заселение вызовет «большую поруху» в ясачном сборе, «потому что стало то место в самом людном месте в якутах» [28].

Первую попытку заселения этого района можно отнести к 1652 г., когда сын боярский Воин Богданов с шестью ссыльными был направлен с наказом, «приехав с теми ссыльными людьми на Амгу реку и тех пашенных крестьян на Амге реке на елапных местах и где угоже устроить на пашню» [29] Но эти ссыльные прожили там недолго, пашню забросили, и к 1661 г. от нее не осталось и следа. Поэтому, когда в том же году о наличии пахотных мест на Амге узнал воевода И. Ф. Голенищев-Кутузов, он посчитал это своим открытием, о чем поспешил сообщить в Москву и, не теряя времени, посадил там на пашню четырех крестьян [30].

Дальнейшее заселение задерживалось из-за отсутствия «охочих» и ссыльных людей. Только спустя 9 лет там поселился один гулящий человек [31]. В 1671 г. здесь занялись хлебопашеством еще два человека [32]. В 1672 г. в слободе числилось только четыре семьи крестьян и два крестьянина-льготника [33].

Затем на короткое время длительный застой сменился некоторым оживлением. В 1672 г. здесь поселились якутский посадский человек и казак, пахавший пашню за хлебное жалованье [34]. В 1676 г. поверстали двух человек и одному служилому отвели землю за хлебное жалованье. В 1678 г. сел на пашню новокрещенный якут. В следующем году еще два новокрещенных якута

ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 465, л. 237; кн. 1100, л. 649—650.

28 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 191. 620—623.

29 Там же, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 737, л. 9—15.

30 Там же, стб. 121. л. 138—139; *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири, XVII век. М., 1956, с. 167.

31 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 361.

32 *Сафронов Ф. Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов.— Исторический архив. т. V. М.— Л., 1950, с. 52.

ЦГАДА Сиб. прик., ф. 214, кн. 580, л. 494—495.

Там же, кн. 580, л. 494—495.

Расселение олекминских крестьян в 1765 г. (ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 34 л. 24).

просили поверстать их на пашню «сверх государеву ясаку». В том же году занялись земледелием два казака за хлебное жалованье, а спустя год — крестьянин, который через пару лет «стал увечен и слеп», вследствие чего его пашню передали новокрещенному якуту [35]. В 1681 г. из «Кангалаского камени» на Ямгу перевели крестьянина, после смерти которого в следующем году его участок взяли два новокрещенных якута. В том же 1681 г. занялись хлебопашеством еще один ясачный якут и казачий атаман, за хлебное жалованье [36] в 1682 г.— казачий десятник, в 1683 г.— ясачный якут и в 1684 г.— еще один якут [37].

В итоге в 1685 г. в Амгинской слободе жило 17 семей с 15 десятинами казенной пашни и 135 десятинами собственной. Столько же семей было и в 1696 г. Но следующие годы дали некоторый прирост населения. В 1702 г. на Амге жило 27 крестьянских семей [38].

В начале 30-х годов в Амгинскую слободу из Илимского уезда переселили для занятия хлебопашеством 50 семей крестьян, затем 10 ссыльных семей. В 1764 г. прислали еще 10 ссыльных [39].

Таким образом, к середине XVIII в. население слободы заметно увеличилось, достигнув нескольких сот человек.

Наконец, следует сказать и о попытках заселения района Якутского острога. В 1641 г. в Москву писали: «А в Якуцком, государь, по сказке торговых, промышленных и служилых людей, хлебной пашни не чаять, земля, государь, и среди лета вся не растаивает» [40]. В 1652—1653 гг. воевода М. С. Лодыженский писал еще более категорично: «А в ближних, государь, местех выше Якуцкого и вниз от Якуцково и в ближних же и в дальних местех пашенных угожих мест нет» [41].

Однако, несмотря на это некоторые попытки занятия хлебопашеством были. В 1643 г. П. П. Головин решил использовать под пашню расположенный около острога обширный «Эюков луг»: «ехать сво днище, а поперег верста». И хотя земля на этом лугу была «худа и нехлебородна», он посадил на ней тоболь-

---

[35] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 245, л. 156; *Сафронов Ф. Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов, с. 52—60, 63—66.

[36] *Сафронов Ф. Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов, с. 61, 71—72.

[37] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 28, л. 86—88; стб. 245, л. 100.

[38] Там же, Спб. прик., ф. 214, кн. 465, л. 240; кн. 970, л. 66—69; кн. 1106, л. 620—623.

ААН СССР, ф. 142, оп. 2, № 121, л. 3; *Серошевский В. Л.* Якутский хлеб.— Русское богатство, 1894, № 12, с. 159; *Кон Ф.* Хатын-Арынское скопческое селение.— ИВСОРГО, 1896, т. XXVI, № 4-5, с. 4—5; *Бычков А.* К вопросу о земледелии в Якутской области.— ИВСОРГО, 1902, т. XXXIII, № 1, с. 37; *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912, с. 3.

[40] ДАИ, т. II, с. 249.

[41] ЦГАДА, Спб. прик., ф. 214, стб. 344, л. 205.

ского служилого человека Стефана Самсонова. Последний «для опыта» посеял пшеницу, ячмень, овес, коноплю и горох. Посев оказался удачным, хлеб «поспел весь». Поэтому в 1645 г. на тот же луг Головин «приговорил в государеву пашню» пять охочих промышленных и служилых людей. Они обязались пахать десятинной пашни «рожь и ярь по десятине в поле», а на себя по 4 десятины. Но урожай 1645 г. оказался плохим: «на весну долго дожжей не живет, рожь выдымает ветром, ячмень мороз побил». Поэтому в 1646 г. в 6 верстах от острога они отыскали «добрые земли», где и произвели посевы. Но труды этих энтузиастов не увенчались успехом, и государеву пашню под Якутском вскоре забросили [42].

Затем попытки заняться хлебопашеством были повторены «за Кангаласким каменем», в 30—40 верстах к югу от Якутска, на этот раз по инициативе самого народа. В 70-х годах XVII в. там была «Сидоркина заимка». В 1679 г. три человека просили отвести земли «за Кангаласким каменем па новоприискных местех». Тогда же из Якутской воеводской канцелярии послали в Кангалассы крестьянину Сидору Курочкину распоряжение об отводе земли челобитчикам [43]. В 1682 г. был переведен на пашню по его просьбе новокрещенный якут Родька Леонтьев [44]. В первой половине 80-х годов на Сидоркиной заимке числилось пять дворов крестьян, которые на 5 десятин казенной пашни имели 45 десятин собственной запашки. В 1691 г. трое крестьян умерло от оспы, один сбежал, после чего кангаласская пашня запустела [45].

Ближайшие окрестности Якутска, считавшиеся нехлебородными, до 60-х годов XVIII в. оставались «втуне» лежащими, и опыты хлебопашества здесь более не повторялись.

Таким образом, до середины XVIII в. русские крестьяне обосновались только в четырех местах бассейна средней Лены и основали Витимскую, Пеледуйскую, Олекминскую и Амгинскую деревни с немногочисленным населением. Однако со второй половины XVIII в. положение меняется, что было связано прежде всего с устройством и заселением Иркутско-Якутского тракта.

Вначале содержание почтовых станций и провоз почты являлись обязанностью якутов, привлеченных к трудовой повинности [46]. Однако отбывание почтовой повинности вызывало их недовольство, особенно усилившееся с 60-х годов в связи с новыми установлениями ясачной комиссии, производившей переобложение ясака в сторону его увеличения. Якуты стали настоятельно просить избавить их от подводной гоньбы. Просьбы эти были уваже-

Там же, стб. 274, л. 189—190; Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 16, *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири, с. 166.

[43] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 121, л. 193—194.

[44] *Сафронов Ф. Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов, с. 66—69.

[45] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 970, л. 65; кн. 1106, л. 613—620.

[46] ИГА, ф. 75, оп. 2, д. 231, л. 79; д. 385, л. 28.

ны правительством, заинтересованным в исправном поступлении ясака, и в 1770 г. вышел указ Иркутской губернской канцелярии о переложении «подводной повинности» на русских переселенцев [47].

В связи с этим тракт постепенно стали заселять русскими крестьянами из расчета по 10 взрослых мужчин на почтовую станцию [48]. И по узкой прибрежной полосе Лены от Витима до Якутска впервые появилось притрактовое крестьянское население. Подавляющая его часть состояла из крестьян верхнеленских селений [49]. Но было и немного жителей далеких сибирских деревень [50], в большинстве своем сосланных в Сибирь за «предерзостные поступки». Были и крестьяне, взятые «в зачет» рекрутов.

С появлением русского населения прежние почтовые станции с одиночными юртами превратились в деревни. В 70-х годах между Витимом и Якутском таких деревень — почтовых станций (станков) было 23, а в конце XVIII в.— 36 [51].

Русские крестьяне исполняли те же обязанности, что и якуты, но под строгим наблюдением двух станционных смотрителей. Одному подчинялись станции между Витимом и Олекминском, другому — между Олекминском и Якутском. Крестьяне не имели права на свободное передвижение.

За свой труд они не получали денежного вознаграждения. Но администрация доставляла им с верховьев Лены продовольственный и семенной хлеб. И население отдельных станций начало сеять зерновые культуры, не получая, однако, утешительных результатов. В связи с этим вопрос о доставке продовольствия с самого начала приобрел большую остроту. По принятой тогда норме потребления на душу — мужчинам 21 п. 30 ф. муки и 1 п. 30 ф. крупы в год, женщинам и детям «против их вполы» — населению станций ежегодно требовалось несколько тысяч пудов хлеба [52]. Хлеб этот казна приобретала разными путями у верхнеленских, илимских и ангарских крестьян. И всегда с недостатком: то из-за неурожая, то по причине нехватки средств у казны. В результате население голодало [53]. Много хлопот доставлял и самый сплав хлеба с верхнеленских пристаней, так как для каждой барки следовало подыскать смотрителей среди казаков и сплавщиков из крестьян, а людей не хватало.

Все эти трудности приводили посельщиков, по признанию самих властей, к крайне бедственному состоянию. С другой сто-

---

[47] ЛПБ, архив Эпицдова, т. II, Эрм. собр., д. 238, л. 52.
[48] ИГА, ф. 2, оп. 1, д. 336, л. 2.
[49] Там же, оп. 1, д. 336, л. 2; д. 533, л. 11—12.
[50] Там же, д. 1017, л. 1, 22.
[51] Там же, д. 231, л. 60; *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, с. 8—9; John Ledyard's journey through Russia and Siberia, p. 132—135.
[52] ИГА, ф. 2, оп. 2, д. 93, л. 3; д. 231, л. 34.
[53] Там же, оп. 1, д. 151, л. 1; оп. 2, д. 29, л. 84—85; д. 98, л. 6—7.

роны, на снабжение ямщиков с 1770 по 1780 г. была издержана большая сумма государственных средств — 23 380 р. 72 к. Поэтому Иркутская губернская канцелярия в феврале 1781 г. издала указ об освобождении русских крестьян от почтовой гоньбы, возложив ее снова на якутов, освобожденных от этой повинности 10 лет назад[54]. Но трудоспособная часть крестьян должна была оставаться на станках в помощь якутам, получая от последних полное содержание. Лица, неспособные к труду «по старости и другим болезненным припадкам», подлежали отправке не домой, а в Киренскую канцелярию для распределения «по ведомству в хлебородных местах»[55]. Власти дали якутам «для их поправления» право взимать с «партикулярных лиц» тройные прогоны[56]. Обещано было и назначение, если пожелают сами якуты, по казаку на каждые две почтовые станции с содержанием за счет якутов, для оберегания их «от обид проезжающих чиновников»[57].

Воспользовавшись этим указом, больные и престарелые ямщики постепенно покинули станции. Значительную часть посельщиков, годных к работе, оставили принудительно. Их число пополняли путем насильственного переселения ссыльных крестьян[58]. Поэтому и после указа 1781 г. население станков оставалось в основном русским. Так что русское население на берегах средней Лены не только не сокращалось, а, наоборот, постепенно увеличивалось. Якутов же на тракте было немного, и они несли службу не на всех почтовых станциях.

Вилюйско-олекминские якуты, а с конца XVIII в. и якуты Якутского округа, подводную повинность, возложенную на них указом 1781 г., исполняли не сами, а силами русских посельщиков, снабжая их лошадьми, провиантом и одеждой. Поэтому посельщики стали жить на полном содержании якутов, а не государства. Для несения расходов по содержанию станков и ямщиков якуты разных улусов по договоренности приписывались к той или иной группе станков. Повинность эта была отяготительной ввиду того, что, помимо поставки на станки «полного числа конного и рогатого скота», якутам приходилось давать каждому посельщику ежегодно по 24 пуда провианта и по 10 руб. денег на упряжь и одежду, а также заниматься ремонтом тракта[58a]. Поэтому якуты не раз жаловались на различного рода трудности, связанные с таким порядком содержания почты.

---

54 ИГА, ф. 2, оп. 2, д. 231, л. 80; ЛПБ, архив Элпидова, т. II, Эрм. собр., д. 238, л. 52—53.
55 ИГА, ф. 2. оп. 2, д. 231, л. 80—81.
56 Там же, л. 81.
57 Там же.
58 Там же, ф. 9, оп. 1, д. 210, л. 42; ЦГА ЯАССР, ф. 5. оп. 5, д. 15, л. 31; ф. 6, оп. 1, д. 37, л. 25; *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, с. 21.
58a ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 3. л. 21; ф. 180. оп. 1. д. 258, л. 17—21, 29, 41, 42; *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII середина XIX в.). М., 1956. с. 202.

Жалобы якутов и тяжесть положения поселенцев заставили правительство в начале XIX в. несколько преобразовать порядок содержания почты. С этого времени почтовую гоньбу стали сдавать по трехлетиям с торгов в виде подряда. Подрядчиками должны были выступать сами поселенцы. Оплату за содержание станций по установленным на торгах ценам подрядчики получали от якутов. Поэтому дело свелось не к освобождению якутов от содержания станков, а к замене поставки лошадей и провианта выплатой денег [58б]. С этого времени ямская гоньба перестала быть повинностью для русских поселенцев. Наоборот, она превратилась в один из важнейших их промыслов.

Так продолжалось до нового, уже более радикального преобразования почтосодержания, произведенного в 1810—1820 гг. В 1813 г. в связи с обложением якутов земским сбором деньги на содержание станций стала выплачивать уже сама казна, но за счет суммы земского сбора, поступавшей от якутов в областное казначейство. Тем самым якуты освобождались, на этот раз уже окончательно, от непосредственного содержания станций. Почтовых лошадей и ямщиков поставляли подрядчики, а расчеты с ними производила сама казна. Но за якутами по-прежнему оставили ремонт тракта [58в]. Наконец, в 1822 г. Сенат, считая отправление почтовой и обывательской гоньбы единственным средством пропитания поселенцев, признал за ними исключительное право на выполнение этой работы по ценам, устанавливающимся на торгах [58г].

Порядки почтосодержания, установленные реформами 1810—1820-х годов, просуществовали с незначительными изменениями до 1917 г.

Как уже указывалось, в конце XVIII в. на берегу Лены между Витимом и Якутском было 36 станций. К ним в течение 20—60-х годов XIX в. прибавилось еще несколько десятков.

Ввиду несоразмерно «больших переездов» между некоторыми почтовыми станциями крестьяне часто обращались к властям с просьбой об открытии промежуточных станций. При этом ссылались на трудности пути и частоту поездок. Власти неохотно шли на это, так как открытие новых станций вызывало увеличение казенных расходов. Поэтому решение таких дел иногда затягивалось на многие годы и новые станции возникали только на больших перегонах. В течение 20—60-х годов в пределах Якут-

---

[58б] ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 246, л. 1—2.

[58в] Ремонт тракта оставался за якутами до 1850-х годов. Потом они были освобождены ввиду привлечения их к работам по устройству Аянского тракта (ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 346, л. 1—4; ф. 134, оп. 1, д. 1162, л. 5—6; ф. 136, оп. 1, д. 304, л. 12, 17—18; д. 681, л. 12; д. 877, л. 1—2; д. 1087, л. 1—2; д. 2102, л. 2—3; д. 2805, л. 4—5; ф. 180, оп. 1, д. 268, л. 1—2, 17—21, 29, 42).

ЦГА ЯАССР, ф. 136, оп. 1, д. 612, л. 51.

ского округа возникло 8 новых станций [59], Олекминского округа — 10 [60] и Витимской волости — 8 [61].

Таким образом, вдоль Иркутско-Якутского тракта в течение 1770—1860-х годов по берегам Лены от Якутска до пограничной станции Дубровская возникло 62 русских населенных пункта — почтовых станций (не считая двух городских — Якутской и Олекминской) [62]:

Якутская городская, Табагинская, Тектюрская, Улаах-Анская, Покровская, Бэстээхская, Булгуннахтахская, Тойон-Арынская, Еланская, Тит-Арынская, Батамайская, Синская, Ат-Дабанская, Ой-Муранская, Журинская, Крестяхская, Испская, Чуранская, Малыканская, Еловская, Сапыяхтахская, Мархачанская, Мархинская, Хатын-Тумульская, Белая, Чекурская, Русско-Реченская, Намапинская, Харыялахская, Солянская, Олекминская городская, Дурдусовская, Берденская, Бирюкская, Черендейская, Пеленская, Кочегарская, Дельгейская, Инняхская, Березовская, Точильная, Нохтуйская, Жедайская, Каменская, Тинная, Жербинская, Нюйская, Сылгы-Кельская, Батамайская, Мурьинская, Мухтуйская, Терешкинская, Конкинская, Хамринская, Половинская, Песковская, Крестовская, Пеледуйская, Витимская, Чуйская, Рысьинская, Паршинская, Солянская, Курейская. Расстояние между ними было от 15 до 35 верст (все они, кроме Чуйской и Курейской, находились на левом берегу Лены).

Каждая станция (станок) представляла собой населенный пункт из группы домов и юрт с хозяйственными постройками. В 40-х годах XIX в. на большинстве станций Олекминского округа было по 5—8 дворов и только на одной станции — 11. С течением времени некоторые из них превратились в настоящие деревни. В Якутском округе в 30-х годах станции состояли из 4—5 дворов [63]. К 60-м годам некоторые из них насчитывали 10—15 дворов [64]. В Витимской волости станции были более многолюдны. Уже в 30-х годах здесь появились деревни с десятками домов (в Витимской — 41, в Пеледуйской — 38), в остальных деревнях было по 8—10 домов [65].

Численность русского населения на станциях увеличивалась постепенно. В 1776 г. между Пеледуйском и Олекминском про-

---

[59] ЦГА ЯАССР, ф. 136, оп. 1, д. 434, л. 2—3, 12; д. 483, л. 6; д. 612, л. 69; д. 1411, л. 45—52; д. 180; д. 2341, л. 63—69.

[60] Там же, ф. 19, оп. 1, д. 18, л. 310—311; д. 448, л. 5—6; д. 534, л. 1—2; д. 713, л. 1; д. 863, л. 6; д. 1797, л. 3; ф. 20, оп. 1, д. 90, л. 5—6; ф. 136, оп. 1, д. 434, л. 1—2.

ИГА, ф. 9, оп. 1, д. 686, св. 165, л. 49; д. 2619; св. 152; Памятные книжки Иркутской губернии за 1863 (Иркутск, 1863, с. 163—166) и 1865 годы (Иркутск, 1865, с. 10—13).

[62] Памятная книжка Якутской области за 1902 год. Якутск.

[63] *Щукин Н.* Поездка в Якутск. СПб., 1844, с. 314—315.

ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 12, д. 10, л. 11.

Щукин Н. Поездка в Якутск, с. 314—315.

живало 295 крестьян обоего пола, в 1779 г.— 306[66]. Примерно столько же населения было и на станциях между Олекминском и Якутском. В начале XIX в. на 39 станциях Иркутско-Якутского тракта проживало более 1600 крестьян, в 20—30-х годах на 47 станциях — до 2300, в 40-х годах на 49 станциях — до 2700, в 50-х годах на 53 станциях — до 3200 крестьян[67].

Однако на станциях жили не только крестьяне, но и лица духовного звания, станционные смотрители, почтовые чиновники, казаки, мещане, купцы и ссыльные. Так, в 1829 г. в Витимской волости на станциях проживало 1079 крестьян и 119 чел. прочего населения, в 1857 г.— соответственно 1626 и 612.

На Средней Лене, кроме станции, в XVIII в. были и другие русские населенные пункты, жители которых не занимались почтовой гоньбой: Олекминская, Амгинская, Серкинская и Мало-Пеледуйская деревни, Амгинская и Никольская слободы.

Олекминская деревня, как уже говорилось выше, находилась вблизи Олекминского острожка, в 1775 г. переведенного в разряд города. В ней в 1765 г. проживало 13 семей крестьян (около 130 душ), т. е. столько же, сколько и в конце XVII в.[68] В 1765 г. в район Олекминска перевели 250 крестьян Амгинской слободы (более чем за 800 верст) по причине плохих там урожаев. Они переселились со всем имуществом и скотом и в 8 верстах от Олекминского острожка образовали новую деревню, названную ими в честь покинутой Амгинской слободы Амгинской[69]. В следующем году на олекминскую пашню переселили и вилюйских крестьян — около 10 ссыльных, безуспешно занимавшихся «размножением хлебопашества» на берегу Вилюя[70]. Таким образом, в районе Олекминска в 60-х годах XVIII в. существовали две русские крестьянские деревни. В 1769 и 1772 гг. в Олекминскую деревню «ради размножения хлебопашества»[71] прибыло несколько ссыльных семей.

В итоге в начале 70-х годов население двух деревень составило примерно 400 чел. В 1779 г. его численность сократилась, так как многие амгинцы в этом году возвратились в Амгинскую

---

66 ИГА, ф. 2, оп. 1, д. 228, л. 2; д. 533, л. 11—12.

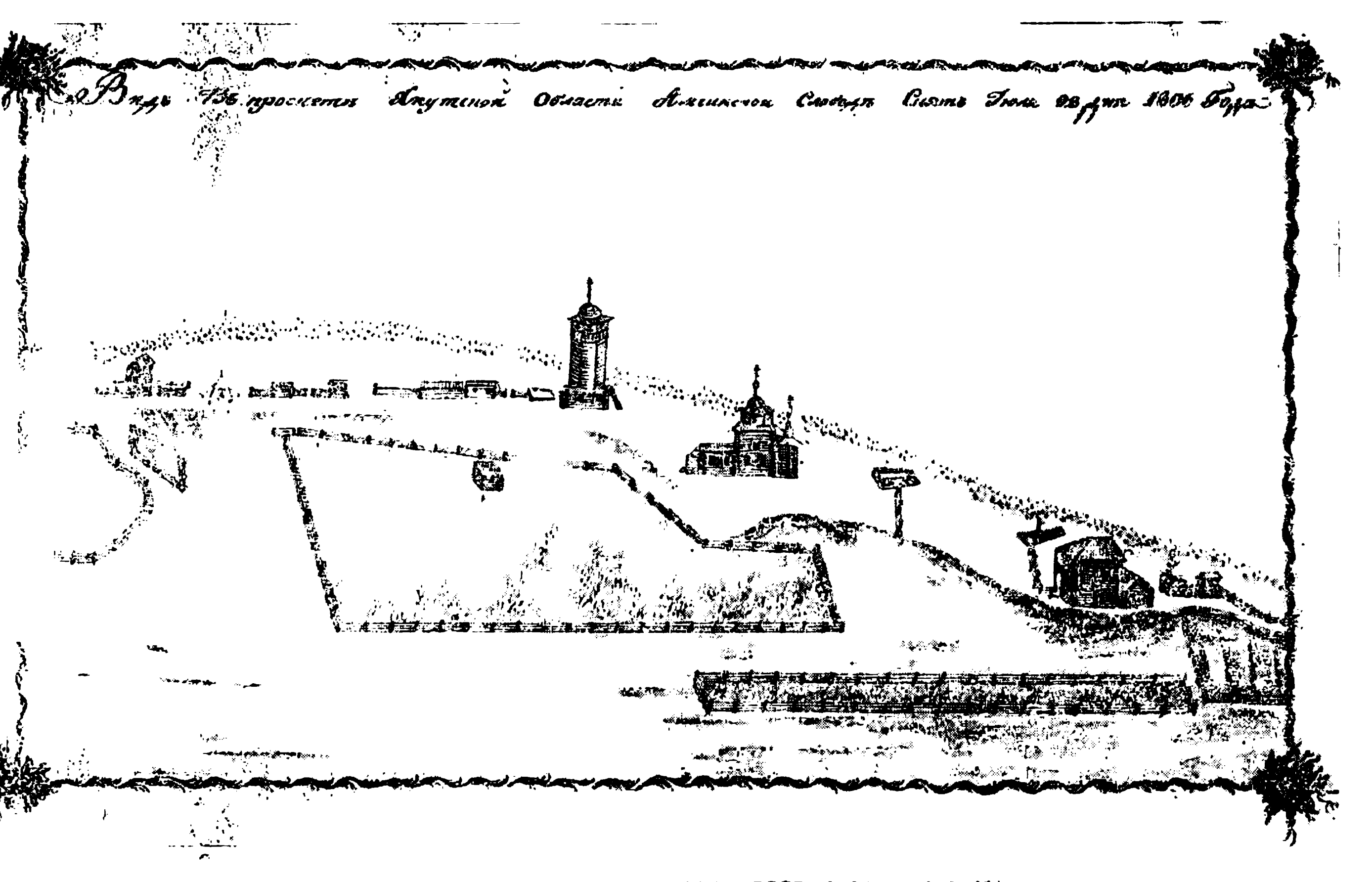
67 Там же, ф. 9, оп. 1, д. 323, св. 87, л. 40; д. 407, св. 117, листы не пронумерованы; д. 913, св. 203, л. 22—23; д. 1160, св. 256, л. 34; д. 1570, св. 311, л. 38—39; ф. 455, оп. 1, д. 38, св. 6, л. 212—216; д. 172, св. 17, листы не пронумерованы; ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 18, л. 143, 147; д. 168, л. 48; д. 572, л. 9, 17—19; д. 1968, л. 140, 144; д. 2688, л. 40—41; д. 1898, л. 34; оп. 2, д. 261, л. 131—133; ф. 136, оп. 1, д. 551, л. 18—27; д. 806, л. 1—3; д. 1206, л. 1—23; д. 1141, л. 45—52; д. 1723, л. 1—13; д. 2781, л. 1—2; ф. 180, оп. 1, д. 73, л. 35—77.

68 ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 161, 167, 169—173; ИГА, ф. 75, оп. 2. д. 248, л. 102.

69 ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 113—199.

70 Там же, л. 88—90; *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 204.

71 ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 88—90; д. 21, л. 19—73.

Вид Амгинской слободы в 1806 г. (ААН СССР, ф. 37, оп. 1, д. 11)

слободу — на прежние земли, обжитые ими и их предками [72]. В 80—90-х годах в связи с заселением Иркутско-Якутского тракта начали прибывать новые ссыльные, назначенные на пашню. Поэтому в начале XIX в. в Олекминской деревне число крестьян обоего пола увеличилось до 296 чел., в Амгинской — до 172 [73].

В дальнейшем численность населения этих деревень изменялась следующим образом. В 1816 г. в Олекминской деревне жило 382 чел., в Амгинской — 284, в 1848 г.— соответственно 435 и 112 чел. Затем уменьшение населения Амгинской деревни прекращается. В 1858 г. в ней насчитывался 191 чел. В это время в Олекминской деревне было 433 чел. В 1864 г. в Олекминской деревне жило 470 чел., в Амгинской — 319 [74].

Амгинская слобода — один из ранних и крупных районов поселения крестьян. В 1772 г. сюда отправили 30 «охотно желающих ссыльных [75]. Спустя год сюда же «из Якуцкой ратуши в зачет рекрут» отправили еще 9 чел.[76] Но из-за неустойчивости урожаев не все новоприбывшие здесь оседали: одни получали отпускные грамоты и уезжали, другие бежали Так, в 1781 г. из 30 упомянутых ссыльных остались 24, а из 9 «рекрутчиков» — только 5 [77]. Поэтому в 1815 г. в слободе проживало 344 чел. обоего пола [78]. В 1834—1835 гг. в 142 хозяйствах насчитывалось 423 чел., в 1841 г. в 124 хозяйствах — 464 чел., в 1856 г.— 601 чел. и в 1862 г.— 798 чел.[79] Таким образом, численность населения Амгинской слободы превышала численность населения Олекминской и Амгинской деревень, вместе взятых.

Однако слобода в первой половине XIX в. не была компактным населенным пунктом. Из нее выделились деревни Верхняя и Нижняя [80]. И. А. Гончаров, проезжавший через слободу 8 сентября 1854 г., обратил внимание на то, что она «разбросана на двух-трех местах». Ее окрестности произвели на него неожиданно приятное впечатление. «Подъезжая к реке Амге,— писал он,— я вдруг как будто перенесся на берега Волги: передо мной раскинулись поля, пестреющие хлебом. «Ужели это пшеница? — с изумлением спросил я, завидя пушистые, знакомые мне золотые колосы. «Пшеница и есть,— сказал мне человек,— а вон и ярове!» В другом месте он пишет: «Не веришь, что едешь по

---

[72] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 85, л. 1—7.

[73] ИГА, ф. 9, оп. 1, д. 183, л. 22; ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 37, л. 6—11; д. 191; оп. 4, д. 4, л. 14—77.

[74] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 572, л. 9; д. 1968, л. 140—144; д. 2688, л. 40; ф. 20, оп. 1, д. 1898, л. 34; *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, с. 17, «Приложения».

[75] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 25.

[76] Там же, л. 66.

[77] Там же, ф. 5, оп. 5, д. 18, л. 11.

[78] Там же, ф. 180, оп. 1, д. 73, л. 53, 126.

[79] Там же, д. 73, л. 53, 126; д. 360, л. 140; д. 379, л. 14—22; д. 672, л. 7—17; д. 3398, л. 164; д. 4958, л. 258.

[80] Там же, д. 360, л. 12.

Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занашивал,— так оживлены поля хлебом, ячменем, и даже мы видели вершок пшеницы» [81].

Серкинская и Мало-Пеледуйская деревни возникли в XVIII в. в районе Витимской и Пеледуйской слобод. В первой деревне в 1797 г. проживало около 20 чел., в 1816 г.— 33, в 1833 г.— 58 и в 1853 г.— 98 чел. Во второй деревне — выселке Пеледуйской слободы — в 1816 г. жило 25 чел., в 1853 г.— 52 чел.[82]

Никольская слободка была основана уголовными ссыльными к северу от Якутска, на левой стороне Лены, в Намском улусе якутов в 1809 г.[83] В 1826 г. там осталось только 4 семьи ссыльных и им областное начальство объявило, что они на занимаемом месте остаются «на вечное жительство для размножения хлебопашества». Одновременно им приказали «устроить себе приличные крестьянскому быту избы и прочие дворовые принадлежности, расположа таковыя строения по прямой линии, таким образом, образуя слободку и именовав навсегда Никольскою» [84].

В слободку посылали только уголовных ссыльных, часто не приспособленных к земледельческому труду или не желавших им заниматься. Поэтому здесь оседали лишь немногие, что обусловило малочисленность жителей слободки: в ней до 1856 г. было не более десяти семей.

ЗАСЕЛЕНИЕ БЕРЕГОВ ВИЛЮЯ

Первая попытка сельскохозяйственного освоения берегов Вилюя — самого крупного левого притока Лены — была предпринята в 60-х годах XVIII в. В 1761 г. сибирский губернатор Ф. И. Соймонов предписал якутскому воеводе Ф. В. Чередову «размножить» хлебопашество в районах Олекминска, Амгинской слободы и Верхневилюйского зимовья, определить туда смотрителем дворянина А. Данилова, придав ему трех помощников, по одному на каждое место, из детей боярских и казаков, заселить эти места «пристойным числом людей» из казаков и ссыльных [85].

В указанные места А. Данилов с тремя казаками отправился в апреле того же 1761 г. Ознакомившись с состоянием хозяйства в Олекминске и Амге, он отбыл на Вилюй, где в ведомстве Верх-

---

[81] *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». М., 1951, с. 610, 632.

[82] ИГА, ф. 9, оп. 1, д. 324, св. 208, л. 81—82; д. 619, св. 152, л. 96—97; д. 1401, св. 188, л. 65—66; ф. 455, оп. 1, д. 38, св. 6, л. 212—216.

[83] ААН СССР, ф. 142, оп. 2, № 121; *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, с. 347; *Башарин Г. П.* Земельные отношения в Якутии в конце XVIII — первой трети XIX в.— Исторические записки (М.), 1950, т. 35, с. 128.

[84] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 534, л. 3—4.

[85] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 121.

невилюйского зимовья отыскал пригодные для хлебопашества урочища Табагу (Большую и Малую), Харамак и Эльгяй [86].

Первые «опытовщики» в числе 10 семей были отправлены на Вилюй весной 1763 г. Ими оказались 4 якутских казака, 2 крестьянина из Витимской слободы, 2 разночинца, отставной казак и отставной капрал. Их расселили по четырем перечисленным урочищам. На пашню посадили и работных людей самого А. Данилова [87]. Семенной хлеб был доставлен из Якутска и Олекминска. Пробный посев, произведенный в том же 1763 г. (30 пудов ячменя, 18 пудов ярицы (яровая форма одной из разновидностей ржи), 13 пудов овса и 10 пудов ржи), погиб «за долго стоящею студеностию, а в лете за рано падущими инеи» [88]. В 1764 г. опытный посев произвели из «остаточных семян» и купленных к Витиме (36 п. 30 ф. ячменя, ярицы, пшеницы и овса). Более или менее удовлетворительно уродились только ячмень и овес, а пшеница и ярица позябли «от ранних инеев» [89]. Тем не менее в августе 1764 г. в Верхневилюйск доставили еще 10 каторжников, определенных на пашню [90]. В 1765 г. была произведена «опрабация третичного года посева» ржи, пшеницы, ячменя и овса. Урожай на этот раз оказался «прибыточным» [91].

Однако новый воевода М. Черкашенинов, сменивший Чередова осенью 1764 г., приказал Данилову покинуть Верхневилюйск и возвратиться в Якутск с казаками, а каторжников и крестьян, семена и инвентарь «по недороду хлеба» и «за неимением прибыточного урожаю кроме убыли и людям напрасного задолжения» отправить в Олекминский острог и Витимскую слободу на «хлебопахотную работу», разночинцев же — в Якутск «для платежа подушных денег» [92]. Весной 1766 г. это приказание было выполнено. Таким образом, попытки заселения берегов Вилюя земледельческим населением в XVIII в. были прекращены в самом начале.

Однако в начале XIX в. русское крестьянское население появляется на Вилюе снова. Своим происхождением оно обязано г. Оленску (Вилюйску). В мещанском обществе этого города в 1802 г. состояло около 100 чел. Но они проживали в 20—40 верстах от города, среди якутов, занимаясь скотоводством. В город не переселялись, ссылаясь на отсутствие там сенокосов. Тогда власти объявили им, что «в якутах» они могут оставаться, только приписавшись к сословию крестьян. Мещане согласились, и в 1802—1806 гг. были приписаны в крестьяне [93].

---

[86] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 122.
[87] Там же, л. 81—83.
[88] Там же, л. 122, 184.
[89] Там же, л. 122—123, 184.
[90] Там же, л. 123.
[91] Там же, л. 81—82.
[92] Там же, л. 81—83, 127—130.
[93] *Ефремов В. С.* Вилюйские крестьяне. Странички из истории колонизации.— В кн.: Сибирский вестник. Иркутск, 1904, с. 146—166.

В дальнейшем в связи с отсутствием притока извне численность этих крестьян росла слабо. В 1816—1823 гг. на Вилюе насчитывалось 204 крестьянина, в 1845 г.— 235. Жили они разбросанно, по якутским улусам [94]. Это не устраивало администрацию, поскольку вызывало «величайшия затруднения» в сборе податей. Крестьянские старосты не были в состоянии объезжать отдаленные уголки разных улусов. Поэтому вилюйский исправник в 1825 г. поставил вопрос о сосредоточении крестьян в одном месте и получил поддержку областного начальника Н. И. Мягкова. Последний в 1828 г. вошел с ходатайством в Иркутское губернское правление о переселении крестьян в урочище Нюрба — одно из примечательных мест на левом берегу Вилюя, в 250 верстах выше Вилюйска [95]. В 1829 г. это ходатайство было одобрено при условии, что якуты добровольно уступят крестьянам осушенное ими оз. Нюрба. Но так как такого согласия от якутов не удалось добиться, вопрос о переселении крестьян был отложен.

В 1845 г. в Якутию приезжал инспектор Иркутского губернского правления. Ознакомившись с положением вилюйских крестьян, он предписал областному начальнику обратить внимание на их бедственное положение, вспомнил об отложенном проекте переселения и счел возможным принять по нему решение, не дожидаясь открытия в Иркутске упомянутой палаты. Поэтому в том же 1845 г. в Вилюйск был командирован чиновник особых поручений Якутского областного правления Каблуков с целью склонить нюрбинских якутов на уступку земли из-под осушенного озера.

Однако и он не добился согласия последних. Тем не менее он вместе с вилюйским исправником Корякиным составил проект переселения крестьян в Нюрбу. Проект этот, одобренный областным правлением, был представлен в Иркутск. Узнав об этом, якуты в 1848 г. согласились уступить крестьянам четвертую часть сенокосов. В итоге вопрос о переселении крестьян наконец-то был решен [96].

По проекту Каблукова переселение предполагалось осуществить в течение 1848—1850 гг. В первую весну в Нюрбу должны были прибыть ближайшие крестьяне со скотом, но без семей, разделить покосы по душам, заготовить лес для построек и инвентаря, поднять пар и приступить к сенокосу. Весной следующего года следовало переселиться остальным крестьянам, чтобы «общими силами перепахать спаренную землю, сделать общий посев хлеба», «сжать хлеб общими силами», а урожай делить по

---

[94] ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 172, л. 17; д. 180, л. 1—4; д. 428, л. 40—41; ф. 22, оп. 1, д. 453, л. 1, 10, 27, 33.

[95] *Ефремов В. С.* Вилюйские крестьяне, с. 177.

[96] *Ефремов В. С.* Вилюйские крестьяне, с. 178—181.

душам поровну, оставив семена. Считалось, что такой порядок артельного ведения хозяйства должен был остаться и на будущее время [97].

Но переселение пришлось проводить почти принудительно: крестьяне не хотели покидать обжитые места. Поэтому переселение затянулось более чем на 10 лет. Основная масса крестьян прибыла в Нюрбу в мае 1848 г. и заняла южный и северный берега оз. Кочай. Но вскоре многие вернулись на прежнее местожительство, и к весне 1849 г. в Нюрбе осталось не более 26 хозяйств.

Областное правление посылало указы о насильственном водворении в Нюрбу остальных крестьян, прибегая даже к конвоированию, тем не менее переселение осуществлялось крайне медленно.

В двух нюрбинских селениях, например, впоследствии названных Аммосовкой и Александровкой, в 1850 г. было 44 юрты и 2 дома, в 1856 г.— 48 юрт, 43 амбара, церковь и магазин, в 1862 г.— 55 юрт и 3 дома [98]. Здесь жило в 1850 г.— 243 чел. обоего пола, в 1852 г.— 255 и в 1862 г.— 287 чел. [99]

Кроме района Нюрбы, на левом берегу Вилюя был и другой центр проживания русских — селение Сунтар, расположенное значительно выше Нюрбы. На этом месте еще в XVII в. стояло зимовье казаков, приезжавших из Верхневилюйского острожка для сбора ясака. В середине XVIII в. здесь проживало несколько семейств. В середине XIX в. Сунтар был уже заселен крестьянами. В 1848 г. здесь было 15 домов и 82 жителя [100], через 10 лет — 27 дворов и 170 жителей [101].

ЗАСЕЛЕНИЕ БЕРЕГОВ МАИ

В 50-х годах XIX в. крестьянами был заселен майский участок Аянского тракта. Превращение нового пути в казенный почтовый тракт было возможно только при условии его заселения и создания здесь устойчивого источника продовольствия путем развития земледелия. Поэтому в 1851 г. был принят проект Н. Муравьева о переселении на Аянский тракт нескольких сот семей из районов Восточной Сибири [102].

Для привлечения добровольцев по округам разослали «Вызов Главного управления Восточной Сибири желающих переселиться

---

[97] *Ефремов В. С.* Вилюйские крестьяне с. 182—183.
[98] ЦГА ЯАССР, ф. 22, оп. 1, д. 776, л. 36; д. 1038, л. 28; д. 1311, л. 113.
[99] Там же, д. 622, л. 44; д. 776, л. 36; д. 840, л. 45—50; д. 1033, л. 34; д. 1161, л. 13; д. 1311, л. 112.
[100] *Маак Р.* Вилюйский округ Якутской области, ч. II. СПб., 1886, с. 28—30.
[101] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 572, л. 9.
[102] Там же, ф. 137, оп. 1, д. 24, л. 37.

на Аян» [103]. Предполагалось тракт заселить добровольцами из Томской, Енисейской и Иркутской губерний и Якутской области и сосланными на поселение, если будет недостаток в добровольцах. С переселенцев обещали сложить недоимки, освободить их до новой переписи от платежа податей и земских повинностей и навсегда — от рекрутской повинности, бесплатно снабжать мукой в первый год поселения, безвозмездно выдать семена, земледельческие и зверопромышленные орудия, одежду и скот. Ссыльно-поселенцев следовало освободить от рекрутской повинности, платежа податей и повинностей до ревизии, обеспечить хлебом на один год, одеждой на 20 руб. серебром на мужчину, семенами, земледельческими, рыболовными и охотничьими орудиями на 30 руб. (женщинам все это в половинном размере). Переселенцы до наделения их 15-десятинным наделом могли пользоваться любыми угодьями в окрестностях поселений, в которых они жили.

К «Вызову» прилагались «Правила переселяющихся на новый Аянский тракт» [104]. Согласно этим правилам лица, получившие разрешение на переселение, должны были продать дома и обзаведения или доверить это дело родственникам или местному полицейскому начальнику. Земельные участки оставлялись обществам, которые в вознаграждение были «обязаны оказать переселенцам пособие по возможному согласию». Переселенцы до ленских пристаней должны были ехать на обывательских подводах, далее — по Лене до Якутска. Местные власти обязывались в пути следования оказывать переселенцам всякое содействие.

Эти условия соблазнили многих. Охотников из числа бедняков и маломощных хозяев нашлось более чем достаточно, главным образом в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области.

Достаточный контингент переселенцев был набран уже к сентябрю 1851 г. Это были 102 хозяйства (589 душ обоего пола). Требуемое количество рогатого скота и лошадей закупили у приамгинских якутов и в 1852 г. доставили на р. Маю. Быстро организовали и перевозку новоселов. В ноябре 1862 г. все они были на месте и расселились в заалданской тайге от устья р. Маи до порта Аян [105].

Так были созданы условия для открытия Аянского казенного почтового тракта, оживившего почти безлюдные берега Маи. Численность притрактового населения росла медленно. Оно пополнялось немногими старообрядцами, сосланными из сибирских губерний, Забайкалья и Лены. К 60-м годам на берегах Маи было немногим более 600 чел.[106]

---

[103] ИГА, ф. 9, оп. 1, д. 1357, св. 281, л. 3.
[104] Там же, л. 4—5.
[105] ЦГА ЯАССР, ф. 137, оп. 1, д. 24, л. 37.
[106] Там же, д. 15, л. 6.

На участке от Якутска до р. Маи вдоль тракта было 12 почтовых станций, расположенных в 20—30 верстах одна от другой. На них, кроме Амгинской, русского населения не было. Содержание станций и почтовая гоньба являлись обязанностью якутов, получавших за это плату [107]

Большинство станций возникло по берегам Маи, вдоль водного пути. Их было 22 [108]:

Усть-Майская, Намыдырская, Юрэхская, Чабдинская, Улукутская, Чайская, Юдомская, Хандыгская, Лахандинская, Кумакинская, Аимская, Березинская, Тарковская, Ингилинская, Селендинская, Цыпандинская, Кирпильская, Иктэндинская, Маймаканская, Семипроточная, Батангская, Нельканская.

Станции отстояли друг от друга на 15—30 верст. На каждой из них проживало по 20—50 русских переселенцев.

На участке от Нелькана до Аяна было четыре станции, также заселенные русскими [109].

ЗАСЕЛЕНИЕ ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ И КАМЧАТКИ

Правительство, озабоченное проблемой продовольственного снабжения служилого населения, пыталось заселить крестьянами в XVIII в. и такой отдаленный край, как Охотское побережье и Камчатка.

Верховный тайный совет 13 марта 1727 г. принял решение «в тех местах Камчатки, где климат благоприятствует, завести хлебопашество, поселив там русских крестьян» [110]. 22 июля 1731 г. Г. Писареву-Скорнякову, назначенному в Охотск главным командиром, была дана уже обстоятельная инструкция Сибирского приказа о заведении местной пашни. Приведем ту ее часть, в которой говорится о рекомендуемых мероприятиях по заселению края [111]: «1. Приехав в Охоцк иметь тебе над оным местом полную команду, и чтоб то место людьми умножил и хлеб завел и пристань с малою судовою верфью, также несколько морских судов для перевозу на Камчатку и оттуда к Охоцку казенной мяхкой рухляди и купецких людей с товарами и для других потреб зделать; 2. На житье велено перевесть охотников крестьян из Илимского уезду или из других мест семей до 50, а тунгусов хотя десятка три, и обселить при Охотске и на пути в урочище, называемом Крест, между Юдомою и Ураком реками,

[107] ЦГА ЯАССР, ф. 137, оп. 1, д. 2753, л. 6—7.
[108] Там же, д. 4, л. 79—80; д. 15, л. 124, 173—177; ф. 180, оп. 1, д. 4958, л. 321—322.
[109] Там же, ф. 180, оп. 1, д. 2753, л. 8—9.
[110] Предложения Беринга, с. 429.
[111] ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 1, д. 1, л. 1—5.

и на Уди, также на камчадальских острогах, сколько где по рассмотрению нужняя, снабдя их на подъем и на первый случай рублев по 10 на семью, да хлеба года на два; 3. Тем новопоселенным для новозаводства дать льготы в податях и подводах года на 4, а ежели когда нужда позовет в проезде служилых людей с казною и понадобятся лошади, то определить плату достойную, чтоб с охотою могли возить, а не из-за палки... 10. Хлебных всяких семян также и конопли для пеньки велено отправить из Якуцка и роздать переведенцам и другим, кто пахать станут, около Охоцка и Удскова и на Камчатке безденежно, а как уродитца тогда семена возвратить или вовсе уступить, потому что место новое и не токмо в таком, но и в здешних местах, где селят деревни, дают семена без возврату... 16. Когда хлебом и скотом в Охотске и в других тамошних местах разведутся и припасов из Якуцка требовать нужды не будет, тогда понадобятся одни обыкновенныя лехкия суды, которые будут ходить с мяхкою рухледью и с костию камчатскою до Якуцка, а из Якуцка с товарами до Креста».

Судя по пункту 16, правительство надеялось, что со временем Охотско-Камчатский край сможет обходиться своим хлебом и тогда отпадет необходимость его завоза с запада. В инструкции даже указаны места, где бы можно было заниматься земледелием.

Указание это было программным и служило руководством в течение долгого времени. Правда, отдельные его пункты в соответствии с обстоятельствами осуществлялись с изменениями. Например, вскоре правительство дало распоряжение заселять край, кроме охотников, и ссыльными.

Однако заселение районов, в которых предполагалось внедрить земледелие, шло с огромными трудностями.

В 1735 г. в районе Удского острога «по разсуждению доброты земли и теплоты климата» было поселено более десяти крестьянских семей, которых казна снабдила рогатым скотом, семенами и земледельческим орудием. Но здесь земледелие насаждалось суровыми мерами. Провинившихся крестьян били батогом «без пощады» и заставляли засевать все зерно, не оставляя запасов даже на пропитание [112]. Впоследствии здесь выросла д. Подпашенная, жители которой до конца XVIII в. в незначительной мере занимались хлебопашеством с переменным успехом [113].

В том же 1735 г. 10 крестьянских семей поселили на правом берегу р. Ини, около ее устья, примерно в 100 верстах севернее Охотского острога. Так возникло сел. Иня. Здесь «по виду ровного места уповали быть хлебопашеству», но опыты из-за су-

[112] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, с. 161; *Цинзерлинг Ю. Д.* Северные пределы земледелия.— Труды по прикладной ботанике и селекции, 1925, т. 25, с. 92; Описание Удского острога.— Московский телеграф. 1825, № 4, с. 320.

[113] *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958, с. 73, 78—79.

ровости климата кончались неудачей. Поэтому крестьяне, хотя и обосновались прочно, стали жить «праздно», забросив земледелие [114].

Наконец, в 30-х годах поселили еще несколько семей крестьян по Охотскому тракту, в 70 км к западу от Охотского острога. Они также пробовали сеять и тоже безуспешно [115].

Впоследствии население указанных деревень изредка пополнялось единичными ссыльными. В конце XVIII в. в них и в других населенных пунктах Охотского округа проживали только 104 крестьянские семьи [116]. Поскольку попытки хлебопашества здесь оказались безуспешными, крестьян сюда в дальнейшем почти не посылали и поэтому численность крестьянского населения на Охотском побережье даже сокращалась. В 1849 г. в Удском районе проживали 32 крестьянина обоего пола [117], в селениях Иня, Желоконском и Чернолесском в 1841 г.— 163 крестьянина и поселенца обоего пола, в 1844 г.— 205, в 1846 г. в тех же селениях и в сел. Татхаямском — 111 крестьян мужского пола, т. е. более 200 чел. обоего пола, в 1849 г. в селениях Иня, Желоконском, Татхаямском и Туманском — почти то же число. А во всем Охотском округе в 1856 г., по официальным данным, числилось только около 250 крестьян обоего пола, живших 34 дворами [118].

На Камчатке крестьяне в количестве 22 семей впервые появились в 1741 г. Их поселили на берегах двух южных рек полуострова — Большой и Камчатки: около устья р. Быстрой (притока р. Большой) — 5 семей, где возникла Трапезникова заимка; в 15 верстах выше по той же реке при камчадальском Карымаевском острожке — 2 семьи; в районах Верхнекамчатского острога у р. Шигачинской — 2 семьи и около устья р. Мильковой (притока Камчатки, в 12 верстах ниже Верхнекамчатского острога) — 3 семьи; в 82 верстах выше Нижнекамчатского острога и в 35 верстах от Ключевской сопки у незамерзающих ключей — 10 семей, где потом выросла Ключевская.

В 1744—1745 гг. прибыло еще несколько семей, обосновавшихся в тех же местах. В 50-х годах небольшие партии вновь прибывших поселялись уже только по р. Камчатке: около устья р. Кирганик (в 15 верстах ниже Милькова), у камчадальского Машурского острожка (на левом берегу Камчатки, рядом с устьем озерной протоки Пхлаухчича, в 35 верстах ниже Кирганика).

Всех этих крестьян, как и удских и охотских, перевозили с некоторым количеством скота (по одной корове и одному быку

---

[114] ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 1, д. 19, л. 22.
[115] *Цинзерлинг Ю. Д.* Северные пределы земледелия, с. 95.
[116] *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край, с. 81.
[117] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 2014, л. 2; д. 3649, л. 16—17.
[118] Там же, ф. 12, оп. 1, д. 1005, л. 1; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 289, л. 5 об.; ф. 1063, оп. 2, д. 80, л. 3—8, 31—32; д. 91, л. 2—4, 7—9; д. 77, л. 27—29; д. 495, л. 33, 39; оп. 3, д. 203, л. 82—83, 86.

или лошади на семью), закупленного за счет казны в центральных якутских улусах. Скот этот доставляли в конечные пункты с большими трудностями, так как корма для него в пути не доставало [119].

Во второй половине XVIII в. на Камчатку водворялись лишь единичные новопоселенцы. Их приписывали или к уже существовавшим селениям, или же они основывали новые поселения. Так, в 1766 г. для хлебопашества было избрано урочище Кашитино, недалеко от Машурского острожка, куда было поселено несколько семей. В начале 70-х годов казенная заимка была устроена в Шигачине, в начале 80-х годов — на Машуре и при Седанкинском острожке, выше Тигильской крепости на берегу р. Седанки (притока р. Тигиль) [120]. В 1813 г. в крестьяне приписалось 50 военнослужащих, отслуживших свой срок. Они были расселены по разным поселениям. Однако из них хозяйством обзавелись только 16 чел.[121]

В итоге к 20-м годам XIX в. на всем Камчатском полуострове было 407 государственных крестьян обоего пола, причем добрая их половина жила в двух деревнях, население которых занималось земледелием: Ключевской и Милькове. В первой, например, в 1810 г. мужчин было более 70, а во второй — более 50 [122].

Камчатские крестьяне в разное время и в разных местах сеяли зерновые культуры, но в большинстве случаев это не приносило успеха. Тем не менее местная администрация настойчиво продолжала попытки сельскохозяйственного освоения полуострова.

Начальник Камчатки капитан Голенищев, продолжая попытки своих предшественников, в апреле 1827 г. представил Сибирскому комитету обширные предложения об устройстве вверенного ему края. Интересные во многих отношениях, они сводились к следующему [123]: 1) заселить Камчатку «русскими переведенцами из Сибири добропорядочного поведения, а отнюдь не из ссылочных за тяжкие преступления, не ограничивая числа оных», и поселить их только по р. Камчатке. «Переведенцев» взять «с реки Лены из тех селений, в коих занимаются хлебопашеством»; 2) переселенцы должны получать от крестьянских обществ по две ло-

---

[119] ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 1, д. 19, л. 22—23; *Булычев И.* Об опытах земледелия на Камчатке.— Вестник ИРГО, 1853, кн. 4, ч. 8, с. 78—80; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. II, с. 29.

[120] *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край, с. 76—78, 80.

[121] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. IV, с. 68—94.

[122] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1/54, № 153, ч. 1, л. 2; *Булычев И.* Об опытах земледелия на Камчатке, с. 85; *Головнин В. М.* Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861, с. 29, 35.

[123] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1/54, № 153, ч. 1, л. 1—15, 43—46.

шади на семью для проезда до Охотска, пособие для оплаты в пути труда проводников и переводчиков, а от казны — по пуду муки на человека на каждый месяц пути до Камчатки, включая членов семей, и для приобретения прочего продовольствия — по 50 коп. на душу; 3) имущество и дома переселенцев должны быть оценены и взяты в казну, а стоимость их возвращена владельцам; 4) крестьяне со дня объявления об их переселении должны быть освобождены от всех повинностей, а по достижении места назначения — пользоваться 10-летней льготой; 5) камчатское начальство по мере прибытия крестьян (ежегодно предполагалось водворять по 20 семей) обязано в течение года бесплатно снабжать их казенной мукой и прочими припасами «сообразно с местными обстоятельствами»; выдать каждому крестьянину по корове, а «конного как мало имеется в Камчатке, то давать по возможности на трех одну лошадь, а при размножении давать уже каждому по одной лошади»; выдать сельскохозяйственные орудия и рыболовные снасти, а также по 75 руб. денег на работающего мужика для домашних нужд; 6) переселенцев вселить в купленные казной дома камчадалов, переселив последних с р. Камчатки на восточный берег полуострова, «где они раньше обитали»; 7) в случае неурожая переселенцы «могут иметь запас значительной от рыбного промысла или скотоводства, которое здесь может быть в изобилии».

Эти предложения Голенищева содержат ряд новых положений, выгодно отличавшихся от многих выдвигавшихся раньше. В частности, переселенцы должны были получать такие пособия, которые в Сибири раньше нигде не выдавались.

Сибирский комитет отнесся к этому проекту недоброжелательно и, получив личное разъяснение его автора, в январе 1828 г. постановил «мысль сию оставить, как неудобоисполнительную», при этом имелось в виду как неудобство переселения камчадалов, так и убыточность перевозки крестьян из Якутской области и Иркутской губернии. Однако комитет постановил не препятствовать, «а доставлять возможные пособия» тем крестьянам, «которые на сие переселение сами изъявят желание» [124]. Но желающих переселиться на Камчатку не было. Поэтому здесь к 1835 г крестьян вместе с военными числилось 679 чел.

Отклонение Сибирским комитетом проекта Голенищева не прекратило попыток местных властей к дальнейшему заселению Камчатки. Поэтому в ноябре 1840 г. вышло положение Комитета министров о посылке на Камчатку на 2 года агронома для «собирания верных данных о климате и почве Камчатки и составления основательного заключения о том, какое хозяйство возможно и полезно на полуострове». Основываясь на этом, министр государственных имуществ П. Киселев в 1841 г. отправил на Камчат-

---

[124] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1/54, № 153, л. 117—118; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 71, л. 13.

ку агронома Кегеля, выписанного из Пруссии. В данной ему инструкции говорилось: «По прибытии в Камчатку сделать посев озимых хлебов, сделать опыт над разведением картофеля, гречихи, репы, брюквы, капусты и хлебных растений. Стараться развести яблоки и разныя кустарныя породы... Составить описание Камчатки в ботаническом отношении и вести в течение двух лет метеорологические наблюдения. В отношении почвы исследовать плодопроизводимость, составныя части и глубину ея, а также и свойство подпочвы» [125].

Кегель прибыл на Камчатку осенью 1841 г. Ознакомившись с состоянием порученного ему дела, он весной следующего года с учеником Сорокиным совершил поездку по полуострову. В итоге в донесении П. Киселеву он высказал следующие соображения: «Большая Камчатская долина, защищенная с севера и востока высокими горами, соединяет в себе все удобства для поселения до 10 000 душ крестьян и развития хлебопашества, если только оказать поселенцам содействие к расчистке лесов и в снабжении скотом». По его мнению, прежние неудачи в хлебопашестве объяснялись тем, что камчатские начальники «заботятся не о введении земледелия, а о производстве вблизи порта дорогих, но для них прибыльных опытов, хотя здесь в иные годы по причине бурь, орканов, больших снегов, которые лежат до конца июня, дождей и туманов даже огородные овощи выращиваются с трудом, и то при помощи искусства» [126]. Это оптимистическое мнение Кегеля спустя некоторое время повторил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев. В 1849 г. он предпринял путешествие на Камчатку [127] и поставил вопрос о целесообразности в течение 10 лет переселить из Иркутской губернии до 3 тыс. русских крестьян, снабдив их полуторагодичным запасом продовольствия и скотом из расчета по две лошади и две коровы на семью и одному быку на десять хозяйств. Переселенцев он предполагал поселить около Авачинской губы и в окрестностях Большерецка (по 300 семей), на путях между Авачинской губой и Большерецком (400 семей) и по обе стороны р. Камчатки, вплоть до ее устья (2 тыс. семей) [128]. Но проект остался неосуществленным. Однако в 50-х годах XIX в. снова было выдвинуто предложение о переселении крестьян на Камчатку. Дело началось с того, что военный губернатор Камчатской области В. А. Завойко, приступивший к исполнению своих обязанностей в августе 1850 г., в ответ на предложения и проекты Муравьева предста-

---

[125] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. V, с. 37—38.

[126] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 1, № 878, л. 18.

[127] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 36, 60; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. V, с. 53.

[128] *Струве Б. Г.* Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского.— Русский вестник (М.), 1888, т. 99, с. 415—417; *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели. Хабаровск, 1899, с. 32.

вил ему свои соображения о сельскохозяйственном освоении Камчатки. Он рекомендовал[129]: 1) прислать летом 1851 г. «дельных хлебопашцев в зачет рекрут», снабдив их семенами и инструментами, выдав на дорогу одежду и деньги из расчета по 30 коп. на мужчину и по 10 коп. на женщину и ребенка в сутки; 2) по их прибытию в Петропавловск выдать на обзаведение на первый год годовой солдатский паек и по 100 руб. денег, на второй год — 9-месячный солдатский паек и по 50 руб. денег на семью; 3) поселить их на удобных местах, разделив на две группы: к одной группе прикрепить камчадальских девочек 9—10 лет, к другой — камчадальских мальчиков 12—15 лет, чтобы обучить их хлебопашеству и домоводству в заведенных для этой цели двух школах; в школе девочек иметь смотрительницу «с хорошей репутацией» для наблюдения за нравственностью девиц и обучения их грамоте и молитвам, ткача со станком и самопрядом; в школу мальчиков назначить «старичка-крестьянина благочестивого», который бы учил мальчиков ремеслам, извозу и «всему до их быта относящемуся»; 4) переселенцы в течение 20 лет половину времени должны работать в школах вместе с девочками и мальчиками, так как последние должны заниматься в школе только раз в сутки, высвобождая все остальное время для работы с крестьянами на поле, для рукоделия, стряпни и скотоводства; 5) для устройства мельниц и молотильных машин полезно прислать опытного воспитанника земледельческой школы; 6) для обеспечения хлебом камчатского войска прислать 60 чел., которые первые два года должны заниматься хлебопашеством и потом уже пройти курс обучения по службе; затем на обработанной ими пашне поселить камчатских жителей.

Однако в связи с тем, что вскоре объектом внимания Муравьева стал Дальний Восток, проекты Завойко были преданы забвению.

Тем не менее в начале 50-х годов попытка переселения крестьян была предпринята. В июне 1852 г. через Якутск проследовала первая партия «камчатских переселенцев». С ними из Якутска были отправлены и семена. В марте следующего года якутское областное начальство объявило о сборе пожертвований в пользу прибывающих летом в Якутск 122 семей переселенцев, следующих на Камчатку. В результате от якутов и купцов поступило 44 руб., 10 пудов масла, 15 пудов мяса и невод. Одновременно подрядчики из числа амгинских крестьян отправили на Усть-Майскую пристань 172 пуда ржаной муки и 80 пудов ярицы. Летом подрядчики из якутов доставили туда же 366 пудов сухарей и 119 пудов ячменя. Сами же переселенцы, сопровождаемые сотником якутского казачьего полка Шахурдиным, в мае месяце поплыли на барже в Усть-Маю. В 1854 г. ожидалось прибытие в

---

129 *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели. с. 31—32.

Якутск новой партии переселенцев, для которых казна закупила 25 комплектов конской сбруи, 25 овец и 5 баранов [130].

Сводных данных о количестве переселившихся и о численности крестьянского населения полуострова в целом нет. Но приведенный материал показывает, что в XVIII и первой половине XIX в. власти неоднократно и по-разному пытались подойти к решению вопроса о заселении Камчатки.

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Немногочисленные русские крестьяне, переселившиеся на северо-восток Азии, явились пионерами самого северного в мире земледелия. Живя в труднейших природно-климатических условиях, в районах вечной мерзлоты, они постепенно превращали места своих поселений в очаги хлебопашества и огородничества.

Кто были эти крестьяне, откуда они прибыли, каким путем попали на северо-восток Азии?

В правительственных наказах XVII в. первым якутским воеводам писалось: «Строити в пашню, где пригоже, ссыльных русских людей и черкас, и называти на пашню во крестьяне вольных гулящих людей ис подмоги и изо льготы». В последующих наказах и памятях становится стереотипной несколько иная формулировка: «Крестьян в пашню строити, и называти на пашню во крестьяне вольных гулящих людей ис подмоги и изо льготы, и ссуда и подмога им давати против прежнего государева указу и как пригоже, смотря по таможнему делу» [131].

Таким образом, правительство давало местным властям широкий простор в их деятельности по заселению края. Поэтому воеводы начали с попыток добровольного «прибора» крестьян вне территории Якутии. В начале 40-х годов XVII в. П. П. Головин послал из Якутска в Енисейский острог трех казаков для призыва гулящих людей. В следующем году он предложил приказным чинам «опрашивать из торговых и из промышленных людей на илимские и киренские пашенные места охотников изо льготы». В 1648 г. В. Н. Пушкин велел илимскому приказчику «прибрать» крестьян из промышленных и торговых людей [132].

Однако эти попытки не увенчались успехом. Добровольных переселенцев не нашлось. Енисейские крестьяне, промышленники и гулящие люди не захотели ехать в неведомый край. Не отозвалось и население Илимского острога. В 1648 г. илимский приказчик доносил В. Н. Пушкину, что «в Илимском острожке ве-

---

[130] ЦГА ЯАССР, ф. 167, оп. 1, д. 240, л. 1—5, 8—17, 21—34, 40—43, 51, 65, 78—79, 88, 91—92, 95—96.

[131] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 306, л. 122; ДАИ, т. II, с. 303.

[132] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 30, л. 45—51; стб. 66, л. 170; ДАИ, т. II, с. 248—249.

лел биричю кликать по многие времена, и на Ленском волоку в Илимском острожке ис торговых и из промышленных на охочих людей в пашню никто не выискался»[133].

В таких условиях якутские воеводы испробовали другую меру: стали требовать от правительства перевода крестьян в порядке указа, т. е. насильственно. В 1646 г. В. Н. Пушкин просил послать сюда часть енисейских крестьян, причем «самых лутчих, заводных лошадьми, конных и скотных и всяким пашенным заводом довольных». В 1652 г. М. С. Лодыженский просил направить 300 «семьенистых крестьян из русских или из сибирских городов»[134]. Но эти ходатайства не получили поддержки правительства, поскольку практика перевода крестьян в Сибирь административным путем, в порядке указа, прекратилась еще в 20-х годах XVII в.[135]

Так оба способа создания крестьянского населения, практиковавшиеся в Западной Сибири, для востока Сибири оказались не приемлемыми.

Зато с самого начала пытались широко использовать третий способ — ссылку «преступников» на пашню. Однако в 1643—1648 гг. правительство отправило на ленскую пашню только 110 семей ссыльных»[136]. Во второй половине XVII в. размеры ссылки также оставались незначительными. С 1652 по 1700 г. было отправлено на пашню более 100 семей ссыльных[137]. Но подавляющее их большинство оседало в верховьях Лены, Илима и Ангары, более благоприятных для освоения.

Следовательно, и путем ссылки не удалось создать ленскую пашню. Это объяснялось не только суровостью климатических условий, но и отдаленностью края, что при бездорожье затрудняло перевозку ссыльных, обеспечение их продовольствием в пути и снабжение семенами и прочим «пашенным заводом».

Таким образом, крестьяне Витима, Пеледуя, Олекмы, Кангалассов и Амги в XVII в. являлись главным образом бывшими гулящими людьми, рекрутировавшимися из промышленников, устремившихся в XVII в. в наиболее богатые промысловые места Сибири.

Одним из таких промысловых районов являлся северо-восток Азии, славившийся своими соболями. Здесь через якутскую таможню в XVII в. ежегодно проходило в среднем около тысячи человек, одни с промыслов, другие на промыслы[138]. Большинст-

---

[133] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 66, л. 170.

[134] Там же, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 376; стб. 344, л. 205.

[135] *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири..., с. 13.

[136] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 329, 401, 415; стб. 298, л. 17; стб. 361, л. 486—487; КПМГЯ, с. 156—157.

[137] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 344, л. 22—26, 163, 233—239; стб. 361, л. 486—487; стб. 813, л. 232; Як, прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 137, л. 9—15; АИ, т. IV, с. 508; ДАИ, т. III, с. 48—49.

[138] *Бахрушин С. В.* Исторический очерк заселения Сибири до первой половины XIX в.— В кн.: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири,

во их, добыв пушнину и успешно завершив торговые операции, возвращалось домой. Часть же, израсходовав на промыслах скромные запасы привезенного снаряжения и продовольствия, не добивалась своей цели и превращалась в гулящих людей, не имевших определенных занятий.

Именно эти разорившиеся промышленники, волей-неволей вынужденные искать занятие на месте, создали ленскую пашню XVII в. Эта положительная сторона в деятельности промышленников хорошо отражена в архивных документах. Документы о «приборе» крестьян показывают явное их преобладание над представителями других слоев населения — казаками, торговыми и посадскими людьми,— иногда также садившимися на пашню [139].

Происхождение же крестьян, попавших на северо-восток Азии в XVIII — первой половине XIX в., было иным, так как в это время по причине истребления ценных пушных зверей уже не было притока промышленных людей. Начиная с XVIII в. основным источником пополнения крестьянского населения могло стать только принудительное переселение. В первой половине этого века подобной мере подвергались верхнеленские крестьяне, избранные по разнарядке Иркутской провинциальной канцелярии крестьянскими обществами для отправки в Якутию. Например, в 1729 г. в верховьях Лены таким путем составилась целая партия крестьян, которых следовало отправить в Якутск «со всем своим домом для поселения в пашню» [140]. В августе 1733 г. Иркутская канцелярия приказала Илимской воеводской канцелярии составить партию из 50 семей, набрав 30 семей из Чечуйской волости и по 10 семей из Криволукской и Киренской волостей, по выбору самих крестьян, и выдав на подъем каждой семье по 10 руб. денег из «кабацких сборов». Выбранные крестьяне с семьями той же осенью были отправлены в Якутск «на удобных плотах» [141].

Со второй половины XVIII в. подобная практика прекращается и заменяется ссылкой «преступников». Таким путем в 70-х годах заселялись почтовые станции Иркутско-Якутского тракта между Якутском и Витимом, когда в этих местах поселили более 600 чел., главным образом из среды провинившихся крестьян верховьев Лены и частично более отдаленных мест Сибири. Таким же путем в первой половине XIX в. заселялись другие места Якутии, в том числе и ленские почтовые станции Якутского округа, куда в 1815—1850 гг. было отправлено более 300 чел.[142] Но на этот раз ссыльные прибывали не только из Сибири, но и из

вып. 2. Пг., 1922, с. 50—51; *Он же.* Исторические судьбы Якутии.— В кн.: Якутия. Л., 1927, с. 245.

139 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 360, л. 123—164, 492—512.

140 ИГА, ф. 75, оп. 1, д. 330, л. 48—51.

141 Там же, оп. 2, д. 172, л. 8—11.

142 ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 2407, л. 3—4.

европейской части России и состояли из различных категорий: переведенцев, поселенцев, скопцов, раскольников и др. Первые прибывали по указам высших властей и Иркутской губернской канцелярии с указанием конкретного места их поселения. Такие переводы были редкими и имели место только в первые десятилетия XIX в. Затем стали прибывать поселенцы, т. е. уголовные ссыльные, сосланные на поселение без указания конкретного места их расселения. Распределение их по районам являлось компетенцией Якутского областного правления. Массовая ссылка скопцов началась с 60-х годов, но ссылка отдельных представителей этой секты в Якутию практиковалась с 30-х годов [143]. Раскольники разных сект и толков стали прибывать с середины XIX в.[144]

Таким образом, в истории образования русского крестьянства центральной части Якутии можно выделить три этапа. В XVII в. на пашню садились в основном добровольцы из промышленников, в первой половине XVIII в. практиковался принудительный перевод верхнеленских крестьян, со второй же половины XVIII в. главную роль играла ссылка преступников.

Иначе обстояло дело с крестьянами и мещанами побережья Ледовитого океана. Они являлись потомками вольных поселенцев. В 1797 г. усть-оленекские жители утверждали, что в устье Оленька обосновались еще их прадеды. В 1813 г. жившие здесь русские писали: «Предки наши, деды и отцы, имели жительство по реке Индигирке, но с какого позволения, вовсе нам неизвестно; впоследствии времени, опытностью от старших дознано нами только то, что река сия первоначально найдена какими-то русскими кочами». В 1832 г. они же повторяли: «Постоянное жительство наше с предков, как опытностью от старших известно, более 150 лет» [145]. В. Г. Богораз, изучивший колымские предания о первых русских пришельцах, писал: «Обилие собольих мехов и необыкновенные выгоды торговли с юкагирами и чукчами привлекали на Колыму сравнительно большое количество казаков и промышленных людей, и по спискам прошлого века русское население гораздо многочисленнее, чем теперь» [146].

Эти данные позволяют думать, что начальный этап заселения побережья Ледовитого океана относится к XVII в., причем заселение происходило помимо воли властей, стихийно. Ссылка здесь в это время никакой роли не играла. Промышленник и гулящий человек, забредший в поисках ценного зверя, мамонтовых костей и моржовых клыков, мещанин и отставной казак, почему-либо облюбовавший страну северного сияния,— вот кто были родоначальниками русских жителей Заполярья.

---

[143] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 1642, л. 32—35.
[144] Там же, д. 4740, л. 3; оп. 2, д. 394, л. 76.
[145] *Зензинов В. М.* Русское Устье Якутской области Верхоянского округа.— Якутская окраина, 16 апр. 1914 г.
[146] *Богораз В. Г.* Русские на реке Колыме.— Жизнь, 1899, т. VI, с. 104.

Крестьянское население по р. Мае образовалось в середине XIX в. в результате переселения добровольцев из Иркутской губернии и Забайкальской области.

Охотско-камчатские крестьяне образовались в результате правительственного переселения (принудительного перевода), осуществлявшегося в 30—40-х годах XVIII в. Правда, вначале принимались меры по вербовке охотников среди ангарских, илимских и верхнеленских крестьян. Но охотников не нашлось. Поэтому власти стали давать крестьянским обществам Илимского уезда и Ангары задания по отправке определенного числа крестьян с семьями. Крестьянские общества обязывались выбирать из своей среды по жеребьевке «молодых, здоровых и прожиточных», могущих «до указанного места без нужды стать и там яко новое место пашнями распространить», и выдавать каждому переселенцу денежную помощь «по изможению» [147]. Согласно этому указанию, крестьян начали переселять, и чтобы они, встретив трудности, по дороге не разбежались, местные власти приставляли к ним служилых людей в качестве военного конвоя. Однако часть переселенцев все же убегала, некоторые умирали в дороге или получали увечья и потому также не доходили до места назначения [148]. В свете изложенного данные А. Бычкова о том, что в 1731 г. в Охотск и на Камчатку будто бы переселено около 300 семей крестьян и 60 семей якутов, кажутся несостоятельными [149].

После 40-х годов XVIII в. организованное переселение крестьян осуществить не удалось. На побережье Охотского моря в разное время попадали единичные ссыльные. Так же обстояло дело и в первой половине XIX в.

Люди, разными путями оказавшиеся на территории далекого северо-востока Азии, прежде чем заниматься земледелием, должны были получать помощь со стороны государства. Оно оказывало такую помощь, но в разной степени, в зависимости от времени и конкретной обстановки.

Помощь «новоприборным» крестьянам более упорядоченный характер носила в XVII — начале XVIII в., когда существовала десятинная пашня. Главными видами помощи являлись «подмога», ссуда и льгота.

Подмога давалась безвозвратно и практиковалась во все время существования десятинной пашни. Ссуда предоставлялась с условием возврата через определенное время и существовала только в 40-х годах XVII в. Льгота — срок, на который крестьянина освобождали от различных повинностей,— существовала пока не исчезла десятинная пашня.

Элементами подмоги являлись: выдача кормового хлеба до получения первого урожая, помощь в обзаведении лошадью и инвентарем. Кормовой хлеб отпускался в зерне. Помощь в обзаведе-

[147] ИГА, ф. 75, оп. 1, д. 298, л. 47—53; д. 833, л. 109—113; д. 936, л. 5—12.
[148] Там же, д. 833, л. 109—113; ф. 7, оп. 2, д. 286, л. 43—45.
[149] *Бычков А.* К вопросу о земледелии в Якутской области, с. 37.

нии тягловой силой и инвентарем до 50-х годов осуществлялась также натурой. Существование натуральной подмоги объяснялось местными условиями. Якутские лошади ценились дорого. В 1646 г. из Якутска в Москву писали: «В Якуцком, государь, остроге лошади у якутов есть и к пашне были бы добры, и те лошади в Якуцком остроге покупают перед енисейскими ценою дороже гораздо, купят лошадь рублей 20 и 25 и больши» [150]. Поэтому местные власти сами приобретали лошадей у населения по дешевой цене, и уже потом передавали их крестьянам. Так же обстояло дело с обеспечением крестьян «пашенным заводом».

Положение изменилось с начала 60-х годов, когда подмогу стали давать деньгами. Это было связано с облегчением условий покупки лошадей и с налаживанием изготовления сельскохозяйственного инвентаря в Якутске и его ремонта в острожках и крупных населенных пунктах. Отныне лошадей и инвентарь стали приобретать сами крестьяне на деньги, полученные от казны [151].

Ссуда выдавалась только деньгами. Лишь в редких случаях ссужалось зерно.

Что касается размера подмоги и ссуды, то якутские воеводы вначале пытались опереться на опыт енисейских воевод [152]. Но дальность расстояния, трудность пути, суровость климата и дороговизна сельскохозяйственного инвентаря затрудняли верстание крестьян на условиях, применявшихся в Енисейском уезде. Поэтому размеры материальной помощи на Лене были установлены выше енисейских. За 40—60-е годы XVII в. мы имеем следующие данные: по 30 руб. на приобретение лошади и инвентаря получили 3 чел., по 2 лошади и «пашенный завод» — 6 чел., по 20 руб.— 5 чел., по коню, корове, по 40 пудов ржи, 40 пудов ячменя и инвентарь – 3 чел. и по 16 руб.– 12 чел [153]. Наиболее высокие размеры подмоги (30 руб., 2 лошади и «пашенный завод») относятся к 40-м — началу 50-х годов. В дальнейшем они уменьшаются до 20—16 руб., причем если в 40—60-х годах при выдаче подмоги размеры десятинной пашни часто не учитывались, то с конца 60-х годов между размерами подмоги и десятинной пашни устанавливается строгое соответствие: 8 руб. денег и 48 пудов хлеба на десятину государевой пашни.

Размеры ссуды были значительны. Пантелеймону Яковлеву, в 1641 г. поселившемуся на Чечуйском волоке, сверх 30-рублевой подмоги выдали 30-рублевую ссуду на 2 года [154]. Пяти ново-

---

[150] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 377.

[151] Там же, стб. 813, л. 87; Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 7, л. 42; *Струминский М. Я.* Кустарный способ добычи руды и выплавки из нее железа якутами.— В кн.: Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, с. 49—50.

[152] ДАИ, т. II, с. 252.

[153] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 28, л. 87; стб. 245, л. 71—74, 80—84.

ДАИ, т. II, с. 252.

селам, имевшим пашню под Якутском, в 1643 г. сверх подмоги дали по 30 руб. ссуды [155].

Льгота давалась на 2—3 года. На более длительный срок ее предоставляли редко и лишь «смотря месту и по пашне».

Помощь новоселам существовала и после отмены десятинной пашни в 20-х годах XVIII в. Указы Сената от 17 июня 1724 г. и от 27 мая 1764 г., Иркутской канцелярии от 5 декабря 1740 г., 22 февраля 1763 г., 15 декабря 1767 г. и 2 января 1772 г. предлагали якутским воеводам «приохочивать» к хлебопашеству «новопоселенных ссыльных и разночинцев», давая им льготу, подмогу и ссуду, иначе говоря, оказывать помощь в тех же формах, что и раньше.

После отмены десятинной пашни льгота была унифицирована и до начала XIX в. равнялась 3 годам. В виде подмоги новопоселенцы получали в год на человека по 21 п. 30 ф. муки, по 1 п. 20 ф. крупы, пару сошников и серпов и косу-литовку. В качестве ссуды давалось по лошади, корове и быку (или деньги на их покупку), семенной хлеб из расчета по 12 пудов ржи, 6 пудов ячменя, 6 пудов овса и 1 пуду семян конопли на человека [156].

Во второй половине XVIII в. особые формы пособия оказывались поселенцам ленских станков. С 1770 по 1780 г. они ежегодно от казны получали продовольственный паек и семена.

В первой половине XIX в. пособие давалось редко, только при основании новых поселений и устройстве новых трактов, причем всей группе колонистов коллективно. Крестьяне, причислявшиеся к уже существовавшим деревням и селам, пособия не получали. Общество крестьян, принявшее поселенца, само обязывалось оказать ему необходимую помощь.

Охотско-камчатские крестьяне переводились с семьями и со всем домашним имуществом. Они получали денежное пособие от односельчан. Казна же снабжала их семенами и продовольственным хлебом до получения первого урожая, земледельческими орудиями, давала по корове и по быку или же по лошади.

НАДЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН ЗЕМЕЛЬНЫМИ УГОДЬЯМИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Крестьяне наделялись пахотными землями, сенокосами, пастбищами и усадьбами. Наделение этими угодьями производилось в соответствии со сложившимися обстоятельствами.

Одним из таких обстоятельств явился указ Сибирской губернской канцелярии от 1727 г. об отмене десятинной пашни. Начиная с этого времени крестьяне востока Сибири были освобожде-

---

[155] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 190.
[156] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 19—21, 63—66.

ны от обязанности пахать десятинную пашню и вместо этого должны были платить в казну денежный налог в размере 4 гривен с каждой ревизской души[157]. Указ этот вызвал серьезные изменения как в землеустройстве, так и в землепользовании крестьян.

В XVII — первой трети XVIII в., в период существования десятинной пашни, площадь отводимой крестьянину земли определялась в соответствии с размером участка, который он обязывался обрабатывать для государства. На этой основе в Сибири возникли термины «собинная пашня» и «десятинная пашня». Урожай с первой шел на удовлетворение собственных потребностей крестьянина, урожай со второй — в казну. Крестьянин мог производить посев и вне нормы, но в этом случае часть урожая «залишечной пашни» он должен был сдавать в казну (так называемый «выдельный хлеб» в виде пятого или десятого снопа).

Само соотношение размеров крестьянской и десятинной пашен не оставалось постоянным. До конца 70-х годов XVII в. ленские крестьяне должны были засевать для казны $^1/_5$ часть ежегодно обрабатываемого участка[158], с начала 80-х годов — $^1/_4$[159].

Если это соотношение двух пашен рассмотреть на общесибирском фоне, то окажется, что ленские крестьяне находились в худшем положении, чем крестьяне Западной Сибири. По окладу, которого в Западной Сибири старались придерживаться в течение всего XVII в., размеры обрабатываемой крестьянами для себя земли превышали десятинную пашню в 5—7 раз[160]. Менее выгодное соотношение пашен у ленских крестьян обусловливалось тяжелым продовольственным положением края, необходимостью форсировать производство местного хлеба. Кроме того, вероятно, были приняты во внимание и сравнительно большие размеры подмоги, которой пользовались крестьяне на Лене.

Размеры сенокосных участков вначале не ставились в зависимость от размеров десятинной пашни. Крестьяне могли иметь любую площадь покосов, поскольку скотоводство было развито незначительно. Однако со временем жизнь потребовала вмешательства администрации во взаимоотношения местного и пришлого населения, слагавшиеся на почве использования сенокосов. В результате с 1670-х годов возникает практика увязывания размеров сенокосов с размерами десятинной пашни и упраздняется бесконтрольное пользование сенокосными угодьями. На каждую

---

157 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 961, 970, 1106.

158 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 580, 633; стб. 274, л. 188—192; Як. прик. изба, стб. 16, л. 25—27; стб. 121, л. 203, 206; стб. 149, л. 64—65; КПМГЯ, с. 120.

159 ЦГАДА, ф. 1177/2, стб. 28, л. 86—88.

160 *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1899, с. 259—260; *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири..., с. 175.

десятину государевой пашни крестьяне стали получать в одних местах по 2, в других по 3 десятины лугов [161].

Земли под двор, огороды и пастбища отводились вне зависимости от размеров десятинной пашни. Кроме того, в коллективном пользовании крестьян находились промысловые угодья и рыболовные места, которые формально никому не отводились.

Крестьяне обрабатывали десятинную пашню различного размера в зависимости от мощности их хозяйства и наличия рабочих рук. В Витимской и Пеледуйской волостях подворные размеры десятинной пашни колебались от $^{3}/_{4}$ до $1^{1}/_{2}$ десятины, в Олекминской волости — от $^{1}/_{2}$ до $1^{1}/_{2}$ десятины, в Амгинской — от $^{1}/_{2}$ до 1 десятины и в Кангаласской волости составляли 1 десятину.

Поскольку в то время господствовала двухпольная система полеводства, вся площадь отведенной крестьянину пахотной земли должна была превышать размеры разрешенных ему посевов по крайней мере в 2 раза. В результате этого в 1685—1696 гг. крестьяне имели пахотных земель: в волостях Витимской и Пеледуйской от 6 до 12 десятин на двор, Олекминской — от 9 до 18 десятин, Амгинской — от $4^{1}/_{2}$ до 9 десятин и в Кангаласской — по 9 десятин [162].

Отвод этих земель строго документировался письменными актами, юридически закреплявшими их за новыми пользователями. Крестьянин получал «данную» или «владенный указ» на право пользования отведенным участком. В этом документе фиксировались имя получателя документа, основное содержание его челобитной об отводе земли, размеры и границы отведенной земли, размеры выданной подмоги и продолжительность предоставленной льготы [163].

Со времени отмены десятинной пашни и введения денежного налога постепенно устанавливается новый порядок отвода земли. Теперь земли можно было отводить крестьянским деревням в целом, с учетом численности населения. Однако коллективный отвод предполагал наличие установленной подушевой нормы земельного надела, которая должна была быть уравнительной, так как ревизские души платили одинаковый денежный налог.

Но душевая норма надела установилась не сразу. После отмены десятинной пашни все внимание властей было обращено на взыскание денежного налога, а это привело к ослаблению внимания к вопросам землеустройства крестьян. Поэтому немногочисленные крестьяне в районе своего поселения обрабатывали землю

Сафронов Ф. Г. Материалы о возникновении земледелия среди якутов, с. 51—55, 67.

[162] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 961, 970, 1106.

[163] *Сафронов Ф. Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов, с. 51—55.

вольно («сколько кому возможность допустит»), не имея юридически оформленных наделов [164].

Так продолжалось до 60-х годов XVIII в., когда была установлена твердая норма надела на ревизскую душу. Введение ее было связано с опубликованием в 1765 г. Манифеста о генеральном межевании. По этому манифесту для сибирских крестьян была установлена 15-десятинная норма на ревизскую душу, сохранившаяся до 1917 г.[165] Каждый двор должен был получать землю по этой норме в зависимости от числа ревизских душ в нем.

В XVII—XVIII вв. ввиду малочисленности крестьян наделение их землей производилось безболезненно. Однако в XIX в. в связи со значительным увеличением числа крестьян иногда возникали затруднения.

Приведем примеры. В начале XIX в. Киренский земский суд возбудил ходатайство об учреждении в Витимской волости новой почтовой станции между Конкинской и Мухтуйской станциями, с выселением якутов Терешкиных. Иркутское губернское правление удовлетворило это ходатайство и предписало Терешкиным «непременно съехать» с занимаемых мест. Однако Терешкины послали жалобу, и дело снова вернулось в Иркутское правление. И тут выяснилось, что якуты «оставлены навсегда жительством в сих местах по уважению здешних ими обзаведений и по невозможности переселять их». Поэтому губернское правление 20 сентября 1811 г. предписало Киренскому земскому суду «в подробности» изучить вопрос об учреждении станции, с тем чтобы место для станции было найдено помимо владений якутов. Однако, как видно из последующего указа губернского правления олекминскому комиссару от 5 мая 1816 г., земли у Терешкиных все же были взяты, причем даже по подложной подписке, составленной заседателем Киренского земского суда [166].

В 1816 г. крестьяне Жербинской почтовой станции Балаев и Косарев просили наделить их сенокосами за счет земель олекминского якута Черосова, проживавшего по р. Жербе. И по «склонению» олекминского комиссара Миллера в 1817 г. Черосов уступил крестьянам просимое место «на всегдашнее владение». Но спустя 9 лет жербинские крестьяне потребовали дополнительного наделения их покосами. «По сильному убеждению» канцеляриста Олекминского окружного управления Куличкина жербинские якуты «склонились уступить» крестьянам Балаеву, Косареву, Шеину, Махонину и Никифорову «в потомственное владение» 6 десятин покосов. Однако крестьяне просили больше: «Учинить им от тех же якутов уделение сенокосной земли от места их жи-

---

[164] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 165.
[165] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961, с. 159.
[166] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 9, л. 15, 17—18.

тельства по той же речке Жербе до 12 верст». Киренский земский суд поддержал эту просьбу и ходатайствовал перед Иркутской казенной палатой о переводе якутов в другое место. Но палата, опасаясь, что это вызовет разорение якутов, в сентябре 1829 г. предписала олекминскому исправнику сенокосы по р. Жербе разделить поровну между крестьянами и якутами. Когда же в декабре 1829 г. к жербинским якутам прибыли голова Олекминской инородной управы и староста крестьян, то якуты «к разделу сенных покосов не согласились, вышли из совершенного повиновения и благопристойности своему родовому начальству». Они заявили, что предки их по Жербе жили «наперед сего тому около двухсот лет, где в продолжении сего времени по малому количеству сенокосной земли к тому еще расчищали кустарники собственными силами». Предписание о разделе земель удалось выполнить только летом 1830 г., когда на «ослушных якутов» оказали давление сверху [167].

В 1825 г. крестьяне Пеледуйской, Песковской и Пиркинской станций Витимской волости обратились в Киренский земский суд за разрешением переселиться на остров Атамай, где «жительство имеют олекминские якуты Атамаевы», для устройства новой почтовой станции. Земский суд в своем рапорте в Казенную палату Иркутского губернского правления поддержал крестьян и предлагал «вовсе всех якутов, в границе Киренского округа кочующих, выпроводить в пределы Алекминского округа на места, родам их принадлежащие, а занимаемые до сего ими места обратить в надел крестьянам». Переписка по этому поводу длилась несколько лет. В сентябре 1830 г. якутский областной начальник в своем представлении иркутскому губернатору писал, что на островах Атамае и Ноторе якуты живут, заселившись «назад тому 250 лет, где, обзаведясь домообзаводством, скотоводством и хлебопашеством, расчистили собственными своими трудами сенокосы и пашни», что крестьяне Мурьинской, Салгы-Кёльской и Нюйской станций «делают им разные обиды и притеснения, зганивая с настоящего места их жительства, потом во всякой проезд земских чиновников настаивая просят выселить всех их», что крестьяне «состоящие во владении сих инородцев озера, выпускаемые ими собственными трудами, усильно отнимают для своего выпуску». Тем не менее по распоряжению иркутской администрации крестьяне были переселены на остров Атамай, где и возникла почтовая станция Атамайская. Но во избежание раздоров определено было крестьянам земли «отвесть особою дачею, не стесняя и не переселяя якутов с мест их жительства, и выдать той и другой стороне для спокойного владения планы» [168].

---

[167] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 9, л. 33—34, 61—62, 73—76, 85—86, 93—94, 100—101, 121—124, 219—220.

[168] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 9, л. 65—70, 148—161, 171—172, 192—193, 220, 265—266.

В сентябре 1846 г. Якутское областное правление поставило в известность Иркутскую казенную палату, что крестьянам основанной в 1830 г. Еланской почтовой станции землю не отвели и поныне, что «вся земля, в окружности станции лежащая, принадлежит якутам, которые пользоваться ею не позволяют, крестьяне покупают у них покосы». Иркутский губернский совет предложил областному правлению распорядиться об отводе станции нужного количества земли. Летом 1847 г. на Еланскую станцию командировали областного землемера Степанова с поручением сделать «нарезку для наделения оною крестьян». Крестьяне, получив землю «по воле высшего начальства», дали якутам удостоверение в том, что «в предбудущия времена, ежели случатся времена неурожайные», они обязуются разрешить якутам рубить тальники на трех полученных от них островах [169].

В апреле 1853 г. крестьяне Амгинской и Олекминской деревень поставили вопрос о дополнительном наделе. В связи с этим в 1858 г. областной землемер, «удостоверившись» в положении дел, нашел, что в пользовании крестьян этих деревень в 1813 г. состояло удобной земли 3943 десятины, ныне же в их распоряжении оказалось только 2443 десятины, т. е. по 6 десятин на душу, так как 1500 десятин самовольно заняты якутами Мальжегарского наслега. Последние часть этих земель расчистили под пашни и усадьбы. На этом основании, хотя якуты и доказывали, что они на этих местах живут более ста лет, в июле 1858 г. областное правление постановило «представить в полное владение крестьян» 1500 десятин земли, а якутам «выселиться на свои дачи и не стеснять крестьян» [170].

Однако нельзя думать, что наделение крестьян земельными угодьями за счет земель, принадлежавших якутам, всегда сопровождалось применением подобных методов. Часто якуты уступали земли добровольно.

Для полноты картины следует отметить, что незначительные участки крестьяне иногда получали и из других источников: от смежных крестьянских деревень, из фонда казенных пустопорожних земель, если таковые имелись в районе их поселения.

Отвод земель крестьянам оформлялся письменными актами.

Сначала разберем порядок коллективного отвода, установившийся, вероятно, со второй половины XVIII в. Дело о таком отводе начиналось с прошений крестьян, большей частью адресованных окружным управлениям. В прошениях указывались места, которые хотели бы получить крестьяне. Окружные правления эти прошения пересылали в областное правление вместе с заключением. Если просимые земли были пустолежащими или же оброчными, их крестьянам могли отдать с разрешения Иркутского губернского правления или Совета Главного управления Восточной

---

[169] ЦГА ЯАССР, ф. 136, оп. 1, д. 942, л. 1—18.
[170] Там же, ф. 19, оп. 1, д. 1962, л. 1—21.

Сибири. Если же земли находились в пользовании якутов, к ним посылали уполномоченных областных или окружных управлений, которые собирали сходы якутов и уговаривали их уважить просьбу крестьян. Если якуты соглашались добровольно уступить просимые участки «в вечное и потомственное владение», то составляли «уступные грамоты», «подписки», «общественные согласия». При самом отводе земель крестьяне, получающие землю, и якуты, отдающие ее, выделяли «по межевым делам поверенных», обязанных «оказывать должное содействие» межевым чинам. Кроме того, должны были присутствовать понятые с обеих сторон, избранные обществами из лиц «хорошего поведения». Межевые чины с помощью «работных людей», выделенных крестьянами и якутами, производили отвод земли крестьянам (мерили пеньковыми веревками, ставили межевые знаки из столбов). Затем составляли межевую книгу и план отведенного участка. Копии их давали крестьянам, которые они хранили в качестве «владетельных актов» или «владетельных указов»[171]. Если же якуты, ссылаясь на малоземелье, не соглашались уступать участки, то якутский областной начальник входил с представлением в Иркутское губернское правление, обычно прося решить вопрос в пользу крестьян. Якуты же, в свою очередь, выбирали поверенных, уполномочивая их защитить свои интересы перед высшей администрацией. Так вопрос выходил за пределы компетенции якутского областного начальства и становился предметом обсуждения иногда даже в Петербурге, Сибирском комитете, в отдельных случаях доходя до самого императора. Их решение являлось окончательным. Если оно принималось в пользу крестьян, то отвод земли им производился независимо от согласия якутов. Если при этом якуты отказывались давать поверенных и понятых, их брали из других наслегов или улусов.

Коллективный отвод земель обществам являлся главной формой наделения крестьян угодьями. Однако существовал и индивидуальный отвод. Он применялся в том случае, если крестьянин намеревался обработать землю сверх надела, взяв ее из пустующих земель государственного или общественного фонда. Такой отвод строго документировался, так как по истечении 40 лет земля подлежала возврату казне или обществу. Если отводимая земля принадлежала обществу крестьян, то последнее на мирском сходе составляло «общественное согласие» на отдачу ее в 40-летнее пользование. После этого соответствующее окружное управление давало просителю «владетельный акт»[172]. Если же земля являлась казенной, то получатель предварительно подписывал «условия», составленные в окружном управлении, в которых

---

[171] ЦГА ЯАССР, ф. 9, оп. 1, д. 9, л. 61—62; ф. 136, оп. 1, д. 1112, л. 2; д. 1143, л. 5—6.

[172] Там же, ф. 9. оп. 1, д. 621, л. 16, 20—21; ф. 20, оп. 1, д. 1567, л. 1—21; оп. 2, д. 1125, л. 6—7.

содержались правила пользования землей и обязательство вернуть ее казне по истечении 40 лет «в исправности» и в удобренном виде. Эти «условия» утверждались в Иркутском губернском правлении, после чего окружное управление давало просителю «владетельный акт»[173].

Однако обеспеченность крестьян землей была недостаточной. Якутской администрации вплоть до начала XX в. не удалось обеспечить крестьян полным наделом, т. е. 15 десятинами на ревизскую душу.

В начале 60-х годов XVIII в. крестьяне Якутии имели по $7^1/_2$ десятины земли на работоспособного мужчину, половину которой составляли сенокосы[174]. В 1829 г. крестьяне Витимской волости имели по 13,4 десятины земли на ревизскую душу, значительная часть которой была занята лесами. В 1847 г. из-за увеличения числа крестьян доля надела упала до 10,9 десятины[175]. Еще хуже обстояло дело с крестьянами Олекминского округа. Только к началу 60-х годов XIX в. их наделы достигли в среднем 12,7 десятины на ревизскую душу[176]. В таком же положении находились и крестьяне станков Якутского округа. В 1848 г. они имели в среднем по 11,1 десятины всех угодий на душу. Между тем численность населения росла, и только благодаря энергичным мерам областного начальства к 1862 г. ревизские души стали иметь по 12 десятин[177]. Что касается вилюйских крестьян, то они в 1851 г. имели по 13,7 десятины угодий на душу. В дальнейшем в результате прибытия новых ссыльнопоселенцев этот душевой надел снизился до 11,5 десятины[178]. Полного надела не получили и крестьяне других мест. Все это объяснялось земельной теснотой, обусловленной главным образом тем, что большая часть территории была покрыта непроходимой тайгой.

Земли, отводившиеся крестьянам, состояли из сплошных массивов, главным образом по берегам рек и озер. Часть их крестьяне использовали под усадьбы и огороды. За огородами, по полянам и лесным опушкам, оставляли места для выгона скота. Острова, берега рек и озер, а также открытые аласы использовались для покосов; участки же, пригодные для расчистки,— под пашню. Впрочем, во многих случаях участки, заросшие кустарником и тальником, расчищались даже под сенокосы.

Таким образом, получая сплошь целинные земли, крестьяне должны были тратить много сил, чтобы обзавестись пашнями и огородами. Корчевка леса и кустарника такими орудиями, как

---

[173] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 404, л. 1—49.
[174] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии, с. 161—162.
[175] ИГА, ф. 9, оп. 1, св. 152, листы не пронумерованы.
[176] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 2439, л. 3—6.
[177] Там же, ф. 136, оп. 1, д. 942, л. 12; ф. 180, оп. 1, д. 5028, л. 15—16.
[178] Там же, ф. 22, оп. 1, д. 776, л. 36; *Ефремов В. С.* Вилюйские крестьяне. Странички из истории колонизации Сибири.— В кн.: Сибирский вестник. Иркутск, 1904, с. 199.

топор, лопата и тяпка, требовали большого напряжения сил и много времени. Поэтому расчищенная площадь увеличивалась медленно.

Изложенные порядки наделения земельными угодьями не распространялись на охотско-камчатских и майских крестьян. На первых потому, что они занимались одними опытными посевами, на вторых потому, что им временно, до получения 15-десятинного надела, было разрешено пользоваться любыми землями в окрестностях поселений.

Теперь о порядках землепользования крестьян.

В период существования десятинной пашни крестьяне могли пользоваться отведенными им землями лишь до тех пор, пока обрабатывали десятинную пашню. Они не могли продавать или закладывать землю. Их наделы могли отчуждаться вместе с десятинной пашней лишь в том случае, если это не вызывало перерыва в обработке десятинной пашни. Такое отчуждение могло происходить только с разрешения воеводы. Крестьянин, собирающийся покинуть пашню, был обязан подыскать заместителя, затем подать воеводе челобитную с изложением причин ухода с пашни, указав человека, которому он отдает землю. Челобитную подавал и последний. Если мотивы оказывались уважительными, а заместитель внушал доверие, то воевода удовлетворял просьбу крестьянина и посылал волостным приказчикам «указную память». Последние оформляли акт сдачи и принятия земли и брали с нового хлебопашца «поручную запись» [179]. Земли престарелых крестьян переходили к их сыновьям или братьям, но с точным соблюдением такой же процедуры. Отчуждение могло происходить и в результате обмена наделами. Например, состоятельный крестьянин мог взять надел соседа, оказавшийся последнему непосильным, передав ему свой, теперь уже ставший для него небольшим. Но и этот обмен производился с санкции воеводы и соответствующим образом документировался. Отчуждение земли происходило и при переходе крестьянина из одной деревни в другую и тоже по челобитьям самих крестьян.

Следовательно, в период существования десятинной пашни земельный вопрос в деревнях решался не миром, а властями — воеводами и приказчиками. Следствием этого явилось господство индивидуального землепользования и отсутствие земельной общины. Крестьянский мир не нес ответственности за вновь причисленного, за исправность обработки им десятинной пашни и несение других повинностей. Это являлось делом самого тяглеца и его «порутчиков». Да и само крестьянское самоуправление находилось в зачаточном состоянии и выражалось лишь в выборах целовальников, десятских и старост, которые являлись не выра-

---

[179] *Сафронов Ф. Г.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов, с. 63—66.

зителями крестьянских интересов, а помощниками приказчиков в хозяйственных делах и полицейских функциях.

Так продолжалось до 1727 г., когда была отменена десятинная пашня и ее заменили денежным оброком. Это событие имело поистине историческое значение, так как создавало новую обстановку, требовавшую иных порядков землепользования.

Коллективный отвод земли вместо индивидуального — первое радикальное изменение в землепользовании, которое должно было произойти в связи с отменой десятинной пашни. Земли, полученные крестьянами в порядке коллективного отвода, должны были считаться общими, а не в индивидуальном пользовании, как раньше. С другой стороны, поскольку ревизские души платили одинаковый денежный налог, они имели право на одинаковый по размеру земельный надел. Такова вторая радикальная перемена в землепользовании, которая должна была произойти в связи с отменой десятинной пашни.

Коллективный отвод земли в виде общего надела, с определением подушного размера, должен был породить переделы земель, так как число ревизских душ в дворах не могло оставаться постоянным, а качество наделов неизменным (одни места заболачиваются, другие — затопляются), т. е. нарушалась уравнительность землепользования. Переделы земель — третья радикальная перемена в землепользовании, которая должна была произойти в связи с отменой десятинной пашни.

Таким образом, решение земельных дел должно было перейти к самим крестьянам, но только в установленных государством рамках. Постепенно должна была слагаться земельная община.

Однако эти перемены произошли не сразу. После отмены десятинной пашни из-за неблагоприятных климатических условий земледелие поддерживалось с трудом. Временами и местами занятие им вовсе прекращалось. Поэтому не было надобности в регулировании порядков землепользования. Не было ни коллективного отвода, ни переделов.

Только примерно с 60-х годов XVIII в. крестьянские земли начали постепенно считаться находящимися в общем их пользовании. «Общественные места», «общественная дача», «общий надел» — таковы термины, которыми стали обозначаться крестьянские земли. Общественная земля находилась в их бессрочном пользовании. Ее собственником являлось государство. Крестьяне были лишь пользователями. Сообразно с этим возникла практика коллективного отвода земли, о которой говорят многочисленные документы, особенно с начала XIX в.

Общий надел крестьян разбивался на хозяйственные угодья, за исключением лесов и отдаленных участков, оставлявшихся в резерв и для промысла. Прежде всего определялись усадебные места, на которых вырастали деревни. Затем выделялись пастбища, находившиеся в общем пользовании. Все удобные земли оставлялись под пашни и сенокосы, которые делились между дво-

рами по количеству наличных или ревизских душ, как решали сами крестьяне. Разделы производились не по волостям в целом, а по деревням, по решению схода крестьян.

Крестьяне своими наделами пользовались до следующего раздела, и, таким образом, с самого начала устанавливался принцип временности пользования. Поэтому надел нельзя было продавать, но сдача его в аренду односельчанам резрешалась. Расчистки переделу не подлежали.

Возникновение коллективного отвода земли с последующими ее переделами привело к появлению общественной земли — земли всей волости или деревни. Поэтому такие вопросы, как передел земли, кого устранить от передела, как производить переделы — по ревизским или живым душам, установление размера надела на душу, перечисление одних угодий в другие, а также земельные споры решали волостной и сельский миры. В итоге земельные дела стали решаться в волостях самими крестьянами. Начала возникать земельная община, окончательно оформившаяся в XIX в. Правда, государство через свои низовые органы вмешивалось в решение многих вопросов, вырабатывало принципы землепользования, давало коллективные «владетельные акты», контролировало выполнение крестьянами установленных порядков, решало земельные споры и разбирало жалобы крестьян [180].

ПОСЕВЫ И УРОЖАИ. СИСТЕМА И ТЕХНИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Десятинную пашню крестьянин обрабатывал своим инвентарем и тягловой силой, засевал казенными семенами, убирал урожай, обмолачивал его и сдавал в казну. Пашня эта строго учитывалась. Она вносилась в «окладную десятинного хлеба» книгу, составлявшуюся ежегодно в воеводской канцелярии. Кроме того, власти временами проводили «досмотр» десятинной пашни [181]. Исправная обработка десятинной пашни являлась непреложной обязанностью крестьянина. Невыполнение этой обязанности вызывало строгую кару вплоть до телесного наказания [182]. Оставлять десятинную пашню «впусте» не разрешалось.

На Лене десятинная пашня территориально не отделялась от собинной и не выделялась в сплошные массивы государевых полей, как в уездах Западной Сибири. Здесь были небольшие участки десятинных полей, разбросанные по отдельным крестьянским участкам.

Что касается размеров посевов и урожаев хлебов, то они хорошо известны только по десятинной пашне, так как администра-

[180] *Сафронов Ф. Г.* Землепользование ленских и илимских крестьян в XVII—XVIII вв.— В кн.: Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма, вып. 1. Новосибирск, 1962, с. 61—83.
[181] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 580, 961, 970 и 1106.
[182] Там же, кн. 1222, л. 12.

ция ежегодно составляла «сметные» и «пометные» хлебные книги. Десятинных полей из-за малочисленности крестьян было очень мало. Ежегодный сбор десятинного хлеба колебался от 500 до 1500 пудов [183].

Сведений о собственно крестьянских посевах не сохранилось: они не учитывались властями. Но так как такие посевы превышали площадь посева на десятинных полях в 3—4 раза, то можно полагать, что максимальный годовой сбор хлеба на них достигал 6—7 тыс. пудов [184].

Однако посевы, производимые ежегодно, постепенно превращались в традицию и поэтому имели большое значение в смысле перспектив экономического развития края.

Пионеры земледелия выращивали те культуры, которые более всего подходили к местным природным условиям. Под Якутском и в Амгинской слободе культивировали ячмень, в Витимской, Пеледуйской и Олекминской деревнях — озимую рожь и ячмень. Овес выращивали в Витимской и Пеледуйской деревнях.

Иногда заморозки побивали весь посев, и тогда труд крестьянина пропадал целиком. В нормальные годы урожаи на неистощенных землях получались удовлетворительные: сам-4 — 6 и даже 8—12.

После отмены десятинной пашни крестьяне в некоторые годы вовсе не производили посевы, питаясь, как и якуты, мясом, молочными продуктами и рыбой. Земледелие постоянно поддерживалось только у витимских и пеледуйских крестьян.

Положение изменилось с 60-х годов XVIII в. В феврале 1761 г. Иркутская канцелярия поручила Якутской воеводской канцелярии выяснить, «для чего и какой ради причины» отстали от хлебопашества олекминские и амгинские крестьяне, и предложила «накрепко всех крестьян принудить, чтоб они конечно того 1761 года в лето отводные им земли вспахали и хлебом насеяли и от того под наказанием телесным не отставали». В противном случае крестьяне будут переведены на нерчинские серебряные заводы «в работу и на поселение» [185].

В осуществление этого предписания уже в 1761 г. был принят ряд мер: наводился порядок в землеустройстве и землепользовании крестьян, в волости съездили чиновники из Иркутска и Якутска, стали проводить учет посевов и урожаев хлебов. Именно поэтому начиная с 60-х годов появляются ведомости о посевах и урожаях, часть которых дошла до нас. Судя по ним, в XVIII в. в Витимской и Пеледуйской деревнях посевы озимой ржи, ярицы, пшеницы, ячменя и овса производились постоянно. В 1770—1772, 1774 и 1797 гг. здесь было посеяно 4109 пудов зерна, снято 12 210 пудов, в среднем — 2442 пуда в год [186].

---

[183] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 112, 461, 578, 724, 1344.
[184] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии, с. 235—236.
[185] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 183—184.
[186] *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 200.

В Олекминской деревне в 1762—1765 гг. ежегодно сеяли в среднем по 260 пудов озимой ржи, ярицы, ячменя и овса, получая в среднем урожай по 680 пудов в год. Недороды последовали «за весьма студеными утренниками и холодными с дождем и снегом ветрами». Малоурожайным было и лето 1797 г., когда при посеве в 552 пуда было собрано лишь 1992 пуда.

В Амгинской слободе в 1762—1764 гг. сеяли озимой ржи, ярицы, ячменя и овса в среднем по 160 пудов в год, получая в среднем урожай по 230 пудов. Несколько лучше обстояло дело в 1780 г., когда при посеве 391 пуда был получен урожай в 1107 пудов.

Хлебопашество в районе Верхневилюйского зимовья в 1762—1765 гг. было опытным. Из-за холодов урожая не было и поэтому опыты были прекращены.

Опытные посевы в Покровской пустыне начались в 70-х годах. Высевали ячмень, ярицу, пшеницу, овес и просо. Урожаи были плохи. В 1780 г. посеяли немного конопли. Ростки «всходом были исправны, но от инея позябли». Удачные посевы в окрестностях Якутска отдельные энтузиасты начали со второй половины XVIII в. На некоторых ленских станках первые опытные посевы проводились в 70-х годах, но оказались неудачными.

Приведенные данные не совсем типичны. Все они свидетельствуют о неблагоприятных в климатическом отношении годах. Именно поэтому повсеместно были получены низкие урожаи. В благоприятные же годы крестьяне даже при средних урожаях (сам-5 и 6) получали хлеба в количестве, достаточном для пропитания.

В XVIII в. начали выращивать огородные овощи, главным образом капусту. В Витимско-Олекминском районе крестьяне капусту заготовляли «на пропитание свое достаточно». Олекминские крестьяне с целью получения семян на масло и пеньки для веревок часто сеяли конплю, получая иногда неплохие урожаи [187].

Переходя к XIX в., следует отметить, что в первой четверти этого века крестьяне ленских станков Олекминского округа земледелием еще не занимались. Опыты, проводившиеся в 1804—1805 гг., были заброшены. Не было земледелия и на станках Якутского округа. Одной из причин этого являлся поздний отвод земли: станки Олекминского округа первые наделы получили в 1804—1817 гг., Якутского округа — в 1817 г. Только крестьяне 17 станков Витимской волости стали производить посевы с 10-х годов. С этого же времени посевы регулярно проводились в Витимской, Пеледуйской, Олекминской и Амгинской деревнях, в Амгинской слободе и в районе Якутска.

В районе Олекминска за 10 лет лишь дважды получили плохой урожай, в восьми же случаях — вполне удовлетворительный. Средние урожаи «в самах» по всем культурам составили:

---

[187] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии, с. 249—254.

в 1800 г.— 8,8, 1802 г.— 5,5, 1803 г.— 3,1, 1804 г.— 1,1, 1805 г.— 10,2, 1806 г.— 7,0, 1807 г.— 10,0, 1808 г.— 8,7, 1809 г.— 6,8 и в 1810 г.— 12,2. Значит, за это время крестьяне в среднем получили урожай сам-7,3. Неурожай 1804 г. последовал «от великих жаров и выбития кобылкою». В Витимской волости урожаи были не хуже. В районе Амгинской слободы в 1815 г. средний урожай по всем культурам был сам-6 и, видимо, не составлял исключения. Анонимный автор записки «Безделка о хлебопашестве в Якутском крае» в 1829 г. писал: «После продолжительного странствования в местах диких, способных единственно для убежища зверя, взор на уклоны берегов реки Амги произвел в душе моей прекраснейшее впечатление. Я нашел здесь ярицу, пшеницу, ячмень, овес, снятые в прошедшее лето, полные зерном и так спелые, как только могут дозревать на землях, лежащих около Байкала. Пахари снимают зерно сам-десять, но годами получают и сам-тридцать — урожай, о котором едва ли слышат внутри России».

Однако земледелие в указанных районах было рассчитано на собственное потребление. В районе Амги в 1815 г. на душу приходилось по 1,7 пуда посева и 11,5 пуда урожая. В районе Витима в 1812 г. посеяли на душу по 2,8 пуда, в 1820 г.— по 3,2 пуда. В Олекминском округе в 1800—1810 гг. сеяли обычно от 2 до 4,3 пуда. Урожай же на душу в одном случае составил 45,2 пуда, в двух случаях — по 25 пудов, в четырех — от 10 до 21 пуда и в пяти случаях — менее 10 пудов. Следовательно, крестьяне нередко собирали хлеба вполне достаточно для прокормления семьи и на семена, а иногда имели и излишки.

Что касается состава культур, то в Олекминско-Витимском районе со второй половины XVIII в. главными культурами становятся ярица и ячмень. Озимая рожь отходит на задний план. Пшеница, неизвестная до второй половины XVIII в., к концу 1810-х годов в Витимской волости превратилась в одну из основных культур, но в районе Олекмы ее сеют мало. Овес, старая в Витимской волости культура, в районе Олекмы распространяется со второй половины XVIII в. Посевы конопли привились в Витимской волости. Там ее сеяли понемногу, но почти ежегодно. В районе Амгинской слободы состав культур был однообразнее: главными из них были ячмень и ярица, озимую рожь сеяли редко, еще реже — пшеницу.

С конца XVIII в. в витимско-олекминских деревнях распространяется выращивание овощей, но подробных сведений мы о них не имеем. В ведомости посева и урожая по Витимской волости за 1799 г. есть примечание: «Огородных овощей для себя на пропитание достаточно будет» [188].

[188] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 37, л. 18—27; д. 58, л. 24—324; д. 99, л. 65; ф. 180, оп. 1, д. 73, л. 35—77; ф. 191, оп. 4, д. 4, л. 27—77; ИГА, ф. 9, оп. 1, д. 323, св. 87, л. 21, 40; д. 407, св. 117; ААН СССР, ф. 142, оп. 2, д. 121, л. 1—2.

В дальнейшем рубежом в развитии земледелия на Лене стали 40-е годы XIX в. С начала этого десятилетия хлебопашество существует уже не только в старых крестьянских деревнях, но и на всех приленских станках Якутского и Олекминского округов. Посевы стали производиться ежегодно. Одновременно здесь начинают выращивать картофель и овощи — капусту, брюкву, репу, огурцы, морковь и т. д. Известным толчком к развитию земледелия в этом крае послужило возникновение Ленских золотых приисков по Олекме и Витиму, вызвавших спрос на хлеб и овес.

Рассмотрим посевы и урожаи середины XIX в., официальные данные о которых сохранились в архивных документах [189]. Правда, эти данные никогда точно не отражали действительности и всегда были значительно ниже фактических, так как собирались от самих крестьян, имевших обыкновение скрывать размер урожая. «Цифры здешнего статистического комитета страшно погрешают против действительности»,— справедливо отмечал один автор и доказывал это примерами [190].

В деревнях и на станках Витимской волости в 1853 г. посева приходилось на душу по 6—8 пудов, в 1859 г.— по 6—7 пудов. Значит по сравнению с 1810 г. посевы возросли более чем в 2 раза. Но урожаи оказались плохими: в 1853 г.— сам-3,07 и в 1859 г. сам-1,02, что соответственно составляло на душу населения 21 и 7,8 пуда хлеба. Следовательно, при урожае сам-6—10, а такие урожаи бывали нередко, крестьяне могли получать на душу по 40—70 пудов зерна и доводить годовое производство по волости до 70—130 тыс. пудов. Состав культур был устойчивый. На первом месте стояли ячмень, ярица, пшеница и овес. Озимую рожь сеяли ежегодно, но понемногу. Выращивали коноплю и лен, последний в незначительном количестве. Известны опыты посева кукурузы и табака, однако они были неудачны. Картофеля крестьяне собирали ежегодно тысячи пудов. Возделывали все виды овощей.

В Олекминском округе размеры посевов по сравнению с 1810 г. увеличились в 1,5 раза. В 1852 г. посев на душу составил 3,3 пуда, в 1856 г.— 3,7 и в 1859 г.— 4,6 пуда. Но по причине засухи урожаи были низкие: в 1852 г.— сам-1,2, в 1856 г.— сам-3,7 и в 1859 г.— сам-2,1. Даже несмотря на это, крестьяне получили в 1856 г. до 14 пудов на душу, а в 1859 г.— до 15 пудов. При урожае сам-6—10 крестьяне округа производили хлеба от 42 до 70 тыс. пудов и более, т. е. по 30—50 пудов и более на душу. Состав культур был прежним: ячмень, ярица и пшеница, Овса сеяли немного. Озимую рожь перестали сеять. Зато хорошо

---

[189] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 1107, 1589, 2058; ф. 22, оп. 1, д. 840, 1038, 1161; ф. 136, оп. 1, д. 1293; ф. 180, оп. 1, д. 2341, 2983, 3398, 4080; ИГА, ф. 9, оп. 1, д. 1434, св. 292; д. 1569, св. 311.

[190] *И-ский.* Возможно ли в Якутской области земледелие как постоянный промысел? — Сибирь, 13 сент. 1881 г.

привились картофель и овощи. «Сельское хозяйство в последние годы весьма улучшилось в округе»,— писалось в отчете крестьянской волости за 1859 год.

На станках Якутского округа показатели более низки, так как земледелие на них утвердилось лишь с начала 40-х годов XIX в. Здесь в 1852 г. на душу в среднем посеяли по 1,7 пуда и при урожае сам-2,1 получили по 3,7 пуда. В 1859 г. посев на душу поднялся до 3,5 пуда, а урожай — до 8,8 пуда. Значит, при урожае сам-6—10 в отдельные годы крестьяне получали по 20—35 пудов на душу, т. е. в целом производство хлеба доходило до 16—26 тыс. пудов и более. Основными культурами были ячмень и ярица. За ними шла пшеница. Озимую рожь и овес сеяли мало, коноплю — лишь местами. Картофель и овощи выращивали ежегодно, и не меньше, чем в Олекминском округе. Часть капусты и других овощей продавали на рынке.

В районе Амгинской слободы в 1852 и 1856 гг. выдались хорошие урожаи — в среднем сам-8,8 и сам-8,9. Годовое производство хлеба достигло 16—23 тыс. пудов, т. е. амгинцы собирали почти столько же, сколько было собрано на всех 15 станциях Якутского округа. На душу в 1852 г. приходилось 24,4 пуда хлеба, в 1856 г.— 34,7 пуда. Главной культурой являлся ячмень. В значительном количестве сеяли и ярицу. Увеличивались посевы пшеницы. Овса сеяли мало. Овощей и картофеля, в отличие от других мест, выращивали также мало.

В районе Нюрбы земледелие делало только первые шаги, так как крестьяне здесь появились лишь в 1848 г. Ячменя сеяли за десятилетие в среднем около 30 фунтов на душу и получали урожаи ниже удовлетворительного: сам-2,0 в 1852 г., сам-3,4 в 1856 г. и сам-3,8 в 1859 г. и собирали на душу соответственно по 0,85, 2,1 и 2,2 пуда. Временами урожаи доходили до сам-9 и 10, и в такие годы крестьяне получали на душу от 8 до 10 пудов хлеба. Следовательно, нюрбинские крестьяне в середине XIX в. даже в хорошие годы не могли прокормить себя хлебом. Завели они и огороды, но урожаи были ничтожны. Однако впоследствии посевы постепенно увеличиваются, хлебопашество и огородничество развиваются и нюрбинские селения становятся очагом распространения земледелия среди якутов ближайших улусов [191].

В районе Аянского тракта земледелие также было новым делом. Оно появилось здесь после открытия казенного почтового тракта в 1852 г. и только на берегах Маи. Крестьяне начали с пробных посевов, далеко не всегда удачных. Однако опытные хлеборобы постепенно осваивались с местными условиями и труды их начали давать результаты. На это обратил внимание И. А. Гончаров, писавший в своих путевых заметках в 1854 г. «Чем ниже спускались мы по Мае, тем более переселенцы хвалили свое житье-бытье. Везде строят на станциях избы, везде ого-

[191] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии, с. 292—297.

род первый бросается в глаза; снопы конопли стоят сжатые. Вчера на одной станции, Урядской или Уряхской, хозяин с большим семейством, женой, многими детьми, благословляя свою участь, хвалил, что хлеб родится, что надо только работать, что из конопли они делают себе одежду, что чего не достает, начальство снабжает всем: хлебом, скотом». На Усть-Майской станции одна девушка заявила: «Здесь места привольные, только работай, не ленись; рожь славная родится, особенно озимая, конопля» [192]. Эти отзывы подтверждаются архивными документами. Крестьяне в отдельные годы действительно получали довольно высокие урожаи. Они выращивали также картофель и овощи. Это засвидетельствовано тем же И. А. Гончаровым: «Овощи родятся очень хорошо, и на всякой станции, начиная от Нелькана, можно найти капусту, морковь, картофель и прочее» [193].

В 30—50-х годах XIX в. значительные посевы возникли под Якутском. Здесь пашни имели купцы и чиновники. Они ежегодно получали тысячи пудов озимой ржи, пшеницы, ярицы, ячменя и овса. В 1838 г. 9 хозяйств на 86 десятинах посеяли 664 пуда хлеба и собрали 1622 пуда, в 1839 г. 7 хозяйств на 90 десятинах — соответственно 1000 и около 3300 пудов, в 1840 г. 13 хозяйств на 124 десятинах — 1200 и 5540 пудов, в 1842 г. 9 хозяйств на 105 десятинах — 1064 и 4776 пудов, в 1843 г. 7 хозяйств на 114 десятинах — 976 и 3888 пудов и в 1846 г. 9 хозяйств на 113 десятинах — 1412 и 3570 пудов [194]. Урожай, если принять на веру эти данные, был невысокий (сам-2,5 — 4,6). Из среды хлебопашцев выделялись купцы Леонтьев, Шилов, Колесовы и чиновник Валь. Леонтьев ежегодно засевал 50—80 десятин, получая урожай от 1,5 тыс. до 3 тыс. пудов (в том числе в 1844 г. 600 пудов пшеницы). Шилов обрабатывал по 25—40 десятин, снимая урожай до 1,5 тыс. пудов.

В районе Удского острога урожаи были неудовлетворительными. Незначительные посевы 1742 и 1743 гг. не оправдали труд крестьян. Тем не менее под страхом наказания ряд лет им еще приходилось заниматься посевом. Но внимательные наблюдатели теряли надежду, «чтобы хлеб родился в тех местах, так как земли там неудобные» [195]. Временами мизерные посевы пробовали делать и в XIX в., но безуспешно [196]. Крестьяне поэтому занимались рыболовством и охотой [197]. В районе р. Ини, к северу от Охотска, опыты хлебопашества из-за суровости климата также

---

[192] *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада», с. 605—606.
[193] Там же, с. 603, 632.
[194] ЦГА ЯАССР, ф. 167, оп. 1, д. 76, л. 5—6, 13—16, 20—22, 28—33, 40—42, 46; ф. 180, оп. 1, д. 1350, л. 192—193.
[195] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, с. 161; *Цинзерлинг Ю. Д.* Северные пределы земледелия, с. 92; Описание Удского острога. с. 322—323.
[196] *Цинзерлинг Ю. Д.* Северные пределы земледелия, с. 92.
[197] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 3649, л. 16—17.

кончились неудачей. Неудачны были и опыты по Охотскому тракту и в окрестностях самого Охотска [198].

В Охотском крае некоторые успехи имело лишь огородничество. В отчете по управлению Охотским округом за 1844 г. писалось: «Огородные овощи разводятся с недавнего времени довольно успешно... Жители округа сеят капусту, репу, брюкву, морковь, свеклу, картофель и пр. Из этих овощей родятся некоторые изрядно, а именно картофель, репа, брюква и редька». Картофель и некоторые виды овощей выращивали не только в крестьянских, но и в других селениях: в Тауйском, Арманском, Ольском, Ямском, Тахтаямском и в Гижигинске [199]. Однако с наибольшим успехом занимались огородничеством инские крестьяне. Разведение картофеля у них, как отмечал в 1846 и 1848 гг. охотский исправник, составляло «не только домашнюю потребность, но и промысел», ибо крестьяне имели «возможность по близкому и удобному сообщению с городом сбывать его городским обывателям». Здесь 22 крестьянских двора в 1843 г. получили 2348 пудов картофеля. Отдельные семьи собрали до 250 пудов. 500 пудов было продано жителям Охотска [200].

Однако огородничество в Охотском крае было второстепенным делом. Основным занятием крестьян являлось рыболовство. Крестьяне всех селений в качестве подспорья держали рогатый скот и лошадей, в свое время различными путями завезенных из центральных районов Якутии. Об этом говорят следующие данные, относящиеся к Инскому селению: здесь в 1838 г. 16 хозяйств имели 41 голову рогатого скота и 23 лошади; в 1841 г. 17 хозяйств— 71 голову рогатого скота и 29 лошадей; в 1848 г. 24 хозяйства — 106 голов скота. Всегда было много собак, так как они составляли основное транспортное средство. Отдельные хозяйства имели до 20 собак [201].

Относительно хлебопашества на Камчатке следует отметить, что «прилежные опыты» в районе р. Большой удавались не везде. Урожаи в большинстве случаев были ничтожные или же погибали от инея и холодной росы. Поэтому большереченских крестьян, забросивших хлебопашество и занявшихся рыболовством и охотой, в 1753 г. перевели на речку Мильково [202].

---

198 ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 1, д. 19, л. 22; *Полонский А.* Охотск.— Отечественные записки, 1860, т. XX, отд. VIII, с. 135—138; *Цинзерлинг Ю. Д.* Северные пределы земледелия, с. 95.

199 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 289, л. 15—16; ф. 1063, оп. 2, д. 77, л. 38—39.

200 Там же, ф. 1063, оп. 2, д. 77, л. 38—39; д. 80, л. 33 об.; д. 530, л. 6—8; оп. 3, д. 203, л. 84.

201 Там же, ф. 1063, оп. 2, д. 76, л. 1; д. 80, л. 3—8; д. 495, л. 56; д. 725, л. 29; оп. 3, д. 203, л. 2—4, 15—20.

202 ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 1, д. 19, л. 22—23; *Булычев И.* Об опытах земледелия на Камчатке, с. 78—80; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке, ч. II, с. 29.

Наряду с государственными «переведенцами» полеводством занимались и добровольные колонисты. К ним относились, в частности, служки Якутского Спасского монастыря, которые продолжали приезжать к устью Ключевки «и пахать землю под ячмень и огородные овощи». Эти же колонисты у устья р. Камчатки основали другую заимку [203]. Они относились к числу тех немногих счастливцев, которые нередко получали хорошие урожаи хлебов и овощей. Вероятно, вследствие лучшего ухода за посевами они иногда получали такой урожай, «что не токмо сами крупою и мукою довольствуются, но и других снабжают в случае нужды» [204].

Однако еще долгое время, несмотря на приказы и требования властей, не удавалось освоить даже те места, на которых, по мнению С. Крашенинникова и Г. Стеллера [205], можно было выращивать хлебные злаки. Крестьяне в развитии хлебопашества не добивались утешительных результатов. «От посеву разного званиев хлеба не только чтоб было видеть какую прибыль, но и настоящих семян в других годах возвращено не было». По мнению администрации, это объяснялось тем, что около пахотных мест «прилегли в близости каменные горы, от коих, а паче от морского с обеих сторон воздух и с мокротою туману по стужности, падают инеи весьма рано и тому хлебу доходить не допускают». Была и другая, более существенная причина. Крестьяне не распоряжались плодами своего труда. Хлеб, выращенный на полях, целиком сдавался в казну, и даже «из негодного на посев хлеба нисколько крестьянам давано не было». В результате крестьяне к земледелию не проявляли «прилежности, каковой быть надобно» [206].

Имелась и еще одна причина, мешавшая развитию хлебопашества. Она состояла «в изобилии рыбы, составляющей главный источник продовольствия жителей, обеспечивающихся ею на целый год» [207].

Поэтому посевы были мизерны. В 1827 и 1828 гг. в селениях Мильково и Ключевском, в которых существовало хлебопашество, крестьяне посеяли 94 п. 5 ф. ячменя, урожая получили 554 п. 33 ф. В 1832 г. урожай выдался лучший — было собрано 1068 пудов ячменя. В 1847 г. посеяли 185 пудов и собрали

---

203 *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, с. 107.
204 *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, с. 195.
205 *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, с. 195—197.
206 ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 220—221; см. также: *Gibson J. R.* Feeding the Russian fur trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639—1856. Madison, Milwaukee and London, 1969, p. 221—222.
207 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 21, л. 18; д. 336, л. 48; *Булычев И.* Об опытах земледелия на Камчатке, с. 80; см. также: *Gibson J. R.* Feeding the Russian fur trade, p. 221—222; *Collins P.* Siberian journey down the Amur to the Pacific. 1856—1857. The University of Wisconsin Press. Madison, 1962, p. 350.

849 пудов. В 1848 г. при наличии на Камчатке 736 крестьян обоего пола весь посев ячменя составил около 220 пудов [208].

Лучше прививалось огородничество. В 1829 г. камчатский начальник писал, что «разведением огородных овощей занимаются почти по всей Камчатке, исключая немногие селения. Садят картофель, репу, редьку, капусту, морковь, свеклу. Сии овощи произрастают с успехом и заготовляются жителями в довольном количестве на целую зиму». Эта отрасль хозяйства распространилась и среди коренного камчадальского населения. В иные годы жители полуострова собирали десятки тысяч пудов картофеля и овощей. И. Булычев писал в середине XIX в.: «Русские и камчадалы с равным успехом разводят репу, брюкву, морковь, редьку, свеклу, капусту и огурцы и получают отличный урожай; в особенности хорошо родится картофель, которого в 1845 году на 648 огородах собрано было 18 000 пудов. Огородничество, как отрасль хозяйства, которой благоприятствует местность, уже освоено Камчаткой и ежегодно более и более развивается; некоторые овощи, при усиленных трудах, произрастают даже в северной части полуострова» [209]. К этому нужно добавить следующее: 1) огороды имелись во всех русских селениях, почти у каждого хозяина; 2) репу сеяли русские и камчадалы с давних пор, причем отдельные ее экземпляры достигали 20 фунтов; 3) картофель сажали ежегодно с первой четверти XVIII в.; 4) с первой четверти XIX в., кроме упомянутых овощей, русские успешно выращивали лук, чеснок, цикорий, пастернак, петрушку, сельдерей, салат, шпинат, бобы и горох [210].

Развитию культуры картофеля способствовало и Вольное экономическое общество. В 1845 г. оно отправило на Камчатку картофельные семена, выписанные из Германии. Они давали хорошие урожаи, до сам-7 и даже сам-10. Летом 1847 г. от Петропавловска до селений Дранкинского и Лесновского картофеля было посажено 1830 пудов и собрано 20 143 пуда. Урожаи были хороши и в последующие годы [211].

В 1847 г. впервые был произведен посев льна. В декабре того же года начальник Камчатки Машин докладывал Вольному экономическому обществу: «Посеянные льняные семена на хорошо удобренной земле взошли превосходно и длины имели по стеблю более одного аршина. В Ключевском селении лен посеян около 20-х чисел мая, и снятый в сентябре, имел семена почти напо-

---

[208] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 21, л. 13; д. 336, л. 59; Труды Вольного экономического общества (СПб.), 1848, № 6, с. 108—111; *Булычев И.* Об опытах земледелия на Камчатке, с. 85.

[209] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 59; оп. 2, д. 5, л. 7 об.; *Булычев И.* Об опытах земледелия на Камчатке, с. 87.

[210] *Забела Я.* Замечания о земледелии в Камчатке.— Московский телеграф, 1832, № 9, с. 411—413, 421; *Collins P.* Siberian journey down the Amur to the Pacific. 1856—1857, p. 341.

[211] Труды Вольного экономического общества, 1848, № 6. с. 101—102. 106—108.

ловину созревшие; прочие же в сравнении с присланными весьма мелки и легки по весу. В селении Мильковском посаженный и собранный около того же времени, как и в Ключевском селении, не дал вовсе зрелых семян; причиною тому можно полагать необыкновенные жары и засуху, стоявшие у нас в продолжении июня и июля». Одновременно Машин сообщал, что «разведение в Камчатке льна сравнительно с коноплей не представляет особенных выгод в настоящем быту здешних крестьян и камчадал, ибо лен они могут с удобством заменить крапивою, из которой делают только сети для ловли рыбы и зверей; но во всяком случае предпочитают волокно конопли, так как последнее при мокроте и сырости более прочно; конопли разводятся с 1846 г. и в камчатских селениях по реке Камчатке довольно успешно»[212].

Теперь о технике земледелия.

В 1950-х годах было высказано ошибочное мнение, будто в Якутии «примерно в 30-х годах XIX в. земледелие было еще подсечно-переложным»[213]. На деле здесь до 1917 г. господствовало двухполье, сложившееся еще в XVII в.

Пашня делилась на два поля: посевное и паровое. Это видно из многочисленных архивных документов и свидетельств современников. В указе Якутской воеводской канцелярии от 1765 г. олекминскому комиссару поручалось отвести крестьянам пахотных земель по 15 десятин, в том числе «роспашной паровой» 10 десятин и «залежной нероспашной» 5 десятин[214]. Летом 1766 г. смотритель хлебопашества в Олекминском остроге А. Данилов доносил воеводской канцелярии, что крестьяне «за неимением конной силы к предбудущему году земли на одну семью по 8 десятин распахать» не могут[215]. В июне 1781 г. отставной канцелярист Алданской воеводской канцелярии И. Жирков писал в Якутск: «Сей весны из отводной мне земли за неуготовлением в минувшем 780 г. паров засеял мая 1-го числа ярового хлеба на трех десятинах с половиною ячменя 30, ярицы 5 пудов»[216].

Эти факты показывают, что подготовка пара к посеву будущего года являлась обычной практикой еще в XVIII в. В XIX же веке подготовка пара производилась ежегодно. Сведения о поднятом паре собирались каждый год. «Имянной список, составленный крестьянским старостию Иркутского тракта в каких станциях какой крестьянин приготовил к будущему году земли на хлебопашество», ежегодно направляемый в Якутск, служит как бы образцом для всех крестьянских обществ, ежегодные отчеты которых пестрят сведениями о поднятых парах. В них отра-

---

212 Труды Вольного экономического общества, 1848, № 6, с. 100—101.
213 *Якубцинер М. И.* К истории культуры пшеницы в СССР.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. 2. М.— Л., 1956, с. 120.
214 ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 186, 190, 200—202.
215 Там же, л. 112.
216 Там же, ф. 5, оп. 1, д. 20, л. 1—2.

зилась реально существовавшая практика двухполья: пар — зерновые культуры.

Пар использовали однократно. Но известны случаи и двукратного его использования, особенно на свежих расчистках. В отчете Витимской волости от 1845 г. сообщалось: «Очищенную от лесов землю сперва спахивают три раза так называемой сохою и сеют рожь и заборанивают бороною, а после яровое, потом парят; на пар сеют большею частию пшеницу или рожь, после уже яровой и опять парят» [217].

Двухполье сочеталось с перелогом. Это касалось прежде всего свежих расчисток, на которых сеяли несколько лет подряд, после чего давали им отдохнуть. Однако иногда их использовали без передышки, до полного истощения и потом оставляли в залежь на неопределенное время.

Унавоживание полей практиковалось не везде. Чаще оно применялось в Олекминском округе, реже в Якутском. Амгинские крестьяне поля вовсе не удобряли, считая это «излишним и даже вредным» [218].

Посевы производились в первой половине мая. В таежных местах, где снег долго не таял, и на глинистых почвах, которые оттаивают поздно,— во второй половине мая. Сеяли вручную. Уборку хлеба начинали в августе и продолжали до середины сентября. Сжатый хлеб связывали в снопы и ставили в вертикальные суслоны или же вешали на горизонтальных жердях высоко над землей. После просушки снопы складывали в скирды.

Орудия обработки земли были примитивны. В документах XVII в. упоминаются сохи с двойными сошниками, бороны и серпы. Орудия плужного типа с железными лемехами, по-видимому, не применялись. Вспаханную землю рыхлили деревянной бороной. Хлеб жали серпами, которые вначале привозили из Центральной России, но потом стали делать на месте. Так же обстояло дело и с сошниками. Тягловой силой служили лошади [218a]. Эти орудия перешли и в XIX век. Молотили хлеб цепами зимой, в большие морозы. Гумна, или «ладони», устраивали прямо на льду реки или на специально залитой площадке недалеко от дома. Овинная сушка не внедрялась. Большинство крестьян зерно сушило на сковородах или сушилах из жести. В мукомольном деле применялись ручные жернова.

---

[217] ИГА, ф. 9, оп. 1, д. 1102, св. 250, л. 59—60.

[218] *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, с. 270.

[218a] *Сафронов Ф. Г.* Техника земледелия ленско-илимских и ангарских крестьян в XVII в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, вып. 3. М., 1959, с. 165—184.

В XVII — начале XVIII в. правительство не занималось проблемой хлебоснабжения всего населения края. Казенным хлебом снабжали служилых людей, немного хлеба давалось для прокорма аманатов и на угощение ясачных людей. Предоставлялись также семена для десятинной пашни. На все это ежегодно до конца XVII в. расходовалось от 10 до 20 тыс. пудов зерна. Продукция местной десятинной пашни покрывала в среднем около четверти этих расходов (в зависимости от урожая от 22 до 28%)[219].

Но этого количества хлеба не хватало. Об этом говорят ежегодные недодачи хлебного жалованья служилым людям: за 1646—1664 гг. они составили 8614 пудов, за 1646—1679 гг.— 105 314 пудов, за 1654—1689 гг.— 68 736 пудов и за 1702 г.— 7696 пудов[220].

Это объяснялось недостаточным поступлением хлеба по причине трудности его привоза. Поэтому по царскому указу 1680 г. семь верхнеленских волостей Илимского уезда (Бирюльская, Тутурская, Илгинская, Орленская, Усть-Кутская, Криволукская и Верхнекиренская), в которых выращивался хлеб, были переданы в ведение Якутского уезда[221]. В связи с этим поступление десятинного хлеба в житницы Якутского уезда значительно увеличилось. Этот хлеб стал покрывать 50—70% ежегодных хлебных расходов, а иногда и более. Соответственно уменьшилась доля привозного хлеба. Однако в 1699 г. Бирюльскую, Тутурскую, Илгинскую, Орленскую и часть Усть-Кутской волости вернули Илимскому уезду, и хлебная зависимость Якутского уезда от других уездов Сибири опять усилилась[222].

До начала 80-х годов XVII в. привозным хлебом покрывалось в среднем 3/4 ежегодных расходов, а в 80—90-х годах — от 1/4 до 1/2. Хлеб этот поступал от урожая десятинных полей тобольских, енисейских и илимских крестьян.

Хлеб из Тобольска привозили сюда до конца 70-х годов. Затем правительство распорядилось тобольский хлеб «по вся годы по окладу сполна» посылать в Даурию, а в Якутск посылать хлеб енисейской пахоты, но в порядке прибавки к «илимской пахоте»[223]. До 70-х годов из Тобольска осуществлялась переброска значительного количества хлеба. В 1647 г. оттуда было направлено в Якутск более 12 300 пудов ржаной муки и около 3900 пудов крупы и толокна[224]. В 1654 г. в Енисейске получили из Тобольс-

---

[219] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 112, 461, 578, 724, 1344.
[220] Там же, кн. 461, 465, 667, 961.
[221] Там же, стб. 1589, л. 250; стб. 1545, л. 8; Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 2, стб. 11, л. 124—125.
[222] ЦГАДА, Сиб. прик., кн. 1344, л. 239—240.
[223] ДАИ, т. VIII, с. 156—157.
[224] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 298, л. 8—16.

ска около 5560 пудов ржаной муки и 3680 пудов крупы и толокна, подлежавших отправке в Якутск[225]. В 1679 г. из Илимска в Якутск было отправлено около 2500 пудов ржаной муки, крупы и толокна, привезенных из Тобольска[226]. Правда, количество отправляемого из Тобольска хлеба не всегда было таким значительным. Кроме того, он нередко годами задерживался в пути. Так что за Тобольском всегда числились «недосылочные хлебные запасы».

Хлеб енисейской пахоты в значительных размерах поступал также до конца 70-х годов. В этот период Енисейский уезд являлся одним из основных поставщиков хлеба в Якутск. Например, в 1653 г. оттуда было послано в Якутск более 5200 пудов ржи[227]. В 1674 г. из Илимска в Якутск отправили 6 тыс. пудов ржаной муки «енисейской пахоты»[228]. Правда, за Енисейским острогом числился ежегодный «недосылочный хлеб», так как в иные годы не хватало самого хлеба или же он застревал на реках Тунгуске и Илиме. Затем в 1678 г. Сибирский приказ установил порядок, согласно которому в Якутск следовало посылать «илимскую и ленскую пахоту без остатку», а илимским казакам за своим жалованьем ездить в Енисейский острог[229]. Однако енисейский хлеб в Якутск шел иногда и после 70-х годов. Так, в 1700 г. из Илимска в Якутск было отправлено более тысячи пудов ржи и овса енисейской присылки[230].

Илимский уезд в силу географического положения начиная с 50-х годов XVII в. становится главным районом хлебоснабжения Якутска. Отсюда хлеба отправлялось много больше, чем из отдаленных Тобольска и Енисейска. Об этом говорят следующие данные[231]: в 1653 г. отправлено разного хлеба 5100 пудов, в 1654 г.— 12 867, 1655 г.— 11 704, 1656 г.— 8767, 1664 г.— 5861, 1674 г.— 9497, 1679 г.— 6229, 1681 г.— 6504, 1693 г.— 2612, 1702 г.— 15 814, 1706 г.— 22 990 и в 1714 г.— 24 760 пудов.

Незначительность продукции местной десятинной пашни и систематический недовоз хлеба создавали большие затруднения в снабжении служилого населения. Поэтому иногда делались подряды на частную поставку хлеба в Якутск. Первый такой случай имел место в 1684 г., когда в Енисейской приказной избе подряд взял енисейский посадский человек Иван Ушаков. В следующем году он подрядился поставить в Якутск будущим летом 6 тыс. пудов ржаной муки. В 1686 г. он же взял подряд в Сибирском

---

[225] ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 344, л. 627—630.
[226] Там же, кн. 667, л. 254—258.
[227] Там же, стб. 344, л. 151—153.
[228] Там же, кн. 319, л. 280—283; кн. 578, л. 889—893.
[229] Там же, стб. 813, л. 209—215.
[230] Там же, стб. 1422, л. 324—326.
[231] Там же, кн. 112, л. 322—329; кн. 319, л. 12—15, 175—179, 280—283; кн. 376, л. 11—14; кн. 464, л. 551—552; кн. 465, л. 243—248; кн. 578, л. 889—893; кн. 667, л. 254—258; кн. 724, л. 77—78.

приказе в Москве на имя своего брата Алексея Ушакова, обязуясь доставлять в Якутск в течение трех лет, с 1687 по 1689 г., ежегодно по 6 тыс. пудов ржаной муки. В 1689 г. И. Ушаков в Сибирском же приказе снова подрядился доставлять в Якутск в течение пяти лет по 6 тыс. пудов ржаной муки. Когда истек срок и этого договора, он в 1694 г. в Сибирском приказе взялся поставить в Якутск, начиная с 1695 г., в течение пяти лет 30 тыс. пудов хлеба. Наконец, в 1700 г. наследовавший дело И. Ушакова его брат Алексей обязался ежегодно поставлять в Якутск уже по 8 тыс. пудов. Ушаковы хлеб получали в ленских волостях [232].

Наконец, якутские воеводы дополнительно хлеб приобретали на местном рынке у торговых и промышленных людей.

Тем не менее до самого начала XVIII в. проблема хлебного снабжения служилых людей оставалась неразрешенной. Об этом говорят приведенные выше данные о хронической недодаче служилым людям хлебного жалованья.

Поскольку в XVII в. значительная часть потребности в хлебе покрывалась привозом, небезынтересно остановиться на трудоемком процессе перевозки хлеба.

В первое время, когда служилых людей в Якутск посылали из Тобольска, Березова и Енисейска, доставка хлеба в Якутск осуществлялась ими самими. При этом в перевозке хлеба до Ленского волока им помогали тобольские, березовские, тюменские, енисейские и красноярские казаки, а с Ленского волока — ленские казаки, посланные якутскими воеводами [233].

Затем, когда в 50-х годах набор служилых людей стал проводиться в пределах самого Якутского уезда, организация поставки хлеба в Якутск стала обязанностью тобольских, енисейских и илимских воевод.

Тобольский хлеб, собранный с уездов Тобольского разряда, тобольские и иных сибирских городов казаки водным путем доставляли до Маковского острога. Здесь его выгружали и с установлением зимнего пути на подводах везли до Енисейского острога, где он хранился до весны. Затем его сплавляли по реке «днем и ночью, не мешкая нигде ни часу, чтоб им поспети в Макуцкой острог до заморозков». Однако хлеб нередко зимовал на р. Кете, будучи застигнут морозами, так что в Енисейск попадал на вторую зиму [234].

Тобольский хлеб, привезенный в Енисейск, дополнялся хлебом Енисейского уезда. По наступлении весеннего половодья его нагружали в дощаники, и тобольские, березовские, енисейские и красноярские казаки с огромным трудом проводили эти суда вверх по Енисею, Тунгуске и Илиму до Ленского волока. С конца 40-х годов эта тяжелая работа стала обязанностью одних илим-

[232] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, кн. 112, л. 330; кн. 1344, л. 239; стб. 1422, л. 643; *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири, с. 179—180.
[233] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 298, л. 8—10.
[234] Там же, стб. 298. л. 8—14; стб. 344, л. 151—153, 627—630; стб. 1589, л. 286.

ских казаков. Поэтому из Илимского острога ежегодно в Енисейск направлялось по нескольку десятков человек, иногда «человек по 80 и больши». В помощь им давались ссыльные, следовавшие на Лену. Енисейским воеводам полагалось суда отпускать «на весне тотчас, безо всякого мотчанья». Но это не всегда выполнялось. Следовало найти требуемое количество судов, снабдить их снастями, тысячи пудов хлеба всыпать в рогожные мешки и перевезти со складов на дощаники. Поэтому суда иногда выходили с опозданием. Вдобавок в пути их подолгу задерживали пороги и шиверы. В результате суда не раз зимовали на Тунгуске или Илиме [235].

Хлеб, привезенный в Илимский острог, и хлеб, собранный у крестьян илимских волостей, зимним путем перевозился через Ленский волок на подводах до устья р. Муки, впадающей в р. Куту. Эта работа являлась повинностью крестьян Илимского уезда.

Одновременно в житницах верхнеленских пристаней в устье р. Илги, в Орленской слободе, в Усть-Кутске, Киренске и Чечуйске ежегодно накапливались десятинные и оброчные хлебные запасы, свезенные туда податными крестьянами и предназначенные к сплаву в Якутск.

Организация сплава всего этого хлеба, т. е. тобольского, енисейского, илимского и верхнеленского, в Якутск была обязанностью илимских воевод. Для них самым хлопотным являлась постройка судов, поскольку после сплава хлеба в мае и июне «по полой воде» вниз по реке в Якутск суда там бросали. Поэтому их приходилось строить ежегодно заново. Их строили обычно около десяти [236]. Вначале этим занимались на плотбищах служилые люди, «которые были плотничать горазды». Потом, с начала 50-х годов, перешли на судостроение подрядным способом. А с 1655 г. эта работа стала обязанностью судовых плотников.

Сплав хлеба до первой четверти XVIII в. включительно ложился на плечи якутских служилых людей, которые для этой цели ежегодно приезжали в Илимский острог [237]. Верхнеленские крестьяне выделяли им «вожей», т. е. лоцманов.

Несколько слов следует сказать о снабжении хлебом гражданского населения.

Крестьяне кормились с урожая «собинной пашни». Якуты хлеба не употребляли, довольствуясь мясо-молочными продуктами и рыбой. Торговые и промышленные люди хлеб привозили с собой. Вначале они везли его издалека, потом стали покупать в верховьях Лены.

---

[235] Там же, стб. 298, л. 15—16; стб. 344, л. 151—153, 307—312, 628; стб. 813, л. 209—210; стб. 1589, л. 286.

[236] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, с. 570.

[237] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 344, л. 194, 311—313; стб. 813, л. 212; стб. 1589, л. 284.

С XVIII в. в заботу правительства стало входить снабжение хлебом и гражданского населения. Это объяснялось рядом причин. С начала XVIII в. в Сибири начинает развиваться горнозаводская промышленность. Возникают железоделательные, медеплавильные и сереброплавильные заводы. Открываются золотые прииски. На этих предприятиях работали десятки тысяч людей. Увеличивалось и торгово-ремесленное население городов. Правительство, заинтересованное в развитии промышленности, торговли и ремесла, должно было заботиться и об этом населении. Снабжение сельскохозяйственными продуктами военно-чиновного, рабочего и посадского населения Сибири требовало развития крестьянского и «инородческого» земледелия. Отсюда и проблема «устроения» крестьян и инородцев.

Однако задачу расширения земледельческой колонизации и продовольственного снабжения всего населения востока Сибири в условиях XVIII в. разрешить не представлялось возможным. Продукция местной пашни оставалась незначительной. Нужен был завоз хлеба, организуемый государственной властью. Но в размерах потребности всего населения его трудно было осуществить в силу тяжелых транспортных условий.

Путь для перевозки хлеба, как и в XVII в., был естественный — р. Лена. Сплав по ней осуществляли в мае и июне. Для этого следовало ежегодно строить десятки однорейсовых судов, вместимостью 500—6000 пудов. Постройка их, возлагавшаяся на илимских, а в 70-х годах XVIII в. на усть-киренских воевод, требовала много труда. Суда строили, как и в XVII в., на плотбищах верхнеленских пристаней — в Орленской слободе, Усть-Илгинске и в Усть-Киренске. Было еще специальное плотбище в устье Муки, притока Куты. До 1725 г. суда строили судовые плотники, а затем крестьяне верхнеленских и илимских волостей за плату от казны. Плата была низкой. Летом работнику с лошадью платили в день 10 коп., без лошади — 5 коп., зимой — соответственно 6 и 4 коп. [238] Никто за такую плату добровольно работать не шел. Поэтому воеводы ежегодно зимой делали разнарядку по волостям, указывая, где, сколько судов и какого размера построить [239]. Получив такое «расположение», крестьяне и разночинцы волостей выбирали из своей среды требуемое количество людей, «к судовому строению заобычайных». Они строили суда под присмотром детей боярских. Это были «к смотрению в постройке барок и плотов над работными людьми понудители», обязанные плотников «усильно понуждать без всякого послабления» [240].

На обязанности крестьян начиная со второй четверти XVIII в. лежал и сплав хлеба в Якутск, дело еще более трудное и отнимавшее много времени. Хлеб десятками тысяч пудов хранился на

[238] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. II. Иркутск, 1957, с 291—297.
[239] ИГА, ф. 2, оп. 2, д. 151, л. 9.
[240] Там же, ф. 75, оп. 1, д. 2459, л. 36; д. 2521, л. 397.

складах верхнеленских пристаней. Это был оброчный хлеб крестьян, который они привозили уже обмолоченным. Этот хлеб те же крестьяне весной грузили на суда и сплавляли в Якутск, за что получали по 5 коп. «плакатных денег» в день.

Ежегодно в сплаве участвовало до 600 крестьян Илимского уезда, по 40—130 чел. от волости. Их выбирали крестьяне по разнарядке Илимской воеводской канцелярии. Они при сплаве гребли, оберегали хлеб от воды и огня и выгружали его в якутские магазины [241].

Нагруженные суда проводили крестьянские вожи «от места до места по знаемости места», т. е. сменявшиеся через определенное расстояние, обычно в Орленге, Усть-Куте, Кривой Луке, Чечуйске, Пеледуе, Витиме. Сплавными рабочими и вожами командовали якутские казаки [242].

Таким способом в XVIII в. вниз по Лене сплавляли в среднем 20—30 тыс. пудов хлеба, т. е. в 3—4 раза больше, чем в XVII в.[243] Основная часть этого хлеба оставалась в пределах Якутской области и шла на пропитание служилых людей, обеспечение крестьян семенами, на продовольствие ямщиков ленских почтовых станций ниже Витима. Остальное отправлялось в Охотско-Камчатский край.

Сплав хлеба, оплачиваемый по низкой цене, являлся тяжелой повинностью верхнеленских и илимских крестьян. Она была ликвидирована в 70-х годах XVIII в. Вначале указом Иркутской губернской канцелярии от 21 марта 1772 г. было отменено хлебное обложение крестьян, вместо которого они стали платить денежный налог [244]. Затем 10 октября 1774 г. вышел указ той же канцелярии, освобождавший крестьян от постройки судов и сплава хлеба в Якутск [245].

В результате в корне изменился весь существовавший ранее порядок хлебоснабжения востока Сибири. Хлеб «в якуцкий отпуск» власти стали покупать на рынке у крестьян. Суда строили и хлеб отвозили подрядчики из купцов и зажиточных крестьян. А с 1777 г. казенный сплав хлеба в Якутск вовсе прекратился. Край стал снабжаться через посредство частных торговцев [246].

---

241 ИГА, ф. 75, оп. 1, д. 1577, л. 314—428; *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. II, с. 289, 293.
242 ИГА, ф. 75, оп. 1, д. 2521, л. 398.
243 *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. II, с. 289.
244 ИГА, ф. 2, оп. 2, д. 29, л. 52.
245 Там же, л. 54.
246 *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. т. II, с. 300—301.

Глава четвертая

ГОРОДА И ИХ НАСЕЛЕНИЕ

Возникновение первых городов на северо-востоке Азии связано с утверждением русской власти в крае. В 30—40-х годах XVII в. по берегам морей, рек и в других удобных местах, где было много пушного зверя и больше населения, возникали остроги, острожки и ясачные зимовья. Вначале они были укрепленными военными лагерями, предназначенными для сбора ясака и обороны от «немирных иноземцев». Поэтому, как правило, это были крепости, окруженные тыном или частоколом. Лишь впоследствии в некоторых местах частокол заменяли рубленой стеной — «городом».

Подобные крепости находились в постоянной боевой готовности. В них содержался соответствующий запас вооружения — пушек, ружей, пороха, свинца, ядер и т. д. Население их вначале почти сплошь состояло из служилых людей. Лишь впоследствии, с упрочением русской власти, остроги, острожки и ясачные зимовья потеряли военное значение и превратились в обычные населенные пункты. Служилое же население все более приближалось к обычному полицейско-чиновничьему сословию. Местами появлялось посадское и торгово-ремесленное население, придавая населенным пунктам характер экономических центров.

Иначе и быть не могло. В истории редки случаи, когда населенный пункт сразу возникал как экономический центр. В Сибири таких случаев не было вовсе. А на северо-востоке города были вообще очень редким явлением. Здесь в XVII — первой половине XIX в. имелось только несколько острогов и острожков, превратившихся в города. Среди них прежде всего Якутск, Охотск, Петропавловск-на-Камчатке. Эти города по составу населения были почти чисто русские.

ЯКУТСК

Якутск — один из старейших сибирских городов. Он вырос из маленького острожка, поставленного в 1632 г. отрядом енисейского казачьего сотника Петра Бекетова.

Вначале его называли Ленским[1]. В своей челобитной о строительстве этого острога Бекетов писал: «Того ж году сентябре в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, поставил я с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней украине и для государева ясачново збору и для приезду якутцких людей. А преж тово на Лене реке и в якутцкой земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новый острожек я, Петрушка, против якуцкова князца Мамыкова Улусу»[2].

Таким образом, первое русское укрепление на территории Якутии, опираясь на которое, казаки присоединили весь северо-восток Сибири, было поставлено не на том месте, где ныне стоит г. Якутск, а примерно в 70 км ниже по р. Лене, на правом ее берегу, напротив улуса намских якутов, вождем которых был широко известный по архивным документам и народным легендам Мымах. Место это было выбрано не случайно. Сам П. Бекетов писал, что острожек поставлен «меж иными многими улусами среди всей земли». Такого же мнения были и другие служилые люди. Так, енисейский стрелец Ивашка Иванов в Приказе казанского дворца говорил, что «острожек поставлен на берегу Лены реки к лесу и к угодью, а около того острожку живут многие конные и пешие якуты, родами тысяч с десять и больши, и животины их коров и лошадей много. А опричь того места, где Петр Бекетов поставил острожек, в ином месте острогу или города поставить негде, поэтому что тот острожек поставлен в угожем месте»[3].

Ленский острог вначале представлял собой маленькую крепость, окруженную деревянным частоколом. Внутри нее, кроме немногих жилых домов, находилась съезжая изба с разными государевыми делами, государев амбар на подклете с погребом, где хранилось разное казенное имущество, аманатская изба и часовня. В остроге хранились медные пищали с железными и каменными ядрами и другое вооружение.

---

[1] КПМГЯ, с. 1, 92, 93, 152 и др.

[2] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 368, л. 171.

[3] РИБ, т. 2, с. 969—970. В литературе встречается разное название местности, в которой был поставлен Ленский острог. Н. Остолопов утверждает, что острог был поставлен на горе Чебыдал (О происхождении, вере и обрядах якутов.— Любитель словесности (СПб.), 1806, ч. 1, № 2, с. 121); П. А. Словцов во втором томе «Исторического обозрения Сибири», вышедшем в конце 1830-х годов, называет гору Чабыдал или Гимадай (СПб., 1886, кн. 2, с. 475). Н. Щукин указывает на урочище Гимадай (Поездка в Якутск, с. 196—197); на то же урочище указывается в «Кратком историческом очерке Якутской области» (Памятная книжка Якутской области на 1891 год. Якутск, 1891, с. 61); Г. А. Попов пишет, что острог стоял на территории Мурчукинского наслега Намского района в местности, называвшейся старожилами «Эргэ куорат», т. е. «Старый куорат» (Якутск. Очерки из его прошлого.— Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 7, д. 10, л. 14); О. В. Ионова уже категорически указывает на местность Чымаадай (Якутский куорат. Якутск, 1950, с. 8) (на якутском языке).

Однако вскоре выяснилось, что острог поставлен не у места: берег оказался низким и в весеннее половодье заливался [4]. В 1634 г. острожек «водою подмыло» и он вовсе развалился [5].

Поэтому новый приказчик Ленского острога Иван Галкин летом 1634 г. приказал построить другой острог, уже на новом месте, значительно выше прежнего и тоже на правом берегу Лены. Вначале он состоял из трех изб и двух амбаров с рублеными нагороднями, крытыми тесом, и с караульней над воротами и был окружен «острогом крепким». Вне острога «на край реки» стояли «отводная караульня» и баня.

Где стоял этот острог? По словам И. Галкина «середи якольские земли бликсо лутчих кангаласких князцов многих людей, на многих на больших дорогах в ыные землицы на Амгу и на Тату». В 1645 г. в Енисейском остроге на съезжем дворе атаман Никифор Галкин и торговый человек Иван Тарасов в расспросе сказали, что острог Галкина стоял «двумя днищами» ниже нового острога, поставленного Головиным. В свете этих данных кажется правильным предположение Г. А. Попова, что острог Галкина стоял в местности, позднее названной «Ярмонская», находившейся примерно в 15 верстах от Якутска, у начала тракта на Амгу и Татту [6].

Острог этот быстро рос. Появились новые казенные постройки внутри него. Вне острожных стен вырос целый поселок. Уже в 1641 г. там было 46 юрт якутского типа и 24 избы. Из них служилым людям принадлежало 12 изб и 21 юрта, торговым людям — 1 изба, промышленникам — 11 изб и 3 юрты, якутам — 22 юрты. В них проживало 280 чел., в том числе служилых людей 68, торговых людей 3, промышленников 86 и якутов 123. В каждом доме жило по нескольку человек — хозяин и его квартиранты. Например, в избе торгового человека Семена Павлова Стрекаловского вместе с ним жили торговый человек Василий Антонов Вологжанин, промышленники Мотора Афанасьев, Фома Семенов, казак Тимофей Павлов Блохин, пущенные в дом на разных условиях, «да у них повар Карпунко Семенов»; в избе промышленника Козьмы Никитина вместе с хозяином жили 6 промышленников и две «женки-ясырки». Среди них не было ни русских женщин, ни детей. Русские быстро оценили условия местного края, и подавляющее их большинство построили юрты якутского типа.

Чуть ли не половина населения острога состояла из якутов, большинство которых жило самостоятельно, в своих юртах. «Юрта неясашного якута Токурай Челкенеева, Намской волости, з женою. Да с ним же живет якут стар Буя, Кангалаской воло-

---

[4] ЦГАДА, ф. 199, д. 481, порт. 7, л. 141.

[5] *Ионова О. В.* Из истории якутского народа. Якутск, 1945, с. 29.

[6] ДАИ, т. II, с. 266; КПМГЯ, с. 11—12; Якутия в XVII веке. Очерки. Якутск, 1953, с. 32; *Попов Г. А.* Якутск. Очерки из его прошлого.— Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 4, оп. 7, д. 10, л. 18.

сти, бокан»,— говорится, например, в росписи избам и юртам заострожным. Многие якуты жили даже с русскими под одной крышей. «Юрта Кузьмы Сидорова Туркина, а живет у него якут Мегинской волости Садуй Черкасыев з женою»,— сказано там же. В числе якутов было 15 ясырок и 2 ясыря, проживавших в домах русских хозяев. Эти факты свидетельствуют о том, что якутское население очень быстро сближалось с русским [7].

Однако и галкинский острог оказался недолговечным. В большую воду берега и здесь затоплялись, угрожая постройкам и имуществу казны, жилищам и хозяйственным постройкам частных лиц. В 1642 г., как доносил в Москву П. П. Головин, во время весеннего разлива Лены вода «остроженко мало не весь пойма и амбары все было потопило и мало бог миновал, что льдом всево остроженка не снесло» [8]. Поэтому было решено подыскать другое место для острога. Поиски начались весной 1642 г. Первоначально осмотр места на судне совершил сам П. П. Головин. Но осмотренные им берега Лены оказались «худы» и «не угожи». Затем был послан письменный голова В. Поярков «по многим урочищам». В итоге он признал более подходящим район Кильдема. Однако Головин, обозрев эти места, нашел их также неудобными. Поиски продолжались до тех пор, пока внимание П. П. Головина не остановилось на «Эюковом лугу» в Табаге. Луг этот был найден «под острожное место всех лутче и угоже», потому и решено было поставить здесь новый острог [9].

Однако строительство острога затянулось. Головин доносил в Москву: «И тово, государь, стопятьдесятово (1642) году острогу ставить не поспел... и я, государь, отложил острожное постановление впредь до 151 (1643) году до весны» [10]. Таким образом, выясняется, что перенос Ленского острога на новое место был осуществлен не в 1642, как обычно считалось до сих пор, а в 1643 г. Это подтверждается и «ведомостью о городе Якуцку», составленной в 30-х годах XVIII в. по запросу Г. Ф. Миллера. В ней пишется: «Во 151 (1643) году при воеводе Головине выше того острогу [т. е. старого Ленского] по Лене реке на Эюкове лугу переселен и построен острог» [11].

Новый острог начали строить в апреле 1643 г. сорок казаков под наблюдением сына боярского Алексея Бедарева. Часть строительного леса была заготовлена на месте, часть сплавлена по Лене. Строительство шло быстро и в основном было закончено летом того же года. «Сей острог,— писал И. Фишер,— лежит на западном берегу реки Лены на кругловатом поле, горами окруженном, так что сии со всех сторон отстоят от города на 15 или на 20 верст и с обоих концов высунулись в реку. Разные там

---

[7] Архив ЛОИИ, ф. 160, оп. 1, карт. 3, стб. 14, л. 1—13.
[8] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 188.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, ф. 199, д. 481, порт. 7, л. 141.

на Лене находящиеся острова делают, что ширина реки от одного берега до другого простирается на 8 верст» [12].

Сохранилось подробное описание этого острога, сделанное самим П. П. Головиным. Окружность его стен составляла 333 печатных сажени, и он стоял в 50 саженях от берега реки, на месте «угожем и стройном». Высота стен достигала $2^1/_2$ сажени. По четырем сторонам острога имелись 4 воротные башни «с вышками» высотой до 4 саженей. Были и 4 наугольные башни, также «с вышками», высотой по 3 сажени каждая. За острогом вокруг стен были сделаны деревянные «чесноки», т. е. вбиты в землю острые колья с целью воспрепятствовать подходу неприятеля. С той же целью со стороны реки «для бою» поставили «быка» — укрепление для отражения противника [13].

Внутри этого укрепления были сооружены «приказ двойной на подклетах с сеньми», т. е. резиденция воевод и их помощников, аманатский двор, пороховой погреб, четыре амбара на «соболиную казну», храм во имя преподобного отца Михаила Малеина и храм живоначальной троицы, шатровый. Сюда же были перенесены из старого острога 3 амбара для хлеба и соли и тюремные помещения. За острожными стенами поставили гостиный двор, амбар «теплой» на соболиную казну, амбар и двор «для приезду иноземцев».

Переезд в новый острог воеводской администрации «с соболиною казною и с нарядом и со всякими запасы и с аманаты, со всеми судами» состоялся летом 1643 г. Старый острог был заброшен.

Новый острог стал называться Якутским. Значительным событием в его истории явилось основание в 1663 г. Якутского Спасского монастыря, просуществовавшего до XX в. Монастырь этот, возникший по инициативе служилых людей и построенный в 200—300 саженях севернее острога, получил в виде пожалованья значительные сенокосные угодья на островах и по берегам р. Лены, что дало ему возможность обзавестись рогатым скотом и лошадьми. На монастырских сенокосах работали и за скотом ухаживали вкладчики, трудники и посельщики [14].

Постепенно, хотя и медленно, внутри острога и за его стенами стали вырастать дворы «жилецких людей». Кое-где возникали улицы. В 1656 г. внутри острога было 24 «жилецких двора», принадлежавших служащим приказной избы (дьяку, подьячим, толмачу), таможенникам, церковнослужителям и служилым людям. В них проживало около 50 чел. мужского пола. За острогом было 79 дворов, из которых 50 принадлежали казакам, 5 — десятникам, 5 — пятидесятникам, 1 — сотнику, 3 — детям боярским, 4 — подьячим, 1 — таможенному голове, 2 — торговым людям,

---

[12] *Фишер И. Э.* Сибирская история. СПб., 1774, с. 358.

[13] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 274, л. 189—190; КПМГЯ, с. 12, 32.

[14] *Сафронов Ф. Г.* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск, 1956, с. 83—87.

2 — промышленникам, 1 — посадскому, 1 — ссыльному, 3 — «рыболовам» и 1—нищему. В них проживало около 150 чел. мужского пола, в том числе несколько детей. Среди этого населения численно преобладали казаки (84 чел). Посадскими названы 2 человека, торговыми и промышленными людьми — 11, рыболовами — 7, прочих было 7. «Гулящим» считался один человек [15].

Всего, таким образом, в Якутском остроге, кроме административных построек, было 103 «жилецких двора», в которых проживало около 200 чел. мужского пола. В переписной книге «якуцким жилецким людем», откуда взяты эти данные, не учтены лица женского пола, а также ясыри и ясырки якутского происхождения. Поэтому не будет большого преувеличения, если допустить, что в 1656 г. население Якутска равнялось примерно 400 чел.

Во второй половине XVII в. появляется посадское население. В 1670 г. посадскими числились 6 ссыльных, 58 гулящих людей и их дети в числе 22 чел., всего 86 чел. мужского пола [16]. В 1676 г. посадских мужского пола было 77 взрослых и около 10 детей [17]. С учетом лиц женского пола можно полагать, что общее число посадского населения в середине 70-х годов составляло около 150 чел. Следоватсльно, все население острога к этому времени достигло примерно 600 человек обоего пола.

Однако по причине неудобства расположения острога между различными слоями этого населения происходили частые споры из-за места под дворы. В целях прекращения этих ссор воевода Ф. Бибиков в 1678 г. разделил посад на четыре участка: к югу от крепости, за логом, должны были строиться дети боярские и прочие служилые люди, к юго-западу — торговые люди с лавками и другими заведениями, к юго-востоку — старообрядцы и к северу, в сторону монастырской ограды,— прочие ссыльные [18]. Между тем крепость, находившаяся в центре «жилетцких дворов», часто затоплялась, особенно во время весенних разливов Лены. В 1672 г. при воеводе Я. П. Волконском «науголыную башню от реки подмыло водою и ту башню перенесли и поставили на напольную сторону острога в стену». В 1676 г. при воеводе А. Н. Барнешлеве «острожную и проезжую воротную башню подмыло водою ж и ту башню перенесли и поставили на другую сторону острога в стену ж». Самое же острожную стену, «которая от реки, по вся годы подмывало же водою и ту острожную стену по вся годы переставливали». А в 1679 г. «подмыло до государева двора и до соборные церкви и приказной избы и казенных амбаров и воеводцких и дьячьих дворов» [19].

Казаки, на которых лежала обязанность починки крепостных сооружений, устали от постоянных хлопот и даже, как они за-

[15] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 4, кн. 539, л. 1—13.
[16] Архив ЛОИИ, ф. 160, оп. 1, карт. 24, стб. 9, л. 7—12.
[17] Там же, карт. 28, стб. 8, л. 1—5.
[18] *Ионова О. В.* Якутский куорат. Якутск, 1950, с. 10.
[19] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 250, л. 5—6, 15—16; ДАИ, т. VII, с. 348.

являли, стали от этого «бедны и нужны и голодны». Вместе с церковнослужителями в 1679 г. они обратились в Москву с челобитной о постройке нового острога, указав даже место, где бы можно было его поставить. Там же они писали, что строительный лес можно «промышлять от города вверх по Лене реке, а от реки через луги версты по 2 и 3 и по 4 и по 5 и по 6 и гнать вниз до Якутцкого большою водою две недели»[20]. Однако челобитчики отметили, что в Якутске плотников и кузнецов нет, сами же они «бедны и нужны», и потому просили прислать в помощь им строителей из других городов[21].

Правительство благосклонно отнеслось к этой просьбе и 26 февраля 1680 г. послало указ воеводе Ф. Бибикову с предписанием построить на более удобном месте новый город, с одновременной починкой старого острога. В указе писалось: «На Лене в Якутцком делать город новой рубленной не в один год; а старый острог и надолобы починить якутцкими всяких чинов служилыми людьми, чтоб в том остроге жить было бесстрашно, а делать новый город якутцкими ж служилыми и всякими жилетцкими людьми; а где быть городу новому обыскать и описать после посаду порозжее место где пристойно, чтоб в крепких и в угожих местах и водою не подмывало. На то городовое дело и на церковное строение лес всякой промышлять якутцким жителям и енисейским и илимским плотником водяным и сухим путем как пристойно, не в пашенное и деловое время; а к тому городовому делу взять плотников из служилых и ис посадцких к якутцким служилым и посадцким людем в прибавку из Енисейска 40, из Илимска 20 человек не замотчав; а на то городовое строение послать из енисейских доходов денег 300 рублев, а те деньги давать енисейским и илимским плотником от того городового дела, а в Енисейске и Илимском дати им, плотником, денежное и хлебное жалованье и соль для того городового дела впредь на два года по окладом их сполна. А гвозди и всякие железные припасы на то городовое дело ковать в Якутцком из старых ломаных якорей и которые якори же в расход не годятца и из ыного железа, ис какого доведетца»[22].

Но строительство нового города было начато не Бибиковым, а новым воеводой И. В. Приклонским, прибывшим в Якутск 22 сентября 1680 г.[23] Приклонский осмотрел окрестности острога и нашел место у монастыря, указанное в челобитной 1679 г., непригодным и «з совету всяких чинов служилых людей и иных грацких жителей» отыскал на лугу новое место «против старого острогу от посаду крайнего к матерой стороне сажени з 200, а от

---

[20] Там же, стб. 950, л. 16; ДАИ, т. VII, с. 348.
[21] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 250, л. 6, 16; ДАИ, т. VII, с. 348.
[22] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 950, л. 8—9, 17—18, 43; ДАИ, т. VII, с. 348—349; т. X, с. 315—316; КПМГЯ, с. 71.
[23] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 950, л. 9.

реки до городового места, где быть городу, сажен с 400»[24]. Место это, судя по чертежу г. Якутска начала XIX в., находилось в районе, где до недавнего времени стояла «Башня Дыгына».

Затем Приклонский приступил к заготовке строительного леса, возложив это дело на местное русское население. Служилые люди, ружники и оброчники были обязаны доставить по 4 бревна на каждый рубль денежного жалованья, посадские — по 1 бревну на каждые 10 денег их годового оброка, промышленники —по 10 бревен с человека, торговые люди — «по своей воле, кому что мочно», и пашенные крестьяне — «по их мочи, против их пашни».

В июле 1681 г. прибыли 30 чел. из Енисейска и Илимска, в том числе 25 плотников. Да в Якутске выделили столько же плотников. Эти плотники с приданными им в помощь казаками 24 июля начали «рубить» новый город. Работа шла успешно, и к 14 августа во все четыре стены было уложено по шесть бревен[25]. Однако строительство города было закончено не в 1681 г., как утверждали некоторые исследователи, а позже, вероятно, в конце 1683 г., так как заготовка леса проводилась и в 1682 г.[26]

Новый город представлял собой четырехугольник площадью в 3600 кв. саженей, окруженный мощными бревенчатыми стенами по 60 саженей длины каждая, по 2 сажени толщины и 3¹/₂ сажени высоты. В стенах было воздвигнуто 8 башен, в том числе 2 проезжие. Высота последних достигала 14 саженей, а прочих — 9. Стены и башни были покрыты тесом[27].

И. В. Приклонский новый город 16 мая 1684 г. сдал своему преемнику М. О. Кровкову. Последний город нашел недостроенным: стены и башни были крыты в один тес без нащельников, не было порохового погреба, аманатского двора, хлебных и соляных амбаров, колодца; казенные товары и порох хранили в старом остроге «под колокольнею, поверх земли на мосту», а хлеб и соль раздавали служилым по реке прямо с судов; соборная церковь не была перенесена, но вместо нее «не пристойно» поставлена двухэтажная церковь в городовой стене.

Поэтому Кровков 10 июля 1684 г. образовал комиссию и дал распоряжение служилым и «жилетцким» людям перенести из старого острога в новый город соборную церковь, казенные амбары, воеводский и аманатский дворы. Кроме того, «чтоб от приходу воинских людей оборонить было мочно», предложил перенести и весь посад, таможенную избу и гостиный двор, поставив их около стен нового города. При этом постройка жилых домов должна была производиться слободами: «попы с попами, дети боярские с детьми боярскими, сотник с сотником, подьячий с

---

[24] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 950, л. 10, 29—30, 45—48, 65—71.
[25] Там же, стб. 950, л. 9—10, 22—23.
[26] ДАИ, т. X, с. 313.
[27] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 950, л. 19, 23—26, 44; ДАИ, т. X, с. 313—314.

подьячим, потому ж пятидесятники и десятники и рядовые казаки и посадцкие люди по чинам». Между дворами следовало «учинить проезжие улицы».

Однако служилые и «градцкие» люди 15 июля подали воеводе челобитную, в которой писали, что всего этого делать они «не в мочь», ибо «скудны» и часто отлучаются по службе. Часть их, оправдывая свой отказ, ложно ссылалась на то, что постройка города вдали от воды и посада, а не у монастыря, вблизи реки и посада, как было указано в челобитной от 1679 г., была сделана Приклонским «своим умыслом», без согласия служилых и жилецких людей [28].

Последовавшие затем события несколько сгладили эти трения. В 1685 г. в Якутске были получены тревожные вести о надвигающейся военной опасности. Воеводы Албазинского и других острогов советовали Кровкову укрепить Якутский острог и устье р. Олекмы. Встревоженный этим известием, он собрал якутских жителей, держал с ними совет и в результате получил возможность не только достроить новый город, но и провести ряд дополнительных мероприятий [29].

Он прежде всего добился исполнения своего распоряжения от 10 июля 1684 г. о переносе из старого острога казенных строений. И к лету 1686 г. в новом городе уже были готовы амбары с сараями, пороховой погреб, воеводский и аманатский дворы и земляная тюрьма для раскольников. Одновременно была перенесена часть старого посада, и около города вырос новый посад [30]. Еще раньше, в 1685 г., «опасаясь приходу неприятельских людей», в новом городе пробовали рыть колодец. Дело это поручили промышленникам, которые наняли на свой счет казака Якупку Федорова. В течение 4 месяцев он вырыл колодец глубиной в 8 саженей, но «до талой земли не дошел» [31].

В том же, 1685 г. Кровков «для умаления города, по вестям неприятельских замыслов, для осадного времени, для береженья якутцких всяких чинов людей» велел казакам, торговым и промышленным людям вокруг нового города построить бревенчатый «стоячей» острог, так как чинить и укреплять старый острог, по его мнению, не было смысла ввиду переноса его башен в новый город.

Купили 11 841 сосновое бревно, на что затратили 329 руб., строительство острога закончили в 1687 г. Он окружал город со всех сторон. Стены острога общей длиной по периметру 580 саженей отстояли от городских стен с восточной стороны на 60 саженей, с остальных сторон на 40 саженей. В них устроили 8 башен, в том числе две проезжие. Впоследствии сюда были перенесены гостиный двор, таможня и другие казенные строения.

[28] Там же, стб. 950, л. 19, 27—31, 45—48, 65—71; КПМГЯ, с. 87.
[29] ДАИ, т. X, с. 316.
[30] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, стб. 950, л. 73; стб. 1029, л. 1—2.
[31] ДАИ, т. X, с. 316.

Кроме того, на случай осады из острога начали было вести «тайник копаной водяной, покрыт землей», но его так и не доделали [32].

Таким образом, в течение 1681—1687 гг. Якутский острог был перестроен заново, укрепления его стали более мощными, а самый город — более живописным.

Заметно росла и численность населения. В 1693 г. была проведена перепись детей и родственников служилых и посадских людей. Оказалось, что 102 взрослых мужчины имеют 145 детей мужского пола, в том числе 26 посадских — 30 мальчиков. Таким образом, у этих семей вместе с женщинами и девочками могло быть около 500 чел. обоего пола [33]. Кроме того, мы должны учесть довольно большое число не охваченных переписью бездетных семей и семей, имеющих детей только женского пола. Переписью не учтены и всякого рода гулящие, дворовые и работные люди, ссыльные и иноземцы, которые несомненно проживали в городе. Поэтому надо полагать, что общая численность населения острога приближалась к тысяче человек.

В 1700 г. Якутский острог представлял собой довольно крупный населенный пункт. Внутри и вне острожных стен было 245 жилых дворов, в том числе 21 юрта. Из них посадским принадлежало 23 двора. Во всех дворах проживало 315 глав хозяйств или семейств, в том числе посадских 21 чел. Часть дворов пустовала из-за отлучки хозяев по делам службы [34]. Ввиду того, что в 1700 г. учитывалось только число жилых дворов и их владельцев, в перепись, кроме отлучившихся, не вошли женщины, дети обоего пола, разные родственники, дворовые, работные и гулящие люди. Поэтому общее число жителей города к концу XVII в. можно определить примерно в 1500 чел.

Что касается дальнейших изменений во внешнем облике города, то следует отметить большой пожар, случившийся в декабре 1701 г., во время которого дотла сгорели соборная церковь, колокольня, приказная изба, караульня, казенный амбар и городские стены с южной и восточной сторон. К ликвидации последствий пожара приступили весной 1702 г., но «чтоб служилым и приезжим людям городовое и башенное строение было не в тягость», решено было построить на месте сгоревших частей городской стены острог «стоячей» с воротами вместо прежних башен и рубленых стен.

Восстановление шло успешно, причем приступили к возведению первых каменных сооружений. Городская стена отныне представляла собой пестрое сооружение: стены, уцелевшие от пожара, были рублеными, а новые — заборами «в лапу»; кроме того, в двух местах (на восточной и южной сторонах) была возведена каменная стена длиной в 16 саженей, высотой в 2 сажени и тол-

[32] ДАИ, т. X, с. 316—317; Сибирские города. Материалы для истории XVII и XVIII столетий. М., 1886, с. 110; Якутия в XVII веке, с. 306.
[33] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 4, кн. 1596, л. 1—10.
[34] Там же, кн. 1782, л. 1—23.

щиной в 1 аршин. На восточной стороне внутри городских стен в 1706—1707 гг. было построено каменное здание приказной избы с кладовой палатой. В 1708 г. была возведена каменная соборная Троицкая церковь на южной стороне города. Вместо прежних 8 башен теперь стало 5: три по углам и две с северной и западной сторон, так как сгоревшие три башни восстановлены не были. Город по-прежнему был окружен острогом, который, однако, пришел в ветхость: одна угловая башня «раскрылась», а стены во многих местах «от ветхости расшатались» [35]. К этому времени старого острога, поставленного еще П. П. Головиным, уже не стало, стены его сгнили и были разобраны.

Судя по ведомостям «О состоянии города Якуцка» от 1737 г., городские стены сохраняли тот пестрый вид, который приняли после ремонта. Острожные стены, окружавшие город, «во многих местах от ветхости расшатались». Строения внутри города были те же, что и раньше: каменная воеводская канцелярия, каменная церковь, сараи и амбары под казенные припасы, артиллерию и архивы, пушечный сарай, пороховой каменный погреб. В 1730 г. в городе были построены новые «деревянные хоромы», где жили воеводы. Между городскими и острожными стенами имелись таможня, подвалы под казенное вино, 5 амбаров для железных и прочих припасов, 2 кузницы, тюрьма, свечницы, караульня. За острогом на посаде была 51 лавка разных чинов людей, 2 кузницы обывательские, пивоварня, 6 казенных винных и пивных кабаков, 2 соляных амбара; на берегу реки — казенная поварня и 3 казенных амбара; к северу от острога — «каштак», на котором «вино сиживали», 5 амбаров «для клажи экспедичного провианта»; к западу от острога — ветряная мельница. На посаде было две церкви: Рождества пресвятой богородицы в конце посада, за логом, и Николая Чудотворца, около монастыря [36]. Обе эти церкви в 1727 г. уже существовали и были построены, вероятно, в 1710—1720-х годах [37].

Следует отметить сравнительную многочисленность строений Спасского монастыря. Внутри монастырской ограды в 1737 г. стояли две церкви, каменная палата, 10 келий, 4 амбара. Вне ограды располагались избы вкладчиков и скотников, хотоны (хлевы), кожевенная мастерская, квасня и 2 бани [38].

В 1760 г. была сооружена Богородская деревянная и в 1773 г. Богородская же каменная церкви [39].

В 1786 г. Якутск проездом посетил Г. А. Сарычев — участник астрономо-географической экспедиции капитана И. Биллинг-

---

[35] Там же, Сиб. прик., ф. 214, стб. 1422, л. 588—589; Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 2. СПб., 1885, с. 71—73.
[36] ЦГАДА, ф. 199, порт. 7, д. 481, л. 205—209; порт. 1, д. 517, л. 53—54.
[37] *Кириллов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 1 и 2. М., 1831, с. 92.
[38] ЦГАДА, ф. 199, д. 481, порт. 7, л. 235—236.
[39] Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864, с. 117.

са. Он отметил, что «старая деревянная крепость с башнями существует еще и ныне, однако в некоторых местах уже обвалилась». Кроме каменной канцелярии и каменной Троицкой церкви он увидел еще 2 каменные церкви одну в монастыре, другую в городе, и 2 деревянные [40].

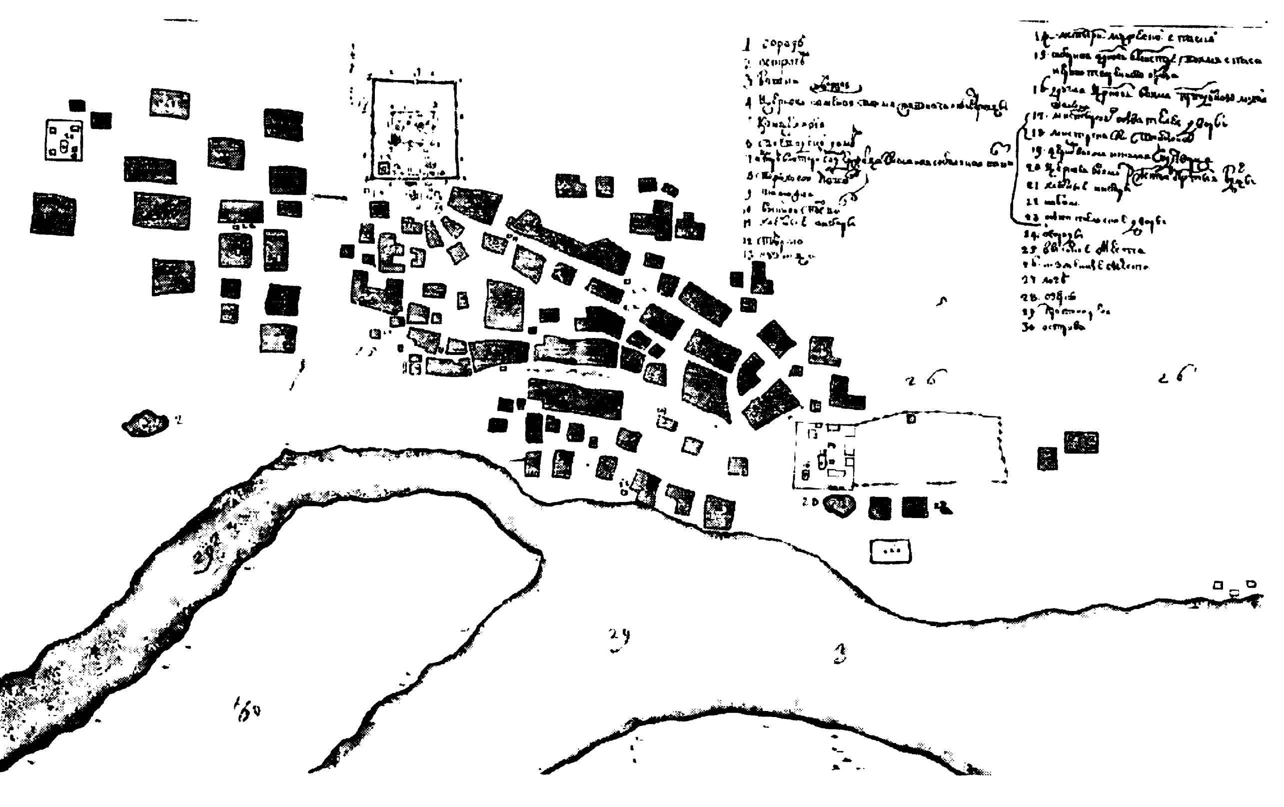
В описании «Якуцкой провинции» 1794 г. упоминаются, помимо прочих новых построек, провиантский магазин с 20 амбарами, гостиный двор со 100 лавками, 49 амбаров для «разных харчевых припасов». Питейных домов стало 9 [41]. В этом же году была построена деревянная церковь пророка Ильи

Постепенно росло и население. В 1719 г. в городе было 243 жилых двора, в том числе 19 посадских, 26 юрт (одна посадского человека). Это помимо строений и дворов вкладчиков и работных людей Спасского монастыря. Среди русских жителей насчитывалось 697 взрослых мужчин, 358 мальчиков моложе 16 лет (всего 1055 чел.). Они являлись в большинстве своем служилыми людьми разных рангов и званий, церковнослужителями или их родственниками. Имелось немного ссыльных; посадских было 37 взрослых мужчин и 27 мальчиков (всего 64 чел.). В городе жили и иноземцы, главным образом якуты: дворовых и вскормленников 18 взрослых мужчин и 41 мальчик, а также 15 свободных новокрещенных, проживавших самостоятельно или же на подворье у русских. Таким образом, всех постоянных жителей мужского пола насчитывалось 1129 чел. Значит, вместе с лицами женского пола в городе могло жить до 2 тыс. чел. Правда, служилое население было довольно подвижным. Так, в 1719 г временно в отлучке по делам службы числилось 158 служилых человека. Как правило, отъезжая в зимовья и остроги, они в городе оставляли жен и детей. Через год три они возвращались. Вместо них выезжали другие. В то же время в городе у разных жителей постоянно останавливались на подворье приезжие: купцы и промышленники, посадские и ремесленники, казаки и прочие лица, прибывавшие по самым разным делам. В 1705 г., например, в разных дворах было 100 приезжих постояльцев, в 1719 г.— 45 [43].

В 1737 г. в Якутске дворов насчитывалось 249, юрт 99. Из них посадским принадлежало 39 дворов и 10 юрт, новокрещенным якутам — соответственно 1 и 9. Остальные дворы и юрты принадлежали служилым людям и церковнослужителям [44]. Тем не менее число постоянных жителей увеличивалось медленно. В 1773 г., например, в городе всех жителей мужского пола русской национальности насчитывалось 1062 чел. В 1782 г. их было

---

[40] *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 39—40.
[41] ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., ф. Эрм. 238, 6-f, л. 33—36.
[42] Памятная книжка Якутской области за 1863 г., с. 117.
[43] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 807, л. 1—13; д. 2361, л. 1—87.
[44] Там же, ф. 199, порт. 7, д. 481, л. 208—209.

План г. Якутска 1806 г. (ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 39/36)

1502 чел., в том числе купцов 134, мещан 216, цеховых 151, дворовых 19, крестьян 19, лиц духовного звания 47, приказных чинов 27, воинских чинов 781, отставных 101, разночинцев 26. Таким образом, в начале 80-х годов XVIII в. всех жителей города, включая и женщин, было около 2,5 тыс. чел.[45]

Город рос и в дальнейшем очень слабо. В 1794 г. в нем было 332 жилых двора и 25 юрт. Из них посадским и цеховым принадлежало 92 двора. Остальные дворы заселялись офицерами, казаками, солдатами, приказными, церковнослужителями и разночинцами[46]. В июле 1820 г. Якутск посетил Ф. П. Врангель — начальник географической экспедиции 1820—1824 гг. Он отметил, что в последние 30 лет город «улучшился приметным образом; уже исчезли якутские юрты; в некоторых домах мерцает заря комнатной роскоши, как то: большие окна, высокие комнаты, створчатые двери и тому подобное».

Дома строились в старинном русском вкусе. Окошки, за неимением стекол, у многих были слюдяные или из пузыря. Зимой вставляли большие льдины, прикрепляемые снегом, облитым водой. Ко времени посещения Врангелем льдины эти и даже слюда были «заменены стеклами, по крайней мере у более зажиточных горожан». Но острог он нашел ветхим, а угловые башни угрожали падением. «Сколь ни ветх сей памятник,— писал Врангель,— однако ж жители взирают на него с благоговением и охотно рассказывают о богатырских подвигах своих предков»[47]. Н. Щукин, побывавший в Якутске в 1829, 1830 и 1840 гг., подметил хорошо застроенную Никольскую улицу (ныне Проспект Ленина), каменные церкви, множество хороших деревянных домов, богатый иконостас «под золотом» в Троицком соборе, позолоченный иконостас в летней монастырской церкви, богатство утвари, ризницы, великолепие паникадила и иконостаса в деревянной Преображенской церкви. От старого острога сохранились только три башни, часть стены и двое ворот[48].

В XIX в. в городе было построено несколько церквей: каменная Предтеченская[49] в 1842 г.— деревянная Иоанна Спасителя, в 1845 г.— каменная Преображенская, в 1855 г.— деревянная Александро-Невская в тюремном замке, в 1859 — архиерейская домовая деревянная[50]. Особо следует отметить окончание строительства в 1836 г. большого каменного гостиного двора с 76 лавками. Он представлял собой правильный квадрат размером

---

[45] ЦГАДА. ф. 607, оп. 2, д. 47, л. 89—90; *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Численность и состав городского населения Сибири в 40—80-х годах XVIII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма, вып. 3. Новосибирск, 1968, с. 172—173.

[46] ЛПБ, отд. рукоп., Эрм. собр., ф. Эрм. 238, 6-f, л. 36.

[47] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, с. 106—108.

[48] *Щукин Н.* Поездка в Якутск. СПб., 1844, с. 180—195.

[49] Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 119.

[50] Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 120—122.

в 71×71 м. С трех сторон были проезжие ворота. Над лавками находился второй ярус с большими окнами. Здание по всему периметру было обнесено навесом, опиравшимся на мощные деревянные колонны [51].

Что касается числа обывательских домов, то, по официальным данным о состоянии городов Восточной Сибири, их было в 1835 г. около 300, в 1854 г.— 1 каменный и 332 деревянных, в 1862 г.— 1 каменный и 345 деревянных. К 1862 г. в городе стало 10 церквей (6 каменных и 4 деревянных) [52]. Жителей в начале 20-х годов XIX в. насчитывалось 2626 чел., в том числе 1560 мужского и 1066 женского пола. Среди них мещан было 210 и разночинцев 181. Остальные принадлежали к духовенству, дворянам, чиновникам, казакам, полиции, купцам [53]. Почти столько же горожан было и в середине века. Так, в 1854 г. всех жителей было 2805 чел. (мужчин 1495 и женщин 1310) Наконец, согласно данным за 1862 г., которые кажутся намного преувеличенными, в Якутске жило 5649 чел. (3001 мужчина и 2648 женщин) [55]. Трудно поверить в правдоподобность такого резкого скачка за каких-нибудь 8 лет. Скорее, это результат погрешности официальных данных.

Итак, мы проследили 230-летнюю (1632—1862 гг.) историю г. Якутска и показали его постепенный рост как населенного пункта. В результате выяснили, что город по составу населения с самого начала и до второй половины XIX в. был преимущественно служило-чиновничьим. Посадское население появилось с 70-х годов XVII в. и оставалось незначительным в течение всего времени.

ОХОТСК

Охотск — ворота в Тихий океан до середины XIX в. Его история также уходит в далекое прошлое.

В 1646 г. из Якутска на Охотское море («на большое море — окиян») был отправлен отряд казачьего десятника Семена Шелковника из 40 чел. с повелением привести население в подданство и собирать ясак. Отряд с верховьев р. Ульи спустился до ее устья, в середине мая 1647 г. встретил оставленных там Василием Поярковым казаков и соединился с ними. После отдыха в зимовье отряд на кочах, оставленных Поярковым, морем поднялся на север и в конце мая прибыл к устью р. Охоты. Здесь

Памятная книжка Якутской области за 1863 г., с. 120; ЦГИАЛ. ф. 1264, оп. 1 (54), № 146, л. 219; ф. 1265, оп. 4, № 112, л. 61.

ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1 (54), № 146, л. 217—218; ф. 1265, оп. 4, № 112, л. 61.

53 *Миницкий.* Описание Якутской области.— ЖМВД, 1830, кн. VI, с. 155.

ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 4, № 112, л. 75.

Там же, оп. 12. № 10, л. 67; Памятная книжка Якутской области за 1863 год, табл. 1.

он выдержал ожесточенное сражение с тунгусами, которых было более тысячи, и в 3 верстах от устья поставил ясачное зимовье, послужившее началом Охотска. Зимовье сразу же стало пунктом, откуда казаки совершали походы вдоль побережья и по рекам. Казаки жаловались, что «иноземцы горазно налягают» и «в земле шатость великая есть». Потом они узнали, что тунгусы собираются напасть на зимовье, и, «слыша такие вести, круг зимовья поставили косой острог», т. е. окружили зимовье частоколом. Эта работа была завершена в 1649 г., когда Шелковника уже не было в живых [56].

Положение острога было тяжелым. На него непрестанно нападали тунгусы. Весной 1652 г. им даже удалось прогнать казаков, освободить аманатов и сжечь острог. Он был восстановлен только летом 1653 г. отрядом сына боярского Андрея Булыгина, одержавшего победу в сражении с тунгусами [57]. Однако острог стоял на неудобном месте. Его нередко затопляло при разливе реки. Поэтому в 1665 г. острог перенесли на новое место — ближе к морю, в семи верстах от устья реки. Отдаленный центр русской власти в обширном Охотском крае постепенно отстраивался. По описанию 1666 г., был «Охоцкой город рубленой, а рублен в косой угол в одну стенку без нагороден и без карасов о два боя, вышина две сажени без аршина. А мерою кругом рубленого города от избы, где приказные живут, до башни 17 сажен, а от башни до амбара 8 сажен. А башня в две сажени без двух четвертей, вышина башни полчетверти сажени печатных, о четырех боях. Да в городовой же стене великих государей онбар казенный о двух жирах и с нагороднею, в городовой же стене другая изба, живут казаки, в городовой же стене третья изба, живут приказные люди, с нагороднею. В городе две избы аманацкие, да караульня, да поварня. А кругом от ворот до ворот же мерою около города и около изб и онбара 43 сажени печатных. Да у городовых ворот замок висячей с пробоями и с ключем, да у аманацкой избы замок с пробоями и с ключем» [58].

Острог продолжительное время сохранял примерно такой же вид. В 1686 г. сын боярский Иван Крыжановский писал: в острожке «башня воротная о трех житьях, от башни воротные изба ясашная, по другую сторону изба для прибылого караулу с сеньми. Да в острожке в стене две избы с сеньми, где живут приказные люди. Да в острожке же изба караульная и с казенною аманатцкою новая, да с казенкою аманатцкою амбар холодной для летнего аманатцкого выпуску. Да в острожке и в стене башня наугольная о трех житьях. Да в острожке ж в стене анбар казен-

Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 12, стб. 1, л. 90—91.

Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958, с. 14—23.

[58] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 1, стб. 235, л. 52—53.

ной о двух житьях. Да за острожком анбар с рыбою и с юколою с аманатцким кормом» [59].

На новом месте острог стоял 23 года. Но поскольку строения его и здесь подмывались водой, казаки построили в 1688 г. новый острог в 3 верстах от устья, на изгибе р. Охоты, у самого моря. Острог был «рубленный, кругом 35 сажень печатных, а вышиною 5 сажень, с двумя башнями: одна вышиною 5 сажень, а другая 3 сажени» [60].

Ко времени приезда сюда В. Беринга (к октябрю 1726 г.) в остроге было 11 дворов со строениями. Русские жители, которых было около 30, имели «пропитание от рыбы и от коренья больше, нежели от хлеба». Судя по краткому описанию 1731 г., острог потерял военное значение, его оборонительные сооружения пришли в ветхость и не возобновлялись: «Охоцкой острог рубленой в заплот, ветхой. Во оном остроге в восточной стороне проезжая башня, ветхая, без верху. Подле той башни, в полуденной стороне, три избы черные, ветхие, где живут комиссары. В том же остроге амбар, двоежирной, где кладетца всякая казна» [61].

Беринг, возвратившись из Первой Камчатской экспедиции в Петербург, в апреле 1730 г. предложил правительству построить около этого острога морской порт. Предложение приняли, так как с открытием морского пути на Камчатку Охотск фактически портом стал уже до этого. Через год, 10 мая 1731 г., указом правительства Охотск был объявлен портовым городом. Одновременно были приняты меры к заселению его. На поселение стали присылать каторжников. В одном только 1731 г. их прислали 153 чел. Они превратились в мореходов и работных людей и составили ядро будущего коренного русского населения. Строительство порта (заготовку леса, постройку судовой верфи, морских судов и т. д.) поручили одному из опальных царедворцев, сосланному в Жиганск, бывшему директору Морской академии и обер-прокурору Сената Григорию Писареву-Скорнякову, в апреле 1731 г. назначенному главным командиром в Охотск. Беринг, с 1733 г. возглавлявший Вторую Камчатскую экспедицию, был обязан осуществлять главный надзор за строительством порта, помогая Писареву людьми и материалами.

Старый Охотск, где раньше жили только немногочисленные казаки, присылаемые из Якутска за сбором ясака и периодически сменявшиеся, оживился. Ежегодно сюда из Якутска и других мест прибывали казаки, плотники, кузнецы, кораблестроители, мореходы, принадлежавшие к разным слоям населения — служилым, переселенцам и ссыльным. Они включились в напряженную

---

[59] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 37, стб. 5, л. 53.

[60] *Вахтин В.* Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга. СПб., 1890, с. 23–24, 89; Охотск (по запискам Г. Савина 1846 г.). Записки гидрографического департамента Морского ведомства (СПб.), 1850, ч. IX, с. 1, 150.

[61] ЦГАДА, ф. 199, д. 481, порт. 7, л.

работу по строительству морских судов, жилых домов, казарм, в том числе и для Второй Камчатской экспедиции. В результате резко выросла численность населения Охотска. В 1735 г. здесь находилось около 200 казаков, 30 мастеровых, 3 кораблестроителя и 2 штурмана. К 1737 г. население достигло 300 чел. Среди них было 5 купцов, торговавших на Камчатке.

Строительство порта было закончено в 1741 г. Он располагался немного ниже острога, у самого устья р. Охоты, на узком, шириной в 80 саженей, участке суши между рекой и морем, и состоял из двух частей: города и экспедиционной слободы Беринга. В городе были: канцелярия, государев двор, 40 обывательских домов, 5 амбаров, 3 мастерских, 5 лавок, церкви; в слободе — 33 частных дома, 5 казарм, 6 магазинов и кузницы. Дома, по свидетельству современников, большей частью были хорошие и построены в одну линию. Около порта имелись судостроительные верфи с разными строениями [62].

Охотск превратился в важнейший населенный пункт на востоке — в первый и единственный порт России на Охотском побережье. Возник Тихоокеанский флот.

После Второй Камчатской экспедиции Охотск стал исходным пунктом организации многих научных, торговых и промышленных экспедиций. Сюда прибывали промышленники, мореходы, посадские и крестьяне. Они, рассчитывая на получение пая, нанимались на службу к купцам, которые с 1743 г. организовывали многочисленные купеческие и промышленные экспедиции на заморские острова, богатые промыслами. Промысловые и торговые суда, построенные на охотских верфях, в погоне за драгоценными бобрами бороздили воды Тихого океана. Только на Алеутских островах с 1741 по 1791 г. было добыто одной пушнины на 6 310 756 руб. В водах архипелага за это время побывало более 70 купеческих судов [63]. Это купеческое мореплавание имело огромное значение в открытии и освоении Аляски, Алеутских, Командорских, Курильских, Шантарских и других островов.

Население Охотска росло. В 1775 г. только одних служилых людей насчитывалось 598 чел., не считая их семей, а именно: капитан-лейтенантов 1, лейтенантов 1, лекарей 1, штурманов 5, подштурманов 4, канцеляристов 9, подканцеляристов 4, копиистов 5, писчиков 2, учеников навигацкой школы 20, боцманов

---

[62] *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край, с. 49—54; *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902, с. 54; *Полонский А.* Охотск.— Отечественные записки, 1860, т. XX, отд. VIII, с. 135—138; Опись Удского берега и Шантарских островов поручика Козьмина.— Записки гидрографического департамента Морского ведомства (СПб.), 1898. ч. 4, с. 6; Охотск (по запискам Г. Савина 1848 г.), с. 152—155; *Левенталь Л. Г.* Подати, повинности и земля у якутов.— В кн.: Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929, с. 304—305; *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 37- 55.

[63] *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 94.

2, унтер-офицеров 11, матросов 8, казаков (вместо матросов) 67, мастеровых 27, ссыльных для работ 38, военной команды — офицеров 9, сержантов и подпрапорщиков 16, унтер-офицеров 21, артиллеристов 2, солдат 100, нестроевых 17, «школьников» 20; казаков — сотников 2, пятидесятников 7, рядовых 199 [64]

Благоустраивался и разрастался и сам Охотск. Строилось много жилых зданий, казарм, магазинов и других объектов. В окрестностях города выросли новые корабельные верфи. На верфях Урака и по Кухтую строились купеческие суда. Вот облик Охотска к 70-м годам XVIII в. В центре портового города находилась крепость, обнесенная палисадником с 4 сторожевыми будками и воротами. Внутри нее располагались казенные здания порта, посередине — церковь и колокольня, рядом с ними — командирский дом, недалеко от него канцелярия порта, вблизи западной будки — гостиный двор с 32 лавками. В разных местах находились несколько жилых зданий, портовая контора, госпиталь, провиантские магазины, пороховой погреб, соляной амбар, артиллерийский сарай с пушками, гауптвахта, питейный подвал и несколько подсобных зданий. Вне крепости были расположены жилые дома, бани, сараи, амбары, разные казенные заведения; к востоку от нее — верфи в окружении более 30 домов судостроителей и мореходов, адмиралтейская караулка, кузницы и казармы военной команды; к западу проходили две центральные широкие улицы, застроенные более чем 60 частными домами купцов, поселенцев и ссыльных, казенными домами с различными пристройками, сараями и амбарами.

Много разных строений было и на острове Булгин и на верфях по Кухтую. Имелись поселки при солеваренном заводе и на Уракских верфях, а также при Кирпичном заводе выше по р. Кухтуй [65].

Внешний вид Охотска без больших изменений сохранялся в течение ряда десятилетий. В 1800—1810-х годах в нем было 13 казенных и 123 частных дома. В 18 верстах к югу на берегу моря находился солеваренный завод с тремя варницами, казармами для рабочих, магазинами, угольными сараями и кузницей. В 4 верстах к северу на острове Булгина располагались морской лазарет, городская больница, баня, кузница, погреб и амбары, винный подвал. Недалеко от них была часовня. В 14 верстах выше по р. Кухтуй находился кирпичный завод с казармами рабочих, сараями. В 17 верстах вверх по р. Охоте жили рабочие «для зженья уголья, потребного для порта». В 1805 г. в Охотске проживало 1319 чел., в том числе чиновников различного ранга и чинов духовенства — 105, купцов и мещан — 24, солдат и казаков,

---

[64] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 11, с. 53.

[65] *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 83—84.

включая отставных,— 828, ссыльных — 230, «проживавших по паспортам» — 14, временно находившихся иногородних — 118 [66].

Однако город находился на неудобном месте. Разлив р. Охоты и морской прибой размывали берега, и порт ежегодно лишался нескольких домов. Кроме того, рейд был открыт, вход в реку имел множество отмелей, фарватер Охоты и Кухтуя менялся почти каждый год. Поэтому еще в 40–90-х годах XVIII в. не раз ставился вопрос о переносе порта на другое место. Предлагались разные проекты. Впервые этот вопрос поднял в 1742—1743 гг. тогдашний начальник Охотска А. Девиер, предлагавший перенести порт в Мальчикан, в 30 верстах вверх по Охоте (Мальчикан — приток Охоты). В конце 60-х годов капитан В. И. Шмалев совершил поездку из Якутска по якутским улусам и тунгусским стойбищам и всюду допрашивал, «не имеют ли оные сведения о других дорогах, по которым из Охоцка на Алдан проезд иметь можно». Затем в 1772—1774 гг. он во главе с небольшим отрядом провел большую работу по отысканию пути к р. Улье, куда намечали, «естли оная к обходу судами окажется способна», перевести Охотский порт [67]. В 1787 г. правительство поручило капитан-командору И. К. Фомину осмотреть устье р. Уды и, если место это окажется удобным для устройства порта, провести туда от Якутска новый тракт. Но Фомин, обследовав Удский край, в 1794 г. представил предложение о проведении нового тракта не к устью Уды, оказавшемуся, по его мнению, неудобным для стоянки судов, а несколько севернее, к устью р. Алдомы, также впадающей в Охотское море. По его проекту тракт следовало провести от Якутска до устья р. Маи по суше, далее путь должен был идти вверх по этой реке до урочища Нелькан, а оттуда по суше до устья Алдомы, куда и следовало перенести Охотский порт. Проект этот был принят правительством. Начали было даже работу по прокладке тракта. Но потом ее прекратили [68]. Прекратили, несмотря на то, что процесс постепенного разрушения порта продолжался. Г. А. Сарычев, посетивший его в 1786 г., писал, что р. Охота во время разливов ежегодно сносит несколько домов, «от чего в короткое время город лишился трех улиц» [69]

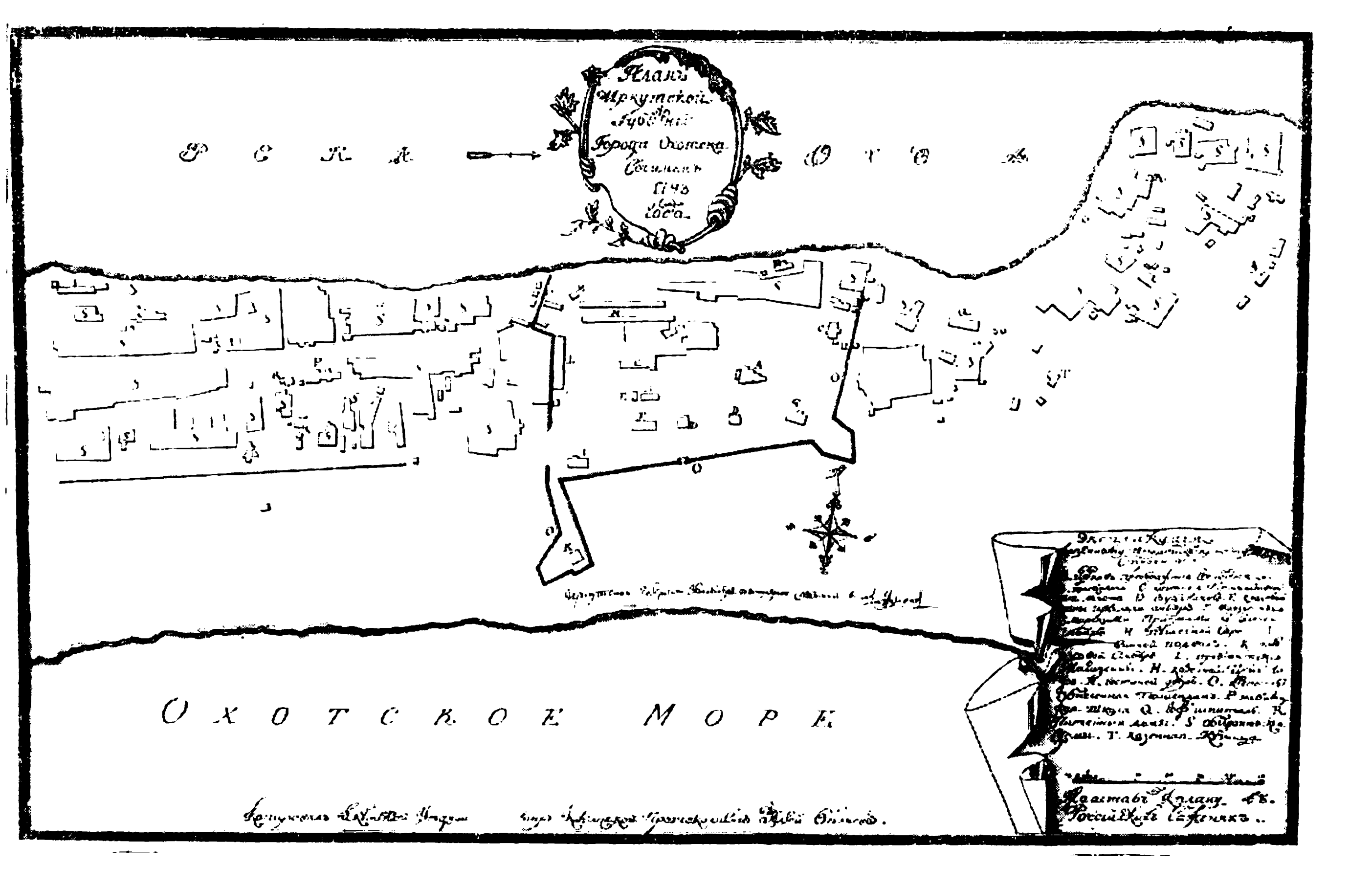
Вопрос о переносе Охотского порта был снова поднят в начале XIX в. Командир порта капитан И. Бухарин, отдав предпочтение проекту Шмалева о переносе порта в устье р. Ульи, начиная с 1805 г. безуспешно занимался обследованием этого района.

ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1059, оп. 2, д. 14, л. 22, 62—66; д. 39, л. 11, 14; *Миницкий.* Некоторые известия об Охотском порте и уезде оного.— Записки, издаваемые гос. адмиралтейским департаментом, 1815, ч. III, с. 87—89; *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1. СПб., 1856, с. 115; *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края, с. 55—56.

[67] ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 1, д. 9, л. 1—2.

[68] *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958, с. 14—15.

[69] *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, с. 51.

План г. Охотска 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 346, л. 1)

Однако Г. Миницкий, один из его преемников, решительно отверг не только эти его замыслы, но и проекты всех своих предшественников. По его мнению, порт не следовало переводить куда-то на юг, а нужно было только чуть его передвинуть на отлогий мыс между морем и дугообразным устьем р. Кухтуй, находившийся в 5 верстах от старого места, т. е. на противоположную совместному устью Охоты и Кухтуя «кошку», менее подверженную затоплению. Это предложение казалось легко осуществимым и в марте 1815 г. было утверждено. Работы по переносу города начались в том же году, и он отныне нашел свое постоянное место [70].

Перенос порта на новое место совпал с началом постепенной утраты им своего прежнего значения. Ввиду огромных трудностей доставки грузов в Охотск через Якутск правительство совместно с правлением Российско-Американской компании начиная с 1803 г. предприняло опыт переброски товаров на восток вокруг мыса Доброй Надежды (Африка). Затем, находя такой путь более выгодным, в 1812 г. оно решило, «когда восстановится по обстоятельствам безопасность мореплавания, отправлять из Кронштадта через каждые два года в Камчатку означенным путем транспортное судно со всеми нужными припасами, посылая при этом туда всякий раз и военный малый фрегат» [71]. Так возникли кругосветные плавания, постепенно принявшие систематический характер. Суда плавали до Петропавловска-на-Камчатке, чаще всего до Ново-Архангельска в Северной Америке, и в Охотск не заходили. Хотя эти рейсы не могли удовлетворить все потребности Аляски, Камчатки, Курил и основная тяжесть снабжения Камчатки и Охотского побережья по-прежнему лежала на обязанности Охотска, значение этого порта постепенно падало. Естественным следствием этого явилось резкое сокращение судостроения на охотских верфях (новые суда закладывались лишь по мере выхода из строя старых). Отсюда и прекращение роста города и его населения. В 1833 г., например, в Охотске было 13 казенных и общественных домов, 97 частных, церковь, больница, училище, 4 магазина, гостиный двор, питейный дом, 2 верфи, мастерские. Жителей было всего около 1 100 чел., в том числе духовного ведомства — 25, военного — 148, морского — 726, мещан и купцов — 36, крестьян — 16, ссыльных — 130 [72].

Новое расположение порта еще более ухудшило его дальнейшую судьбу. Он и на этот раз стоял в не защищенном от ветров

---

[70] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник, 1869, т. CV, № 11, с. 85—87; № 12, с. 15—16; *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край, с. 41; *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 113—114.

[71] *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край, с. 59—60.

ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1073, оп. 1, д. 37, л. 9, 80—81; *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883, с. 462.

месте, где не было ни заливов, ни бухт и негде было укрываться судам от непогоды. Устья рек Охоты и Кухтуя затрудняли заход в них больших судов, так как фарватер их, часто менявший направление, был сильно засорен. Отлогие берега моря и рек смывались водой. Поэтому некоторые строения порта, в 1827 г. находившиеся от берега в 40 саженях, в 1844 г. оказались уже в 4 саженях от моря. К этому времени в Охотске было домов, принадлежавших церкви,— 7, казенных — 10, общественных — 2, обывательских — 78, больница, 5 магазинов, питейный дом, гостиный двор и 2 училища. Жителей обоего пола было 876, в том числе лиц духовного звания — 20, военного ведомства 466, гражданских чиновников — 38, канцелярских служителей — 13, служащих Российско-Американской компании 27, казаков 73, мещан и купцов — 75. За пресной водой им приходилось ездить вверх по Охоте к месту старого порта, так как во время приливов речная вода около нового порта сильно засолялась. Вдобавок сильные морские ветры заносили постройки снегом [73].

Поэтому поиски более удобной гавани, куда бы можно было перебазировать порт, продолжались. И довольно упорно. Но все без успеха, пока в дело не вмешалась Российско-Американская компания. Сотрудники последней организовали энергичные поиски, в результате которых удобная гавань наконец-то была найдена, но далеко к юго-западу от Охотска, примерно в 300 верстах. То была Аянская бухта. Российско-Американская компания начала там строить новый порт незамедлительно — уже в 1843 г. Дело это развернулось так быстро, что Охотская фактория компании со всем обслуживающим персоналом и товарами в Аян перебралась летом 1845 г. Туда же стали приходить и суда компании. А в сентябре 1846 г. вышел указ императора, согласно которому новому порту присваивалось наименование «Аянский порт Российско-Американской компании» [74].

Начальник Охотского порта капитан-лейтенант Трапковский захотел перевести в Аян и всю охотскую флотилию и сделал представление генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву об упразднении Охотского порта. Однако тот решил лично удостовериться в целесообразности этого и летом 1849 г., осмотрев весь Охотско-Камчатский край, соображения об упразднении Охотского порта нашел основательными. Однако, по его мнению, порт следовало перевести не в Аян, а в Петропавловск-на-Камчатке. В сентябре 1849 г. он докладывал из Якутска Меньшикову: «Переписка о негодности и необходимости уничтожения Охотского порта продолжается с 1736 г. В 113 лет она принимала разные виды и формы... В 1845 г. восемь флотских штаб-офицеров единогласно отозвались о негодности Охотского порта во всех

[73] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 289, л. 1—5; 19—22; *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири, с. 114.

[74] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961, с. 83—84.

отношениях. Журнал, составленный в 1849 г. о свирепствующей там болезни — цинге, положительно доказывает, что болезнь эта никогда там не прекращалась. Мне остается только присовокупить... что если правительство дорожит людьми и денежными средствами, там употребляемыми, то должно это дело кончить в первую же навигацию и сосредоточить все наши морские силы и средства Охотского моря в Авачинской губе, которая при малейшей перемене отношений наших с морскими державами может быть безвозвратно у нас отнята одним шлюпом или шкуною, а в одном нашем Охотском море было в нынешнем году по крайней мере 250 китобойных судов. Я во время плавания встречал их беспрестанно во всех пунктах».

Это представление правительству показалось вполне убедительным, и делу был дан полный ход. В результате 2 декабря 1849 г. был издан именной указ, одним из пунктов которого «Охотский порт, по неудобности оного», был окончательно упразднен, и в течение 1850—1852 гг. вся охотская флотилия, все оборудование и имущество порта перебазированы в Петропавловск-на-Камчатке. Охотск, сыграв важную историческую роль, отныне перестал быть официальным портом. Он потерял значение единственного транзитного пункта для казенных товаров и товаров компании, которые стали провозиться через Аян. Отныне через Охотск шли лишь немногие грузы частных купцов и фирм, главным образом чай. Он был заброшен, на него перестали обращать внимание. Новое строительство не велось. Брошенные здания постепенно разваливались и растаскивались. Одновременно катастрофически убывало население. В 1855 г. в Охотске оставалось только 32 дома и 207 жителей [75].

ПЕТРОПАВЛОВСК

До 1740 г. главная резиденция камчатских приказчиков и командиров часто менялась в зависимости от их желаний. Одни избирали Большерецк, другие — Верхнекамчатск, третьи — Нижнекамчатск. Только с 1740 г. устанавливается постоянный центр в Большерецке. Все эти населенные пункты назывались то крепостями, то острогами, то городами. Только в 1783 г. появляется первый город в официальном смысле слова — Нижнекамчатск, объявленный правительственным указом центром Камчатского уезда. Но в 1803 г. вместо него центром был объявлен Верхнекамчатский острог, названный городом вместо упраздненного Нижнекамчатска. Наконец, в 1812 г. происходит последнее изменение:

[75] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год.— Морской сборник, 1869, т. CV, № 12, с. 42, 53—55; *Марков А. П.* Русские на Восточном океане.— Москвитянин, 1849, № 8, кн. 2, с. 216—218; *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край, с. 44; *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, т. 132—135, 145.

центром Камчатки вместо Верхнекамчатска объявляется Петропавловск, названный городом.

Петропавловск был основан еще в 1740 г., во время работ Второй Камчатской экспедиции. В. Беринг и А. Чириков на пакетботах «Св. Петр» и «Св. Павел» 27 сентября этого года прибыли из Охотска в Авачинскую губу, называвшуюся камчадалами Суачу, и бросили якорь в небольшой, но удобной для стоянки судов бухте. Посланный сюда ранее штурман Елагин к их прибытию уже построил необходимые помещения. Здесь Беринг и Чириков зазимовали и основали порт, названный ими в честь своих судов Петропавловском [76]. Порт стоял на берегу спокойной и безопасной для пристанища кораблей гавани, названной также Петропавловской, представляющей собой часть Авачинской губы.

После Камчатской экспедиции Петропавловская гавань опустела. Первое время там жили только сержант и 10 солдат для присмотра за экспедиционными материалами. Затем строения времен Беринга сгорели или разрушились. В 80-х годах здесь стояло несколько изб, в которых жили казаки и солдаты небольшого гарнизона. Была батарея из трех пушек.

В 1789 г. гавань посетил Г. А. Сарычев, оставивший ее описание: «Ввечеру положили якорь близ Петропавловской гавани, которая величиною в окружности одна верста и 300 саженей, закрыта с западной стороны гористым узким полуостровом, а с южной — выдающеюся от берегу, низменною, из мелкого камня состоящею, узкою косою, называемою кошка. Вход в гавань между оконечностью кошки и гористым полуостровом; ширина его до 40 сажен, глубиною 7 и 8, а по самой середине гавани 8 и 9; на дне ил. Строения в двух местах; обывательских деревянных домов 12, из коих 8 построены на вышеупомянутой кошке и между ими несколько балаганов, а остальные в северной части гавани; там же есть и казенное строение: деревянный дом и в прежнюю экспедицию построенные командором Берингом магазейны, которые еще довольно крепки». Жителей было тогда только 34 чел., в том числе 23 казака и 11 камчадалов и армейских прапорщиков [77].

В конце 1789 г. до Петербурга дошли сведения, что вступивший на шведскую службу капитаном англичанин Кокс получил разрешение от шведского правительства на построенном им 14-пушечном судне «Меркурий» заниматься промыслом на территории русских колоний в Тихом океане. В связи с этим в январе 1790 г. вышел указ Екатерины II о предотвращении «покушения на наши владения» и приведении в обороноспособное положение Петропавловской гавани и Охотского порта. Поэтому в

[76] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы. СПб., 1869, ч. I, с. 76; *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края, с. 187.

[77] *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, с. 118.

1796 г. оборона гавани была укреплена шестью батареями, а в 1797 г. удалось построить дом для начальника [78]. В 1810-х годах о Петропавловске писали, что в нем «строения весьма мало: один казенный дом, несколько хижин и балаганов; церкви нет, отправляют службу божию в оставшейся от Биллингсовой экспедиции походной церкви». Жители — военнослужащие и несколько отставных. При входе в гавань имеется несколько батарей [79].

После 1812 г., когда Петропавловск был объявлен городом (часто он назывался крепостью) и центром Камчатской области, туда перевели часть жителей Нижнекамчатска и Верхнекамчатска, построили церковь и «многие хорошие дома», а гавань была «снабжена батареями и казенными зданиями, придающими оной весьма красивый вид» [80]. Тем не менее в начале 20-х годов очевидцы писали, что «Петропавловская гавань по сие время не сравнилась с Гижигинской крепостью ни торговлей, ни числом домов, ни многолюдством». В 1836 г. в городе было 15 казенных домов, 60 частных и 7 магазинов. Функционировали духовное училище и ремесленная школа. В училище в 1829 г. обучались 22 мальчика, в школе — 10. В 1829 г. о городе писали, что в нем «книжных лавок и типографий нет. В Петропавловской гавани находится порядочная библиотека из книг, принадлежащих морскому и духовному ведомствам. Сверх сего ежегодно выписываются почти все русские журналы на счет суммы, составляющейся из добровольного пожертвования на сей предмет» [81].

Но к середине XIX в. Петропавловск стал все же значительным населенным пунктом. А. И. Марков писал: «Мы прошли песчаный мыс. Первым встретившимся нам предметом была батарея, сделанная из земли, вроде вала с окнами, из коих выглядывали четыре медные пушки... По правую сторону гавани расположено было 80 домов, возвышалась одна церковь, стоял бот для разных посылок и весь берег был усеян собаками, кои служат жителям Камчатки вместо лошадей — вот Петропавловская крепость» [82]. В городе в 1848 г. было 99 домов, в том числе казенных 23, церковных 7, частных 69. Имелись также три магазина, бани, амбары и кладовые. Жителей насчитывалось около 600 чел., в том числе духовного звания 33, чиновников морского и гражданского ведомств 45, воинских чинов 446, мещан и купцов 54 [83]

С конца 40-х годов значение Петропавловска на некоторое время усиливается. С декабря 1849 г. этот город становится

[78] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке... ч. IV, с. 39—40.

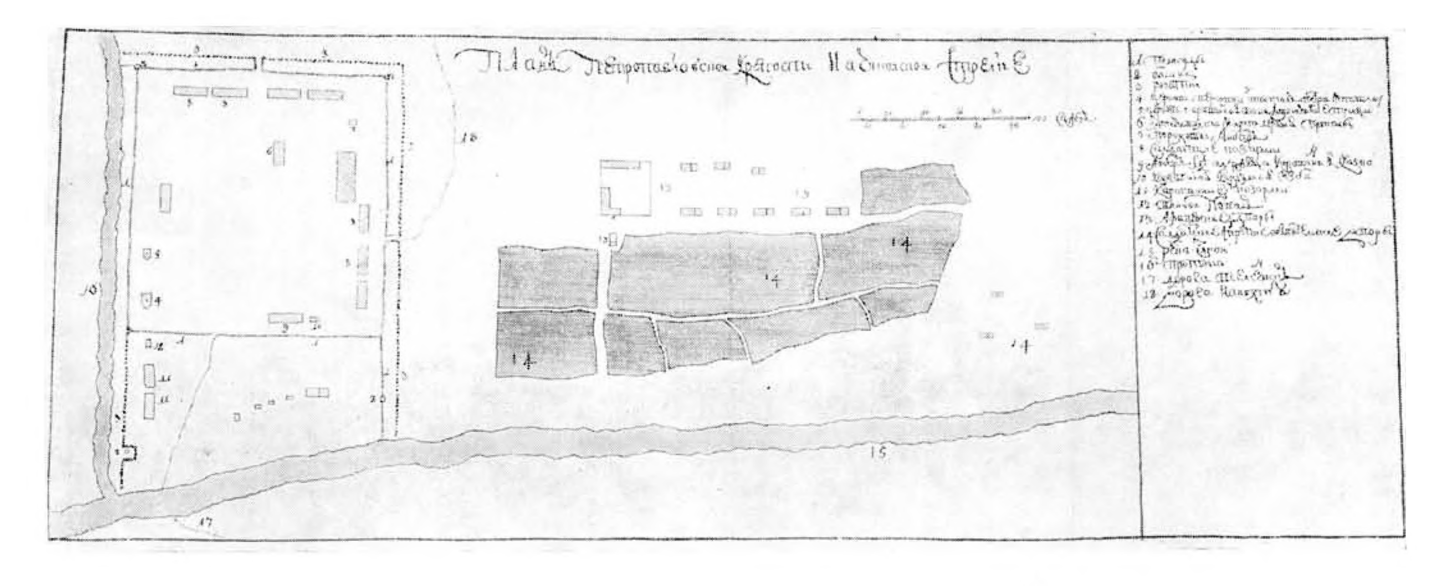
[79] О переменах, происшедших на Камчатке со времени описания оной Крашенинниковым.— Сибирский вестник, 1824, ч. IV. СПб., 1825, с. 334—335.

[80] Там же, с. 334.

[81] *Шаховский А.* Известия о Гижигинской крепости.— Северный архив (СПб.), 1822, № 22, с. 283.

[82] *Марков А. И.* Русские на Восточном океане, с. 221.

[83] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 57, 65—67.

План Петропавловской крепости XVIII в. (ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 39/27)

столицей самостоятельной Камчатской области во главе с военным губернатором, подчиненным непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири. В связи с этим в 1850—1852 гг. туда было перевезено все портовое имущество из ликвидированного Охотского порта. Город становится более оживленным, увеличивается число жителей, появляются новые постройки. В 1850 г. в нем жило около 900 чел. обоего пола, хотя среди них не было ни одного камчадала [84]. Ввиду надвинувшейся военной опасности со стороны Англии и Франции в Петропавловск прибыли новые подкрепления. В связи с этим в 1852 г. число жителей увеличилось до 1593 (1177 мужчин и 416 женщин). Сам город, по описанию горного инженера К. Дитмара, находившегося на Камчатке в 1851—1854 гг., выглядел следующим образом: «Между бухтой и озером (Култушным.— *Ф. С.*) расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казенные дома, стоящие очень просторно; число этих домов... простиралось до 40... К этой лучше выстроенной казенной части города непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль всего восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов... Домов здесь всего 116... В самом конце бухты, непосредственно к берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов, пекарня и несколько небольших мастерских» [85].

В августе 1854 г. жители Петропавловска героически отразили натиск сильной англо-французской эскадры. Летом 1855 г. ожидалось повторное вторжение неприятеля с гораздо большими силами. Поэтому в целях обороны всего Дальнего Востока военные силы сосредоточивались у устья Амура, в новом Николаевском порту. Туда же по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева в апреле 1855 г. отправилась петропавловская эскадра. Вместе с ней в Николаевск выехали все военные и часть гражданских учреждений. Петропавловск полуопустел. Образование в 1856 г. Приморской области и превращение Камчатки из самостоятельной области в рядовой Петропавловский округ Приморской области обусловили дальнейшее хирение города. В конце XIX в. город напоминал простое русское село. Он, «очень живописный с моря, на самом деле есть не что иное, как село с одной продольной улицей, по обеим сторонам которой понастроены крытые тесом избушки, разбросанные по склону горы»,— писал А. Прозоров [86]. В 1897 г. в городе оставалось всего лишь 85 «небольших домиков» [87].

---

[84] *Войт В.* Камчатка и ее обитатели. СПб., 1855, с. 25; *Collins P.* Siberian journey down the Amur to the Pacific. 1856—1857. The University of Wisconsin Press. Madison, 1962, p. 341—342.

Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901, с. 131—133.

[86] *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края, 187.

[87] *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели. Хабаровск, 1899, с. 119.

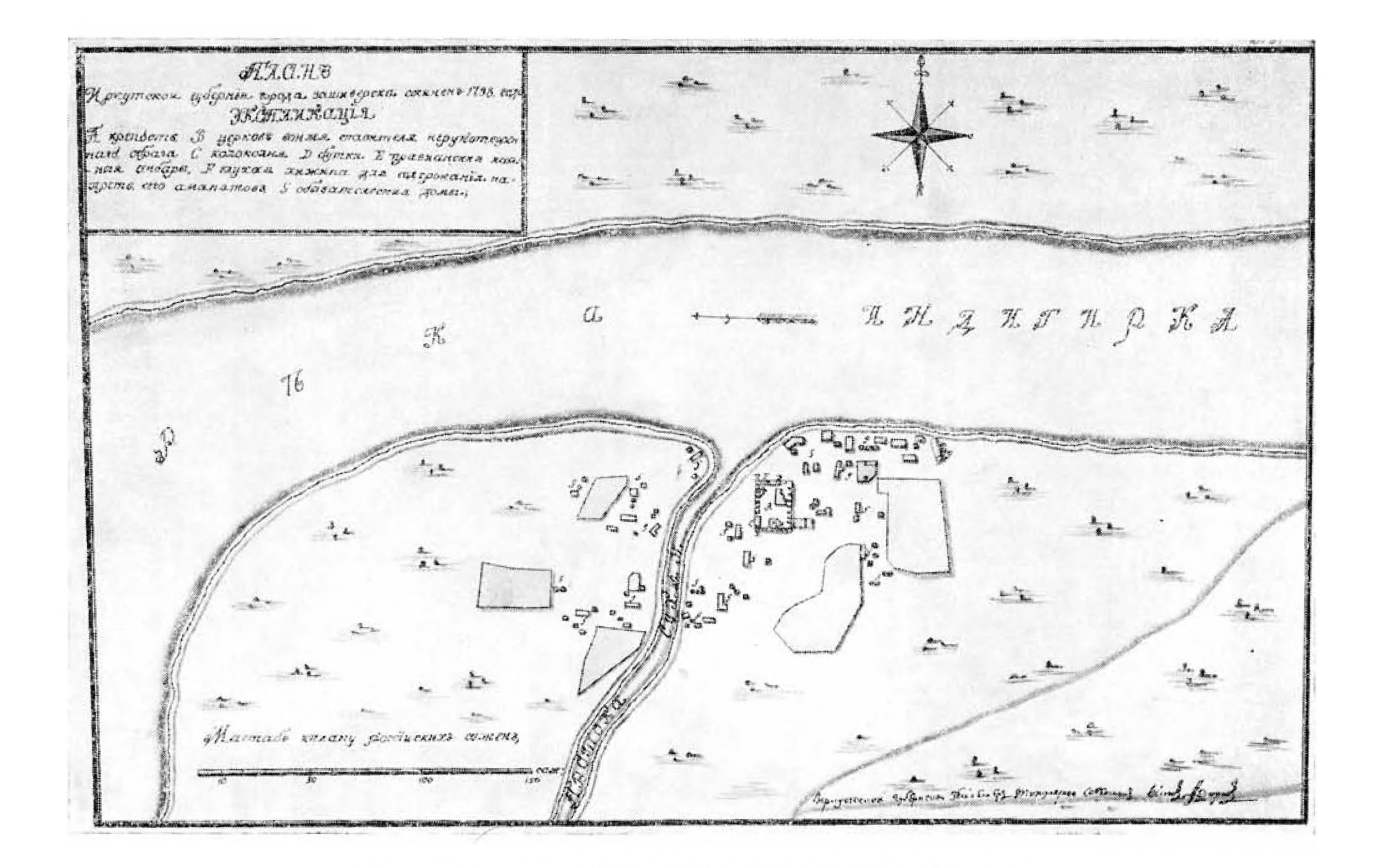
ПРОЧИЕ ГОРОДА

В 1783 г. Якутская провинция Иркутской губернии была преобразована в область этой же губернии. В связи с этим бывшие комиссарства переименовали в уезды. Их было пять: Якутский, Олекминский, Оленский (Вилюйский), Жиганский и Зашиверский. Одновременно на четыре уезда разделили и Охотскую область — на Охотский, Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский. Во главе уездов стояли земские исправники. Центры уездов были механически названы городами. «Селения в оных уездах, кои к тому способнее окажутся, переименовать городами»,— писалось в именном указе «О составлении Иркутской губернии из четырех областей» [88]. Так возникли города Олекминск, Оленск (Вилюйск), Жиганск, Зашиверск, Гижигинск, Акланск и Нижнекамчатск. В 1803 и 1805 гг. в Якутии появились два новых уезда — Среднеколымский и Верхоянский, а следовательно, и два новых города — Среднеколымск и Верхоянск. Центром Камчатки был сделан Верхнекамчатск, объявленный также городом, вместо упраздненного Нижнекамчатска. В 1805 г. Жиганский и Зашиверский уезды были упразднены, вследствие чего Жиганск и Зашиверск перестали считаться городами. В 1812 г. центром Камчатки стал Петропавловск.

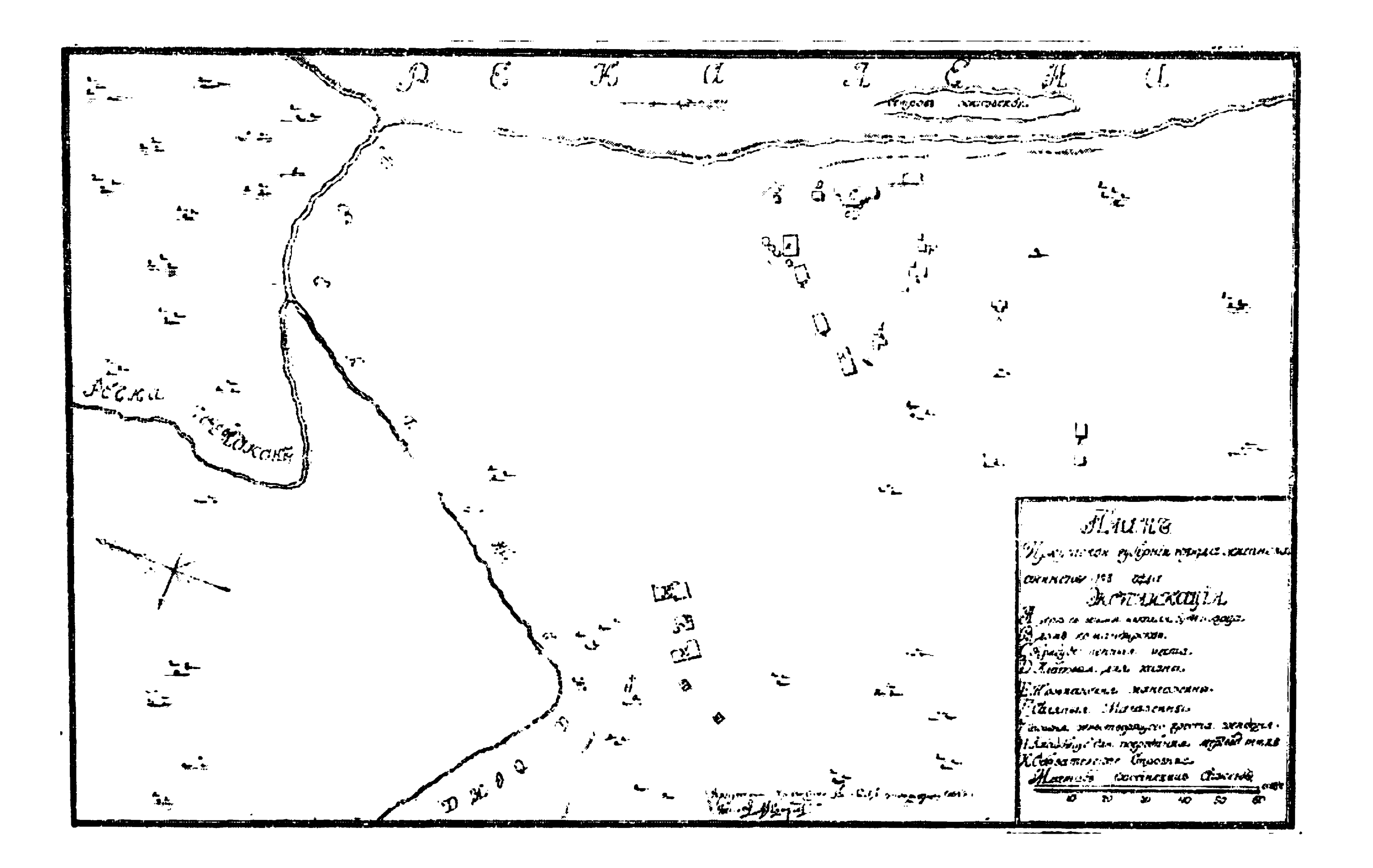
Таким образом, к 1812 г., кроме Якутска, Охотска и Петропавловска, на северо-востоке Азии окончательно определились пять населенных пунктов, названных городами: Олекминск, Оленск (Вилюйск), Верхоянск, Среднеколымск в Якутской области и Гижигинск в Охотско-Камчатском крае. После 1822 г. в связи с административными реформами М. Сперанского они стали окружными центрами и в таком значении сохранились до Великой Октябрьской социалистической революции, кроме Гижигинска, утратившего значение города в середине XIX в. Все эти города в действительности были только мелкими населенными пунктами. В «Табели о разделении Сибири» от 1822 г. о них писалось, что они «не составляют городов даже и малолюдных, но причисляются к оным по местопребыванию окружных управлений» [89].

Олекминск. В 1633 г. на Лене близ устья р. Олекмы енисейским сыном боярским Иваном Козьминым было поставлено ясачное зимовье. В 1635 г. П. Бекетов вместо простого зимовья поставил здесь укрепленный пункт — Олекминский острожек. Спустя некоторое время его перенесли на левый берег Лены, примерно на 15 верст выше устья Олекмы [90]. В 1660 г. внутри острожной стены были две избы «с нагороднями» да амбар «с перерубом

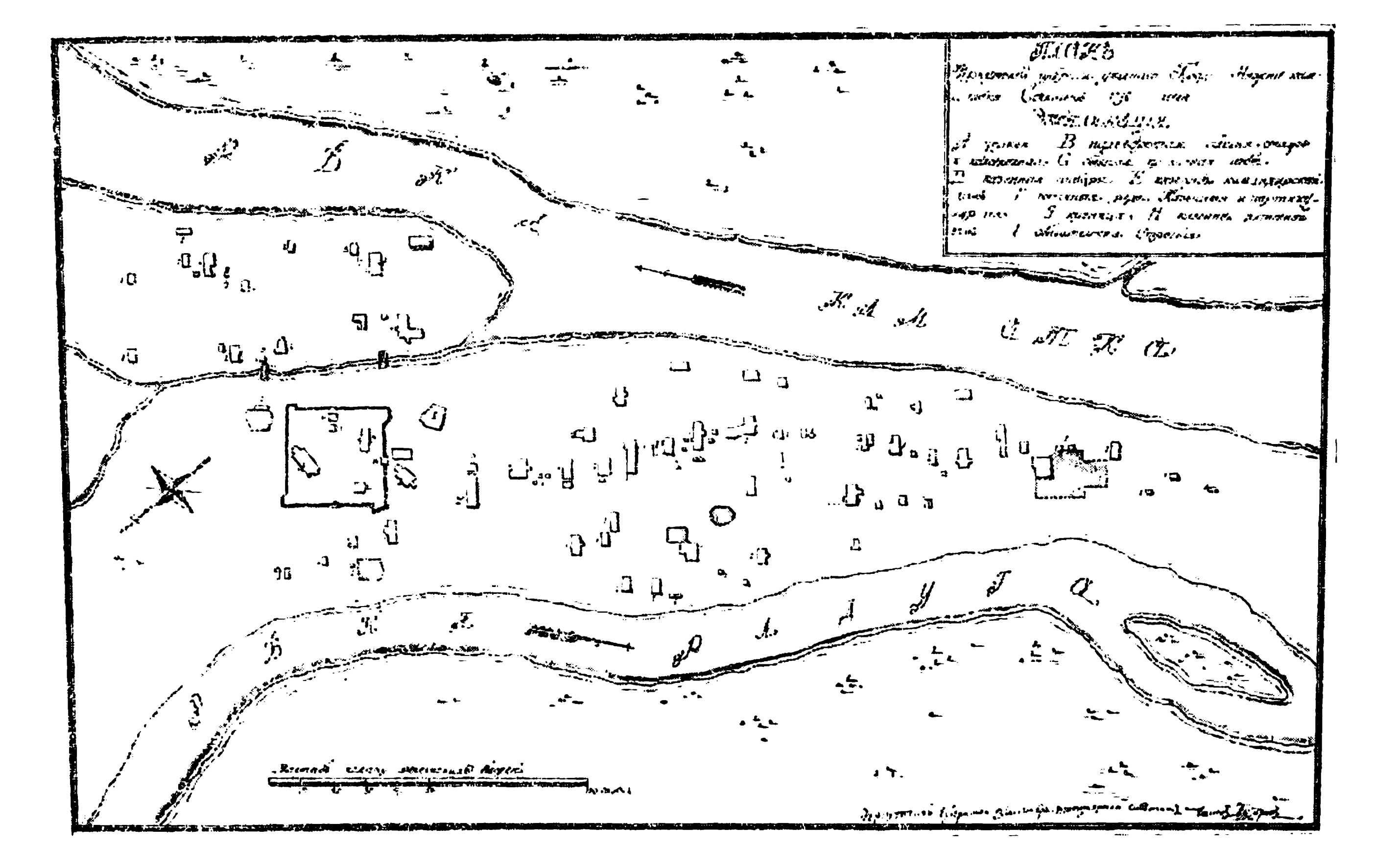
[88] ПСЗ. т. XXI, с. 873.
[89] ПСЗ. т. XXXVIII, с. 393.
[90] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 480.

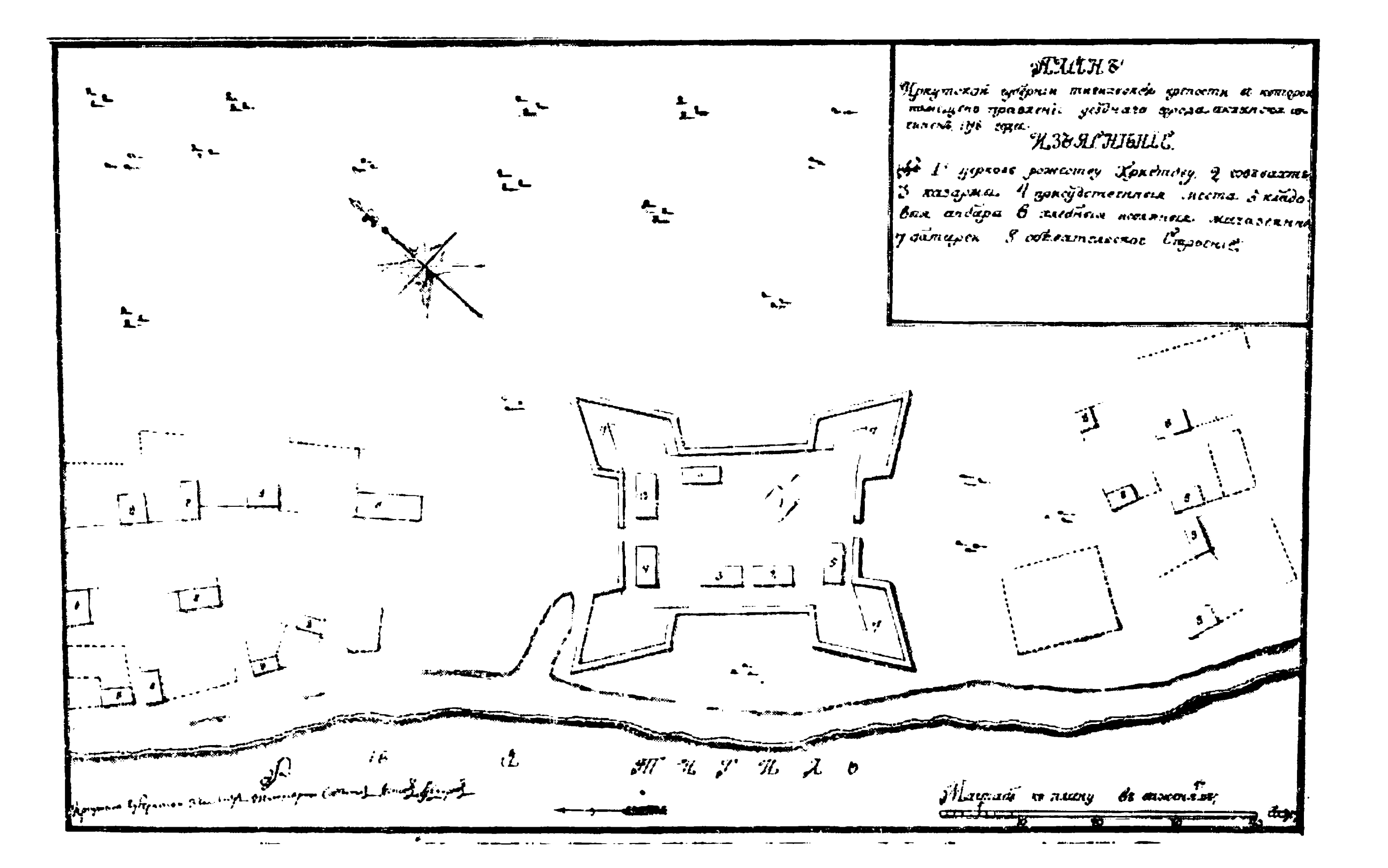
План г. Зашиверска 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, д. 346, л. 14)

План г. Жиганска 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 346, л. 13)

План г. Нижнекамчатска 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 346, л. 17)

План Тигильской крепости 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 346, л. 16)

бом и с нагороднею», а за острожком — амбар с казенными хлебными запасами [91]. В 1675 г. в острожке жило 7 казаков — сборщиков ясака и 2 тунгусских аманата [92]. В 1684 г. в острожной стене была «изба ясачная с нагороднею, да против избы в острожке же сенника, да против сенинек в острожной стене два амбаришка ветхие, да против ясачной избы на вольной стороне амбар казенный о дву жильях» [93].

Через Олекминский острожек по рекам Олекме и Тугиру начиная с 50-х годов XVII в. бежали в Даурию служилые люди, пашенные крестьяне и промышленники. Чтобы воспрепятствовать этому в районе острожка в 1656 г. установили заставу. Сибирский приказ предписывал илимским и якутским воеводам ежегодно посылать на заставу по 50 казаков «в то время, в кое время Олекмою беглецы в даурскую землю бегают или как пригоже, смотря по тамошнему делу». Заставные служилые были обязаны «перенмать» всех, кто ехал без отпускных грамот, и отправлять в Илимск или Якутск [94].

Олекминск долго оставался местом пребывания одних только сборщиков ясака, ежегодно сменявшихся Якутском. «Острог Олекминский деревянный стоячий, в нем церковь и дворы служилых людей, в которых живут присылаемые из Якутска прикащики с служилыми людьми, переменяясь погодно. Прежде посылалось человек по 30, а ныне человек по 12»,— сказано в документе конца первой четверти XVIII в. Как видно из росписного списка второй четверти того же века, к этому времени острожных стен уже не было. Они погнили и были разобраны. Но застава продолжала существовать [95]. Постоянное русское население появляется лишь постепенно. Численность его была чрезвычайно незначительной. В документе, составленном около середины XVIII в., говорится, что в Олекминском остроге, кроме казаков, проживает 6 посадских и 9 разночинцев мужского пола (т. е. обоего пола около 30 чел.) [96].

Значение Олекминска возрастает со второй половины XVIII в. В 1775 г. он стал центром комиссарства. В 1783 г. был объявлен городом и центром Олекминского уезда, а в 1822 г.— центром обширного Олекминского округа.

---

[91] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 1, стб. 44, л. 34.

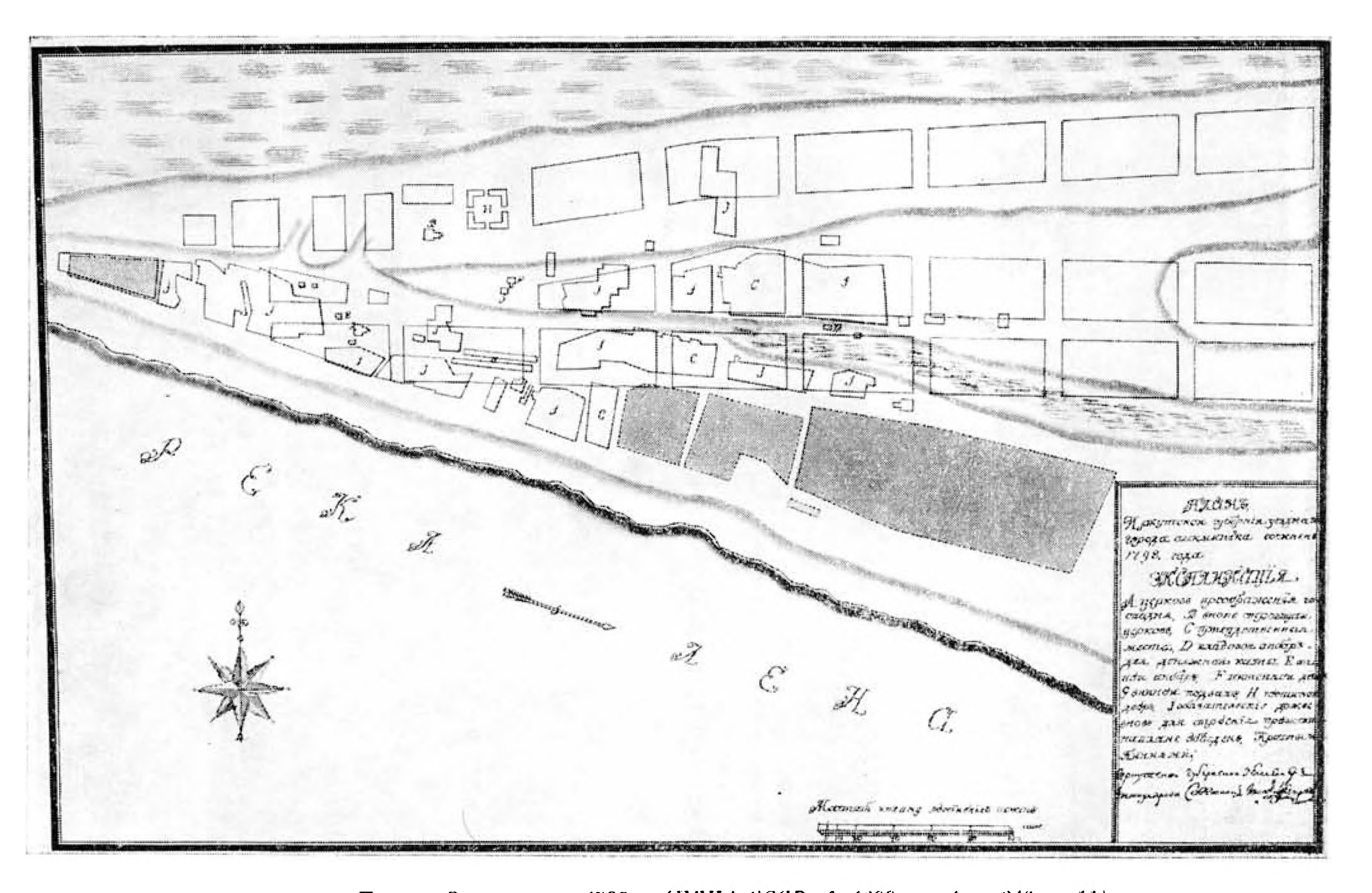
[92] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 28, стб. 4, л. 49—52.

[93] ДАИ, т. XI, с. 157.

[94] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.— Научные труды, III, ч. I. М., 1955, с. 134; *Огловлин Н. Н.* Бунт и побег на Амур воровского полка М. Сорокина.— Живая старина, 1893, январь, с. 205.

[95] *Кириллов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 2. с. 93; *Бакай Н.* Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII в.— ИВСОРГО, 1895, т. XXV, № 4-5, с. 5—6.

[96] ААН СССР, ф. 3, оп. 10 а, д. 217, л. 1.

План г. Олекминска 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1. 316. 11)

Вместе с тем он все еще продолжал оставаться преимущественно чиновничьим городом. Если верить данным официальных статистических сведений о Восточной Сибири за 1823 г., в этом году в Олекминске было 60 обывательских домов, 1 казенный, 2 церкви, хлебный, соляной и винный магазины, а также гостиный двор. Жителей обоего пола было только 54, в том числе лиц духовного звания 7, чиновников 37 и купцов 10. Мещан, цеховых и прочего населения не было [97]. В 1835 г. жителей было 99 чел., в том числе духовного звания 4, чиновников 18, дворян 2, разночинцев 60, купцов 3-й гильдии 4, мещан и цеховых 11. Число строений сохранялось почти на уровне 1823 г., а именно: обывательских домов было 62, казенных — 1, церквей — 1, магазинов продовольственных и соляных — 4, богаделен — 1, питейных домов — 1, кузниц — 1. В гостином дворе имелось 30 лавок [98].

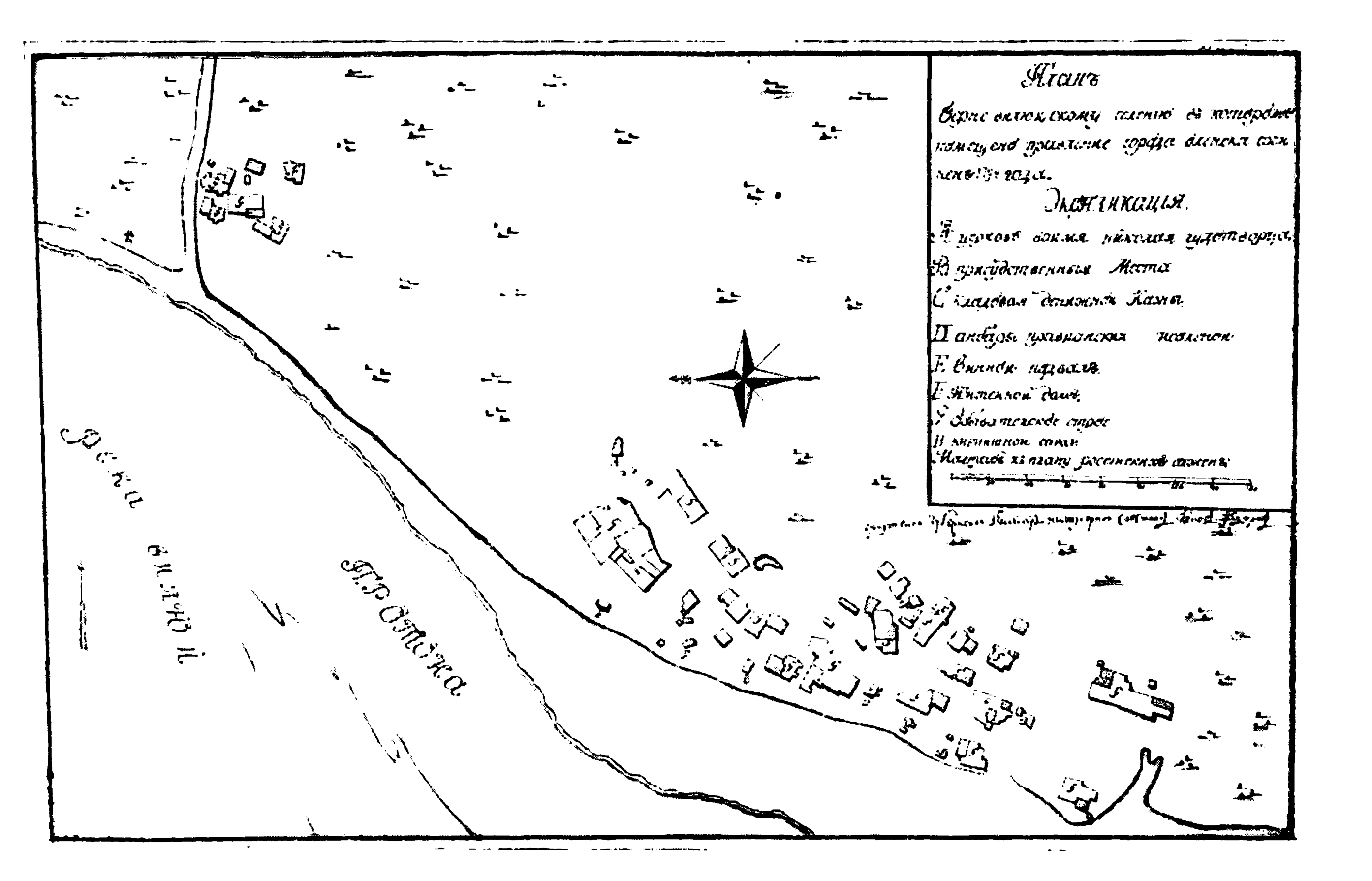
К середине XIX в. Олекминск превратился в значительный населенный пункт. В 1854 г. частных домов стало 91, казенных — 2, торговых лавок — 11. Кроме того, были церковь, 3 магазина, почта, богадельня и другие мелкие сооружения. Число жителей обоего пола к 1862 г. дошло до 300 чел.[99] Около города находились крестьянские деревни и станки, жители которых занимались хлебопашеством и огородничеством.

Вилюйск. Историческим предшественником этого города являлся г. Оленск, находившийся совсем в другом месте и восходящий к Верхневилюйскому ясачному зимовью. Это зимовье было основано в 1634 г. в устье речки Тюкян, впадающей в р. Вилюй слева. Оно не раз переносилось с места на место, пока не было перенесено на то, где сейчас стоит Верхневилюйск. Но когда это произошло — неизвестно [100].

В 60-х годах XVIII в. в зимовье были: церковь, дом комиссаров, казенный амбар и 7 домов обывателей. Но это место было малопригодным для жилья: в зимнее время в жилые помещения подступала вода из-под земли, вблизи не было выпасов для скота и т. п. Поэтому управитель вилюйских зимовий И. Аргунов 10 октября 1770 г. вошел с ходатайством в Якутскую воеводскую канцелярию о переносе зимовья в урочище Олегнях, вверх по Вилюю. Здесь поблизости имелись рыбные ловли, удобные пастбища, а верстой ниже по Вилюю — богатый сенокосами остров Бурдак. Перенос зимовья не должен был потребовать казенных затрат, так как в нем «никакого казенного строения не имеетца», а церковь могут построить «доброхотнодатели». Воеводская канцелярия удовлетворила это ходатайство и 29 ноября приказала И. Аргунову перенести зимовье в урочище Оленек (Олег-

---

[97] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1 (54), № 128, л. 61—66.
[98] Там же, № 146, л. 217—221.
[99] Там же, ф. 1265, оп. 4, № 112, л. 62; оп. 12, № 10, л. 67.
[100] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., с. 470.

План Верхневилюйска 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 346,. 12)

нях, Оленик, Олених, Оленск — разное русское транскрибирование одного и того же якутского топонима) «без всякого казенного убытка», силами местных жителей [101].

На этом архивное дело обрывается. Однако, судя по убедительным данным, приведенным знатоком края Г. Р. Кардашевским, зимовье было быстро перенесено на урочище Олегнях, расположенное в 16—17 км ниже от современного Верхневилюйска, на правом берегу реки [102]. С этого времени зимовье стало называться Оленском. В 1783 г. оно было объявлено центром Оленского уезда и переведено в разряд городов. Тем не менее Оленск оставался маленьким поселением. В конце XVIII в. в нем было только 15 избушек. Здесь жили частный земский комиссар, казаки и немного мещан [103].

В 1804 г. Оленск упразднили. Почему — неизвестно. Уездная администрация перебралась в зимовье, которое тоже называлось Верхневилюйском. Но неизвестно, где оно стояло на этот раз — на старом ли месте или на новом, где находится современный Верхневилюйск. Город Оленск исчез. Немыми свидетелями его существования до недавнего времени являлись надмогильные памятники на опушке леса. С другой стороны, именно то место, на котором находился Оленск, по справедливому замечанию Г. Р. Кардашевского, до сего времени носит название «Остуорас анна» (якутское слово «остуорас» произошло от слова «острожек») [104].

Верхневилюйск центром Верхневилюйского уезда оставался до самого преобразования уезда в Вилюйский округ в 1822 г. Затем в 1828 г. окружная администрация была переведена в г. Вилюйск, расположенный на правом берегу Вилюя между Средневилюйским и Верхневилюйским зимовьями. Когда и при каких обстоятельствах был построен этот город — нам неизвестно. Но есть сообщение якутского историка Г. А. Попова о том, что он был построен в конце XVIII в. по распоряжению властей малороссийским чиновником Е. Ф. Рамодиным, что его строили сосланные по делу Пугачева уральские казаки и башкиры [105]. Новый город, как видно из походного журнала сержанта Степана Попова от 1794 г., неизвестно почему также назывался Оленском [106] и только в начале XIX в. получил название Вилюйска.

---

[101] ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 51, л. 1—2, 4—5; ААН СССР, ф. 3, оп. 10 а, № 199, л. 242; *Кириллов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 2, с. 95.

[102] *Кардашевский Г. Р.* Первый город на Вилюе.— Полярная звезда (Якутск), 1970, № 3, с. 126—127.

[103] ЦГА ЯАССР, ф. 185, оп. 1, д. 57, л. 1—6; д. 132, л. 6—7; д. 191, л. 1—10; *Попов Г. А.* Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924, с. 54.

[104] *Кардашевский Г. Р.* Первый город на Вилюе, с. 127.

[105] *Попов Г. А.* Очерки по истории Якутии, с. 54.

[106] *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области с 1650 до 1800 года. Якутск, 1916, с. 269—270.

Об облике г. Вилюйска в первой половине XIX в. говорят статистические сведения 1823, 1835 и 1854 гг., приложенные к отчетам Главного управления Восточной Сибири. Хотя они и страдают большими погрешностями, но все же дают представление о том, каким был единственный город на р. Вилюй. Согласно этим сведениям, здесь было в 1823 г. 1 казенное здание, в 1835 г.— 1 и в 1854 г.— 3; частных домов — соответственно 50, 45 и 36; церквей — 1, 2 и 1; магазинов хлебных и соляных — 2, 5 и 2. В 1835 г. была открыта больница. Кроме того, здесь имелись разные амбары, кладовые и караульные дома. Жителей в 1823 г. насчитывалось 56 чел. обоего пола, в 1835 г.— 152 и в 1862 г.— 356 чел. Среди них по численности первенствующее положение занимали чиновники и духовенство. Затем шли казаки, мещане и разночинцы [107].

«Вилюйск — это по названию город; но в действительности это даже не село, даже не деревня в русском смысле слова — это нечто такое пустынное и мелкое, чему подобного в России нет... В нем нет ни одной лавки. Товары, какие нужны для жителей, продаются торговцами в их собственных квартирах»,— писал своей жене о г. Вилюйске в начале 70-х годов сосланный сюда Н. Г. Чернышевский [108].

Верхоянск. Этот город вырос из Верхнеянского зимовья, поставленного русскими казаками во главе с Постником Ивановым Губарем в 1638 г. на левом берегу среднего течения р. Яны, на лугу Боронук, против современного Верхоянска. В течение более 160 лет зимовье являлось малоприметным местом, где проживали лишь отряды сборщиков ясака, попеременно приезжавшие из Якутска. «Янской острог, в нем три двора»,— сказано, например, в легенде к карте Дмитрия Лаптева, составленной в 1739 г.[109] В 1805 г. в связи с образованием Верхоянского уезда его переименовали в город. В 1822 г. он стал центром обширного Верхоянского округа.

Тем не менее Верхоянск оставался маленьким населенным пунктом. Об этом говорят статистические сведения 1823, 1835, 1854 и 1862 гг., приложенные к отчетам Главного управления Восточной Сибири. Согласно этим сведениям, в Верхоянске до середины XIX в. были церковь, одно казенное здание, около полутора десятков обывательских домов, несколько провиантских и соляных магазинов, начиная с 1835 г.— больница и питейный дом. Жителей обоего пола, кроме казаков, было: лиц духовного звания в 1823 г. 12 чел., в 1835 г.— 34; чиновников — соответственно 6 и 11, купцов 3-й гильдии — 8 и 4, разночинцев — 0 и

---

[107] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1 (54), № 128, л. 61—66; № 146, л. 217—221; ф. 1265, оп. 4, № 112, л. 62; оп. 12, № 10, л. 67.

[108] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, с. 513, 514.

[109] Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М., 1964, № 86, с. 58—59; ААН СССР, ф. 21, оп. 5, № 45, л. 8 об.— 9.

чел. Далее в сведениях указывается, что в 1823 г. в городе «состояло» 197 мещан обоего пола, а в 1835 г. 329, кроме того, 111 государственных крестьян. Однако мещане и крестьяне жили преимущественно в тундре, главным образом в низовьях Индигирки (в селениях Русского Устья), и в низовьях Яны в Казачьем и Устьянске. Но они, как русские и главным образом как мещане, были приписаны к Верхоянску, когда он был переведен в разряд городов. По этому поводу В. П. Ногин, отбывавший ссылку в Верхоянске в 1910-х годах, писал: «Любопытно отметить административный курьез. Официально Верхоянск можно считать городом без жителей, так как верхоянские мещане живут на расстоянии 2000 верст от Верхоянска на Русском Устье реки Индигирки и никто из них в Верхоянске не бывал». В самом городе в 1862 г. проживало только 150 чел. обоего пола [110].

Об этом городе в начале 60-х годов XIX в. писали: «Построен на сыром и неудобном месте, на узких релках, между озер: пред каждым почти домом есть озеро и потому дома разбросаны на большом пространстве, без всякого порядка; улиц нет; земледелие не производится; огородные овощи произрастают слабо» [111]. Большинство населения его состояло из русских чиновников, казаков, мещан и духовенства.

Среднеколымск. Этот ясачный острожек был основан русскими казаками в 1643 г. на берегу среднего течения р. Колымы и до начала XIX в. оставался обычным пунктом сбора ясака с окружающего населения.

В 1764 г. писали, что «в Среднековымске острог деревянный, заплотье, вышиною в печатку сажень, а по округлости 100 сажень». Правда, острог был «ветхої, поразломан». В остроге были церковь и 7 обывательских домов, вне острога — 3 обывательских дома. В середине XVIII в., как видно из одного официального документа, здесь, кроме казаков, проживало 26 посадских и 4 разночинца мужского пола (т. е. около 60 чел. обоего пола) [112].

В 1803 г. Среднеколымск был объявлен городом и стал центром Колымского уезда, с 1822 г.— центром Колымского округа [113]. В 1823 г. в этом городе были: церковь, казенное здание, хлебный магазин и только 12 обывательских домов. Жителей обоего пола было 223 чел., в том числе лиц духовного звания 7, чиновников 17, мещан 199 [114]. К 1835 г. обывательских домов стало 32, магазинов провиантских и соляных — 3, появились больница и питейный дом. По-прежнему были церковь и казенный дом. Жителей обоего пола числилось 526 чел., в том числе лиц духовного

---

[110] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1 (54), № 128, л. 61—65; № 146, л. 217—221, 249—250; ф. 1265, оп. 4, № 112, л. 62; оп. 12, № 10, л. 67; *Ногин В.* На полюсе холода. М.— Пг., 1923, с. 44.

[111] Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 213.

[112] ААН СССР, ф. 3, оп. 10 а, № 199, л. 141—142; № 217, л. 1.

Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 117—119.

ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1 (54), № 128, л. 61—66.

звания 28, чиновников 4, дворян и чиновников в отставке купцов 3-й гильдии 2, мещан 303 и крестьян 186. Но некоторая часть мещан и почти все крестьяне проживали вне города, хотя и были приписаны к городу [115].

К 1854 г. число строений почти не увеличилось. Только казенных зданий стало 5, обывательских домов — 33. Появились разные подсобные сооружения: пороховой погреб, винный подвал, кладовые, караульный дом. В 1862 г. в Среднеколымске было 440 жителей [116].

Гижигинск. В 1746 г. коряки напали на Акланский острог и побили тамошних казаков. Нарушилось сухопутное сообщение между Охотском, Камчаткой и Анадырским острогом. Для возобновления этого сообщения необходимо было обеспечить его безопасность от частых нападений немирных «иноземцев». Казаки во главе с сержантами Игнатьевым, Безбородовым и Брюховым имели ряд вооруженных столкновений с коряками, завершившихся основанием крепостей Туманская (1751 г.), Вилигинская (1752 г.) и Гижигинская (1753 г.) на левом берегу реки Гижиги, в 25 верстах от ее устья. Из этих крепостей последняя имела наибольшее значение «по способности водяного сообщения с Охотском». Кроме того, через нее проходил сухопутный тракт, соединявший Охотск с Камчаткой [117].

Во второй половине 60-х годов сюда были переведены присутственные места, чиновники и часть жителей уничтоженного Анадырского острога. Поэтому население Гижигинска заметно увеличилось. В 1773 г. здесь в 83 дворах проживало 672 чел. обоего пола, в том числе лиц духовного звания 3, регулярных военных 175, нерегулярных (казаков) 474, разночинцев 17 и дворовых 3 чел.[118]

В 1783 г. Гижигинск был объявлен городом и центром огромного Гижигинского края, протянувшегося по берегу Охотского моря от Охотска до Камчатки. В 1805 г. в Гижигинске проживало 773 чел., в том числе мужчин 386, женщин 387, т. е. за 32 года численность его населения выросла на 100 чел. «Город состоит длиною в 107, шириною в 84 саженях, и оной огорожен кругом деревянным стоячим и рубленным палисадом. Ворот три»,— сказано в описи казенных строений в том же 1805 г. В городе были церковь постройки 1758 г., 9 казенных зданий. Внутри и вне города находились 5 магазинов, 2 лавки, винный подвал, питейный дом с амбаром, 86 «жительских дворов», 1 казенная баня, 4 собственные, 3 кузницы собственные. Кроме того,

---

Там же, № 146, л. 217—221, 249—250; *Рябков П.* Полярные страны Сибири.— В кн.: Сибирский сборник. СПб., 1897, с. 6.

[116] ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 4, № 112, л. 62—63; оп. 12, № 10, л. 67.

[117] *Шаховский А.* О начале построения Гижигинской крепости.— Вестник Европы, 1818, ч. CLII, № 21, с. 281—282; *Он же.* Известия о Гижигинской крепости, с. 283—286.

[118] ЦГАДА, ф. 199, № 528, порт. 2, д. 7, л. 18.

в устье Гижиги имелись казарма, «где пристают казенные транспортныя суда с казенным и партикулярным имуществом», и магазин «для поклажи казенного имущества» [119].

В дальнейшем в связи с сокращением штата воинских чинов численность населения Гижигинска несколько убывала. В 1816 г. в нем проживало 650 чел. обоего пола; кроме того, зимовала морская команда с женами и детьми — всего 46 чел. В городе были: церковь, часовня, 8 казенных зданий и магазинов, 68 частных домов, лавки, амбары и прочие сооружения. Укрепление еще сохранялось. При нем были 4 пушки. К концу 1810-х годов число жителей достигло 696 чел. Это были в большинстве своем казаки и чиновники [120].

В исторической справке 1828 г., составленной лейтенантом флота Фофановым, сказано: «Город Гижига обитаем коренными жителями и солдатами, которые прежде находились в батальоне, защищавшем Гижигу от иноверцов. В большом количестве живут казаки, как служащие, так и отставные. Есть заезжий купец и несколько мещан из России. Живут и чиновники, временно находящиеся при должностях» [121].

В годовом отчете по Гижигинской крепости за 1840 г. отмечено, что она «находится при р. Гижиге, жители города довольствуются водою из реки, колодцев и фонтанов нет, мостов, площадей и садов не имеется, улиц и переулков определить нельзя, потому что дома без дворов и заплотов, черты городской нет, потому что Гижигу окружают тундры топкие и горы». В то время в городе были церковь, часовня и 74 дома, из которых 4 принадлежали духовенству, 3 — чиновникам, 55 — казакам, 2 — отставным солдатам, 10 — мещанам и купцам. В них проживало 542 чел. обоего пола, в том числе 150 мещан и купцов [122].

В 1847 г. в Гижигинске насчитывалось до 500 чиновников, церковнослужителей, казаков, мещан и купцов. Казенных домов было 2, частных — 65 [123]. К. Дитмар, посетивший Гижигинский край летом 1853 г., писал, что город состоял из верхней и нижней частей. В верхней части располагались казенные строения, несколько хлебных и соляных магазинов, пороховой погреб, дом исправника, здание окружного правления, несколько домов более зажиточных купцов с хозяйственными пристройками. Заборов и огородов не было. «Одни простые срубы возвышаются над беско-

---

119 ЦГАДА. ф. 1096, д. 53, л. 1—3.

120 *Шаховский А.* О начале построения Гижигинской крепости, с. 283; *Он же.* Известия о Гижигинской крепости, с. 291; *Он же.* Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт.— Северный архив, 1823, ч. VII, № 13, с. 35.

121 *Сильницкий А.* Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края с 1819 по 1840 год.— Записки Приамурского отдела ИРГО (Хабаровск), 1898, т. IV, вып. 1, с. 61—62.

ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1076, оп. 5, д. 17, л. 32—33.

Там же, оп. 6, д. 415, л. 11, 27; д. 416, л. 11.

План г. Гижигинска 1798 г. (ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 346.. 15)

нечной, плоской, безлесной тундрой, и между ними можно собирать мох, вереск». В нижней части постройки были меньше, беднее и более разбросаны. Зато здесь имелась церковь. «На более защищенных, впрочем, тоже не огороженных, местах были посажены кое-какие овощи — картофель, капуста, репа и редька». Здесь жили казаки и несколько обедневших купцов [124].

ЖИЗНЬ И БЫТ ГОРОЖАН

На северо-востоке Азии возникли города двух типов: города в собственном смысле слова и города уездные, причисленные к городам путем указа. Вначале остановимся на городах последнего типа.

Об этих городах осталось немало характерных отзывов современников. Вице-губернатор Якутской области В. Л. Приклонский во второй половине XIX в. писал, что они «совершенно не заслуживают названия городов. Все эти города в сущности стоят несравненно ниже не только торговых, но и обыкновенных сел России, как по своим постройкам, так и по существующим в них промышленности и торговли» [125]. И. А. Гончаров, в начале 1850-х годов проезжавший из Якутска через Олекминск в Иркутск, в своих путевых заметках писал, что Олекминск — «маленький бедный городок. Там живет исправник, почтмейстер, окружной лекарь да несколько купцов» [126]. Каракозовец И. А. Худяков, невольный житель Верхоянска, в 60-х годах XIX в. писал, что этот город немногим отличается от простых деревень Якутского округа. Все домики без крыш. Каждую осень дома обмазываются снаружи глиной, а зимой на аршин обкладываются снегом. Кирпичные печи — редкость. Большая часть домов отапливается якутским камином. Ни одной фабрики, завода. Ни почтамта, ни почтовой конторы. Земская почта приходит из Якутска 3 раза в год. Иногда на протяжении четырех месяцев ни одного приезжего из Якутска. В городе нельзя купить таких простых вещей, как бумага, стальные перья, свечи, деревянные ложки. Умственная и общественная жизнь отсутствуют. Гнетущая скука.

Таковы были и другие города этого типа, являвшиеся городами вначале только юридически, как центры уездов, а впоследствии ставшие городами фактически. Жители этих городов в силу традиции стали смотреть на себя как на настоящих горожан. «Как ни жалок Охотск, все-таки жители его смотрят на себя как на жителей большого города, ибо на сотни верст кругом нет

---

[124] *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке, с. 422—423; *Богородский.* Медико-топографическое описание Гижигинского округа.— ЖМВД, 1853, ч. 2, отд. III, с. 81, 85.

[125] *Приклонский В. Л.* Три года в Якутской области. Этнографические очерки.— Живая старина. Отделение этнографии (СПб.), 1890, вып. 1, с. 69.

[126] *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». М., 1951, с. 645.

ни одного местечка, где бы набралось, как здесь, народонаселения в 1000 человек»[127],— написал в середине XIX в. один очевидец про охотчан. Эти строки в полной мере могли бы относиться и к жителям других уездных городов.

Жители этих городов, как правило, в большинстве своем были русские. Значительная их часть давно превратилась в старожилов. Живя в окружении местного населения и находясь с ним в постоянном общении, они переняли его язык, многие обычаи и нравы. Русское население Олекминска и Вилюйска совсем объякутилось. Еще в конце XVIII в. было отмечено, что олекминские русские забыли не только многие свои обычаи, «но и язык российский, и сделались во всем похожими на якутов». Русские жители Вилюйска, по свидетельству Н. Г. Чернышевского, «или совсем позабыли русский язык, или, меньшинство из них, говорят по-русски плохо, и то лишь с посторонними, а в своих семействах исключительно по-якутски»[128]. Верхоянские «русские настолько объякутились, что между собой с большой охотой говорят по-якутски, чем по-русски. От якутов же они переняли образ жизни, характер построек, одежду и обычаи». Среднеколымские русские «хотя все говорят по-русски, но вместе с тем все знают якутский язык и, нужно сказать, лучше, чем родной», большинство их «думает на якутском языке и сплошь и рядом предпочитает говорить между собою на нем». Они с полным доверием относились к якутским шаманам и часто прибегали к их помощи[129]. Гижигинские жители говорили по-русски, но язык их был также пересыпан местными словами и оборотами. Все они не только понимали корякский и эвенкийский языки, но и бегло говорили на них. Про себя они говорили, что они «не русские, а гижигинцы», и русскими считали только приезжих из России[130]. Русские горожане все больше теряли и чистоту своего антропологического типа в результате смешанных браков с якутами, эвенками, чукчами, коряками и ительменами. Они потеряли связь с родными местами и оторвались не только от центральных районов страны, но и от местных областных центров. Даже в начале XX в. российская почта в Гижигинск из Охотска и местная из Петропавловска-на-Камчатке приходила только раз в зиму (в феврале). Летом почту получали пароходом 3 раза — в конце июня, в середине июля и в начале сентября[131].

Наконец, горожане местами оставили прежние занятия и забыли многое из того, что знали на далекой родине,— возделыва-

---

[127] *Гартвиг.* Природа и человек на Крайнем Севере. М., 1866, с. 229.
[128] ЛПБ, Эрм. собр., 238, 6-f, л. 55—56; *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XIV, с. 645.
[129] *Рябков П.* Полярные страны Сибири, с. 8, 15—16.
[130] *Бацевич С. Л.* Два года в местечке Гижига Камчатской области.— Известия общества горных инженеров (СПб.), 1913, № 3, с. 22; *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке, с. 423.
[131] *Бацевич С. Л.* Два года в местечке Гижига Камчатской области, с. 26.

ние земли, прядение, ковку железа и т. д. Зато, применяясь к местным условиям, они научились у коренных жителей промыслу зверя, рыболовству и разным местным домашним занятиям. Это особенно ярко проявилось на Крайнем Севере.

Главным источником существования гижигинских мещан и казаков стал лов рыбы, которой в реках было великое множество. По свидетельству очевидцев, во время хода кеты и горбуши по р. Гижиге было «трудно проехать на лодке, весло не погружалось в воду», ибо «вся поверхность воды покрыта плавниками» [132]. Немаловажное значение имели также охота на тюленей и водоплавающую дичь, сбор диких ягод и т. д. Поскольку каждое из этих занятий происходило в определенное время года, у гижигинцев выработался ежегодно повторяющийся цикл работ.

Весной с верховьев рек к устьям спускался хариус, и в это время его ловили перемычками. 15—20 июня с моря по р. Гижиге поднималась корюшка, оставаясь в реке 5—6 дней для метания икры. Ее ловили во множестве тонкими сетками. С конца июня начинался ход красной рыбы (кеты и горбуши), и 8—10 июля она шла с приливом сплошной массой. С этого времени и до конца августа совершался основной лов рыбы неводами. Происходила также заготовка корма на зиму. Из рыбы делали юколу. Часть рыбы (головки и брюшки) засаливали в бочках. Для собак на зиму заготовляли в ямах на берегу реки кислую (квашеную) рыбу. Собакам давали и юколу.

Весной, когда вскрывались реки, начиналась охота на тюленей, мясо которых шло в пищу и для корма собак, жир — для приправы к кушаньям, шкуры — для выделки ремней, подошв, дорожных сум, летних торбасов, курток и т. д. Одновременно ловили белух. В апреле и мае охотились на перелетных птиц. Их набивали немало, так что часть даже засаливали на зиму. Во второй половине июля в озерах в большом количестве добывали ленных гусей, временно терявших способность летать. В весеннее же время жители на морских островах, кошках собирали тысячи птичьих яиц.

Летом собирали ягоды, которых было множество (голубику, жимолость, морошку и т. д.), и грибы (подберезовики, подосиновики).

Для зимних поездок гижигинцы пользовались ездовыми собаками, впрягая их в нарту по 13. Глубокий снег, недостаток корма и гористая местность не позволяли ездить на лошадях, поэтому ездовых собак держал почти каждый хозяин. Летом сухопутное сообщение прекращалось ввиду его невозможности [133].

Образ жизни верхоянца и среднеколымчанина мало чем отличался от образа жизни гижигинца.

---

[132] *Бацевич С. Л.* Два года в местечке Гижига Камчатской области, с. 29.

[133] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1075, оп. 5, д. 228, л. 52—53; д. 177, л. 34—35; оп. 6, д. 415, л. 31; д. 416, л. 2—4; ф. 1016, оп. 1, д. 287, л. 12.

Верхоянское окружное управление в 1856 г. сообщало в Якутск о занятиях мещан низовьев Яны и Индигирки, приписанных к Верхоянску, следующее: «В образе жизни одинаковы с кочевыми инородцами; жительство имеют при берегах Ледовитого моря, а потому не имеют рогатого скота, кроме оленей и собак, на которых и совершают проезды свои за промыслами или за своими надобностями... Промышленность, производимая ими, заключается в улове разных родов зверей, например, диких оленей, лисиц, песцов, волков, горносталей, рыбы разных же родов и, в летнее время, птиц, и в прииске мамонтовых клыков» [134].

Главным занятием мещан являлось рыболовство, так как северные реки богаты разнообразной рыбой: чиром, муксуном, омулем, нельмой, налимом, ряпушкой. Рыбу ловили в основном весной и летом, во время ее хода вверх по реке. В эту горячую пору на лов выходили все трудоспособные, чтобы запастись на зиму пищей для себя и кормом для собак. Рыбу ловили главным образом неводами. Немалую роль играли и сети. Пойманную весной и летом рыбу во избежание порчи использовали немедленно. Часть ее сразу же использовали в пищу, остальная шла на приготовление зимнего запаса: женщины и дети делали из нее юколу, часть рыбы, особенно сельдь, зарывали в ямы — для прокорма собак зимой. С сентября по ноябрь и с марта по май занимались подледным ловом. В благоприятные годы улов бывал обильным.

Важное значение имела охота на диких оленей и водоплавающую дичь. Охота на оленей носила сезонный характер. Северный олень зиму проводит в лесотундре, лето — около моря, где нет комаров и много корма. Поэтому весной огромные стада оленей устремляются на север, осенью же обратно на юг, в лесотундру. В эти два периода и охотились на оленей. Охота была весьма своеобразной и происходила в строго определенных формах, описанных в литературе [135]. Поэтому, не останавливаясь на них, отмечу только, что при удаче оленей били сотнями. Сезонный характер носила и охота на гусей, лебедей и уток. Летом на берегу моря, в устьях рек, по их притокам, на островах, песчаных отмелях и т. д. скопляется огромное количество птицы. Во второй половине июля — первой половине августа птицы линяют, лишаясь на это время способности летать. Это время и было основным для охоты. В сезон линьки беспомощную дичь били тысячами, иногда и десятками тысяч. Приемы охоты на линяющую дичь описаны подробно [136]. Весною и осенью немного били птицы, охотясь с ружьями и луками.

Мещане эпизодически промышляли белого медведя и нерпу. На белого медведя охотились в тех случаях, когда он устраивал берлогу на берегу моря, в сугробах снега. Его находили охот-

---

[134] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 1005, л. 26—27.
[135] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии, с. 371—373.
[136] Там же, с. 373—374.

ничьи собаки. Они раскапывали снег, и медведь сразу же набрасывался на них, высовывая голову или выскакивая наружу наполовину. В это время охотники в старину стреляли в него из лука, позже — из ружья. Мясо медведя ели люди и собаки. На нерпу ставили специальные сети против лунок на льду моря. Мясо ее шло на корм собакам, а из шкур шили обувь, штаны, шапки. Мещане занимались и охотой на пушных зверей — песцов, лисиц, горностаев. Песцов и лисиц ловили пастями различных типов, т. е. ящикообразными ловушками. Позже стали применять капканы.

Жители Верхоянска и Среднеколымска также знали все эти виды занятий тундровиков. Немало времени они тратили на промысел рыбы, хотя ее ловили не так много, как в низовьях рек. Привычной была охота на диких оленей. Били и водоплавающую дичь, правда, не в таком количестве, как на берегу моря. Охотились и на лесных зверей, в том числе и пушных.

Однако в отличие от тундровых «горожан» они, по образцу якутов, занимались также скотоводством и держали немного коров и лошадей. Хозяйство вели точно так же, как и якуты [137]: имели покосные места и пастбища, заготавливали сено на зиму, ухаживали за скотом. Собирали и растительные продукты скудной природы: дикий лук, ягоды.

Жители Олекминска и Вилюйска обитали в зоне тайги, которая намного беднее, чем тундра, рыбными богатствами и водоплавающей птицей, но зато более благоприятна для жизни в других отношениях. Они находились в окружении якутов и подверглись с их стороны большому влиянию в области материальной и духовной культуры.

Основным занятием вилюйчан было скотоводство, которое велось по якутскому образцу. В 1859 г. на душу городского населения приходилось в среднем по 2,9 головы рогатого скота и лошадей, в 1864 г.— по 2,1, т. е. почти столько же, сколько у якутов, являвшихся народом скотоводческим. В 1864 г., например, якуты Мархинского улуса имели на душу по 3,6 головы рогатого скота и лошадей, Сунтарского — по 2,7, Верхневилюйского — по 1,6, Средневилюйского — по 1,0 [138]. Поэтому и пища русских, главным образом их бедной части, почти ничем не отличалась от пищи якутов. Они употребляли преимущественно молочную пищу: тарную кашу, бутугас и Үөрэ. «В первую кладут часть муки и часть сушеного столченного соснового лыка наподобие муки; бутугас составляется из воды, кислого молока и соснового толченого лыка и части пресного молока; ера составляется из сырого соснового крашеного лыка и малейшей части молока. В кислое кладут разные травы, обваривая оную водой». Летом

---

[137] *Ногин В.* На полюсе холода, с. 118.
[138] ЦГА ЯАССР, ф. 22, оп. 1, д. 1165, л. 61; *Маак Р.* Вилюйский округ Якутской области, ч. III. СПб., 1886, с. 143.

скота не били и говядины не ели. Как сообщается в одном из источников, в этот период года «питаются большею частию кумысом, мелкою рыбою, сорою [простоквашей] и промышляют для пищи уток, гусей и других птиц; зимою состоятельные едят конское мясо, а редко и коровье»[139]. Таким образом, скотоводство дополнялось рыболовством и охотой, причем русские занимались «промыслами разных зверей»[140]. Отдельные хозяйства держали овец и свиней.

Мало отличалась от экономики якутов и экономика жителей Олекминска. Они тоже занимались скотоводством, правда в меньшей мере, чем вилюйчане. От рогатого скота жители города получали «мясо и масло для собственного продовольствия и из оного же скота употребляется на убой. Быки и лошади [используются] для работы хлебопашества и домовой работы, а лошади отдаются в дело почтосодержателям для гоньбы»[141]. Они занимались и «упромышливанием зверей. Для этого звероловства употребляются орудия ружья, плашки, луки, также собаки... Улов зверя ружьями белку, лисицу и собаками и нагоном на лошадях, горносталей черканами, т. е. ловушками, ушканов петлями, диких коз ружьями и собаками»[142]. Некоторые занимались рыболовством на Лене, по речкам и на озерах, но «улов... бывает постоянно плохой, а потому не составляющий источника к их продовольствию»[143].

Усвоение русскими элементов материального быта и духовной культуры аборигенов северо-востока Азии являлось результатом разумного приспособления к местным условиям, а не показателем деградации русского человека, как об этом писали некоторые дореволюционные исследователи и путешественники. Охотничье-рыболовческая колонизация края палеоазиатами, оленеводческая — тунгусскими племенами и скотоводческая — тюркоязычными якутами представляли собой исторически целесообразные и закономерно обусловленные прогрессивные этапы развития производительных сил огромного и труднодоступного края. Поэтому охота и рыболовство, оленеводство и скотоводство, как устоявшиеся и веками оправдавшие себя отрасли хозяйственной деятельности, не могли быть игнорированы русскими.

Со своей стороны немногочисленное русское население, проживавшее в указанных городах, оказывало благотворное влияние на окружавшее местное население, а города являлись в какой-то мере цивилизующими центрами. Хочется здесь в связи с этим привести высказывание И. А. Худякова о роли г. Верхоянска: «Несмотря на ничтожную численность своего населения,

---

139 ЦГА ЯАССР, ф. 22, оп. 1, д. 840, л. 101—103.
140 Там же, д. 1165, л. 52.
141 Там же, ф. 19, оп. 1, д. 593, л. 24; д. 1589, л. 19.
142 Там же, д. 1859, л. 59.
143 Там же, д. 1107, л. 198.

Верхоянск, как и всякий другой город, имеет большое влияние на свой округ. В нем одном находится больница, где довольно удачно вылечивают господствующую болезнь; в нем одном шаманы утратили свое влияние; в нем одном сгладилась большая часть якутских суеверий и стали усваиваться более мягкие нравы. Верхоянский улус, ближайший к городу, гораздо образованнее остальных: невежество и суеверия увеличиваются по мере удаления от города. По частным сведениям, в Верхоянском улусе на сто человек жителей считается по два шамана, в Жиганском — от пяти до шести, в Эльгецком — по десяти, а в Устьянском — по двенадцати» [144].

В этом высказывании все верно. Но нам хочется отметить и тот факт, что города были рассадниками новой отрасли хозяйственной деятельности — земледелия.

Вокруг Олекминского острожка, например, земледелие возникло еще в XVII в. и в дальнейшем успешно развивалось. Само население Олекминска занималось земледелием особенно интенсивно в первой половине XIX в. В 1848 г., например, подканцелярист А. Габышев посеял 11 пудов ячменя, яровой ржи и пшеницы, купеческие сыновья П. Власов — $4^1/_2$ пуда, Н. Власов — 12 пудов и С. Буркатов — 4 п. 15 ф., казаки П. Попов — 2 пуда и В. Якушков — 5 пудов [145]. Впоследствии размеры посевов увеличились. Здесь культивировались картофель, огурцы, капуста, свекла, брюква, репа, редька, морковь и т. д.[146] Городское население в земледельческом занятии видело серьезное подспорье.

Город Вилюйск стал центром, откуда земледелие распространилось по улусам обширного округа. В этом большую роль играли мещане этого города, переселенные в район урочища Нюрба. Начиная с 40-х годов XIX в. хлебопашеством и огородничеством занялись и жители самого Вилюйска. Они сеяли ячмень и яровую рожь, выращивали картофель, капусту, морковь и т. д. Посевы, вначале мизерные, постепенно увеличивались, и земледелие стало занимать все более заметное место в экономике городского населения [147]. «Хлеб родится хорошо, даже пшеница. Удобства жизни здесь заметно увеличиваются. Лет двадцать тому назад огородов вовсе не было. А теперь все русские овощи есть свои здесь»,— писал Н. Г. Чернышевский в 1875 г. о Вилюйске [148].

Опыты хлебопашества проводили в XIX в. даже жители Среднеколымска и Верохоянска. В Среднеколымске они имели место в 40—50-х годах по инициативе чиновников, купцов и мещан и возобновлялись в 70-х и 90-х годах, но успеха не имели. Огородничество здесь зародилось еще раньше, в 20-х годах, и в 1836—

---

[144] *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, с. 96.
[145] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 575, л. 40.
[146] Там же, д. 1386, л. 115; д. 2652, л. 20—21, 64—65 и т. д.
[147] Там же, ф. 22, оп. 1, д. 622, л. 37; д. 623, л. 45; д. 840, л. 115; д. 1038, л. 117; д. 1161, л. 39, 136.
[148] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XIV, с. 595—596.

1846 гг. носило любительский характер, причем сажали в основном картофель. Капусту, репу, редьку и морковь выращивали в очень незначительном количестве. С конца 40-х годов огородничество уже вышло из стадии любительства. Посадки картофеля и капусты расширяются. В Верхоянске и его окрестностях, считавшихся мировым полюсом холода, опыты хлебопашества начались с 50-х годов. Иногла получались неплохие урожаи. Огородничество в этом городе появляется в 30-х годах. С середины века посадки картофеля и некоторых видов овощей входят в обычай. «Из бесполезной затеи, неприятной обязанности, каким было огородничество для чиновников в первое время, оно превратилось, по мере втягивания в него широких слоев населения, в регулярное занятие, дающее хороший эффект». Впоследствии почти каждый хозяин имел огород, а в парниках вызревали даже огурцы. Эти занятия среднеколымчан и верхоянцев вызывали подражание в сельских местностях Колымского и Верхоянского округов, где в земледелие втягивались отдельные хозяйства якутов [149]. С 40-х годов разводили картофель, капусту, репу, редьку и жители Гижигинска [150].

Цивилизующее значение для коренного населения имела и торговля. Города независимо от их размеров выступали ее центрами. Именно в них жили купцы — представители нарождавшегося торгового капитала. В маленьком Олекминске в 1837 г. при 81 жителе обоего пола было 3 купца, в 1849 г. при 202 жителях — 10, в 1852 г. при 229 жителях — 12 купцов. В городе имелся гостиный двор с 11 лавками [151]. Несколько купцов было в Верхоянске. Помимо них, всегда находились лица, занимавшиеся торговлей и без специальных лавок. Та же картина имела место и в Среднеколымске. Там в 1835 г. при 526 жителях было 2 гильдейских купца. Кроме того, почти все почтальоны, возившие почту из Якутска в Колымск, занимались в то же время торговлей [152]. В Гижигинске в 1808 г. было 5 купцов. По свидетельству К. Дитмара, в этом городе в середине XIX в. «мужчины без исключения, как купцы, так и казаки, все были торговцами». И «эта меркантильная жизнь» шла «безпрерывно» [153]. Словом, повсюду купцов гильдейских было намного больше, чем это требовалось населению городов. Они торговали главным образом с окружающим местным населением. Н. Г. Чернышевский справедливо писал, что в

---

[149] *Кротов В. А.* Земледелие в бассейне Колымы. М.— Иркутск, 1933, с. 26—81, 162—186.

[150] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1076, оп. 5, д. 513, л. 4; д. 415, л. 4, 23, 32; *Богородский.* Медико-топографическое описание Гижигинского округа.— ЖМВД, 1853, ч. 2, отд. III, с. 75; *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке, с. 423.

[151] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 130, л. 133; д. 672, л. 29—31; д. 1107, л. 120; ф. 20, оп. 1, д. 781, л. 47.

[152] *Логин В.* На полюсе холода, с. 119—120.

[153] *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке, с. 424; ЦГАДА, ф. 1096, д. 56, л. 171—172.

Вилюйске «купцы ведут торговлю собственно лишь для якутов. Русских же здесь так мало, что их надобности не могли бы поддержать ни даже самой крошечной постоянной торговли» [154]. То же можно сказать и о купцах других городов северо-востока Азии.

Поэтому торговля являлась одним из главных средств связи постоянного русского населения с местными жителями. Формы этой связи были разные. В Олекминске ежегодно с 1 по 17 июня проводились ярмарки, где собирались со своими товарами иногородние и местные купцы, якуты и тунгусы из разных уголков Олекминского округа. Обороты ярмарки были довольно значительны. В 1837 г. было привезено товаров на 714 206 руб., продано — на 119 496 руб.[155] В Вилюйске ярмарки не проводились, а потому и «народного стечения» не бывало (край был беден пушным зверем и округ мало посещался купцами). Местные торговцы, получавшие свой товар из Якутска или Олекминска, меняли его в якутских улусах и тунгусских стойбищах [156]. Нередко в Вилюйск приезжали и сами якуты и тунгусы. Аналогичная картина наблюдалась и в Верхоянске, Среднеколымске и Гижигинске, где ярмарки также не проводились. В этих округах купцы в одиночку и компаниями совершали дальние поездки — на сотни, а иногда и тысячи верст. В города за покупками приезжали и сами якуты, тунгусы, ламуты, коряки, чукчи и юкагиры.

Таким путем русские купцы от местного населения собирали соболей, лисиц, песцов, белок и другие меха, оленьи кожи, моржовые клыки, мамонтовые бивни. При этом, пользуясь бездорожьем, трудностью доставки товаров и темнотой и забитостью населения, они продавали свои товары по очень высокой цене — «раз в пять, а то и в десять выше обычного» [157]. При совершении торговых операций население нередко спаивали спиртом, его обвешивали, обмеривали и закабаляли. Словом, шел «прибыточный обмен звериных кож» у местного населения. Тем не менее и такая торговля имела свои положительные стороны для местного населения. Через нее в среду народов северо-востока Азии проникали доселе неизвестные товары: всевозможная посуда, железные и медные изделия, бумажная и шелковая материя, сукна, съестные припасы (мука разных сортов, чай, сахар, соль и др.), порох, свинец, вина и др. А это расшатывало натуральные устои хозяйства и патриархальный быт аборигенного населения, вовлекало его, хотя и медленно, в орбиту более передовых форм жизни и хозяйствования.

В окружных центрах имелись школы. В них обучались грамоте главным образом дети служилого русского населения. По до-

---

[154] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XIV, с. 564.
[155] ЦГА ЯАССР, ф. 19, оп. 1, д. 130, л. 53.
[156] Там же, ф. 22, оп. 1, д. 1038, л. 116; *Маак Я.* Вилюйский округ Якутской области, ч. III, с. 192.
[157] *Ногин В.* На полюсе холода, с. 55.

кументам 1806 г. видно, что у служивших в гижигинской казачьей команде было 82 ребенка мужского пола. Из них не обучались за неимением книг 9 чел., за болезнью — 1, за малолетством — 26. Не было сведений относительно четырех мальчиков. Кроме того, в Гижигинске же находились 103 мальчика — дети солдат и офицеров частей регулярной армии. Из них не обучалось за малолетством 35, «за слепотою» — 3 и «за глухотою» — 1. Про остальных сведений не имеется [158]. В 1809 г. «находящийся при обучении казачьих детей учитель Гаврила Попов» составил именной список «обучающихся российской грамоте казачьих детей». В него внесено 47 фамилий детей от 6 до 17 лет. Они изучали часослов, псалтырь, катехизис, азбуку и писали «склады». Против каждого ученика поставлены оценки: «понятный и радетельный к ученью», «не понятен», «непонятный и нерадетельный» [159].

Казачья школа существовала со второй половины XVIII в. В 1819 г. она была переименована в казацкое училище. В нем в 1824/25 г. обучалось 25 казачьих детей, в 1825/26 г.— 33, в 1826/27 г.— 25, в 1829/30 г.— 22, в 1832/33 г.— 15. Среди «школьников» наряду с 7-летними мальчиками встречались и 20-летние юноши. Они учились чистописанию, чтению, проходили арифметику, элементы словесности, изучали закон божий, слушали курс краткого нравоучения. Знания оценивались на «худо», «изрядно», «хорошо» и «очень хорошо». Учебными пособиями служили «прописи печатные», «прописи скорописные», «Руководство к чистописанию», «Азбуки», «Российские буквари», «Арифметика» (1-я и 2-я части), часословы, псалтыри, библии, «Краткий катехизис», «Пространный катехизис», «Краткая священная история», «Краткая российская история». Были «Правила для учащихся». Среди учебного оборудования числились доски аспидные, грифели, ножи перочинные, «чернильные наборы». Училище содержалось на пожертвования жителей города, обучение было бесплатным. Обучение вели 1—3 учителя [160].

В 1829 г. начальные казачьи школы были открыты в Вилюйске и Среднеколымске. В них дети казаков изучали закон божий, русский язык (письменный и устный) и арифметику, получали элементарные сведения по естественной и отечественной истории. С 1812 г. функционировало Олекминское уездное училище, первое из окружных в Якутской области. В этой школе детей обучали чтению, письму, арифметике, чистописанию, черчению. Преподавались и такие предметы, как анатомия, природоведение, домоводство. Вместе с русскими учились и дети якутов.

В названных школах обучалось лишь по нескольку десятков учеников. Учителями были преимущественно казаки, нередко малограмотные. Школы порой не имели собственного помещения,

---

158 ЦГАДА, ф. 1096, д. 51, л. 178—188.
159 Там же, д. 56, л. 140—141.
160 ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 139, л. 9—198; ф. 1077, оп. 4, д. 9, л. 1—2.

учебных пособий и даже письменных принадлежностей [161]. Тем не менее они давали основы грамоты, и люди, обучавшиеся в них, могли потом работать канцеляристами и чиновниками. Таким путем появлялись грамотные люди и из среды аборигенного населения — якутов, тунгусов, чукчей и др.

Школы, как и сами жители окружных городов, сыграли свою роль в распространении русского языка, а вместе с ним и некоторых элементов более передовой культуры среди коренных жителей края, которые проявляли значительный интерес к русской культуре и языку. Один из очевидцев подобное явление обнаружил в середине XIX в. даже среди охотских тунгусов. Он писал: «Тунгусы пристрастны ко всему русскому и с жадностью стараются принимать все наше. Многие из них говорят по-русски, еще больше таких, которые понимают, но не могут говорить» [162].

Обитатели маленьких городков, затерянных в отрезанной от цивилизованного мира глуши, проводили свою жизнь в тяжелой борьбе с суровой природой, будто не замечая остального мира. Лишь изредка до них доходили отрывочные сведения о событиях, происходивших где-то далеко в России. Сведения эти чаще всего приносили политические ссыльные. Ссыльные всегда составляли некоторую часть населения городов рассматриваемой группы.

В 1733—1742 гг. в Верхневилюйске ссылку отбывал, например, бывший президент Коммерц-коллегии Генрих фон Фик, сосланный в годы бироновщины «как великоважный преступник», замешанный «по делу о призвании на престол курляндской герцогини Анны Иоанновны». В Якутск его привезли в 1732 г. Отсюда его перевели в Жиганск, а через год — в Верхневилюйское зимовье. Находясь на свободе, Фик заводил знакомство с местным русским начальством, на которое оказывал даже некоторое влияние. Он не чуждался и местного населения [163]. Общение с якутами позволило ему вникнуть в условия их быта и жизни. К тяжелой доле якутского и тунгусского населения, страдавшего от произвола служилых людей, Фик относился с нескрываемым сочувствием. Поэтому при отъезде в Петербург «тем якутам и тунгусам по их просьбе дал обещание об их сожалительном состоянии высочайшему правительству донесть» [164]. По прибытии в Петербург он выполнил свое обещание, представив правительству обширную записку «Всеподданнейшее предложение и известие». В ней говорилось о тяжелом положении якутов и тунгусов и содержались конкретные предложения о его улучшении.

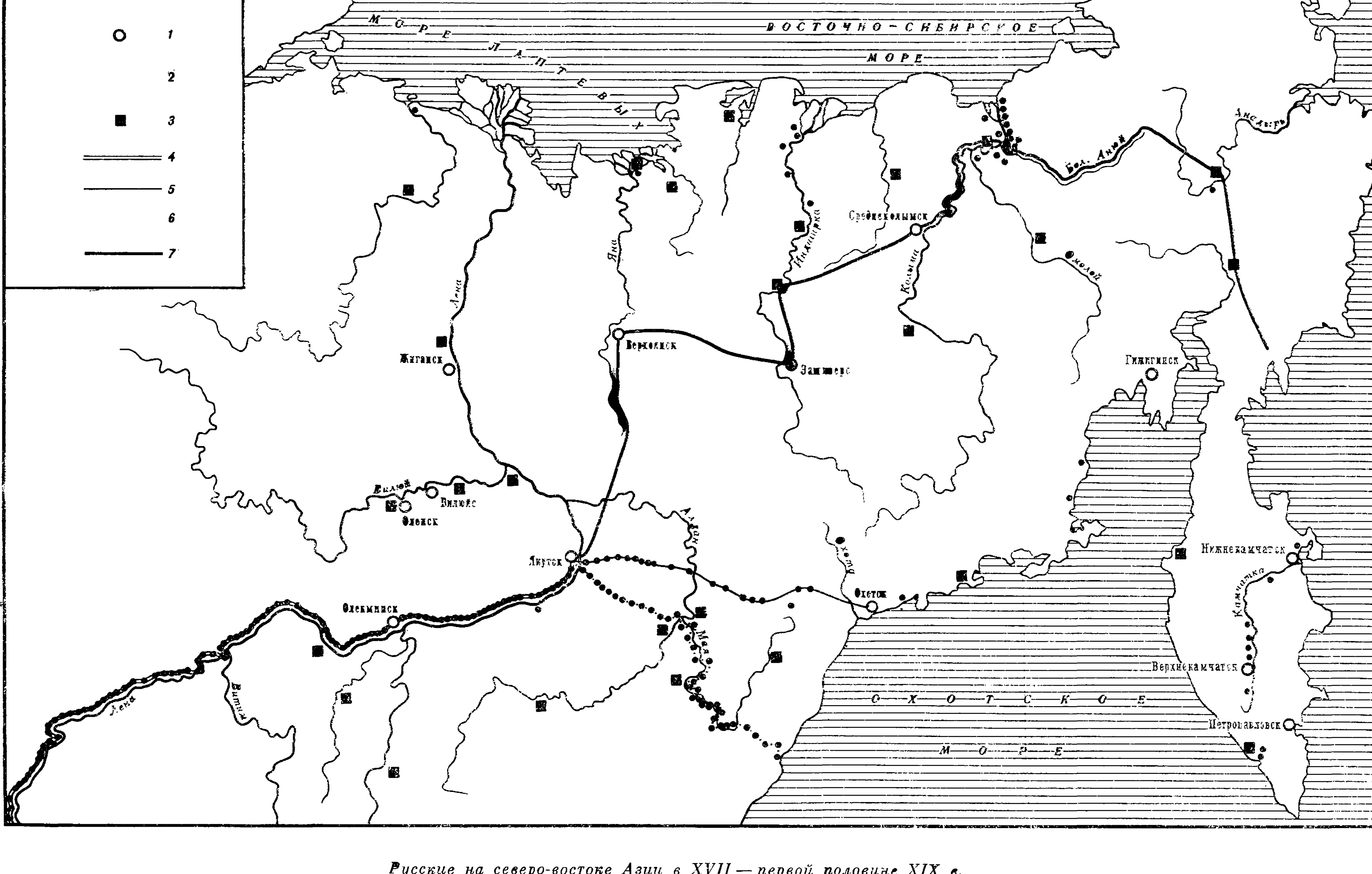
---

[161] *Афанасьев В. Ф.* Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966, с. 114—118.

[162] *Богородский.* Медико-топографическое описание Гижигинского округа, с. 124.

[163] ЛПБ, рукоп. отдел, Эрм. собр., № 360, л. 12—13, 17—18; ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6515.

[164] ЛПБ, рукоп. отдел, Эрм. собр., № 360, л. 11, 32—33.

Русские на северо-востоке Азии в XVII — первой половине XIX в.

1 — города; 2 — станции и деревни; 3 — острожки ясачные зимовья; 4 — Иркутско-Якутский тракт; 5 — Охотский тракт; 6 — Аянский тракт; 7 — путь на Камчатку в XVII — начале XVIII в.

Некоторые из этих предложений правительством были приняты во внимание [165].

В тех же местах в ссылке побывали и декабристы. В г. Вилюйске с января 1828 по июнь 1829 г. ссылку отбывал М. И. Муравьев-Апостол. Зимой, «в виде развлечения, могущего принести пользу и другим», он учил детей грамоте. Занятия проходили по правилам практиковавшихся тогда классных занятий. Муравьев-Апостол принимал посильное участие в общественной жизни городка. В своих воспоминаниях он посвятил ряд страниц быту, положению, вере и нравам якутов, что свидетельствует о живом интересе, проявленном им к этому народу. Он был поражен нищетой, бедностью и тяжелыми условиями жизни основной его массы и считал, что этим объясняется распространенность проказы среди населения Вилюйского округа. Одновременно он подчеркивал простоту нравов якутов, их правдивость и честность, отсутствие у них лукавства и привычки воровать [166].

В Олекминске ссылку отбывали двое декабристов: А. Н. Андреев, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, член «Северного общества», с января 1827 по сентябрь 1831 г., т. е. около 5 лет; Н. А. Чижов, лейтенант второго флотского экипажа в Кронштадте, член «Северного общества», с сентября 1826 по 1833 г., т. е. более 6 лет. Они в городе имели тесный круг друзей, в который входили, в частности, доктор Орлеанский, купцы Подъяков, Дудников и даже сам окружной исправник Федоров. Вместе с ними они проводили среди населения в какой-то мере культурно-просветительную работу. По их инициативе устраивались общественные гулянья для населения города. Подъяков под влиянием декабристов завязал переписку с книжной фирмой Глазунова, выписывал разную литературу, в том числе журнал «Московский телеграф» и «Историю русского народа» Н. Полевого. Андреев, желая принести пользу населению, на собственные средства построил первую в городе мукомольную мельницу. Он в качестве переводчика участвовал в экспедиции лейтенанта Дуэ, который плохо понимал по-русски. Экспедиция поднялась вверх по р. Олекме на 150 верст с целью исследовать залежи слюды и обследовать попадавшиеся на пути достопримечательности.

Оба декабриста проявили большой интерес к культуре, быту, обычаям и верованиям якутов. В этом отношении характерны стихи Чижова, посвященные якутской тематике, которые с удовольствием слушали олекминские друзья. Стихотворений этих было немало, но они остались неопубликованными. Исключение со-

---

[165] *Андреев А. И.* Изучение Якутии в XVIII веке.— Ученые зап. Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР (Якутск), 1956, вып. IV, с. 21—22; *Сафронов Ф. Г.* Генрих Фик в якутской ссылке.— Полярная звезда (Якутск), 1966, № 4, с. 138—141.

[166] *Беляев А. П.* Воспоминания Матвея Ивановича Муравьева-Апостола.— Русская старина, 1886, сент., с. 531—536; *Сафронов Ф. Г.* Декабристы в якутской ссылке. Якутск, 1955, с. 12—13, 36—41.

ставили лишь напечатанная в 1832 г. в «Московском телеграфе» баллада «Нуча» (т. е. русский) и в 1839 г. в альманахе «Утренняя заря» стихотворение «Воздушная дева», встреченные с одобрением читающей публикой [167].

Таков был образ жизни немногочисленных обитателей указанных городов.

Теперь перейдем к областным центрам, к городам в собственном смысле слова, сыгравшим значительно большую роль в экономическом и культурном развитии северо-востока Азии, прежде всего к Охотску и Петропавловску. В этих городах находились главным образом чиновники областной администрации, мореходы, судостроители, солдаты регулярных воинских частей, ссыльно-каторжные, т. е. люди, по роду своей службы или необходимости проживавшие здесь временно. Численность постоянного населения, состоявшего из купцов, мещан и разночинцев, всегда была незначительной. Однако малочисленное население Охотска и Петропавловска вело напряженную трудовую жизнь.

Город Охотск с самого начала стал центром деятельности русских на Тихом океане. Он был колыбелью отечественного судостроения на востоке. Здесь зародился торговый и военный Тихоокеанский флот. Здесь находился центр знаменитых экспедиций командора Витуса Беринга. Отсюда отправлялись многочисленные научные и промышленно-купеческие экспедиции. Кроме того, Охотск был опорным пунктом Русского государства в закреплении за ним обширных материковых территорий северо-востока Азии.

Петропавловск являлся вторым морским портом на Дальнем Востоке. Его роль особенно ярко проявилась в годы Крымской войны 1853—1856 гг. В 1854 г. в нее вступили Англия и Франция, сразу же начав военные действия против России и распространив их на Дальний Восток. Главное острие удара здесь было направлено на Петропавловск. 18 августа 1854 г. сюда подошла хорошо вооруженная англо-французская эскадра из 6 военных судов. Защитники Петропавловска под руководством В. С. Завойко выдержали четырехдневную бомбардировку города. В ожесточенных боях, переходивших в рукопашную схватку, были опрокинуты два десанта, высаженных противником 20 и 24 августа. Небольшой гарнизон, состоявший из 950 чел., в результате проявленного героизма обратил в бегство эскадру, имевшую решающий перевес в вооружении и в живой силе. Захватчики, предполагавшие, что Петропавловск сдастся при первых же выстрелах, и представлявшие свое поражение величайшим позором, должны были признать полное превосходство боевых и моральных качеств русских солдат Петропавловского порта. Их поражение предопределило неудачу англо-французов в летней кампании 1855 г. на

---

[167] *Кубалов Б.* Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, с. 48, 61; *Сафронов Ф. Г.* Декабристы в якутской ссылке, с. 13—14, 41—45.

Дальнем Востоке. Таким образом, Петропавловск сыграл решающую роль в защите наших дальневосточных рубежей [168].

Тем не менее трудовое население этих портов испытывало всю тяжесть полицейско-бюрократического режима, созданного феодально-крепостнической системой: барски-пренебрежительное отношение, жестокое обращение,— а иногда оказывалось на положении рабов. Так, Григорий Скорняков-Писарев, занимавший в 30-х годах XVIII в. должность командира Охотского порта, засекал подчиненных до смерти за ничтожные проступки, задерживал выдачу им жалованья и провиантского пайка, брал взятки. В начале XIX в. по всей Сибири пронеслась «слава» о начальнике Охотска Бухарине, во время правления которого не проходило дня, чтобы не раздавались стоны жертв, подвергшихся его гневу. Пытки и истязания совершались за ничтожные проступки. Людей отправляли в каторжную работу на солеваренный завод без всякого суда. Чиновников отрешали от должности и сажали под арест по произволу. Почта подвергалась проверке, неугодные письма уничтожались. Процветало взяточничество [169].

Были трудными условия жизни в климатическом отношении. Люди жаловались на «нездоровый и сырой воздух», «великия снежныя пурги зимой» и весенне-летние наводнения [170]. Тяжелым было и продовольственное положение, особенно в зимние месяцы. Продукты питания и товары привозились по Охотскому тракту и морем, вследствие чего очень дорожали. Денежное жалованье и продовольственный паек были скудными. На них нельзя было содержать семью, обзавестись хозяйством и домашней обстановкой. Однако служилые люди и их никогда полностью и в срок не получали [171]. Поэтому военнослужащие Камчатских островов в ущерб служебным обязанностям «по издавна заведенному порядку распускались летом для заготовления себе на зиму продовольствия» [172]. Даже в середине XIX в. в Охотске мясо появлялось только за столом богатых людей, а хлеб считался роскошью [173].

Стремясь улучшить продовольственное положение, некоторые жители Охотска во второй половине XVIII в. временами пытались выращивать хлебные злаки, но безуспешно. Зато привилось ого-

---

[168] *Степанов А.* Петропавловская оборона (1853—1856 годы). Хабаровск, 1940; *Сергеев И. А.* Оборона Петропавловска-на-Камчатке. М., 1954.

[169] *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник, 1869, т. CV, № 11, с. 29—32; № 12, с. 3—6; *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 50.

[170] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, д. 5123, л. 1—8.

[171] *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край, с. 56—60.

[172] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке... ч. IV, с. 15—16.

[173] *Гартвиг.* Природа и человек на Крайнем Севере, с. 229; см. также: *Gibson J.* Feeding the Russian fur Trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka Peninsula. 1639—1856. Madison, Milwaukee and London, 1969, p. 223.

родничество, ставшее серьезным подспорьем в хозяйстве многих горожан. Оно было здесь хорошо поставлено уже в середине XVIII в. Огородные участки являлись обязательной принадлежностью почти каждого дома. Жители выращивали картофель, причем, чтобы он рос лучше, при посадке в лунку клали рыбу, выброшенную на берег морем. Выращивали также капусту, репу, брюкву, редьку и другие овощи [174]. В первой половине XIX в. картофель и овощи важной частью народного продовольствия стали и в Петропавловске. Осведомленные лица писали, что «огородные овощи здесь родятся в изобилии и замечательны по своей величине». Выращивались не только картофель и капуста, но и огурцы, дыни, клубника и пр. На осенней петропавловской выставке овощей 1854 г. картофель, капуста, репа и редька были «выставлены поистине в великолепных образцах. Кроме того, оказались очень хорошими свекла, морковь и огурцы» [175].

Жители Охотска и Петропавловска, кто имел время и возможность, естественно, занимались рыболовством и охотой. В Охотске рыбные промыслы издавна составляли одно из главнейших занятий казаков и беднейшей части населения [176]. Ловля лососей, которых в Охотском море насчитывается более десяти видов, дополнялась звероловством — продовольственной и пушной охотой. Рыболовство не менее важную роль играло и в жизни части населения Петропавловска. Реки Камчатки, во все стороны стекающие с гор в море, изобиловали рыбой из рода лососевых (до 15 видов). С весны до осени она поднималась из моря вверх до истоков рек «в таком множестве и с такой силою против течения, что не может быть останавливаема». Ловили ее все лето [177]. Подспорьем являлась и звериная ловля, так как в лесах Камчатки водились дикие олени, бараны, медведи, соболи, лисицы, росомахи, выдры, горностаи и т. д. Здесь соболя, по примеру местных жителей, гоняли на лыжах, стараясь утомить его и загнать в какое-либо убежище (в кучу камней, дупло дерева), затем загораживали ему выход сеткой, после чего выкуривали его дымом или другими способами.

В снабжении жителей Петропавловска значительную роль сыграла выгодность географического положения этого порта.

---

[174] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 289, л. 15—16; *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 11, с. 56; № 12, с. 44; *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 84—85.

[175] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 70; *Голенищев Г.* О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах.— ЖМВД, 1833, № 12, ч. X, с. 5—6; *Войт В.* Камчатка и ее обитатели. СПб., 1855, с. 4; *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке, с. 676.

[176] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, д. 5123, л. 4; ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 289, л. 15, 42.

[177] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 336, л. 67—70; оп. 2, д. 5, л. 9—10; *Гагемейстер Ю. А.* Хозяйственно-статистический обзор Камчатки.— ЖМВД, 1853, ч. 42, с. 240—243.

В Берингово и Охотское моря ежегодно приходили американские, английские и французские китобойные суда, особенно много их было в первой половине и середине XIX в.[178] Многие из этих судов заходили в Петропавловск для ремонта и отдыха команды. Привозили они и товары. В 1846 и 1847 гг., например, Петропавловск посетило до 20 американских судов. Сюда же частенько приходили и иностранные купеческие суда, преимущественно американские и английские, с различными промышленными и продовольственными товарами [179]. Товары в Петропавловск доставлялись также судами Российско-Американской компании. Они привозились и из Охотска, куда ежедневно ездили для их закупки петропавловские купцы.

Эти товары раскупались жителями города. Но львиная их доля доставалась немногочисленным петропавловским купцам, имевшим при своих жилищах лавочки. Хотя сюда, в центр торговли всего полуострова, приезжали камчадалы близлежащих селений и сбывали свои товары, выменивая их на нужные им изделия и припасы, однако купцы основную часть товаров реализовывали другим, издавна заведенным и очень выгодным для них способом, а именно совершая ежегодно зимой торговые поездки по селениям всего полуострова. Во время этих путешествий, длившихся 3—4 месяца, они за чай, табак, сахар, муку, водку, посуду, ткани и другие изделия по очень низкой цене выменивали дорогие меха и выделанные оленьи кожи.

Охотск был также местом средоточия сибирской приморской торговли. Здесь ежегодно в июле открывалась ярмарка, на которой привезенные из Иркутска и других мест российские и китайские товары раскупались охотскими, гижигинскими, петропавловскими купцами и другими жителями и развозились во все окружающие места, на острова Охотского моря и на Камчатку. Там за них приобретались превосходные гижигинские соболя, камчатские огневки (красные лисицы высшего сорта), чернобурые лисицы и иные ценные шкурки, чукотская моржовая кость, оленьи ровдуги и т. д. Эти местные товары в следующую ярмарку теми же купцами привозились в Охотск и снова выменивались на привозные товары. Таким образом, Охотский порт являлся важным центром ежегодно повторявшегося круговорота товаров. Сюда же, правда нерегулярно и в меньшем числе, чем в Петропавловск, приходили и иностранные торговые суда, преимущественно американские, с различными промышленными и продовольственными товарами.

Охотск и Петропавловск были в известной мере центрами распространения грамотности. В Охотске уже в 1732 г. была ор-

---

[178] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. V, с. 49; *Гагемейстер Ю. А.* Хозяйственно-статистический обзор Камчатки, с. 243.

[179] *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке... ч. V, с. 49.

ганизована навигацкая школа, просуществовавшая до середины XIX в. Учащиеся изучали в ней грамоту, арифметику, черчение, геометрию, геодезию, судостроительное дело и мореходство. Выпускники становились штурманами и их помощниками, занимали различные должности по линии морского ведомства. Число учащихся не превышало 20. В 1740 г. начала действовать школа для детей нижних чинов. В ней уже в 1741 г. грамоте, арифметике и рисованию обучался 21 чел. В начале 80-х годов появилась так называемая общенародная школа, в которой в 1788 г. состояло 162 ученика. В Петропавловске в 1818 г. была основана ремесленная школа, функционировавшая до середины XIX в. В ней учились дети тех, кто нес службу в экипажной роте, и казаков. С 1829 г. по решению правительства в школу решено было набирать детей одних «камчатских природных обитателей», т. е. камчадалов и русских старожилов. Впоследствии в школу стали принимать и детей казаков, если последние являлись постоянными жителями Камчатки. Школа готовила портных, столяров, плотников, кузнецов, чеботарей и т. д. Ученики, кроме различных ремесел, учились и грамоте. В 1820 г. было открыто двухклассное духовное училище, упраздненное в 1844 г. (в связи с открытием духовной семинарии в Ново-Архангельске). В училище обучались дети духовных служителей и камчадалов. В первом классе учили русский и славянский языки, чистописание и «нотное пение», во втором — арифметику, грамматику и закон божий. В 1840 г. была открыта школа для детей нижних чинов и разночинцев. Здесь учащиеся изучали грамоту, арифметику и закон божий [180].

Довольно высокими были и духовные потребности отдельных горожан. Об этом можно судить по ведомости, «сочиненной в Охотской градской полиции о числе хранящихся во оной поступивших в прием от унтер-офицера Дьяконова разных сочинениев» (21 октября 1801 г.). Это опись книг на разных языках (русском, латинском, немецком, английском и др.) по самым различным отраслям знаний. Здесь числятся труды по всемирной и римской истории, сочинения Миллера, Фишера, Гмелина, Палласа, Георги, Лепехина, исторические словари, различные лексиконы и атласы, книги по географии стран Западной Европы, пособия и трактаты по математике, геометрии, тригонометрии, физике, механике, минералогии, медицине и т. д. Но по содержанию документа трудно определить, кому принадлежали эти книги:

---

[180] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 2, д. 5, л. 6; ф. 1016, оп. 1, д. 289, л. 44; *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 11, с. 55, 59, 64; № 12, с. 11; *Он же.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке..., ч. V, с. 6—7, 28, 40, 44; *Головнин Г.* О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах, с. 19—20; *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота, с. 57, 69, 112—115; *Копылов А. Н.* Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968, с. 65—66, 72—73.

библиотеке городской полиции или библиофилу унтер-офицеру Дьяконову. Однако важнее не это, а названия книг, которые в какой-то степени свидетельствуют о широте интересов читающей части населения г. Охотска [181].

Наконец, о жителях г. Якутска — главного политического и культурного центра всего северо-востока Азии.

Несмотря на малочисленность населения, этот город сыграл выдающуюся роль в истории русского государства. Якутск был опорным пунктом в присоединении к России огромных территорий Заполярья, Чукотки, Камчатки, Охотского побережья, Алеутских и Курильских островов и Аляски. От него начинались Охотский и Аянский тракты, связывавшие Россию с Тихоокеанским побережьем. Через Якутск и эти тракты до середины XIX в., т. е. до открытия амурского водного пути, осуществлялись все политические, экономические и культурные связи страны с Дальним Востоком. На якутских воеводах, областных и губернских управлениях в течение двух веков лежала трудная обязанность по переброске массы военно-служилых и чиновных лиц, работных людей и ссыльных, крестьян и всякого рода переселенцев, сотрудников разных научных экспедиций и путешественников, огромного количества казенных, экспедиционных и партикулярных грузов, почты и т. д. Город внес свою лепту в дело не только политического закрепления за Русским государством необозримых территорий, но и их освоения, развития их производительных сил, подъема их экономики и культуры, игравших важную роль в политическом усилении и экономическом развитии самого Русского государства.

Жители города, принадлежавшие в большинстве своем к служило-чиновничьим сословиям, получали казенное жалованье деньгами и продуктами, однако наравне с посадскими, мещанами и разночинцами проявляли большую заботу «про домовую провизию». Они занимались прежде всего скотоводством, которое всегда являлось самым распространенным занятием жителей Якутска. Почти каждый более или менее состоятельный житель города считал необходимым иметь рогатый скот и лошадей. Однако количество этого скота нам неизвестно, поскольку власти не проводили переписи. «Роспись» скота горожан, проведенная в 1644 г., насколько можно судить по имеющимся у нас данным, является единственным таким мероприятием. В том году в Якутском остроге скот имело абсолютное большинство дворов, причем на каждый двор служилого человека приходилось в среднем по 5,7 головы рогатого скота и лошадей, на каждый двор торговых и промышленных людей — по 3,8 головы. Отдельные хозяйства имели сравнительно большое поголовье скота. Так, у казака Василия Горина было 20 коров, 11 телят и бык, всего 32 головы; у толмача Григория Летнева — 16 коров, 4 теленка, 6 быков и бычков,

---

[181] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1059, оп. 2, д. 14, л. 70—72.

4 лошади, жеребец, кобыла и жеребенок, всего 33 головы [182]. Имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные данные позволяют судить и о скотоводческом хозяйстве горожан в более позднее время. Так, в 1690 г. казак Кирил Ярофеев заявил, что у него утерялись 4 лошади; их искал его скотник якут Сыланской волости Тугарчанко [183]. В начале 1750-х годов сибирский губернатор доносил в Правительствующий Сенат, что якутские дети боярские и казаки имеют «довольное число скота» [184]. О том же заявлялось в 1782 г. относительно купцов, мещан и цеховых [185].

Каким образом русские приобретали скот? В первое время главным образом насильственным путем во время присоединения якутских племен к Русскому государству. Впоследствии такой способ отпадает. Но случаи отобрания скота продолжали иметь место, особенно ясачными сборщиками, злоупотреблявшими своим служебным положением. Однако значительная часть скота приобреталась путем покупки, особенно посадскими, мещанами и разночинцами. В 1664 г. якуты Атамайской, Батурусской, Бетунской, Кангаласской, Мегинской, Намской, Нерюктейской и Чумекской волостей писали воеводе И. Голенищеву-Кутузову, что, «збывая с себя за прошлые годы... ясаку и поминков доимку, обнищали и обедняли» и многие из них распродали «русским людям свой скот» [186]. Продажа и покупка скота широко практиковались до самой середины XIX в.

Вначале горожане содержали свой скот главным образом на разных условиях у подгородних якутов [187]. Впоследствии в связи с постепенным разрешением проблемы сенокосных угодий русские основную массу скота стали содержать в своем хозяйстве.

Казаки, с самого начала жаловавшиеся, что «сенных покосов у них нет и скота им кормить нечем», по челобитным стали получать покосные угодья вблизи Якутского острога — на островах Лены и на материковых лугах. Причем вначале косили они сено «по челобитьям без отводу и без дачи».

Только с начала 60-х годов XVII в. кладется конец такому бесконтрольному владению сенокосами. Отныне все участки измеряли, обмежевывали и сведения о них вносили в «записные», «межевые», «мерные» книги, а получателям выдавали документы на право пользования — «отводные памяти» или «данные». При этом до отвода просимого участка проводился сыск. «Наперед сего то место кому отдано ль, и будет отдано и по чему отдано. Да будет то место никому не отдано и спору не будет, и вам то место измерить в сажени, а сажень мерить в трехаршинную.

---

[182] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 3, стб. 14, л. 41—44.
[183] Там же, карт. 43, стб. 16, л. 5—6.
[184] ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, д. 4566, л. 1 об.
[185] ЦГА ЯАССР, ф. 2, оп. 1, д. 15, л. 2.
[186] КПМГЯ, с. 211—212.
[187] Архив ЛОИИ, ф. 160, стб. 2, л. 51; карт. 3, стб. 14, л. 41—45; КПМГЯ, с. 150—151.

Да что в сыску сторонние люди скажут, и то велеть написать на список и тот список за своею рукою и за сторонних людей руками подать в съезжей избе воеводе и дьяку»,— обычно писалось в наказных памятях лицам, уполномоченным на отвод того или иного участка [188].

Вначале казакам отводилось земли мало — по 1/2 десятины [189]. С конца XVII в. стали давать больше — по 1 1/2 десятины [190]. Верхи служилого населения — дворяне и дети боярские, пользуясь своим положением, брали намного больше покосов. Те из казаков, которые имели много скота, покупали участки у якутов [191].

По челобитным землю получало и неслужилое население Якутска — посадские, купцы и разночинцы, но сколько — неизвестно. Однако некоторые из них владели несколькими десятками десятин. В 1772 г., например, купец П. Протодьяконов имел 32 десятины сенокосов [192].

С начала 70-х годов XVIII в. устанавливаются новые порядки пользования сенокосными угодьями. Отныне те участки, которые превышали узаконенные размеры, были отобраны и превращены в «оброчные земли» [193]. Их стали сдавать с торгов. Желающие ими пользоваться по объявлениям воеводской канцелярии собирались в условленное время и место, и сдаваемые участки с публичных торгов получали для пользования на определенный срок те, кто давал бо́льшую плату за десятину [194]. Некоторые служилые добавочную землю получали не в оброк, а за хлебное жалованье. В 1772 г., например, сотник А. Колмогоров имел 30 десятин покосов, полученных им за хлебное жалованье в 1762 г.[195]

Новые порядки пользования сенокосами оказались выгодными только для состоятельных жителей города, поскольку они, имея средства, перехватывали на торгах лучшие государственные оброчные земли, часто немалого размера. Об этом свидетельствует генеральная ведомость о числе жителей Якутска и их землях, составленная в ноябре 1773 г.[196] Согласно данным этой ведомости, воевода Я. Афросимов за оброк и хлебное жалованье получал 57 десятин покосов, секунд-майор П. Мантейфельд — 50, титулярный советник И. Татаринов — 20, штурманский ученик А. Тугаринов — 34; священники: И. Карамзин — 18 1/2, Г. Ноговицын — 10; купцы: П. Протодьяконов — 32, В. Уваров — 29, М. Вят-

---

188 Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 23, стб. 9, л. 15—17; карт. 25, стб. 4, л. 16; карт. 34, стб. 26, л. 21—22; карт. 40, стб. 15, л. 35—36.

189 Там же, карт. 40, стб. 15, л. 51, 58.

190 Там же, карт. 47, стб. 16, л. 16.

191 Там же, карт. 33, стб. 6, л. 108—110, 113—114; карт. 38, стб. 5, л. 89—91; карт. 49, стб. 19, л. 11—13.

192 *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 101.

193 ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 47, л. 78—90.

194 ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 62, л. 1—2, 3—8, 12, 17.

195 Там же, д. 63, л. 4.

196 ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 47, л. 82—85.

кин — 19, Е. Десяткин — 15, В. Налетов — 11, А. Соловьев — 11, Д. Расторгуев — 8, Е. Седалищев — 5; дворяне: А. Аргунов — 53, И. Колесов — 35, И. Старостин — 31, А. Новгородов — 20; сотники: П. Атласов — 24, В. Шелковников — 16, А. Прудецкий — 12; дети боярские: В. Кривошапкин — 38, Е. Кычкин — 38, С. Аммосов — 36, Я. Уваров — 25, Е. Борисов — 23, И. Гуляев — 18, М. Борисов — 14, Г. Кривошапкин с отцом — 80, Д. Уваров за оброк и хлебное жалованье — 10, Е. Шадрин — 11, А. Сивцев — 7, Н. Шестаков — $5^1/_2$; пятидесятники: И. Кошелев — 22, С. Олесов — 10, А. Борисов — 5; казаки: М. Казаков — 13, А. Ушаков — 1; подпоручик Ф. Чемезов — 25, прапорщик А. Данилов — 31, сержант И. Попов — 6, коллежский протоколист Е. Ермолаев — 6, регистратор Г. Сметанин — 11; канцеляристы: П. Докторов — 15, К. Аржаков — 14, И. Колычев — 13, И. Афанасьев — 10, В. Неустроев — 6; подканцелярист Н. Расторгуев — 3, копиист С. Климовский — 8, канцелярский сторож И. Шестаков — 4.

Таким образом, в числе оброчников оказались преимущественно верхи служилого населения, священнослужители, купцы. Среди них почти не было казаков, которые, не имея достаточных средств, довольствовались небольшими участками, отведенными им казной. Среди оброчников не было и рядовых посадских. Отсюда неравномерность в землепользовании горожан, приводившая к трениям и распрям между различными слоями населения. В 1782 г. из Якутской ратуши в Иркутский губернский магистрат писали, что у якутских мещан и цеховых нет «к содержанию имеющегося скота довольного числа сенных покосов», что в то же время некоторые персоны имеют земли по 50 десятин и более. На этом основании просили «не оставить уравнением» землепользования для того, «чтобы один человек многим числом десятин покосами не владел», от чего происходит «отягощение народное», и чтобы «один за удовольствием своим по великому числу покосов» не продавал сено «высокою ценою» [197].

Принятый в 1822 г. «Устав о сибирских городовых казаках» [198], действовавший до самого начала XX в., унифицировал основы казачьего землепользования в пределах всей Сибири. Был установлен 15-десятинный размер земельного надела на одного служилого для хлебопашества и скотоводства. Наделы следовало отводить «из пустопорожних, а где возможно, из оброчных казенных земель». Сверх этого надела казаки и их командиры могли пользоваться участками, расчищенными ими самими от лесов или осушенными из болот, и пожалованными землями.

Это несколько улучшило материальное положение рядового казачества. Однако до середины XIX в. не все рядовые казаки были наделены 15-десятинным земельным участком [199].

[197] ЦГА ЯАССР, ф. 2, оп. 1, д. 15, л. 2.
[198] ППСЗ, т. XXXVIII, с. 540.
[199] *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 260

Скотоводство не было единственным занятием жителей Якутска. Многие из них уже с середины XVII в. держали кур [200]. Однако эта отрасль хозяйства никогда не вызывала интереса администрации. Учета птицы не проводилось. Поэтому не представляется возможности более подробно осветить этот вопрос.

Жители Якутска временами занимались и хлебопашеством. Первые пробные посевы проводились еще в 40-х годах XVII в. В 1830—1850-х годах купцы и отдельные чиновники ежегодно получали тысячи пудов озимой и яровой ржи, пшеницы, ячменя и овса. Годовые посевы некоторых из них составляли до 80 десятин.

Рано возникло огородничество. До нас дошли челобитные 22 служилых, промышленных и посадских людей от 1655 г. о даче им мест «под дворы и под огороды» в Якутском остроге. В воеводских пометах об удовлетворении этих просьб также писалось о даче просителям места «под двор и под огород против иных» [201]. В 1668 г. казак Гаврилка Федоров сын Черепан просил об отводе ему места «под двор и под огород позади двора служилого человека Ондрея Черкухина». Воевода послал туда человека с поручением «мерить и сыскать», и если то место окажется «порозжим», «ему по мере против ево братьи того порозжего места отмерить под двор и под огород» [202]. В 1688—1689 гг. 10 казаков, 2 подьячих и посадский били челом о жаловании их «дворовыми и огородными местами». В связи с этим в справке воеводской канцелярии писали, что «рядовым казакам в прошлых годах при прежних воеводах давано земли под двор и под огород длиннину по 18 сажень, поперешнину по 12 сажень человеку» [203]. Если понимать эти слова в буквальном смысле, то получается, что уже в XVII в. каждый житель имел огород.

В действительности, однако, бессемейные казаки, занятые службой, хотя по традиции и получали участки «под двор и огород», заниматься огородничеством не могли. Это дело было под силу лишь тем жителям, которые имели семьи, т. е. соответствующие рабочие руки [204]. Посадка огородных культур стала традицией. Ею занимались и в XVIII, и в XIX вв. В 1773 г. коллежский регистратор Г. Сметанин огород, в котором «посажены овощи, длиною 9 саженей, шириною $5^1/_2$», имел даже за городом, на заимке своей [205]. Но поскольку выращивание овощей не относилось к податной категории занятий и являлось подсобным промыслом горожан, более подробных сведений о нем не сохранилось.

---

200 Архив ЛОИИ, ф. 160, оп. 1, карт. 13, стб. 3, л. 91—96.
201 Там же, карт. 15, стб. 7, л. 46—65.
202 ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 1, стб. 18, л. 75—76.
203 Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 40, стб. 15, л. 1—13, 43.
204 Там же, карт. 21, стб. 1, л. 89—93.
205 ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 60, л. 4.

Важным подспорьем служило рыболовство. Уже в 1641 г. казаки Якутска «промышляли [рыбу] неводишком для своей нужи» [206]. Как видно из переписной книги жителей от 1656 г., в городе жили даже люди, специализировавшиеся на рыболовстве. Их было около 10 человек. Про них говорится: «рыболов, ловит неводом», «рыболов, неводный ловец», «рыболов, ловит переметом и неводом». Некоторые из них торговали рыбой. «Двор промышленника Нехорошка Яковлева сына, рыбник з детьми, а ловит рыбу с неводом и торгует»,— сказано в книге [207]. Вероятно, в ловле рыбы, особенно летом, принимали участие многие жители города, видя в ней существенный дополнительный источник пропитания. По-видимому, именно поэтому в начале 50-х годов XVIII в. тобольский губернатор поставил перед Сенатом вопрос о снижении хлебного оклада якутских детей боярских «за удовольством рыбою и зверьми» [208]. Интересно отметить то, что жители города временами принимали меры даже к искусственному размножению рыбных богатств в близлежащих водоемах. Так, в 1772 г. сотник Андрей Игнатьевич Колмогоров писал в воеводскую канцелярию, что «в озеро Ытык-Кель рыба караси и мунда [якутское наименование гальяна] мною сажены и умножены» [209].

Тем временем администрация обратила внимание на то, что рыболовные места используются издавна бесплатно. «Присмотрено мною, что города Якуцка обыватели, между тем и других городов промышленники имеют около города на казенных по Лене реке песках кроме якуцких ясышных мест рыбные неводами промыслы и продажу чинят, да есть и озера рыбные, ис коих иные называются воеводскими, и как от здешних жителей и от якутов наслышался я, что оными называемыми воеводскими озерами пользовались ловлею рыбы воеводы с канцелярскими служители, а указов из главных команд, чтоб им теми пользоваться без оброку, по старанию моему не отыскано»,— писал в марте 1772 г. якутский воевода. По примеру «протчих российских городов» и ради «высочайшего интереса приращения» он приказал прекратить бесплатный лов рыбы и все рыболовные «пески» сдавать в оброк с публичных торгов и «троекратно публиковать указом, чтоб обыватели и приезжающие бес платежа в казну оброку на тех казенных песках и озерах промыслу рыбного ни под каким видом не имели под штрафом» [210]. И рыболовные места, как и сенокосные участки, стали сдаваться с торгов.

Ремесло в городе не получило широкого развития. Первое время умельцы были главным образом среди служилых людей.

---

[206] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 3, стб. 14, л. 40.
[207] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 539, л. 6, 8, 13.
[208] Там же, Сиб. прик., ф. 214, оп. 1, д. 4566, л. 10 об.
[209] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 1.
[210] Там же, д. 62, л. 9—10.

В 1656 г. в городе среди казаков были иконник, свечник и 2 бочара[211], в 1681 г.— 15 ремесленников, в том числе 2 плотника, оконщик, мясник, 2 сапожника, гребенщин, мыльник, свечник, 2 кузнеца и 3 котельника[212].

Именно эти люди, большей частью находившиеся на государственной службе, в XVII в. выполняли ремесленные работы для жителей Якутского острога. В 1640 г., например, кузнец Онтипко Фролов по приказу воевод сделал «чарку винную». В 1650-х годах сторож приказной избы Митька Маковеев заготовлял чернила для канцелярских нужд. В 1660-х годах служилый Иван Драчев переплетал ясачные, денежные, хлебные и прочие книги в приказной избе. В 1670-х годах этим делом занимался подьячий съезжей избы Логинко Титов. В 1661 г. Кондрашка Сапожник делал «на государев обиход» 13 кож «в сыромять»[213] В том же году служилый Данилка Сапожник шил на тот же обиход «из коровьих кож 14 сум новых»[214]. В 1672 г. казак Ивашка Харитонов Котельник «робил в казну пуд меди красной в котлы...— котлы малые иноземцом ясачным людям на жалованье». В 1672 г. сторожа съезжей избы Онашка Воробей и Левка Белоус «лили в казну полпята пуда свеч из говяжья жиру». В 1675 г. казаки «кирпичники» Гришка Никифоров и Ганька Федоров заготовили 2 тыс. кирпичей — «зженые» и «необжиганные»[215]. В 1686 г. казак Мишка Кирилов Кузнец «подряжен ис приказной избы к кузнечному делу ковать на великих государей обиход для колодезного дела ковать кирки и всякую снасть на своем кирпичном заводе и своим угольем»[216]. Среди умельцев находились и резчики по кости. В 1661 г. промышленник Гришка Пинега «делал заповедное дело — кости зерновые зерньщиком играть зернью». У него отобрали 170 зерновых костей и били его батогом[217].

С увеличением посада появляются мастеровые из неслужилого населения. Об этом свидетельствуют следующие данные[218].

Приверстаны в посад	Из них «объявили за собою»
В 1726 г. 1 чел.	«портное мастерство»
В 1727 г. 4 чел.	1 — «мыльной промысел», 1 — «гребенное мастерство»
В 1728 г. 1 чел.	«мыльной промысел»

[211] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 539, л. 1—14.

[212] *Сафронов Ф. Г.* Город Якутск в XVII — начале XIX века. Якутск, 1957, с. 45.

[213] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 4, стб. 1, л. 40; карт. 15, стб. 7, л. 5—6; карт. 19, стб. 4, л. 164, 188; карт 26, стб. 2, л. 22—23.

[214] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 1, д. 34, л. 254.

[215] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 26, стб. 2, л. 92—94, 100—101; карт. 29, стб. 16, л. 214—215.

[216] ЦГАДА, Як. прик. изба, ф. 1177, оп. 1, стб. 27, л, 69,

[217] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 19, стб. 4, л. 69,

[218] ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, кн. 11, л. 5—13.

В 1731 г. 6 чел.	1 — «мыльной промысел»
В 1733 г. 8 чел.	1 — «мыльной промысел»
	1 — «гребенное мастерство»
	1 — «чеботное мастерство»
В 1734 г. 8 чел.	1 — «рыбной промысел»
	1 — «гребенное мастерство»
	1 — «гребенное и чеботное мастерство»
	1 — «мыльной промысел»
В 1735 г. 13 чел.	1 — «портное мастерство»
	1 — «кожевенное и лосиное мастерство»
	1 — «мыльной промысел»
	4 — «чеботное мастерство»
В 1736 г. 7 чел.	1 — «чеботное мастерство», 2 — «мыльной промысел»
В 1737 г. 11 чел.	1 — «серебреное мастерство»
	1 — «кожевенный промысел»
	1 — «чеботное мастерство»
	1 — «мыльной промысел»
	1 — «портное мастерство»
В 1738 г. 5 чел.	1 — «серебреное мастерство»
	1 — «чеботное мастерство»
	1 — «портное мастерство»

Из-за малочисленности населения Якутска не все эти мастеровые находили применение своему труду. Те же, кто имел мелкие домашние заведения, работали больше на заказ, чем на рынок. Так было до самой середины XIX в., причем их заведения на учет не принимались. Именно поэтому в статистические сведения о Восточной Сибири за 1823 г. попали только кирпичный завод и 5 кузниц частных лиц г. Якутска [219]. В отчете гражданского губернатора о состоянии Якутской области за 1854 г. отмечены мыловаренный и салотопенный заводы мещанина Михаила Петрова. Они выпускали продукции на 2956 руб. в год. Она сбывалась в Якутске и его округе [220]. В подобном же отчете за 1862 г. упомянуты салотопенный и 2 кирпичных завода, папиросная фабрика, с годовой продукцией в 6610 руб. Казенных фабрик и заводов не было [221].

Все упомянутые немногочисленные заведения были сравнительно крупными мастерскими, во всяком случае если не мануфактурного, то полумануфактурного типа. Наряду с ними продолжали существовать домашние заведения отдельных кустарей — плотников, столяров, печников, портных, сапожников, кожевенников, гребенщиков, серебряных дел мастеров и других умельцев, работавших на заказ, а иногда и на рынок.

Однако наибольшее значение в экономической жизни Якутска имело богатство края ценными мехами, моржовыми клыка-

---

[219] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1 (54), д. 128, л. 62—63.
[220] Там же, ф. 1265, оп. 4, д. 112, л. 68—69.
[221] Там же, оп. 12, д. 10, л. 60.

ми и мамонтовой костью. Поэтому сюда издавна ежегодно приезжали купцы из других городов страны с русскими и иноземными промышленными и продовольственными товарами и крестьяне верховьев Лены с хлебными запасами. Сюда же приезжали якуты и местные купцы со своими товарами. «Якутск, как известно,— писал в начале XIX в. Ф. Врангель,— есть средоточие не малой части северной сибирской торговли. От Анабары до Берингова пролива, от берегов Ледовитого моря до находящегося у Олекмы горного хребта Алдана, из Удского острога, даже из Охотска и Камчатки, с пространства, составляющего несколько тысяч верст в окружности, свозятся в сей город драгоценнейшие и простые пушные товары всякого рода; сверх того моржовые зубы и загадочные мамонтовые кости... В оборот приводится всего более нежели на два с половиной миллиона рублей, и одних пушных товаров бывает миллиона на полтора» [222].

Для обслуживания этой торговли еще в середине XVIII в. возник базар, имевший уже в 1654 г. более десятка лавок. Затем около крепости возник гостиный двор, в котором в 1697 г. было 22 лавки. В 1764 г. в том же гостином дворе было 94 лавки купцов, духовенства и посадских. Кроме него, продолжал функционировать на берегу реки старый базар, так называемый малый, с 27 амбарами [223]. В 1768 г. в городе была учреждена общая городская ярмарка. Она открывалась в начале июня и продолжалась до середины июля, а иногда и до августа. Торг происходил в гостином дворе, где в 1824 г. было 76 лавок, и на малом базаре, где было 47 лавок [224]. Торги велись круглый год, но особенно оживленными становились в ярмарочные дни.

В дни ярмарок в Якутске собиралось большое число людей — приезжие купцы из различных мест огромного края, якуты подгородних улусов и крестьяне слобод. В лавках можно было видеть, кроме привозных товаров и изделий, камчатских, гижигинских и удских соболей и лисиц, колымских выдр, куниц и бобров, песцов из тундры, моржовые клыки с Чукотки, мамонтовую кость с Ляховских островов и т. д. А. Марлинский, наблюдавший летнюю ярмарку 1828 г., оставил следующие записи: *28 апреля*: «В конце июня начнется ярмарка, и Якутск оживится. Здесь, как и в Неаполе, в то время все работы и прогулки происходят ночью, ибо жар в дни бывает несперпимый»; *10 июня*: «Якутск оживился; паузки и барки приплывают с песнями. Народ толпится на берегу встречать родных и знакомых или предлагает услуги в наем; якуты катают бревна и перегружают суда, и главная работа идет ночью»; *25 июля:* «Ярмонка почти

---

[222] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, с. 108.

[223] ААН СССР, ф. 3, оп. 10 а, д. 199, л. 243; ЛПБ, рукоп. отдел, ф. Эрм. собр., Эрм. 238, 6-f, л. 40—45.

[224] Памятная книжка Якутской области за 1863 год, с. 117; *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии, с. 180.

кончилась. Купцы ращитываются и зашивают меха. Суда, на которых отправляются отсюда торговые люди, готовы к отплытию»[225].

Промышленные и продовольственные товары, приобретенные в Якутске в дни ярмарок, местные купцы и их агенты развозили по ярмаркам всего северо-востока Азии, включая побережья Ледовитого и Тихого океанов.

Город Якутск был центром, где возникли первые очаги просвещения. Правда, в XVII — начале XVIII в. грамотность населения была очень низка. В 1705 г. в городе была проведена перепись дворов, «на которые пускают для постою всяких чинов приезжих людей». Оказалось, что на разных условиях постояльцев держали 16 служилых и посадских людей. Из них в удостоверение верности поданных сведений сами расписались только трое, а за остальных 13 по их просьбе руки приложили посторонние лица[226]. В 1720 г. была составлена переписная книга населения города. В разделе этой книги, названном «Якуцкого города дворяне и дети боярские и всякого чина люди посланы были из Якуцка великого государя по служжбам в прошлом 1719 г. и у переписи не были, а в нынешнем 1720 г. ис посылок в Якутцком явились», внесены сказки 3 дворян, 7 детей боярских и 157 казаков (о летах своих, членах семей и дворовых). Под сказками сами расписались: дворяне все, из детей боярских 4 и из казаков только 18 чел. Остальные, в том числе около половины детей боярских, оказались неграмотными и за них расписались другие[227].

Тем не менее потребность администрации в грамотных людях, поскольку она была небольшой, удовлетворялась без особенного труда. Об этом свидетельствует, например, легкость, с которой замещалась должность площадного подъячего «Площадное письмо» всегда сдавалось на откуп: на год, реже на два, с торгов «из наддачи», т. е. тому, кто больше даст. «Велено прокликать на гостине дворе и по слободам биричю Ваське Кычкину, хто б то площадное письмо взял на откуп из наддачи»,— писали в 1684 г. в Якутской воеводской канцелярии. Грамотеи, желающие брать на себя обязанности писчика на площади, находились всегда. Поэтому откупная цена постоянно возрастала. В 1647 г. откупщики за год платили 20 руб., в 1654 г.— 30, в 1675 г.— 37, в 1684 г.— 38 руб.

Заплатив казне откупную цену, они собирали в свою пользу «писчее» с населения. Чтобы не было произвола в этом деле, администрация иногда устанавливала размеры «писчего». Например, в 1647 г. было установлено, чтобы площадные подъячие брали за оформление кабал, «где деньги именуются», с рубля по

---

225 Памяти декабристов, т. 2. Л., 1926, с. 195, 203, 212.
226 ЦГАДА, Сиб. прик., ф. 214, оп. 5, д. 807, л. 2—9.
227 Там же, д. 2361, л. 62—87.

две деньги; с малых кабал с рубля и с полтины по 4 деньги; с поручных и покрутных записей по 2 гривны; с челобитных «по делу смотря»; с челобитных ясачных людей по гривне; с таможенных росписей промышленных и торговых людей с 40 соболей по алтыну, с 50 руб. по алтыну. Площадным подьячим вменялось в обязанность «писать всякие письменные крепости» только на площади, на отведенном месте. Им нельзя было, как говорилось в наказах, «воровством воровать, пить и бражничать, зернью и карты играть» [228]. Как видно из имеющихся документов, площадное письмо на откуп сдавалось и в 30-х годах XVIII в. [229]

Среди горожан были, видимо, и отдельные книголюбы — люди, по-своему образованные. В 1671 г., например, служилый Ларион Марков сын Мартемьянов заложил у посадского человека Ивана Максимова «печатную книгу грамматику», цена которой «три рубли». Посадский человек, поскольку собственник долго не выкупал, книгу «переложил торговому человеку Стефану Володимерову». По этому вопросу возникло целое дело, которым занимались в воеводской канцелярии [230].

В связи с петровскими реформами в Якутске начинают появляться школы. Здесь в начале 30-х годов XVIII в. были открыты цифирная и гарнизонная школы. В последней грамоте, счету и ремеслу обучались дети казаков, военнослужащих и отставных солдат от 7 до 15 лет. В 1735 г. по предписанию иркутского епископа Иннокентия II, заинтересованного в подготовке миссионеров из детей местного духовенства и новокрещенных якутов, была открыта низшая духовная школа при Спасском монастыре. В школе обучались русские и якутские мальчики в возрасте 7—15 лет. Она просуществовала до 1747 г. В 1741—1793 гг. (с перерывом с 1744 до 1766 г.) в городе функционировала навигацкая школа. Появление ее первоначально диктовалось потребностями научных экспедиций и торгового мореплавания на Тихом океане. В нее принимались без сословного ограничения дети казаков, мещан, а также якутские дети. Они изучали грамоту, «цифирные науки» (арифметику, геометрию и тригонометрию), предметы по морскому делу и навигации (геодезию, астрономию и др.). В 60-х годах в городе параллельно с гарнизонной школой функционировала словесная школа, готовившая из детей чиновников и купцов грамотных чиновников. В 80-х годах в городе было открыто малое народное училище с двухгодичным курсом обучения, действовавшее до второй половины XIX в., в 1808 г.— первое уездное миссионерское училище, дававшее начальное образование. В училище принимались и дети яку-

---

[228] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, стб. 8, л. 33—34; Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 15, стб. 8, л. 39—42; карт. 29, стб. 16, л. 356—358; карт. 34, стб. 40, л. 7—13.
[229] *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области, с. 104, 112, 140.
[230] Архив ЛОИИ, ф. 160, карт. 31, стб. 20, л. 39—43.

тов. С 1826 г. работала казачья школа, в 60-х годах слившаяся с учебными заведениями Министерства народного просвещения [231].

В результате появления школ число грамотных увеличилось уже в XVIII в. В 1764 г., например, среди служилых был 31 человек из детей боярских, и все они были грамотными [232]. На рынке появлялись книги, причем они ценились дорого, что говорит о наличии потребности в книжных занятиях. В 1783 г. на рынке пуд ржаной муки стоил 25 коп., пшеничной — 60 коп.; лисица красная продавалась по 2 р. 50 коп., сиводушка – по 5 руб. А вот Псалтырь в переплете стоила 5 р. 50 к.[233]

В Якутске в разное время проживали политические ссыльные: участники восстания С. Разина, стрельцы различных городов, раскольники-старообрядцы, украинские «изменники» и разные «великоважные преступники» [234].

В 1826—1831 гг. якутскую ссылку отбывали 10 декабристов. Из них в Якутске жили А. Бестужев-Марлинский (декабрь 1827—июнь 1829 г.), З. Чернышев (июнь 1828 — февраль 1829 г.) и С. Краснокутский (декабрь 1826 — июнь 1827 г.). Если пребывание двух последних в Якутстке не оставило следов, то пребывание первого явилось выдающимся событием в истории этого города.

Живя в «царстве хлада», А. Бестужев-Марлинский время проводил в разнообразных занятиях: выращивал цветы и огурцы, давал уроки детям местных жителей, занимался самообразованием — изучал языки, историю, словесность, эстетику и даже агрономию, физиологию и медицину. Но больше всего времени уделял он изучению местного края — его экономики, состояния рынка, путей сообщения, быта, нравов, обычаев, культуры и языка коренных жителей. Сведения по этим вопросам добывал от горожан, зверопромышленников и купцов, торговавших с населением побережий Ледовитого и Тихого океанов, а также от подгородних якутов, в улусы которых он время от времени совершал поездки.

В итоге А. Бестужев-Марлинский накопил значительный и интересный с научной точки зрения материал, почти целиком дошедший до нас в его литературных работах о Якутии, в письмах к родным, в рассказах и стихотворениях.

---

[231] *Афанасьев В. Ф.* Школа и развитие педагогической мысли в Якутии, с. 105—121; *Чемезов В. Н.* Первые школы в Якутии.— Доклады на пятой и шестой научных сессиях Якутского филиала АН СССР. История и филология. Якутск, 1954, с. 37—43; *Евсеев С. Ф.* Развитие народного образования и помощь русского народа.— В кн.: Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск, 1955, с. 172—176; *Копылов А. Н.* Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв., с. 63, 70.

[232] ЦГА ЯАССР, ф. 5, оп. 5, д. 15, л. 26—30.

[233] *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области, с. 266.

[234] Подробно см.: *Сафронов Ф. Г.* Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967.

В многочисленных письмах А. Бестужева-Марлинского к родным дано яркое описание не только его жизни в Якутске, но и нравов, обычаев, быта и культуры местного русского и якутского населения. В них содержится подробное описание Якутска. Среди произведений А. Бестужева-Марлинского, посвященных Якутии, по богатству материала первое место занимают «Рассказы о Сибири», написанные им на Кавказе. В них с большим талантом и поразительным знанием описаны два торговых маршрута: Якутск — Колыма и Якутск — Охотск. Все это дополнено красочным описанием северного сияния, езды на собаках и охоты на диких оленей. Важные сведения для изучения местного края содержатся в «Письме к доктору Эрману», также написанном на Кавказе. Письмо обширное. В нем много подробностей о жизни и деятельности самого А. Бестужева-Марлинского в Якутске. Город Якутск представлен рядом деталей, иной раз очень любопытных. В письмах воспеты девственная красота северной природы, «не забрызганной чернилами», гольцы Алданского хребта, прозаический берег Охотского моря, величавая Лена. «Вы ничего не видели, не видев Лены весною: это прелесть! За каждой излучиной новая картина, новое очарование»,— писал А. Бестужев-Марлинский. В начальную пору проживания на Кавказе он написал интересную с этнографической точки зрения статью «Сибирские нравы. Ысыах». Ысыах этот по его просьбе якуты устроили «по старинке, со всеми прежними обрядами». Ссыльный поэт живым языком описал весь ход празднества с его шаманскими обрядами, «умилостивительными» возлияниями, угощениями, плясками и «атлетическими» соревнованиями.

Лучшим поэтическим произведением А. Бестужева-Марлинского, написанным в Якутске, является баллада «Саатыыр» («Игривая»). Она является переработкой якутской сказки о неверной жене. В ней на фоне занимательного фантастического сюжета нарисованы реалистические картины прошлой жизни якутов, обряда погребения, поминального пира, на который собрались «и девы и жены, и стар и млад». А. Бестужев-Марлинский в Якутске написал еще ряд стихотворений. Некоторые из них являются результатом увлечения красотами северной природы. Имеются стихи, посвященные новым знакомым. Есть и любовная лирика.

А. Бестужев-Марлинский по праву занимает место в ряду первых исследователей Якутии и в то же время является одним из первых русских писателей, введших в русскую литературу тему о Якутии, мало кому известной в то время [235].

Бóльшую часть жизни в Якутске провел зачинатель якутской литературы А. Я. Уваровский (1800—1862) — русский уроженец края, сын жиганского исправника. В 1814—1830 гг. он работал в областном управлении подканцеляристом, секрета-

[235] *Сафронов Ф. Г.* Декабристы в якутской ссылке, с. 8—12, 21—36, 49—77.

рем, столоначальником и чиновником особых поручений. Обвиненный в недозволенных связях с «инородцами», в 1830—1839 гг. находился под следствием. Затем выехал в Петербург, где прожил 12 лет (1839—1851). Живя там, Уваровский написал первые произведения на якутском языке — «Воспоминания» и олонгхо «Многострадальный Эр Соготох», которые были изданы в 1848 г. в Петербурге академиком А. Ф. Миддендорфом на якутском и немецком языках вместе с работой О. Н. Бетлингка «О языке якутов».

В «Воспоминаниях», представляющих собой несомненную художественную ценность, раскрываются многие стороны жизни якутского общества первой половины XIX в. В них дано всестороннее описание быта, нравов и обычаев якутов. Хорошо показаны скотоводческое хозяйство, полукочевой быт и охота. Реалистично описаны верования, свадебные обряды якутов, их празднества. Богатый этнографический материал «Воспоминаний» имеет большое научное значение, и ученые давно обратили на него внимание. А. Я. Уваровский был не только первым представителем прозаической литературы якутов, но и незаурядным народным певцом и импровизатором. Его олонгхо принадлежит к числу интереснейших произведений эпической литературы якутов. В борьбе одинокого и многострадального богатыря со злыми силами мира, в торжестве его идей воплощены лучшие идеалы якутского народа, мечтавшего о жизни, свободной от оков эксплуатации. Олонгхо А. Я. Уваровского, этого хранителя веками накопившейся народной мудрости, имеет большое научно-познавательное значение. В нем нет тех позднейших наслоений, которые характерны для современных олонгхо.

Особо следует отметить тот замечательный факт, что А. Я. Уваровский, живя в Петербурге, дружил с академиком О. Н. Бетлингком и принимал непосредственное участие в его работе над составлением первой и широко известной грамматики якутского языка. Он являлся единственным консультантом академика, знаменитый труд которого не потерял своего значения и в наши дни [236].

Якутск сыграл большую роль в научном изучении северо-востока Азии. Еще в XVII в. служилые и промышленные люди города сделали первые чертежи рек, дали описания водных и наземных путей, различных народностей, их занятий, обычаев и культуры, открывали месторождения железа, искали лекарственные травы и т. д. С начала XVIII в. Якутск становится базой многочисленных правительственных и академических экспедиций, внесших огромный вклад в отечественную и мировую науку в области истории, этнографии, картографии, географии, ботаники и т. д.

---

[236] *Сафронов Ф. Г* Город Якутск в XVII — начале XIX века, с. 68—70.

В 1736—1737 гг. в Якутске жили и работали сотрудники академического отряда Великой северной экспедиции историк Г. Ф. Миллер, этнограф С. П. Крашенинников, естествоиспытатель И. Г. Гмелин. Г. Ф. Миллер и С. П. Крашенинников производили вместе с другими сотрудниками выписки из исторических документов в архиве, занимались историко-географическим описанием страны, собирали известия об обычаях, верованиях и языке якутов, тунгусов, юкагиров, сведения о природных богатствах края и т. д. И. Г. Гмелин собирал материалы по растительному миру. В 1741—1745 гг. в Якутии и Якутске жил и другой сотрудник северной экспедиции — историк И. Э. Фишер, собиравший сведения об образе жизни, верованиях и обычаях якутов и тунгусов. В 1744—1745 гг. в Якутске работал адъюнкт Академии наук естествоиспытатель Г. В. Стеллер. В 1741—1745 гг. в Якутске и в Якутии побывал переводчик академии Я. И. Линденау, оставивший богатый этнографический материал о якутах, тунгусах, коряках. В итоге работы этих деятелей науки в 1730—1750 гг. вышли на русском и иностранном языках крупные труды по истории, этнографии, естественным богатствам Сибири, в которых Якутия заняла выдающееся место: «История Сибири» Г. Ф. Миллера, «Сибирская история» И. Э. Фишера, «Флора Сибири» И. Г. Гмелина и многие другие.

В 1768—1769 гг. в Якутске производили астрономические наблюдения и собирали естественно-исторические известия о Якутии астроном И. Исленьев и геодезист Ф. Черный. Для наблюдения прохождения Венеры через диск солнца здесь была построена обсерватория, переданная ими при отъезде воеводской канцелярии.

В заключение отметим, что приезжие в XVIII—XIX вв. непременно поражались сильному влиянию якутской культуры на жителей города. Многие даже своих детей с рождения отдавали кормилицам-якуткам, нередко в улусы; последние ухаживали за ними 2—3 года и более «по своему разумению» и потом возвращали родителям детей, уже объякученных. Дамы знатных особ часто щеголяли в якутских нарядах. В домашней обстановке верхов общества, не говоря уже о рядовых горожанах, печать якутского влияния чувствовалась во всем, начиная с утвари и кончая убранством комнат. Горожане увлекались якутскими празднествами и летом выезжали в окрестные наслеги и улусы для участия в игрищах, устраиваемых во время ысыахов. Основным языком их общения был якутский. По свидетельству Ф. П. Врангеля, «даже в несколько высшем кругу общества» якутский язык играл почти столь же важную роль, какую играл тогда французский язык в высшем обществе Петербурга и Москвы. «Это обстоятельство,— писал он,— крайне поразило меня на одном блестящем праздничном обеде, который давал богатейший из здешних торговцев мехами в именины своей жены. Общество состояло из областного начальника, почтеннейшего духовенства,

чиновников и некоторого числа купцов, но большая часть разговоров была так испещрена фразами из якутского языка, что я, по незнанию его, принимал в беседе весьма слабое участие» [237]. Об этом писал и Н. Щукин: якутский язык «господствует здесь между всеми классами, как у нас в столицах французский. Нет ни одного жителя, который бы не знал по-якутски. Да и неудивительно: в доме нянька якутка, кухарка якутка, работник, кучер — все якуты... Здешний житель, от обращения с ними, нечувствительно перенимает все их обычаи и лучше говорит на якутском языке, нежели на отечественном» [238].

---

[237] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, с. 109—110.
[238] *Щукин Н.* Поездка в Якутск, с. 228, 233, 235.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы познакомились с историей отдаленного уголка нашей родины с первой половины XVII до середины XIX в. И всюду в центре нашего повествования стоял русский человек, его трудовая деятельность и будни. Он открывает неведомые земли, реки, моря и океаны; вступает в контакты с «незнаемыми» народами, разными путями включает их в состав своей земли, расширяя тем самым пределы своего государства и увеличивая его мощь и силу; наводит порядок, соответствующий духу своего времени; одновременно он выступает как рачительный хозяин, заводит пашни и огороды, на которых выращивает хлеб и овощи, продвигая границы земледелия на далекий и студеный северо-восток; строит острожки, остроги и города, сея семена цивилизации; прокладывает тракты; организует торги и ярмарки, оживляя экономическую жизнь края.

Словом, он открывает страницы новой истории северо-востока Азии и завоевывает право считаться важнейшей ее фигурой. Завоевывает своим трудом, своей деятельностью. Но поскольку все это происходило в условиях господства царского самодержавия, феодального строя, постольку эта деятельность имела свои внутренние противоречия — отрицательные и положительные стороны. И борьба между ними объективно составляла внутреннее содержание процесса социально-экономического, идейно-политического и культурно-нравственного развития народов северо-востока Азии. Иначе не могло и быть. Ведь русский человек здесь был представлен выходцами из самых различных слоев общества. Тут были представители не только эксплуатируемых низов общества — всякого рода гулящие и работные люди, крестьяне, прогрессивная интеллигенция в лице политических ссыльных, но и эксплуататорских верхов общества — чиновники царского правительства, дворяне и представители торгово-ростовщических кругов. И борьба между этими диаметрально противоположными силами общества, борьба скрытая и открытая, проходила красной нитью через всю историю северо-востока Азии.

Задача советского историка состоит не в смазывании этой борьбы, т. е. не в игнорировании классового подхода к явле-

ниям прошлого, а в раскрытии этой борьбы, этих противоположных тенденций и их смысла.

Вот та методологическая основа, которой мы руководствовались при написании своего труда. В нем большое внимание уделено прогрессивным изменениям в социально-экономической и культурной жизни северо-востока Азии в связи с его присоединением к России. В то же время мы не смогли обойти молчанием и теневые стороны, имевшие место в истории этого края и проявившиеся главным образом в антинародных действиях верхов местной администрации, их сателлитов и представителей торгово-ростовщического капитала.

Включение северо-востока Азии в состав России несомненно явилось поворотным моментом в истории населявших его народов. В перспективе оно имело огромное прогрессивное значение. Была ликвидирована существовавшая много веков географическая изолированность народов северо-востока Азии, обрекавшая их на отсталость и прозябание. Эти народы вошли в состав несравненно более развитой в социальном и культурном отношении страны. Среди враждовавших между собой племенных и родовых объединений возник государственный правопорядок — новый прогрессивный фактор, оказавший впоследствии многостороннее влияние на быт, хозяйство и культуру отсталых этнических образований. Места их обитания были включены в систему общегосударственного районирования, возник известный порядок, появились новые населенные пункты, часть которых позже превратилась в города. Постепенно на северо-востоке Азии слагалось постоянное русское население, общение с которым местного населения подготавливало почву для их будущего плодотворного сотрудничества.

Словом, началась новая эпоха развития в жизни народов северо-востока Азии, в которой со временем большое значение приобрела деятельность трудового русского народа, его производственные навыки, его культура.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРЕЧЕНЬ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Центральный государственный архив древних актов в Москве:
- ф. 214 — Сибирский приказ
- ф. 24 — Сибирский приказ и Управление Сибирью
- ф. 199 — Портфели Миллера
- ф. 1177 — Якутская приказная изба
- ф. 607 — Якутская воеводская канцелярия
- ф. 375 — Исторические сочинения
- ф. 1095 — Канцелярия командира Анадырской крепости
- ф. 1096 — Канцелярия командира Гижигинской крепости

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ныне ЦГИА СССР):
- ф. 1264 — Первый Сибирский комитет
- ф. 1265 — Второй Сибирский комитет
- ф. 398 — Департамент земледелия

Архив Академии наук СССР в Ленинграде:
- ф. 3 — Канцелярия АН и Комиссия АН
- ф. 142 — Музей антропологии и этнографии
- ф. 21 — Г. Ф. Миллер
- ф. 37 — И. И. Редовский
- ф. 161 — Л. Г. Левенталь
- ф. 253 — И. И. Майнов

Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР:
- ф. 160 — Якутская воеводская изба

Ленинградская Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина: рукописный отдел, ф. Эрмитажного собрания, архив Элпидова, собрание карт и планов

Центральный гос. архив РСФСР по Дальнему Востоку (Томск):
- ф. 1007 — Камчатское приморское управление
- ф. 1016 — Охотское приморское управление
- ф. 1059 — Канцелярия начальника Охотского порта
- ф. 1063 — Охотское земское управление
- ф. 1073 — Охотская торговая полиция
- ф. 1075 — Канцелярия Гижигинской крепости
- ф. 1076 — Гижигинское земское управление
- ф. 1077 — Гижигинский городничий
- ф. 1506 — Охотский нижний земский суд

Государственный архив Иркутской области:
- ф. 2 — Усть-Киренская воеводская канцелярия
- ф. 7 — Киренский уездный суд
- ф. 9 — Киренский земский суд
- ф. 75 — Илимская воеводская канцелярия
- ф. 455 — Киренское уездное полицейское управление

Центральный государственный архив Якутской АССР:
- ф. 1 — Якутская воеводская канцелярия
- ф. 2 — Якутская провинциальная канцелярия

ф. 4 — Якутский комендант
ф. 5 — Алданская воеводская канцелярия
ф. 6 — Олекминский частный комиссар
ф. 7 — Верхне-Вилюйский комиссар
ф. 8 — Зашиверский частный комиссар
ф. 9. — Жиганский комиссар
ф. 10 — Среднеколымский частный комиссар
ф. 11 — Нижнеколымский командир
ф. 12 — Якутское областное правление
ф. 19 — Олекминское окружное управление
ф. 20 — Олекминское окружное полицейское управление
ф. 22 — Вилюйское окружное полицейское управление
ф. 136 — Староста крестьян Иркутского тракта
ф. 137 — Староста крестьян Аянского тракта
ф. 167 — Якутский городничий
ф. 180 — Якутский окружной земский суд
ф. 181 — Якутский уездный суд
ф. 184 — Зашиверский уездный суд
ф. 185 — Аленский уездный суд
ф. 187 — Олекминский уездный суд
ф. 191 — Олекминский нижний земский суд
ф. 228 — Градоякутский Спасский мужской монастырь
ф. 349 — Алданское казначейство

Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР:
ф. 4 — Деятели литературы и истории Якутии
ф. 5 — Институт языка, литературы и истории

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, т. 1—5. СПб., 1841—1843.

Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М., 1964.

Бакай Н. Историко-этнографические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII в.— ИВСОРГО, 1895, т. XXV, № 4—5.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 1—12. СПб., 1846—1875.

Записки гидрографического департамента Морского ведомства (СПб.), 1851, ч. IX.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов. Л., 1953.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник архивных документов. Л., 1936.

Памятники сибирской истории XVIII века. Книга первая. СПб., 1882; книга вторая. СПб., 1885.

Памятные книжки Иркутской губернии за 1863 (Иркутск, 1863), 1865 (Иркутск, 1865), 1901 (Иркутск, 1901), 1903 (Иркутск, 1903), 1910 (Иркутск, 1910) годы.

Памятные книжки Якутской области за 1863 (СПб., 1864), 1869 (СПб., 1869), 1871 (СПб., 1871), 1891 (Якутск, 1891), 1902 (Якутск, 1902) годы.

Полное собрание законов Российской империи. Собрания первое и второе.

Прутченко С. П. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления Русского государства. Приложения. СПб., 1899.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. II. СПб., 1875.

Сафронов Ф. Г. Материалы о возникновении земледелия среди якутов.— Исторический архив, т. V. М., 1950.

Сафронов Ф. Г. Материалы по земледелию олекминских якутов в начале XIX в.— В кн.: Материалы по истории СССР, V. М., 1957.

Сибирские города. Материалы для истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. IV. М., 1828.
Соколов М. П. Якутия по переписи 1917 года. Иркутск, 1925.
Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области с 1650 до 1800 года. Якутск, 1916.
Струве Б. Г. Письмо Н. Н. Муравьева-Амурского.— Русский вестник (М.), 1888, т. 99.
Труды императорского Вольного экономического общества (СПб.), 1848, № 6.

ЛИТЕРАТУРА [1]

Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964.
Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.
Андреев А. И. Изучение Якутии в XVIII веке.— Ученые записки Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР (Якутск), 1956, вып. IV.
Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966.
Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.— Научные труды. III, ч. 1. М., 1955.
Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до первой половины XIX в.— В кн.: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. 2. Пг., 1922.
Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии.— Научные труды, III, ч. 2. М., 1955.
Бахрушин С. В. Якутский гарнизон.— Там же.
Бацевич С. Л. Два года в местечке Гижига Камчатской области.— Известия общества горных инженеров (СПб.), 1913, № 3.
Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М., 1956.
Башарин Г. П. Земельные отношения в Якутии в конце XVIII — первой трети XIX в.— Исторические записки (М.), 1950, т. 35.
Беляев А. П. Воспоминания Матвея Ивановича Муравьева-Апостола.— Русская старина, 1886, сентябрь.
Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742). М.— Л., 1946.
Бестужев А. Жизнеописание Войнаровского. Предисловие к поэме К. Рылеева «Войнаровский».— В кн.: Рылеев К. Ф. Войнаровский. Поэма. СПб., 1906.
Богораз В. Г. Русские на реке Колыме.— Жизнь (СПб.), 1899, т. VI.
Богородский. Медико-топографическое описание Гижигинского округа.— ЖМВД, 1853, ч. 2, отд. III.
Булычев И. Об опытах земледелия на Камчатке.— Вестник ИРГО, 1853, кн. 4, ч. 8.
Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1. СПб., 1856.
Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
Бычков А. К вопросу о земледелии в Якутской области.— ИВСОРГО, 1902, т. XXX, № 1.
Вахтин В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга. СПб., 1890.
Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.— Л., 1965.

[1] Указаны только работы, на которые сделаны ссылки.

Вилков О. Н. К вопросу об унификации мер сыпучих тел Сибири XVII в.— Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук, вып. 2. Новосибирск, 1963.
Вилков А. Н. Унификация мер сыпучих тел Сибири (1686—1687).— В кн.: Сибирь периода феодализма, вып. 2. Новосибирск, 1965.
Войт В. Камчатка и ее обитатели. СПб., 1855.
Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948.
Гагемейстер Ю. А. Хозяйственно-статистический обзор Камчатки.— ЖМВД, 1853, ч. 42.
Гартвиг. Природа и человек на Крайнем Севере. М., 1866.
Голенищев Г. Меры к распространению земледелия на Камчатке.— ЖМВД. 1832, ч. 6, № 1.
Голенищев Г. О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах.— ЖМВД, 1833, ч. X, № 12.
Головнин В. М. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861.
Гончаров И. А. Фрегат «Паллада», М., 1951.
Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965.
Гурвич И. С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в.— В кн.: Сибирский этнографический сборник, V. М., 1963.
Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
Давыдов Д. А. О начале и развитии хлебопашества в Якутской области.— Записки Сибирского отдела ИРГО (СПб.), 1858, кн. 5.
Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901.
Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
Евсеев С. Ф. Развитие народного образования и помощь русского народа.— В кн.: Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск, 1955.
Ефремов В. Культуртрегеры в Сибири (из якутских архивов).— Восточное обозрение, 27 окт., 12 и 27 ноября, 18 декабря 1902; 11 января и 11 февраля 1903 г.
Ефремов В. С. Вилюйские крестьяне. Странички из истории колонизации Сибири.— В кн.: Сибирский вестник. Иркутск, 1904.
Забела Я. Замечания о земледелии в Камчатке.— Московский телеграф, 1832, № 9.
Залив Аян [из записок капитан-лейтенанта Завойко и подпоручика Савина].— Записки гидрографического департамента Морского министерства (СПб.), 1846, ч. IV.
Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа.— Якутская окраина, 16 апр. 1914 г.
Иванов В. Н. Образование Якутского уезда.— В кн.: Якутский архив, вып. 2. Якутск, 1964.
Ионова О. В. Из истории якутского народа. Якутск, 1945.
Ионова О. В. Якутский куорат. Якутск, 1950 (на якутском языке).
Иохельсон В. К вопросу о развитии земледелия в Якутской области.— Памятная книжка Якутской области на 1896 г., вып. 1. Якутск, 1896.
И-ский. Возможно ли в Якутской области земледелие как постоянный промысел? — Сибирь, 9 авг., 13 и 27 сентября 1881 г.
История Украинской ССР, т. 1. Киев, 1953.
История Якутской АССР, т. II. М., 1957.
Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав городского населения Сибири в 40—80-х годах XVIII в.— В кн.: Сибирь периода феодализма, вып. 3. Новосибирск, 1968.
Кардашевский Г. Р. Первый город на Вилюе.— Полярная звезда (Якутск), 1970, № 3.
Кириллов И. Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 1, 2. М., 1831.

Комаров В. Л. О русском населении Камчатки.— Русский антропологический журнал (М.), 1912, № 2, 3.
Комаров В. Л. Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг.— Избранные сочинения, т. VI. М.— Л., 1950.
Кон Ф. Хатын-Арынское скопческое селение.— ИВСОРГО, 1896, т. XXVI, № 4-5.
Копылов А. Н. Енисейский земледельческий район в середине XVII века.— Труды Московского историко-архивного института, 1957, т. 10.
Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII веке. Новосибирск, 1965.
Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968.
Краткий исторический очерк Якутской области.— Памятная книжка Якутской области на 1891 год. Якутск, 1891.
Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949.
Кротов В. А. Земледелие в бассейне Колымы. М.— Иркутск, 1933.
Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925.
Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов.— В кн.: Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929.
Маак Р. Вилюйский округ Якутской области, ч. II, III. СПб., 1886.
Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.
Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1900.
Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели. Хабаровск, 1899.
Марков А. И. Русские на Восточном океане.— Москвитянин, 1849, № 8, кн. 2.
Марков А. И. Восточная Сибирь. Аян и новый путь от Аяна до Якутска.— Московские ведомости, 23 июня 1849 г.
Матюнин М. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка.— Памятная книжка Якутской области на 1871 год. СПб., 1871.
Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I. СПб., 1860.
Миницкий. Описание Якутской области.— ЖМВД, 1830, кн. VI.
Миницкий. Некоторые известия об Охотском порте и уезде оного.— Записки, издаваемые гос. адмиралтейским департаментом, 1815, ч. III.
Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников и исследователей (участие местного населения в географическом изучении северо-востока Сибири в XVII — начале XX в.). Якутск, 1966.
Ногин В. На полюсе холода. М.— Пг., 1923.
Оглоблин Н. Семен Дежнев (Новые данные и пересмотр старых).— ЖМНП, 1890, ч. 272.
Оглоблин Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного.— Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца (Киев), 1892, кн. VI.
Оглоблин Н. Н. Бунт и побег на Амур воровского полка М. Сорокина.— Живая старина, 1893, январь.
Окладников А. П. История Якутской АССР, т. 1. М.— Л., 1955.
Окунь С. Российско-Американская компания. М.— Л., 1939.
Описание Удского острога.— Московский телеграф, 1825, № 4.
Опись Удского берега и Шантарских островов поручика Козьмина.— Записки гидрографического департамента Морского ведомства (СПб.), 1898, ч. 4.
Ополовников А. В. На краю света.— История СССР, 1970, № 3.
Остолопов Н. О происхождении, вере и обрядах якутов.— Любитель словесности (СПб.), 1801, ч. 1, № 2.
Охотск (по запискам Г. Савина 1846 г.).— Записки гидрографического департамента Морского ведомства (СПб.), 1850, ч. IX.
Павлинов Д. М. Об имущественном праве якутов.— В кн.: Труды Комиссии по изучению Якутской АССР, т. 4, Л., 1929.
Полевой Б. П. Главные задачи Первой Камчатской экспедиции по замыслу

Петра I.— В кн.: Вопросы географии Камчатки, вып. II. Петропавловск-Камчатский, 1964.
Полевой Б. П. Находка челобитья первооткрывателей Колымы.— В кн.: Сибирь периода феодализма, вып. 2. Новосибирск, 1965.
Полевой Б. П. О происхождении названия «Камчатка».— Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
Полевой Б. П. Амур — слово московское.— В кн.: Амур — река подвигов. Хабаровск, 1971.
Полонский А. Охотск.— Отечественные записки, 1860, т. LXX, отд. VIII.
Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. М., 1962.
Попов Г. А. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924.
Попов Г. А. Декабристы в Колымске.— В кн.: Сборник трудов общества изучения Якутской АССР, вып. 1. Якутск, 1936.
Приклонский В. Л. Летопись Якутского края. Красноярск, 1896.
Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902.
Рафиенко Л. С. Управление Сибирью в 20—80-е годы XVIII в. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Новосибирск, 1968.
Рафиенко Л. С. Посадские сходы Сибири XVIII в.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974.
Романов Н. С. Ясак в Якутии в XVIII веке. Якутск, 1956.
Рябков П. Полярные страны Сибири.— В кн.: Сибирский сборник. СПб., 1897.
Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
Сафронов Ф. Г. Крестьянская пашня.— В кн.: Якутия в XVII веке. Якутск, 1953.
Сафронов Ф. Г. Попытки продвижения границы сибирского земледелия до берегов Тихого океана в XVIII в.— Известия ВГО (Л.), 1954, т. 86.
Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров — зачинатель земледелия на Лене.— Учен. зап. Якутского гос. педагогического ин-та, 1955, вып. 4.
Сафронов Ф. Г. Попытки земледельческого освоения Алдано-Майского района в XIX в.— Учен. зап. Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР (Якутск), 1955, вып. 2.
Сафронов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск, 1956.
Сафронов Ф. Г. Русское население Якутии в XVII в.; Русское население Якутии в XVIII и первой половине XIX в.— В кн.: История Якутской АССР, т. 2. М., 1957.
Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край. Якутск, 1958.
Сафронов Ф. Г. Техника земледелия ленско-илимских и ангарских крестьян в XVII в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, вып. 3. М., 1959.
Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961.
Сафронов Ф. Г. Землепользование ленских и илимских крестьян в XVII—XVIII вв.— В кн.: Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма, вып. 1. Новосибирск, 1962.
Сафронов Ф. Г. Из истории якутской ссылки первой половины XVIII века.— Учен. зап. Якутского гос. ун-та, 1963, вып. 14.
Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967.
Сафронов Ф. Г. «Наслег уонна улус» диэн терминнэр тустарынан (о терминах «наслег» и «улус»).— Хотугу сулус (Полярная звезда), 1970, № 3.
Свербеев Н. Сибирские письма.— Вестник ИРГО (СПб.), 1853, кн. 4, ч. 8.
Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы. СПб., 1869.
Сгибнев А. Охотский порт с 1649 по 1852 год (исторический очерк).— Морской сборник (СПб.), 1869, т. CV, № 11, 12.
Сельский И. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных сил (1645—1762).— Русское слово (СПб.), 1861, август.

Сергеев И. А. Оборона Петропавловска-на-Камчатке. М., 1954.
Серошевский В. Л. Якутский хлеб.— Русское богатство, 1894, № 12.
Сильницкий А. Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края с 1819 по 1840 год.— Записки Приамурского отдела ИРГО (Хабаровск), 1898, т. IV, вып. 1.
Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. 2. СПб., 1886.
Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VI. М., 1961; кн. VII. М., 1962.
Степанов А. Петропавловская оборона (1853—1856 годы). Хабаровск, 1940.
Струминский М. Я. Кустарный способ добычи руды и выплавка из нее железа якутами.— В кн.: Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948.
Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. М., 1940.
Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков. Якутск, 1945.
Устюгов Н. В. Рецензия на сб.: «Сибирь периода феодализма», вып. 2. Новосибирск, 1962.— Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук (Новосибирск), 1964, вып. 1.
Фишер И. Э. Сибирская история. СПб., 1774.
Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
Цинзерлинг Ю. Д. Северные пределы земледелия.— Труды по прикладной ботанике и селекции, 1925, т. 25.
Чемезов В. Н. Первые школы в Якутии.— Доклады на пятой и шестой научных сессиях Якутского филиала АН СССР. История и филология. Якутск, 1954.
Чернышевский Н. Г. Письма.— Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949.
Шаховский А. О начале построения Гижигинской крепости.— Вестник Европы, 1818, ч. CLII, № 21.
Шаховский А. Известия о Гижигинской крепости.— Северный архив, 1822, № 22.
Шаховский А. Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт.— Северный архив, 1823, ч. VII, № 13.
Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949; т. II. Иркутск, 1957.
Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.— Л., 1946.
Шунков В. И. Меры сыпучих тел в Сибири XVII в.— В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.
Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956.
Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883.
Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1844.
Щукин Н. Удское селение.— ЖМВД, 1848, ч. 22.
Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.
Якубцинер М. И. К истории культуры пшеницы в СССР.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. 2. М.— Л., 1956.
Якутия в XVII веке. Очерки. Якутск, 1953.
Collins P. Siberian journey down the Amur to the Pacific. 1856—1857. The University of Wisconsin Press. Madison, 1962.
Gibson J. R. Feeding the Russian fur trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka Peninsula. 1639—1856. Madison, Milwaukee and London, 1969.
Gmelin J. G. Reise durch Sibirien. Zweiter Theil. Göttingen, 1752.
Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific. 1641—1850. Gloucester, Mass, Peter Smith, 1960.
Hölzle E. Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der russischen Freiheitsidee.— Saeculum (München), 1954, Bd 5, Heft 4.
John Ledyard's journey through Russia and Siberia. 1787—1788.— In: The journal and selected letters. Madison — Milwaukee — London, 1966.
Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle. University of Washington Press, 1956.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААН СССР	Архив Академии наук СССР
АИ	Акты исторические
АЮДР	Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси
ВГО	Всесоюзное географическое общество
ВПСЗ	Полное собрание законов Российской империи (второе собрание)
ДАИ	Дополнения к актам историческим
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИВСОРГО	Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
ИГА	Иркутский гос. архив
ИРГО	Императорское русское географическое общество
КПМГЯ	Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории
ЛПБ	Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина
ППСЗ	Полное собрание законов Российской империи (первое собрание)
РИБ	Русская историческая библиотека
СОРГО	Сибирское отделение Русского географического общества
ЦГАДА	Центральный гос. архив древних актов (Москва)
ЦГА РСФСР ДВ	Центральный гос. архив РСФСР по Дальнему Востоку (Томск)
ЦГА ЯАССР	Центральный гос. архив Якутской АССР
ЦГИАЛ	Центральный гос. исторический архив (Ленинград)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава четвертая

ГОРОДА И ИХ НАСЕЛЕНИЕ